

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

VI

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая книга по своему предназначению, структуре и типу коллективных научных исследований теснейшим образом примыкает к предшествующим ей пяти выпускам «Некрасовских сборников», изданных Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1951—1973 гг. Не претендуя на подведение итогов в области некрасоведения за последнее пятилетие, участники сборника сосредоточили свои усилия на исследовании ряда неразработанных вопросов биографии и творчества великого народного поэта.

Во всех ранее вышедших книгах настоящего серийного издания вопросам некрасовской текстологии отводилось почетное место. Находившееся под тяжким цензурным гнетом творчество поэта, как правило, доходило до читателя в усеченном и изуродованном виде. Освобождение текстов поэта от не зависевших от его воли искажений, установление в необходимых случаях расхождений между авторским замыслом и продиктованной внешними причинами реализацией последнего всегда являлось важной задачей науки о Некрасове. В настоящее время, когда Пушкинским Домом готовится издание «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова, разработка спорных и нерешенных вопросов некрасовской текстологии приобретает первостепенное значение. Именно их рассмотрению прежде всего и посвящается настоящий сборник.

Подавляющее большинство статей книги написано непосредственными участниками осуществляемого Институтом академического собрания сочинений и писем Некрасова. Опираясь на тщательное исследование рукописей поэта и многих других источников, авторы приходят порою к новым выводам, не всегда, впрочем, окончательным. Дискуссионный характер иных решений не отменяет, однако, их позитивного смысла: они возбуждают исследовательскую мысль, приближая ее к обретению истины.

Цитаты из сочинений и писем поэта приводятся по изданию: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. I—XII. М., ГИХЛ, 1948—1953; при ссылках на это издание в тексте указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра). Цитирование по другим изданиям сочинений Некрасова в каждом случае оговаривается особо.

Редакторы

В. П. ВИЛЬЧИНСКИЙ, **Ф. Я. ПРИЙМА**

І. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА И БИОГРАФИИ НЕКРАСОВА

Ф. Я. Прийма

НАРОДНОСТЬ ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА

Проблема народности — одна из вечных проблем в истории литературы. Нужды и чаяния народных масс, их мирозерцание и эстетические идеалы в той или иной степени, в тех или иных формах, как открыто выраженные, так и подспудные, во все времена находили отражение не только в фольклоре, но и в литературе. Однако далеко не всегда и не везде проблема народности становилась предметом широкого публичного обсуждения. Так, в истории русского литературного движения оживленные толки о народности начинаются лишь в 20-е годы прошлого века.

«С некоторых пор, — писал Пушкин в 1826 г., — вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, — но никто не думал определить, что разумеет он под словом „народность“».¹

Пушкин понимал под народностью всю сумму качеств, которые отличают один народ от другого, определяют его самобытность и его национальный характер. «Климат, — писал поэт, — образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».²

В сознании людей начала XIX в. понятия «народный», «народность» нередко отождествлялись с понятиями «национальный», «национальность», поскольку носительницей и хранительницей национальных начал в ту пору являлась главным образом народная среда. Подобного рода смешение понятий допускал и Пушкин. Так, в статье его «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» читаем: «От переводчиков стали требовать более верности, а менее щекотливости и усердия к публике, пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде».³ Здесь, как и в ряде других пушкинских критических статей, слово «народный» равнозначно слову «национальный».

Понятие народности литературы ассоциировалось у Пушкина прежде всего с представлениями о ее национальной самобытности. Согласно его взглядам, достоверное изображение типов, представляющих тот или иной народ, невозможно без воспроизведения их «чувствований», их национального психического склада. Приблизительно такого же взгляда при-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XI. [М.—Л.], Изд. АН СССР, 1949, с. 40.

² Там же.

³ Там же, т. XII, с. 62.

держивался и Н. В. Гоголь. «Истинная национальность, — заявлял он, — состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа».⁴

Тенденцию к отождествлению народности с национальной самобытностью проявлял также и Белинский, особенно в начальном периоде своей деятельности. «В чем же состоит эта самобытность каждого народа? — спрашивал он и отвечал: — В особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взглядах на предметы, в религии, языке и более всего в обычаях. Все эти обстоятельства чрезвычайно важны, тесно соединены между собою и условливают друг друга, и все проистекают из одного общего источника — причины всех причин — климата и местности».⁵ Подлинная народность, по мнению Белинского, состоит «не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в слюбе ума русского, в русском образе взгляда на вещи» (Б., I, 50).

Анализируя самобытное творчество Крылова, критик утверждал, что «литература непременно должна быть народною, если хочет быть прочною и вечною», и в связи с этим осуждал тех сочинителей, «которые думают, что только рабским подражанием иностранцам можно обратить на себя их внимание» (Б., I, 61).

Нелишне будет отметить, что приведенные выше суждения Белинского были высказаны в его «Литературных мечтаниях» (1834), т. е. еще до того, как с насмешкою отозвался о «сарафанной народности» Гоголь (1835), и задолго до того, как были опубликованы впервые пушкинские суждения о народности литературы (1855).

Выступая убежденным сторонником народности, как основополагающего принципа литературы, Белинский в тех же «Литературных мечтаниях» упрекал Пушкина в смешении «народности» с «простонародностью». Крылов, по мнению критика, «был народен бессознательно <...> без всякого труда и усилия»; Пушкин же, когда он «пустился писать русские сказки», стал якобы на ложный путь: «странно видеть, как этот необыкновенный человек, которому ничего не стоило быть народным, когда он не старался быть народным, теперь так мало народен, когда решительно хочет быть народным...» (Б., I, 91).

Чем же следует объяснить как эту, так и более поздние безусловно ошибочные оценки пушкинских сказок Белинским? Популярность литературной сказки, даже в лучших ее образцах, на взгляд критика, не могла не способствовать наводнению книжного рынка казенно-патриотическими, псевдонародными лубочными сочинениями, утверждавшими принципы официальной народности («православие, самодержавие и народность»), провозглашенные министром народного просвещения С. С. Уваровым.

Сложившийся у Белинского в 30-е годы взгляд на соотношение национальных и народных начал в литературе с течением времени подвергся пересмотру. Если еще в 1841 г. критик утверждал, что «герой искусства и литературы есть человек, а не барин и тем более не мужик» (Б., V, 303), то приблизительно с 1845 г. он стал придерживаться взгляда, что основным героем литературы является «толпа», среди которой «мужику» отводилось весьма почетное место (ср.: Б., IX, 388 и X, 299—300). «Природа, — заявил критик в 1847 г., — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек? <...> А потом — вы говорите, что образованный человек выше необразованного. С этим нельзя не согласиться

⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VIII. [Л.], 1952, с. 51.

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 35. Далее все ссылки на это издание (т. I—XIII, 1953—1959) даются в тексте сокращенно: Б., том (римская цифра), страница (арабская цифра).

с вами, но не безусловно. Конечно, самый пустой светский человек несравненно выше мужика, но в каком отношении? Только в светском образовании, а это нисколько не помешает иному мужику быть выше его, например, со стороны ума, чувства, характера. Образование только развивает нравственные силы человека, но не дает их; дает их человеку природа. И в этой раздаче драгоценнейших даров своих она действует слепо, не разбирая сословий» (Б., X, 300—301).

По определению В. И. Ленина, Белинский «еще при крепостном праве» выступил «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении». ⁶ Можно полагать, что повышенное внимание критика к «мужику», возникшее во второй половине 1840-х годов, было обусловлено рядом объективных обстоятельств: заметным снижением роли передового дворянства в культурном развитии русского общества, подъемом революционного движения в западноевропейских странах и нарастанием антикрепостнических настроений в России; все это позволило Белинскому увидеть в народных массах главную движущую силу истории.

В последние годы жизни Белинский внес существенную поправку в понимание самой проблемы народности в литературе. Если раньше народность ассоциировалась у него прежде всего с понятием национального своеобразия, то теперь она связывается в его сознании с «социальностью» (Б., XII, 69), с защитой народных прав и интересов, с активным вмешательством литературы в общественно-политическую злобу дня. Правда, даже умирая, Белинский не забывал предупреждать молодых сторонников «натуральной школы» о том, что «невозможно безнаказанно нарушать законы искусства» (Б., X, 303), однако главное предназначение литературы он видел теперь в дискредитации самодержавно-крепостнического строя. В письме его к Гоголю, посланном из Зальцбрунна, равно как и в подцензурных статьях критика 1846—1848 гг., были заложены основы революционно-демократической интерпретации проблемы народности в литературе.

Столь затянувшийся экскурс, посвященный характеристике некоторых существенных сторон эстетики Белинского, оправдан здесь тем, что он самым непосредственным образом связан с темой, объявленной в названии нашей статьи.

Творческое преломление толков о народности в литературе можно увидеть уже в некрасовском сборничке «Мечты и звуки», изданном в 1840 г.:

Темно в хате, душно в хате;
Пляшут ложки на столе.
Скачет ведьма на ухвате,
Едет черт на помеле.

(I, 258)

Эти ученические стихи отзывались явным подражанием эпигонам романтической школы, с чрезмерным усердием поднимавшей на щит народную демонологию.

В «Сказке о том, как царь Елисей хотел женить сына на Луне», написанной вскоре после выхода в свет помянутого злополучного сборничка, сурово раскритикованного Белинским, Некрасов выступил как знаток русской литературной сказки, превосходно имитирующий ее лукавый юмор, ее язык и стиль.

Печатью более сложного типа народности был отмечен ряд некрасовских стихотворений 1841—1843 гг., написанных в форме «говорного»

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

стиха («Провинциальный подъячий в Петербурге», «Говорун» и др.). В этот же период Некрасов создает ряд водевилей («Феоклист Онуфрий Боб», «Актер» и др.), пользовавшихся успехом у публики и сблизивших его с широкими кругами петербургской театрально-литературной разнотинной интеллигенции. В 1842 г. Некрасов знакомится с Белинским; они собираются совместными усилиями «смастерить популярную мифологию» (Б., XII, 154). Некрасовские рецензии, предназначенные для «Отечественных записок», встречают восторженную оценку критика. Вместе с тем на протяжении четырех лет, с 1841 по 1844 г., Белинский не дал ни одного положительного отзыва о появлявшихся в печати стихотворных произведениях поэта. Правда, стихотворение Некрасова «Чиновник», написанное в 1844 г. и тогда же ставшее известным критику, будет отнесено им вскоре (1845) к числу «особенно замечательных» (Б., X, 391).

Восторженную оценку «неистового Виссариона» получило некрасовское стихотворение «В дороге», написанное в 1845 г. Когда автор прочитал его в рукописи Белинскому, великий критик обнял его и сказал «чуть не со слезами в глазах»: «Да знаете ли вы, что вы поэт, и поэт истинный?»⁷

На протяжении 1845—1846 гг., кроме стихотворения «В дороге», Некрасов создает «Современную оду», «Огородника», «Тройку» («Что ты жадно глядишь на дорогу»), «Родину», «Псовую охоту» и ряд других выдающихся произведений. В своем отзыве о стихах, опубликованных в 1846 г. в «Петербургском сборнике» (он, как и двухтомный сборник «Физиология Петербурга», вышел при ближайшем участии Белинского), критик писал: «Самые интересные из них принадлежат перу издателя сборника, г-на Некрасова. Они проникнуты мыслью; это не стишки к деве и луне; в них много умного, дельного и современного» (Б., IX, 573).

Стихотворения Некрасова 1845—1846 гг. сравнительно с его прежними поэтическими опытами характеризовались не только более высокой художественной зрелостью, но и чертами нового миропонимания. Поэт оценивал в них окружающую действительность с позиций радикально настроенного интеллигента-разночинца. Следует полагать, что радикализм воззрений Некрасова явился далеко не последней причиной восторженных отзывов Белинского о новых стихах молодого поэта.

В 1847 г. Некрасовым была написана сатира «Нравственный человек». По справедливому мнению исследователя, «она направлена против всех устоев самодержавно-крепостнического строя, против его сложившейся морали, освященной церковью и защищаемой всей силой вооруженного закона».⁸ Восторг Белинского, ознакомившегося с этим стихотворением еще до того, как оно было напечатано, выплеснулся в его письме к И. С. Тургеневу от 19 февраля 1847 г.: «Некрасов написал недавно страшно хорошее стихотворение. Если не попадет в печать (а оно назначается в третий №), то пришлю к Вам в рукописи. Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!» (Б., XII, 336).

Комментируя это письмо, Г. В. Плеханов еще в 1902 г. сказал: «Эта восторженная похвала не лишена некоторой двусмысленности. Топор — очень полезное орудие труда; он составляет одно из первых по времени культурных приобретений человека. Но вещи, сделанные топором, обыкновенно неизящны; недаром мы говорим: „топорная работа“. И надо

⁷ См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 404.

⁸ Архипов В. А. Поэзия труда и борьбы. Ярославль, 1961, с. 122—123.

признать, что стихотворения Некрасова часто представляют собой именно топорную работу».⁹

Насколько нам известно, в дореволюционной литературе о Некрасове эта точка зрения Плеханова ни разу не была оспорена. В советскую эпоху аргументированно возражал Плеханову К. И. Чуковский. «Называя талант Некрасова „топором“, — писал он, — Белинский тем самым характеризовал его силу, его разрушительность, его способность ранить и казнить. Он говорил не о плотничьем топоре, а о топоре боевом, наносящем меткие удары врагам, и, конечно, не мог предвидеть, что из этой метафоры можно будет сделать впоследствии тот каламбур, которым оперирует Г. В. Плеханов».¹⁰

Относительно недавно гипотеза Чуковского о «топоре боевом, наносящем меткие удары врагам», была взята под сомнение В. И. Кулешовым, выразившим недоумение: «Но причем тут „враг“, если поэзия Некрасова ранила сердце Белинского и его заставляла рыдать».¹¹

Найти правильное объяснение этому сравнению таланта с топором может помочь, как нам представляется, обращение к другим статьям критика, в которых встречаются аналогичные сравнения. Так, например, еще в «Литературных мечтаниях» относительно типов «Горя от ума» Белинский писал, что «они заклеены мстительною рукою палача-художника. Каждый стих Грибоедова есть сарказм, вырвавшийся из души художника в пылу негодования» (Б., I, 81).

В сходных выражениях характеризовал великий критик в 4-й книжке «Отечественных записок» за 1843 г. поэзию Лермонтова: «Как у Пушкина грация и задушевность, так у Лермонтова жгучая и острая сила составляет преобладающее свойство его стиха: это треск грома, блеск молнии, взмах меча, визг пули» (Б., VII, 37).

С «ударом топора», как известно, сравнивал Белинский также впечатление, производимое на читателя «Шильонским узником» Байрона в переводе Жуковского (Б., VII, 209).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в письме Белинского к Тургеневу от 19 февраля 1847 г. была дана недвусмысленная и исключительно высокая оценка таланта Некрасова. Критик ставил молодого поэта в один ряд с общепризнанными поэтическими авторитетами. Несостоятелен, однако, не только взгляд Г. В. Плеханова, но и точка зрения В. И. Кулешова. Во фразе Белинского, если анализировать ее не обособленно, содержится оценка не только впечатляющей силы некрасовского таланта, но и его общественно-политической направленности, которую А. И. Герцен назвал в 1857 г. «социалистической ненавистью».¹²

Важно учесть при этом, что названная оценка была дана критиком в момент, когда он углублял и переосмыслял собственное понимание народности литературы. Если раньше понятие народности Белинский склонен был отождествлять с проблемой самобытности художественного слова, то теперь непременным атрибутом народности выступает антимонархическая и антикрепостническая направленность литературы.

В 1856 г. Некрасов издает сборник своих стихотворений, успех которого у читателей был феноменальным. Тем не менее печатные отзывы

⁹ Плеханов Г. В. Искусство и литература. Ред. и коммент. Н. Ф. Бельчикова. М., 1948, с. 623.

¹⁰ Чуковский К. Мастерство Некрасова. Изд. 4-е. М., 1962, с. 173.

¹¹ См.: Н. А. Некрасов и русская литература. Сб. статей под ред. Н. В. Осьмакова и др. М., 1971, с. 174.

¹² Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 26. М., 1962, с. 98.

о нем были официально запрещены. Примечательной особенностью сборника было то, что прозведения на народную тему вошли в первый, программный раздел книги. И крестьянство, и низшие слои городского населения представлены поэтом как антагонисты не внимающих голосу совести и рассудка господ. В стихотворении «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» Некрасов выступал с апологией права крестьян на вооруженный протест против бар-угнетателей. В «Филантропе» раскрывалась фальшивая сущность помещичьего «человеколюбия». Сборник 1856 г. был плотно населен представителями народной среды, страдающей от голода и нужды, невежества и предрассудков, насилия и несправедливости. И для портретов людей из народной среды поэт нашел иные, светлые краски, он рисовал их с чувством «всеобнимающей любви» (II, 11).

Сборник некрасовских стихотворений 1856 г. был выдающимся событием в истории русской литературы и общественно-эстетической мысли. Его роль в развитии революционных идей в России была также значительной. Вместе с тем революционный демократизм Некрасова той поры ни последовательностью, ни целостностью не отличался. И даже его программное стихотворение 1856 г. «Поэт и Гражданин» характеризовалось противоречивостью некоторых положений и присутствием либерально-просветительских иллюзий. В преодолении последних большую роль сыграли соратники Некрасова по «Современнику» — Чернышевский и Добролюбов.

Опираясь на учение Белинского, Чернышевский и Добролюбов заложили прочные теоретические, общественно-политические и эстетические основы революционно-демократической идеологии. В их работах нашла также свое обоснование и новая, революционно-демократическая концепция народности.

В статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) Добролюбов писал: «Массе народа чужды наши интересы, непонятны наши страдания, забавны наши восторги. Мы действуем и пишем, за немногими исключениями, в интересах кружка, более или менее незначительного <...> Если и трактуются предметы, прямо касающиеся народа и для него интересные, то трактуются опять не с общесправедливой, не с человеческой, не с народной точки зрения, а непременно в видах частных интересов той или другой партии, того или другого класса <...> Но дурно вот что: между десятками различных партий почти никогда нет партии народа в литературе».¹³ «Народность, — продолжал далее критик, — понимаем мы не только как умение изобразить красоты природы местной, употребить меткое выражение, подслушанное у народа, верно представить обряды, обычаи и т. п. <...> Но чтобы быть поэтом истинно народным, надо больше: надо проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., прочувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ...» (Д., II, 260).

В рецензии на «Перепевки» Д. Д. Минаева, опубликованной в августовской книжке «Современника» за 1860 г., Добролюбов конкретизировал свои представления о народном поэте новой эпохи. Он писал, что после Пушкина, Лермонтова и Кольцова «нужен был поэт, который бы умел осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и как будто безотчетные порывы Кольцова и вложить в свою поэзию положительное начало, жизненный идеал, которого недоставало Лермонтову. Нет ни

¹³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. II. М.—Л., 1962, с. 228. Далее все ссылки на это издание (т. I—IX, 1961—1964) даются в тексте сокращенно; Д., том (римская цифра), страница (арабская цифра).

малейшего сомнения, что естественный ход жизни произвел бы нового поэта; мы даже можем утверждать это не как предположение или вывод, но как совершившийся факт. Но, к сожалению, наступившие вслед за тем события уничтожили всякую возможность высказаться и развиваться в новом таланте тому направлению, которое с двух разных сторон, после Пушкина, пробивалось у нас в Кольцове и Лермонтове» (Д., VI, 212—213).

Таким образом, народный поэт должен воплотить в себе пушкинское «положительное начало», кольцовскую стихийную народность и лермонтовскую гражданскую страстность. Естественный ход событий выдвинул еще при жизни Белинского такого поэта, — им был Некрасов, но эпоха «мрачного семилетия» затормозила восхождение поэта по начатому пути. Именно так следует комментировать как текст цитируемой рецензии, так и письмо Добролюбова к Некрасову от 23 августа (4 сентября) 1860 г. Двадцатичетырехлетний Добролюбов (он был в то время за границей) подбадривал в нем сорокалетнего Некрасова, впавшего в состояние тяжелой моральной депрессии. Критик напоминает поэту период 1849—1855 гг., когда тот вынужден был «соображать жизнь с пошлостью»: «Что же вышло? Хорошо? Довольны Вы? Опять мне суется в голову Гарибальди: вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею <...> А между тем — я Вам говорю не шутя — я не вижу, чтобы ваша натура была слабее его. Обстоятельства были другие, но теперь, сознав их, вы уже можете над ними господствовать» (Д., IX, 440).

Не только в зарубежном, но отчасти и в советском литературоведении до конца не преодолена еще тенденция изображать Некрасова в виде певца «внутренней борьбы», страдающего всеми признаками гамлетизма. Исследователи абсолютизируют порой такие самокритические строки поэта, как, например: «Я к цели шел колеблющимся шагом, Я для нее не жертвовал собой» (II, 262) и т. п.; при этом замалчиваются другие его признания: «Я ни в чем середины не знал <...> Я на все безрассудно дерзал» (II, 96), «И если я наполнил жизнь борьбою За идеал добра и красоты» (II, 423) и т. д. Безусловно, даже в период подъема освободительной борьбы конца 1850-х годов у Некрасова были колебания, но он преодолел и преодолел их, воодушевляемый примером Чернышевского и Добролюбова, их самозабвенным и бескомпромиссным служением «общему делу».

«Мужицкий демократизм» вождей русской революционной демократии, о котором писал В. И. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти»,¹⁴ выражал не только коренные интересы крестьянства, самого многочисленного в ту пору класса страны, но и интересы нации в целом. Было бы глубоким заблуждением поэтому приписывать русским революционерам-шестидесятникам намерение ограничить культурное развитие общества уровнем духовной культуры русского мужика.

«Революционерам 61-го года» была чужда славянофильская идеализация религиозности, смирения, рабской покорности и предрассудков крестьянства. И вместе с тем в накопленном народом опыте тысячелетнего умственного, нравственного и художественного развития они находили ценности, пригодные для всеобщего пользования и подражания. Белинский даже в последние годы жизни испытывал известное сомнение в духовном потенциале народных масс. Добролюбов же требовал «доверия к силам народа», хотя и отдавал себе отчет в том, что они таятся порой «под грудой всякой дряни, нанесенной с разных сторон»; он заявлял, что

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 206.

«народ способен ко всевозможным возвышенным чувствам и поступкам наравне с людьми всякого другого сословия, если еще не больше, и что следует строго различать в нем последствия внешнего гнета от его внутренних и естественных стремлений, которые совсем не заглохли, как многие думают» (Д., VI, 277—278). Не высшие классы, а простонародье является, по Добролюбову, главным носителем «деликатности», т. е. «действительной чуткости души к страданиям и радостям других» (Д., VI, 264—265). Народ обладает поэтому «полным правом на участие во всех преимуществах гражданской жизни», в том числе и правом на «эпопею нашей народной жизни». «Такой эпопеи мы можем ожидать в будущем...» (Д., VI, 228).

Литературно-публицистическая деятельность Добролюбова и Чернышевского протекала в условиях обостренной классовой борьбы и резкого размежевания двух тенденций в русском освободительном движении — демократизма и либерализма. В неуклонно нараставшей полемике с многочисленными противниками, в частности с представителями «чистого искусства», революционеры-шестидесятники впадали порой в крайности, проявляли недооценку положительного опыта предшествующей русской литературы и ее заслуг в постановке и разработке народной темы. Было бы, однако, грубой ошибкой сводить эстетику революционных демократов к проповеди обнаженно тенденциозного искусства. Так, например, «реальная критика» 1860-х годов стояла на страже принципов реализма, впитавшего в себя положительный опыт мирового литературного движения. Высшую заслугу художника Добролюбов видел в «уменьи заглянуть в самую глубь души человека и подметить не только образ его мыслей и поведения, но и самый процесс его мышления, самое зарождение его желаний», и, наконец, в обладании «глубоким чувством уважения к нравственному достоинству человеческой природы» (Д., V, 56). В самой мечте об «эпопее нашей народной жизни», как бы ни была она утопична для той поры, сказывалось стремление не односторонне отобразить окружающую действительность, а во всеохватывающей полноте и в наиболее существенных ее проявлениях, во всем богатстве составляющих ее и взаимодействующих друг с другом элементов, — короче говоря, представить реалистическую панораму ее движения.

Опираясь на эстетические положения Белинского, Добролюбов и Чернышевский в то же время корректировали и обогащали их, повинаясь неодолимым требованиям и запросам новой эпохи. К этим же требованиям по-своему прислушивался и Некрасов. И нет ничего удивительного в том, что в его творчестве мы находим не только отблески мыслей Белинского, Добролюбова и Чернышевского, но и прямые повторения принадлежавших им формулировок, лозунгов и крылатых речений. Однако Некрасов не только усваивал идеи лидеров революционной демократии, ему приходилось иногда даже вступать в полемику с ними. К тому же Белинским, Добролюбовым и Чернышевским проблема народности освещалась по преимуществу в ее общественно-политическом аспекте. Тем самым эстетический аспект проблемы предоставлял писателям-демократам широчайшую свободу творческого самовыражения.

Дореволюционная буржуазная критика никогда не переставала обвинять Некрасова в том, будто бы он, предав забвению традиции Пушкина и Лермонтова, выступил едва ли не прародителем неприкрыто публицистической поэзии народнического толка. Нет необходимости отрицать в некрасовских стихах, особенно периода 1850-х годов, известной неудовлетворенности Пушкининым. Своей критической точки она достигает в стихотворении «Поэт и Гражданин» (1856), где пушкинским стихам: «Мы рождены для вдохновенья, Для звуков сладких и молитв» — он противопо-

ставлял слова Гражданина, требующего от Поэта личного участия в общественной борьбе и готовности пойти на любую жертву ради «чести отчизны» (II, 11). Но уже в то время Некрасов отдавал себе отчет в том, что не в стихотворении «Поэт и толпа» содержится основной пафос пушкинского творчества. Вся некрасовская «поэзия сердца» возникала и совершенствовалась под неотразимым воздействием Пушкина. Не менее важно подчеркнуть и другое: следы пушкинского «вторжения» заметны также и в произведениях Некрасова, посвященных народной теме. Недаром же рассыльный Минай в некрасовском стихотворении «До сумерек» (1859) с такой теплотой отзывается о первом редакторе «Современника» — Пушкине. Поразительно сходство таких двух стихотворений, трактующих народную тему, как некрасовское «Так, служба!» и пушкинский «Гусар»: их сближает не только размер (четырёхстопный ямб с чередующимися мужской и женской рифмами), но и форма народного сказа.

Сохранилось свидетельство одной современницы¹⁵ о том, что Некрасова в пушкинской «Полтаве» особенно привлекали стихи:

Дорога, как змеиный хвост,
Полна народу, шевелится.

Образ дороги у обоих поэтов, как правило, связан с народной темой.

От пушкинских деревенских мальчишек, что коньками «звучно режут лед», от «седой Филиппьевны» — Татьяниной няни, от Савельича и, наконец, от Пугачева идет прямая линия преемственности к крестьянским детям Некрасова, к его многочисленным типам женщин-крестьянок и крестьян, то благодушно-смиранных, то бойких и лукавых, то, как Савелий-богатырь, воинственных. И так же как у Пушкина, каждый из этих образов у Некрасова полон жизни, наделен присущей ему национальной, социальной и индивидуальной физиономией, своим характером и языком, своим индивидуальным духовным обликом.

Вряд ли нуждается в особом обосновании мысль о генетической преемственности, существующей между звуками некрасовской музыки «мест и печали» (I, 158) и «голосом мщенья», продиктовавшим Лермонтову его стихотворение «Поэт». Взмахи лермонтовского «меча» и удары некрасовского «топора» вызывали у Белинского родственные ассоциации. На лермонтовские элементы в некрасовской поэзии прямо указывал Добролюбов. Да и сам Некрасов незадолго до своей кончины на полях стихотворения «В неведомой глуши, в деревне полудикой» сделал надпись: «Подражание Лермонтову». В стихотворении Некрасова «Старые хоромы» («Родина») реминисценциям из «Родины» Лермонтова принадлежит важная структурообразующая роль. Некрасовское «Блажен незлобивый поэт» было написано на смерть Гоголя, но разве не лермонтовские интонации звучат хотя бы в этих стихах:

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

(I, 65—66)

Поэзии Лермонтова, по Добролюбову, недоставало положительного начала. Поиск этого начала занимали умы многих молодых авторов середины прошлого века. В сороковые годы оно было предметом мучительных

¹⁵ См.: Л [Итвинова] Е. Воспоминания о Некрасове. — Научное обозрение, 1903, № 4, с. 132.

дум также и будущего автора поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Но и в поисках положительного начала, приведших Некрасова к вере в народ, в неизбежность народной революции, он не прошел мимо Лермонтова, поэзия которого, по определению Белинского, сверкала «самоцветными камнями народной поэзии» и обнаруживала «кровное родство духа поэта с народным духом» (Б., 506, 517).

В период, когда формировался Некрасов как поэт, возникал повышенный интерес к народной жизни, вначале в литературах Западной Европы (социальный роман Эжена Сю, деревенские повести Жорж Санд и Б. Ауэрбаха и т. д.), а затем и в России. Почти одновременно с Некрасовым пристальное внимание к народной теме начинают проявлять Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, И. С. Никитин и другие писатели. Но никто из них не вложил в разработку народной темы столько сил и страсти, как Некрасов. Современные ему поэты (А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Л. А. Мей), как правило, изображали жизнь народа вне его «производственной» деятельности, и в преодолении этой ограниченности состояла огромная заслуга Некрасова. Являясь «печальной спутницей печальных бедняков, рожденных для труда, страдания и оков» (I, 61), некрасовская муза все же не сразу увидела в труде естественную потребность человеческого существования. Не без воздействия А. В. Кольцова, певца светлой стороны крестьянского труда, начинает воспевать трудовую деятельность и Некрасов. Показательна в этом отношении его поэма «Саша» (1855):

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любю, кормилица-нива,
Видеть, как ты колосишься красиво.

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа.

(I, 115—116)

Изображая жизнь производителей материальных благ, Некрасов в отличие от Кольцова видел не только светлую или «нарядную» (II, 112) сторону труда. Он видел, например, как под тяжестью подневольного труда преждевременно отцветает незаурядная человеческая индивидуальность («Тройка», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и др.).

Как бы в противовес стихотворению Кольцова «Что ты спишь, мужичок» Некрасов создает «Думу», герой которой жаждет трудовой деятельности, но, сдавленный тисками безземелья и нищеты, не находит применения своим силам:

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

(II, 102)

Лишь в немногих стихотворениях Некрасова найдем мы более или менее обстоятельное описание трудового процесса как такового. Поэта интересуют, так сказать, не детали самого процесса, а мироощущение, образ жизни и склад мышления человека труда. Так, в поэме «Мороз, Красный нос» мы не видим главного героя за работой. Но даже в «скульптурном» изображении умершего Прокла поэт дает почувствовать читателю свое преклонение перед труженическим подвигом простого крестьянина:

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!

Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

(II, 174)

Сновидение, в которое погружается Дарья, усыпленная Морозом, это тоже своеобразный гимн трудовой деятельности земледельца. Здесь Некрасов идет тропой, проторенной Кольцовым. Жаркое лето, пора сбора урожая, тяжелый, но радостный труд дружной семьи земледельцев. Свободная от вмешательства властей и помещика трудовая деятельность составляет основу здоровых, ничем не омраченных взаимоотношений внутри этой, представленной тремя поколениями, ячейки крестьянского мира. В видении засыпающей Дарьи Некрасовым воплощена вековая мечта трудового крестьянства о привольной и счастливой жизни.

Понятие «народ» в сознании поэта ассоциировалось прежде всего с крестьянством. Следя за техническим прогрессом в странах Западной Европы и в России, поэт отдавал себе отчет также и в том, что в крупных городах наряду с мелкими производителями-ремесленниками стала возрастать прослойка тружеников, лишенных каких бы то ни было средств производства, — рабочих. В некрасовском творчестве 1860—1870-х годов не оказались обойденными и трудовые массы города — «токари, резчики, слесаря» (II, 71). Поэт не проводил резкой грани между деревенскими землеробами и полупролетарским ремесленническим людом города. Рабочее движение в России при жизни Некрасова политически еще не самоопределилось, и поэтому намеченные поэтом типы рабочих не выделяются сколько-нибудь рельефно на его полотнах из народной жизни. Некоторым исключением является здесь лишь образ «фабричного из Бурмакина» в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (III, 481), который, согласно черновому варианту рукописи, произносил программную речь, впоследствии вложенную автором в уста Якимя Нагого. Вначале Некрасов предполагал изобразить «умного» с «очами соколиными» рабочего, прошедшего фабричную выучку и возвышающегося в интеллектуальном отношении над крестьянской массой, призывающего ее к единению. Эволюция этого образа говорит о сомнениях и трудностях, которые приходилось преодолевать поэту в его раздумьях над будущими судьбами экономического и политического развития России. Вместе с тем то обстоятельство, что в поэме «Современники» (1875) Некрасов дал потрясающее изображение античеловеческой системы капиталистической эксплуатации, а в таких произведениях, как «Плач детей», «О погоде», «Песни о свободном слове», «Железная дорога» и др., наметил подступы к рабочей теме, весьма знаменательно; это свидетельствует о напряженных творческих поисках поэта, дарование которого развивалось в унисон с развитием передовой общественной мысли.

Наблюдая последствия крестьянской реформы 1861 г., Некрасов ставил перед мыслящей Россией вопрос: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» (II, 392) — и отвечал на него отрицательно. Реформа оставила крестьян без земли и несколько не улучшила их положения. «Но падение крепостного права — писал В. И. Ленин, — встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».¹⁶ В пробуждении народных масс от «векового

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.

сна» значительная роль принадлежала демократической литературе. Причисляя себя к «сеятелям знания на ниву народную» (II, 401), Некрасов придавал слову «знание» широкий смысл. Это было знание, неотделимо связанное с общественно-политическим сознанием:

Я призван был воспеть твои страданья,
 Терпеньем изумляющий народ!
 И бросить хоть единый луч сознания
 На путь, которым бог тебя ведет...

(II, 262)

К постижению судеб народных было всецело приковано внимание некрасовской музы. Он говорил о ней с гордостью: «Сестра народа — и моя!» (II, 405). Именно поэтому процесс постижения поэтом окружающей действительности стал заметной вехой в развитии русского национального самосознания.

Если из круга объектов некрасовских художественных и одновременно социологических исследований выделить только те, что относятся к различным слоям народной массы, то получится обширнейший перечень: крестьяне «коренные» и крестьяне-«отходники», крестьяне-старообрядцы, крестьяне-холопы и крестьяне-бунтари, женщина-крестьянка, крестьянские дети и т. д. Есть у Некрасова написанное в 1860 г. восьмистрочное стихотворение «На псарне»:

Ты, старина, здесь живешь, как в аду,
 Воля придет — чай, бежишь без оглядки?
 — Нашто мне воля? Куда я пойду?
 Нету ни батьки, ни матки,
 Нету никем никого,
 Хлеб добывать не умею,
 Только и знаю кричать: «го-го-го!»
 Горе косому злодею!..».

(II, 91)

Стихотворение написано до реформы, но посвящено оно будущей судьбе довольно многочисленного слоя «дворовых людей», которые после отмены крепостного права действительно оказались «не у дел». К этой теме Некрасов возвращается в 1867 г. в стихотворении «Эй, Иван» («Вот он весь, как намалеван»), которое цензура сочла «возмутительным». Эта же тема не переставала волновать поэта и позднее; в последней части поэмы «Кому на Руси жить хорошо» он вывел прелюбопытнейший тип дворового человека, Викентия Александровича, «прыгнувшего» «с запяток в хлебопашество» (III, 351).

Некрасовская лирика кануна падения крепостного права и первых пореформенных лет («В столицах шум», «Размышления у парадного подъезда», «Песня Еремущке», «Деревенские новости», «Крестьянские дети», «Свобода», «Калистрат», «Пожарище» и др.) характеризовалась обостренной публицистичностью. Писатели и критики, с порога отвергавшие «журнальные мотивы» в поэзии, обвиняли Некрасова в отступлении от «вечных» законов искусства и в нарушении «свободы творчества». Примечательно, однако, что выступивший в 1867 г. против тенденциозности некрасовской поэзии А. А. Фет (стихотворение «Псевдопоэту») стал жертвой тенденциозности самого дурного свойства:

Влача по прихоти народа
 В грязи низкопоклонный стих,
 Ты слова гордого: *свобода*
 Ни разу сердцем не постиг.

Свое понимание «свободы творчества» Некрасов высказал в письме к Л. Н. Толстому от 31 марта 1857 г. В 1865 г., отвечая на «старую песню» ненавистников тенденциозной литературы, поэт изложил свои мысли в поэтической форме:

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему,
Коли нам так писалось и пишется,
Значит — есть и причина тому!

Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

(II, 220—221)

Зарисовки характерных народных типов, наброски отдельных сцен из народной жизни в лирике Некрасова являлись лишь подступами поэта к большому обобщающим полотнам, поэмам из народной жизни.

Первая из них, «Коробейники», была написана в 1861 г. В основу ее сюжета положена любовная интрига (свидание молодого коробейника с Катеринушкой, разлука и сопровождающие ее драматические переживания влюбленных), присутствие которой было обязательной принадлежностью поэмы романтического типа. Для обрисовки характеров героев использованы приемы фольклорно-романтической условности. Портретам Вани и Катеринушки явно не достаёт реалистической полнокровности, однако неполнота эта искупалась глубоко продуманным описанием обстоятельств, в которых реализовался сюжет поэмы. Путешествие коробейников давало автору возможность осветить русскую жизнь с самых различных ее сторон. Живописно изображены помещики-собачники, вытаптывающие крестьянские посевы; поставленные от казны откупщики, спаивающие народ; бабы, «сохнувшие с горя» от рекрутчины, и т. п. В черновых вариантах поэт отважился даже на упоминание об императоре, который

Топит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.

(II, 127)

Безысходная нищета загоняет народ в кабак и становится если не прямой, то косвенной причиной гибели коробейников.

Главная идея поэмы выражена в «Песне убогого странника», сложенной невинно «упеченным» в острог Титушкой-ткачом и пропетой старшим коробейником Тихоньчем. В «Песне убогого странника» Некрасов, по определению одного весьма предубежденного по отношению к нему критика, в ответ на крестьянские бунты «аукнулса воистину разбойничьим стихом».¹⁷

Несколько иные структурно-стилистические принципы положены в основу поэмы «Мороз, Красный нос» (1863). Исполненная глубокого драматизма, поэма свободна от признаков внешней тенденциозности, которые могли бы навлечь на себя недовольство цензурных инстанций. В ней нет даже упоминаний ни о земельном вопросе, ни о помещике, ни о царе. В центре внимания автора не обстоятельства, а характеры. Следует отметить, что ни в безропотном труженике и исправном плательщике налогов Прокле, ни в других персонажах поэмы мы не увидим и тени недовольства существующим порядком. Вместе с тем именно такое недо-

¹⁷ Розанов В. В. Избранное. Нью-Йорк, 1956, с. 403.

вольство пробуждала поэма в читательском сознании. Недуг и кончина Прокла, как это явствует из текста произведения, — не случайность, а результат непомерной траты здоровья и сил, вредных условий труда, накопец, невежества и темноты крестьянства. Фигура юродивого Пахома, разгуливающего в лютую стужу по деревне босиком, при виде которого даже конь «шарахнулся в сторону», как бы символизирует невыносимые условия существования русского крестьянства в целом:

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

(II, 173)

При исключительной экономии изобразительных средств поэт сумел воспроизвести не только физический облик и поступки своих героев, но и их внутренний мир. Как бы ни был, к примеру, скупо очерчен портрет отца Прокла, Севастьяна, мы видим его не только «снаружи» («Как памятник, дедушка старый Стоял на могиле родной!»), но и «изнутри», причем внутреннее выявляется как через речь героя («Не мне б эту яму копать!»), так и через его поступки («... Старик остушился, Из рук его высокознул лом...») (II, 172).

Торжественно-патетический лиризм характерен и для второй части поэмы, раскрывающей драматическую судьбу главной героини. При изображении переживаний Дарьи поэт обращается не только к воспроизведению внутренних движений через их внешние проявления, но и к другим средствам, в частности к сновидениям героини, о чем уже было сказано ранее, и к включению в повествование нескольких стилизованных женских народных песен, с помощью которых молодая вдова излагает историю своей жизни.

Поэмой «Мороз, Красный нос», раскрывающей богатый внутренний мир женщины-крестьянки, Некрасов впервые в истории русской литературы дал положительный ответ на вопрос, может ли человек из народа, с его ограниченными возможностями для духовного развития, стать главным героем большого поэтического произведения. Создание жанра народной поэмы — одна из величайших заслуг Некрасова. Новаторский характер и высокие художественные достоинства поэмы «Мороз, Красный нос» вынуждены были признать даже литературные противники поэта.

Работа Некрасова над «Кому на Руси жить хорошо», третьей его поэмой (эпопеей), посвященной народной жизни, началась еще в 1863 г. и продолжалась до смерти автора.

С распространенным мнением о том, что поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов хотел создать книгу, предназначенную исключительно для народного чтения, и поныне бытующим в литературе, вряд ли можно согласиться. Поэт всегда и всюду страстно мечтал «бросить хоть единый луч сознания» на трудный путь народного развития, однако замысел задуманной им большой поэмы или эпопеи не мог ограничиться только этим. Некрасов был воодушевлен идеей создать своеобразную энциклопедию русской жизни, и, поскольку центральной проблемой последней была проблема мужика, поэт посвятил свое произведение судьбам русского пореформенного крестьянства, соотносенным с судьбами русского народа в целом.

Крайнее обнищание мужика в результате правительственных реформ, антинародная политика самодержавия, проникновение в деревню капиталистических отношений, жизнь сельского духовенства и десятки дру-

гих больших и малых вопросов были поставлены и освещены в магистральном произведении Некрасова. Из четырех написанных им частей (Часть первая, «Крестьянка», «Последыш», «Пир на весь мир») последняя была посвящена взаимоотношениям передовой интеллигенции с народом, — проблеме, решением которой были озабочены революционеры, а не народная масса.

Революционные народники 1870-х годов увлекались созданием «народных книг», в которых уже готовые политические концепции излагались в популярной беллетризированной форме.¹⁸ Некрасов же перед своей «народной книгой» ставил цель художественного исследования вопросов, еще не решенных передовой общественной мыслью. Его поэма-эпопея была тем самым обращена не только к народному читателю, но и к представителям образованного слоя.

Изобразить народную массу ярко и дифференцированно, во всем многообразии составляющих ее индивидуумов и характеров, и вместе с тем уловить какие-то общие закономерности в настроении и действиях народной толпы — эта нелегкая задача была поэтом превосходно выполнена. Степенный Савелий Корчагин совсем не похож на неистового старообрядца Кропильникова, хотя оба они относятся к числу бунтующих натур. Мало общего между характером Ермилы Гирина и старосты Власа, хотя и тот и другой — «коренные» крестьяне. Яким Нагой, Климка Лавин, Яков Верный, солдат Овсяников и многие другие крестьянские типы имеют каждый свое лицо и свой язык, свои привычки и замашки. Глубоко индивидуализированы также и портреты помещиков — самодовольного Оболта-Оболдуева и выжившего из ума князя Утятин — «Последыша».

Интересы крестьян, с одной стороны, и помещиков — с другой, показаны в поэме в их непримиримом противоречии. Государственный аппарат самодержавия стоит на страже интересов землевладельцев, и в силу этого крестьянство может отстаивать свои права только в беспощадной борьбе с помещиками и самодержавием. Но подготовлены ли крестьяне к такой борьбе? Некрасов превосходно видел недостаточную политическую зрелость современного ему крестьянства, распространенность в его среде царистских иллюзий, рабской психологии, его культурную отсталость. Он с горечью констатировал отсутствие в массах русского крестьянства той степени революционной сознательности, о которой мечтали «революционеры 61-го года».

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая! —

писал поэт. Но, будучи глубочайшим знатоком жизни простого народа, он видел и другое:

Но загорелась в ней
Искра сокрытая.

(III, 390)

Эту «искру сокрытую» поэт воплотил в созданных им художественных образах. Носители ее — и неустрашимый Кудеяр-атаман, и Савелий-богатырь, и способный увлечь за собой крестьянскую массу Яким Нагой. Да и сам Гриша Добросклонов, сын приходского дьячка, осознавший себя как частицу крестьянского мира, аккумулирует в себе эти искры народного гнева. Другие представители мира крестьянской стихии хотя и не отличаются чувством протеста, но обладают (как Марфа Тимофеевна или

¹⁸ См. об этом: Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1973, с. 66—205.

Ермил Гирин) той нравственной независимостью и тем трезвым умом, которые позволяют им в будущем найти верную дорогу.

В превращение искры революционного сознания в пламя народного гнева Некрасов глубоко верил. И когда он произносил свои вещие слова: «Мечты! Я верую в народ!», то это был итог его длительных наблюдений над жизнью реального народа, итог мучительных размышлений о революционных возможностях русского крестьянства. Не наивная или внушенная извне, а проверенная опытом и «теорией» вера нашла выражение в гениальной поэме Некрасова.

В исследовательской литературе и учебных пособиях нашего времени Некрасова нередко называют певцом крестьянской демократии. Это правильное определение страдает все же неполнотой, поскольку автор «Кому на Руси жить хорошо» был не просто певцом крестьянской демократии, но и выдающимся народным и, более того, великим национальным поэтом.

В разработке идейного аспекта проблемы народности, как ее понимали революционные демократы, Некрасов имел великих соратников и друзей — Белинского (1840-е годы), Чернышевского и Добролюбова (1860-е годы), к мнениям которых он чутко прислушивался. Что же касается художественного аспекта проблемы, то в творческой реализации его Некрасов, не имея равных себе (по крайней мере в сфере поэзии) соратников, опирался прежде всего на свой собственный опыт. Своеобразие решения эстетического аспекта проблемы народности прослеживается прежде всего в отношении автора к «первозлементу» художественного творчества — к языку литературы.

Выступая против попыток отождествления языка некрасовской поэзии с языком народных сказителей, равно как и против переоценки в ней роли ярославских и иных диалектизмов, Б. А. Ларин в свое время (1968) пришел к следующему выводу: «...народность поэтического языка Некрасова никак нельзя основывать ни на полном владении родным ему ярославским диалектом, ни на хорошем знании многих других народных диалектов, как это чаще делали. Некрасов обновляет и значительно обогащает язык поэзии словами, конструкциями и оборотами общерусского национального языка, смелее других черпая из простонародного языка и народной поэзии свежие средства, а не уснащает его диалектизмами или арготизмами».¹⁹

Но разве, может спросить читатель, язык Пушкина и Лермонтова не возвысился до уровня, который можно назвать нормой русского литературного языка? Да, они, как утверждает исследователь, совершили колоссальный сдвиг в деле сближения литературного языка с общенародным словарным фондом и грамматическим строем; однако эпигоны романтизма и сторонники «чистого искусства» превозносили в пушкинском языке лишь «одическую» или «анакреонтическую» его грани и игнорировали главную, реалистическую и демократическую тенденцию. С кончиной Пушкина процесс сближения литературного языка с общенародным отнюдь не остановился и огромная роль в завершении этого процесса принадлежала Некрасову.

«Но главное основание *народности* языка Некрасова, — писал Б. А. Ларин, — в том, что он — чем позже, тем больше — освобождается от традиции высокого языка поэзии, противопоставленного раньше всем другим типам литературного языка. Преодоление этой обособленности языка поэзии — главная заслуга Некрасова в истории русского литературного

¹⁹ Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Избр. статьи. Л., 1974, с. 112—113.

языка <...> И поныне это дело Некрасова продолжается, этот его завет выполняется упорным и плодотворным трудом современных поэтов». ²⁰

Ратуя за народность тематики и языка, Некрасов вместе с тем резко возражал против нарочитого коверканья «мужицкой» речи, что у сочинителей лубочной литературы превращалось в самоцель, становилось единственной приметой народности. Еще в 1845 г. к подобного рода авторам Некрасов обращался со следующими словами: «В русской избе непременно нужно быть, чтобы описать русскую избу, и какими прибаутками не прикрывайте рассказ старого служивого, как остроумно не коверкайте слова, рассказ такой все-таки не будет настоящим солдатским рассказом, если сами вы никогда не слышали солдатских рассказов» (IX, 160).

Отдавая себе ясный отчет в том, что народность произведений создается отнюдь не нагнетением в нем вульгаризмов и диалектизмов, молодой Некрасов тем не менее и сам иногда перегружал ими свои стихотворения, примером чего может служить стихотворение «В дороге» (1845), где словечкам типа *понимаешь-ста, нужна-ста, сам-от, врезамшись, тоись, пагрет* и т. п. отведено непомерно много места. С течением времени поэт освобождается от этого увлечения. В 1856 г., отзываясь о комедии А. Н. Островского «Не так живи, как хочется», Некрасов скажет: «Уверяем г. Островского, что ему не для чего с таким, можно сказать, археологическим рвением гоняться за точностью народного языка; ему менее, чем кому-либо, следует бояться выпасть из русского тона: тон этот в нем самом, в свойствах ума его. Мы решаемся все это высказать г. Островскому потому, что ценим его дарование и не можем не сожалеть о том, что он сам связывает себе руки» (IX, 377).

Поэт порицал как провинциальную языковую узость, поскольку она противостояла общенациональному «русскому тону» литературы, так и ту эстетическую чопорность и «ушибленность иностранщиной», которые нередко мешали русскому писателю быть самим собой:

Когда же в книгах будем мы блистать
Всей русской мыслью, речью, даром,
А не зайками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?..

(II, 280)

В этих словах одного из героев «Медвежьей охоты» (1867) выражена собственная мысль поэта.

Разумное отношение к богатствам национального общенародного языка — это одно из условий (но далеко не единственное), определяющих то качество литературного творчества, которое Некрасов называл «русским тоном». По утверждению Белинского, «галлицизмы и русизмы бывают не в одном языке, но и в понятиях: француз по-своему смотрит на вещи, по-своему схватывает их смешную сторону, по-своему анализирует, русский — по-своему» (Б., VIII, 574). «Русский тон», как его понимал Некрасов, — это не искусственное, в славянофильском духе, насаждение идей смиренномудрия и терпения, а правдивое и живое изображение русской национальной жизни, реалистическое воспроизведение национального характера русского человека. «Редкий русский писатель имеет такую русскую жилку, как он», — вынужден был сказать о Некрасове его непримиримый противник Е. Л. Марков. ²¹ «Это русский человек весь как на ладони, — говорил о Некрасове Г. И. Успенский, — и к тому громад-

²⁰ Там же, с. 113.

²¹ Марков Е. Критические беседы. (Поэзия Некрасова). — Голос, 1878, № 46, 15 (27) февраля, с. 2.

ный и именно русский поэт». По мнению Успенского, место Некрасова там, «где залегает русская печаль, плач, скрежет зубов».²² Дополняя Успенского, заметим: связь Некрасова с русской действительностью выпукло отразилась не только в его «печальных напевах», но и в юморе.

Юмор сопутствовал Некрасову на протяжении всей его творческой жизни. Юмором пропитаны не только многочисленные лирические стихотворения поэта, но и такие его большие полотна, как «Коробейники» и в особенности «Кому на Руси жить хорошо». Избранный для этого монументального произведения подвижный размер как нельзя лучше гармонировал с юмором, выраженным прежде всего в бойкой народной речи героев поэмы.

Юмор — характернейшая черта некрасовского реализма, предопределенная рядом обстоятельств: и национальным складом мышления, и историческим оптимизмом революционной демократии, и предшествующим литературным наследием (Пушкин, Гоголь), и традициями народно-поэтического творчества.

В тесном взаимодействии некрасовской поэзии с народно-поэтическим творчеством заключается одна из «тайн» ее оригинальности. В исследовательских трудах связь с фольклором усматривается обычно в случаях, когда поэт прибегал к стилизации народно-поэтических произведений или же к непосредственным заимствованиям из них. Следует признать, что подобные случаи действительно имели место и в творчестве Некрасова, но не ими, на наш взгляд, определяется сущность его фольклоризма. Заимствования или обработка фольклорных текстов, преимущественно песен, наблюдается у Некрасова почти исключительно в эпических полотнах. Эпические произведения литературы, претендующие на широкое воспроизведение народной жизни, обязаны воспроизводить среди других объектов и фольклор, как неотъемлемую часть последней. Однако ни включенные в поэтические произведения Некрасова народные песни, ни их стилизации не раскрывают еще всего многообразия связей поэта с народным художественным творчеством.

Есть ли какие-либо заимствования из фольклора в некрасовском стихотворении «Внимая ужасам войны»? Нет, очевидно. Но стихотворение это написано в духе народных песен, где тема материнства, в отличие от книжной поэзии, стоит в центре, где подчеркивается неравноценность слез матери и слез жены и где образ плакущей ивы был всегда символом страдающей женщины. Нет непосредственных заимствований из фольклора и в поэме «Тишина». Тем не менее духом подлинного фольклора веет от таких, например, ее строк:

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

(II, 42)

И, конечно, портретные характеристики князя Утятина («Худой! как зайцы зимние») или уволенного дьячка («Тошой как спичка серная»), или «мужика с одышкой» («Как грабли руки тощие») из «Кому на Руси жить хорошо» созданы в соответствии с нормами народной поэтики (III, 201, 203).

Не отыщем мы в фольклоре никаких прямых аналогий и «Песне убогого странника». Ее лексический состав умышленно беден; каждое последующее шестистишие отчасти подхватывает, варьируя, а отчасти повто-

²² Успенский Г. И. Полн. собр. соч., т. VI. [М.], 1953, с. 187.

ряет предшествующие шесть строк. И тем не менее «Песня» обладает колоссальной впечатляющей силой, чему способствуют и настойчивое усиление ее основного мотива, и ее кольцеобразная, «фольклорная» композиция.

Свидетельством единородства некрасовской поэзии с русским народно-поэтическим творчеством явились «Последние песни» поэта. Умиравший Некрасов не случайно называет здесь свою музу «сестрой народа» («Сестра народа — и моя!»). Примеры нерасторжимого единства «книжной» и фольклорной образности дает стихотворение «Баюшки-баю», это поэтическое завещание Некрасова:

Где ты, о муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: — умрем! Конец надежде! —
Я прибрела на костылях».

(II, 425)

С полной непринужденностью входят фольклорные элементы также и в художественную ткань других стихотворений названного цикла:

Я зываю к русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду
Или мертвой в меру дай.

(II, 427)

Мы вовсе не стремимся здесь перечислять все разновидности некрасовских взаимоотношений с фольклором.²³ Как видим, их можно найти не только там, где поэт прибегает к текстуальным заимствованиям, но и в присутствии ему «фольклорного» мышления, в его национальном юморе, в просторечной лексике, в идиомах живого разговорного языка.

Песни, предания и сказки Некрасов называл «хранилищем русской народности» (IX, 10), но у него не было их фетишизации. Подобно лирическому герою его «Песни Еремущке» поэт констатировал в фольклоре недостаток «мыслительного» элемента и страстно тосковал о «времени новом», которое «тоже в песне скажется» (III, 349). Новые песни, которые исполняет Гриша Добросклонов, — вот в зародыше тот репертуар, которым поэт мечтал пополнить традиционный фонд народного словесного творчества. Некрасову было чуждо славянофильское любование пережитками патриархально-домостроевской старины, нашедшими известное отражение и в фольклоре. Вместе с тем никак нельзя согласиться с теми исследователями, которые отношение Некрасова к фольклору сводят к нехитрому правилу: поэт-де занимался «фильтрацией» фольклора — отбрасывал его консервативные начала и использовал прогрессивные. Некрасов признавал, однако, не только многослойность и противоречивость фольклорного наследия, но и единство фольклора, обусловленное ведущими тенденциями его развития. Созданным народом непреходящим поэтическим ценностям могла вторить, по Некрасову, и большая литература.

Не принимая славянофильской односторонности в подходе к народной поэзии, Некрасов отвергал также и фольклористическую концепцию «чистых» западников, сформулированную еще в 1846 г. в статье о Кольцове («Отечественные записки», т. XLIX) В. Н. Майковым, который, исходя из абстрактной предпосылки об извечной борьбе национальных тенденций

²³ Более обстоятельно вопрос этот рассмотрен нами в статье «Черты поэтического стиля Некрасова» (Русская литература, 1968, № 3, с. 15—36).

(пороков) с общечеловеческими началами (добродетелями), настаивал на необходимости преодоления всего национального. Гневную отповедь Валерьяну Майкову дал Белинский. «Борьба человеческого с национальным, — писал великий критик, — есть не больше, как риторическая фигура; но в действительности ее нет» (Б., X, 29). Тезис Белинского о том, что общечеловеческое проявляется лишь в национальных формах, полностью разделял Некрасов, красноречивым подтверждением чего может служить, в частности, составленное им объявление «Об издании „Современника“ в 1849 году», где поощрялось развитие самобытной русской литературы и ее стремление «глубже вглядываться в свою народную физиономию» (XII, 121).

Великий народный поэт не страдал национальным самообольщением и, «служа великим целям века» (II, 404), сражался с отечественной отсталостью, боролся за приобщение России к благам европейской цивилизации. Некрасовский «Современник» сделал для этого больше, чем любой другой русский журнал 1850—1860-х годов. Для популяризации на русской почве творчества Шекспира, Шиллера, Жорж Санд и других зарубежных классиков Некрасов лично отдал немало сил и времени. Но все это делалось им для развития собственной национальной культуры. В органическом сближении литературы (и прежде всего поэзии) с фольклором Некрасов видел условие для расцвета ее лучших национальных традиций, а следовательно, и реализма, поскольку искусство, не проникающее в тайники национальной жизни, не может претендовать на подлинную правдивость. Именно поэтому все, что приходилось изображать автору поэмы «Кому на Руси жить хорошо», поражает нас своей исторической социальной и национальной достоверностью.

В проникновенном понимании интересов и чувствований народных масс, в ориентации на передовую мысль эпохи и лучшие классические традиции отечественной и мировой литературы, в естественной слитности с народно-поэтическим творчеством и состоит самая существенная особенность народности Некрасова. Художественное наследие великого народного поэта, осветившего народную жизнь в один из переломных периодов русской истории, обладает ценностями непреходящего значения, чем и определяется его неизмеримо важная роль в развитии социалистической культуры.

В. А. Громов

НЕКРАСОВ И «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА
(1846—1852)

1

Сотрудничество Тургенева с Некрасовым — издателем и редактором началось в «Петербургском сборнике» и продолжилось в «Современнике», где с января 1847 по март 1851 г. публиковались рассказы и очерки, составившие постепенно единый, целостный идейно-художественный цикл под общим названием «Записки охотника». Отдельные части этого произведения не только печатались в самом передовом, лучшем журнале России, но и последовательно оценивались в нем, а в иных случаях даже «программировались» всем содержанием и направлением обновленного «Современника», прямым личным влиянием его главных деятелей на Тургенева.

Идейно-нравственное и эстетическое воздействие некрасовских изданий на их участников было замечено еще при появлении «Помещика» и «Трех портретов» — произведений, в которых будущий автор «Записок охотника», по словам Белинского, уже «напал на истинный род своего таланта, взялся за свое» и «в прозе нашел свою настоящую дорогу».¹ Впрочем, такое направление устраивало далеко не всех. Так, например, П. А. Плетнев 6 февраля 1846 г. писал Я. К. Гроту: «Вечером в среду мы читали кое-что из «Петербургского» Сборника. Но все как-то не по душе. Даже Майков и Тургенев обратились в каких-то некрасовцев (имя издателя Сборника)».²

Наблюдение одного из университетских наставников молодого Тургенева в известном смысле подтверждается письмом близкой знакомой семьи Бакуниных — А. А. Беер, посланным к Т. А. Бакуниной в мае 1846 г. из Шашкино, находившегося близ Спасского-Лутовинова: «Вчера был у нас Тургенев» <...> Когда он читал стих«отворение» Некрасова „Родина“, от которого душа рвется и болит, дух замирает — и у него только голос прерывался. Я слушала его, смотрела на него с каким-то материнским восторгом, обожанием. Много, много мы говорили. На днях он приедет, пришло тебе знать, — только пусть лучше напишет — то, что он вчера намарал на память, прочесть почти нельзя. Это стих«отворение» не напечатано. Так надо его везде, везде разослать — чтобы все читали, чтобы все знали, что тайны семейные и преступления отцов страшнее губят жизнь, чем всевозможные убийства, за которые людей приговаривают к смерти. Судя по тому, что читал нам Тургенев»,

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 345.

² Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, с. 668.

и все, что он рассказывал о жизни Некрасова), это громадный талант. Если ты достанешь Петербургский сборник, который он издал, — то ты познакомишься с ним. Как мы смеялись над колыбельной песнью будущего чиновника — надо слышать Тургенева, когда он говорит эти стихи».³

Это важное свидетельство, достоверность которого не подлежит ни малейшему сомнению, служит прежде всего убедительным комментарием к известным словам Некрасова о начале его сближения с Тургеневым: «Сижу дома, работаю. Прибегают от Белинского. Иду туда. Впервые встречаю Тургенева. Читаю ему „Родину“. Он в восторге: „Я много писал стихов, но так написать не могу, — сказал Тургенев, — мне нравятся и мысли, и стих“» (XII, 13). По другому свидетельству, Тургенев убеждал Некрасова «писать еще в том же направлении. „То, — говорил он, — что у вас выражено в одной строке, нам нужно несколько страниц, чтобы выразить прозой“».⁴

Как предполагал К. И. Чуковский, такой отзыв вполне мог относиться и к стихотворению «В дороге» (I, 522), появившемуся вместе с «Колыбельной песней» и другими стихами Некрасова в «Петербургском сборнике». Для нас в данном случае важно то, что Тургеневу безусловно импонировали тогда и мысли и стих Некрасова, которые он так или иначе соотносил со своими собственными, причем уже прозаическими замыслами.

Впечатление от «Родины» и других стихотворений Некрасова, таинских, по словам Белинского, «задатки отрицания», оказалось настолько глубоким и всеобъемлющим, что давало о себе знать даже много лет спустя — например, в безнадежно-горьких строчках о «стороне родной», которые сочинил герой «Нови» Нежданов. Некрасовский образ Родины, России потряс сознание Тургенева не только суровой верностью действительности, но и глубоким созвучием с его собственными чувствами и мыслями той поры, когда письмо Белинского к Гоголю было, по словам автора «Записок охотника», всей его религией.⁵

Не случайно М. М. Стасюлевич в своем некрологе, посвященном поэту, отмечал, что, «кроме поэзии Некрасова, мы знаем в истории нашей литературы другой блестящий пример силы „просвещающей“ поэзии, хотя и не в форме стиха. Это — „Записки охотника“ Тургенева. Они писаны также ради народа и также никогда не были читаны народом; но есть эпохи, когда великий художник действует могущественнее, чем целые трактаты, направленные — в настоящем случае, например — против крепостного права».⁶ Общность впечатлений от безобразий окружающей среды усиливалась у того и другого тем, что, как писал А. В. Луначарский, «тяжелый уклад помещичьей семьи часто ставил нелюбимых сыновей отцов-деспотов (например, Некрасова) или матерей-тиранов (как, например, Тургенева) в положение угнетенных, тем самым как бы поставленных в большую близость к рабам, чем к господам».⁷

Отзвуки поэтических строк о «рое подавленных и трететных рабов», о «жизни отцов», которая «текла среди пиров, бессмысленного чванства, разврата грязного и мелкого тиранства», отчетливо слышны в словах

³ ИРЛИ, ф. 16, оп. 8, ед. хр. 13. См. также: Назарова Л. Тургенев и Некрасов. — Орловская правда, 1971, 10 октября, № 240; Громов В. А. Н. А. Некрасов и писатели-орловцы. Орел, 1972, с. 4—12.

⁴ См.: Кривенко С. Н. Из рассказов Некрасова. — Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 209—210.

⁵ См.: Аксакова В. С. Дневник (1854—1855). СПб., 1913, с. 42.

⁶ Вестник Европы, 1878, № 2, с. 909.

⁷ Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми т., т. I. М., 1963, с. 280.

автора «Записок охотника» о «знакомых» ему с детства местах: «Эта земля орошена потом и кровью крепостных людей, и я не чувствую в себе достаточно силы, чтобы искупить грехи моих отцов».⁸

Неудивительно, что даже глубоко враждебное и несправедливое отношение к поэту, проявившееся во многих тургеневских суждениях о произведениях Некрасова после разрыва с последним, не могло до конца искоренить того, что идейно сближало и творчески роднило их в пору зарождения и осуществления замысла «Записок охотника». Узнав о смерти поэта, Тургенев сказал: «... что у Некрасова неотъемлемо — это его искреннее чувство любви к народу; ему он никогда не изменял».⁹

Именно это чувство, пронесенное поэтом через все его творчество, вызвало интерес Тургенева к первым же зрелым стихам Некрасова и тесно сблизило молодых литераторов друг с другом, а также с их общим идейным наставником и учителем Беллинским. По справедливому замечанию А. Ф. Кони, «вооруженный этою любовью, как бы следуя будущим словам Некрасова: „Иди к униженным, иди к обиженным и будь им друг!“, вступил Тургенев на путь обличения крепостного права. Любовь к униженному человеку — к крестьянину и дворовому, ничем не задуваемая, яркая и согревающая, светится на всех страницах „Записок охотника“».¹⁰

В «Обзрении журнальных явлений» за январь и февраль 1847 г. Аполлон Григорьев, обративший должное внимание на первый рассказ из «Записок охотника» Тургенева, «где характер русского человека является с совершенно новой стороны», писал, что «в каждой русской душе таятся страшные песни Некрасова о кабаке, о дороге, об огородинке», и призывал вслушаться «в какой-то сурово-насмешливый и ядовито-грустный тон его <Псовой> Охоты».¹¹ По словам того же критика из статьи 1862 г. о новом издании стихотворений поэта, в одном из них — именно «В дороге» — «сжались, совместились все повести сороковых годов», и «вся эпоха этих повестей тут, в некрасовской песне, отплась в сжатую поэтическую форму».¹²

Как справедливо отмечалось одним из исследователей, «поразительную мелочность обнаруживают <...> те историки литературы, которые занимаются далеко не существенным вопросом о первенстве Некрасова в деле обличения крепостного права по сравнению с Тургеневым и Григорьевичем: они забывают, что в этом отношении Некрасова предвещал Пушкин, а Пушкина — Радищев».¹³ Еще более нелепой и бездоказательной выглядит предпринятая в 1861 г. С. С. Дудышкиным попытка представить дело так, будто основные мотивы поэзии Некрасова сложились «под влиянием „Записок охотника“ Тургенева».¹⁴

Вскоре после выхода первого отдельного издания «Записок охотника» (1852) Тургенев писал П. В. Анненкову, что литературе всегда нужен «человек, одаренный необыкновенно верным критическим взглядом», что «талантливый критик направляет дарование, уясняет ему его задачу».

⁸ См.: М [енгден] Е. Встречи с И. С. Тургеневым. (Из дневника современницы). Тобольск, 1893, с. 9.

⁹ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1969, с. 203.

¹⁰ Кони А. Ф. Памяти Тургенева. (Речь на торжественном заседании императорской Академии наук 1 марта 1909 г.). — В кн.: Кони А. Ф. На жизненном пути, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1913, с. 415.

¹¹ Московский городской листок, 1847, 5 марта, № 52, с. 207—208.

¹² Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967, с. 453—459.

¹³ Филиппов М. М. Мысли о русской литературе. М., 1965, с. 197. 224.

¹⁴ Отечественные записки, 1861, № 12, отд. II, с. 83.

В качестве примера плодотворного взаимодействия художественного творчества с передовым литературно-критическим сознанием он указывал на Гёте и его друга Мерка, который, «как Сократ, любил, чтобы его называли повивальной бабкой чужих мыслей».¹⁵

Именно такую стимулирующую роль творческого катализатора играл некрасовский «Современник» по отношению к его авторам, и прежде всего Тургеневу. «Там были озорники неприятные, но которые заставляли мыслить, негодовать, возвращаться и перерабатывать себя самого», — писал М. Е. Салтыков-Щедрин, подчеркивая роль этого журнала в творческой судьбе Тургенева, роман которого «Отцы и дети» явился «плодом общения» его с «Современником».¹⁶

Многие современники Некрасова отметили его бесспорно громадное влияние на литературу, которое было «в высшей степени полезно, плодотворно и благородно», как «сила воспитывающая, ободряющая и отрезвляющая русскую мысль».¹⁷ «Часто случается, — писал в некрологе Некрасова активный сотрудник возглавлявшихся им журналов А. Н. Плещеев, — что даровитые писатели бывают плохими ценителями чужих произведений, но к покойному Николаю Алексеевичу никак нельзя было применить этого; напротив, он обладал необыкновенной критической способностью, и отзывы его всегда были в высшей степени верны <...> Вообще это был человек сильного, выдающегося ума, и та же самая верность и ширина взгляда замечалась у него при оценке людей и фактов.

Заслуги Некрасова как журналиста точно так же огромны. Он умел сгруппировать около себя в „Современнике“ самые крупные литературные силы той эпохи, — и кому неизвестно влияние, которое имел на тогдашнее общество этот журнал?».¹⁸

Один из продолжателей традиций «Записок охотника» — И. А. Салов говорил, что «у Некрасова огромное критическое чутье», и подтверждал это историей публикации одного из своих произведений в «Современнике».¹⁹

Такие свидетельства опровергают расхожее в прошлом мнение, которое наиболее откровенно сформулировал Анненков, считавший Некрасова «не особенно развитым редактором, заботившимся якобы лишь о «хорошем направлении».²⁰ В действительности же Некрасов как редактор и критик никогда не противопоставлял талант направлению, но добивался их гармонического взаимодействия.²¹ Именно эта тенденция лежала в основе его длительных и сложных взаимоотношений с автором «Записок охотника» — произведения, которое с еще большим правом, чем «Отцы и дети», может быть названо «плодом общения» с «Современником».

¹⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. II. М.—Л., 1961, с. 144—145 (далее: Тургенев И. С. Письма).

¹⁶ Щедрин Н. (Салтыков М. Е.). Полн. собр. соч., т. XVIII, кн. 1. М., 1937, с. 343.

¹⁷ Мордовцев Д. Об историческом значении Некрасова как поэта. — Древняя и новая Россия, 1878, т. 1, № 2, с. 139.

¹⁸ Плещеев А. Николай Алексеевич Некрасов. — Биржевые ведомости, 1887, № 334.

¹⁹ См.: Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, с. 61—62.

²⁰ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, ч. III. СПб., 1912, с. 355.

²¹ См.: Гершензон Д. Некрасов-критик. — В кн.: Творчество Некрасова. Сб. статей. М., 1939, с. 250; Твердохлебов И. Ю. Некрасов-критик. — В кн.: История русской критики, т. I. М.—Л., 1958, с. 488—508; Гин М. М. Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957, и др.

2

Сколько-нибудь подробное изучение конкретной роли Некрасова — редактора и критика в истории создания и оценок «Записок охотника» еще не предпринималось, поскольку на этот цикл произведений принято было смотреть как на нечто, «всесторонне изученное».²² В действительности это, конечно, не так. Нуждаются прежде всего в критической проверке заведомо «антинекрасовские» сведения об истории печатания самого первого рассказа из «Записок охотника», приведенные Тургеневым в его полемических «Воспоминаниях о Белинском» и принимаемые до сих пор на веру. Сам поэт сразу уловил в этих мемуарах «тонкие намеки» по своему адресу, которые Тургенев «хитро старался скрепить авторитетом» великого критика (XI, 134). Имя Некрасова совсем не упоминалось в связи с историей рассказа «Хорь и Калиныч», появившегося в «Смеси», но «тонкий намек» был понят и расшифрован в печати отнюдь не двумысленно: «Странное дело! Очерк этот, первый из той серии маленьких шедевров, которую мы знаем под именем „Записок охотника“, этот перл появился в „Смеси“, чуть не на „затычку“»;²³ «отчего этому прелестному рассказу отведено было такое скромное место в журнале — остается донныне тайной редакции».²⁴

Многочисленные «комментарии» подобного рода проясняли скрытую тургеневскую мысль о том, что не только Панаев, которому опять же в полемических целях была приписана главная роль в истории возникновения и публикации «Хоря и Калиныча», а также в придумывании подзаголовка к нему, но якобы и безучастный ко всему этому Некрасов не сумели понять и оценить рассказ, неожиданный успех которого, по неоднократным признаниям автора, породил «Записки охотника». Н. В. Берг так прямо и писал: «Заметим, что Некрасов с Панаевым не решились дать этой повести видного места: она была напечатана в „Смеси“».²⁵

Как писал позднее А. Н. Пыпин, помещение первого рассказа из «Записок охотника» не в отделе «Словесность» «некоторые ставили потом в укор Некрасову, видя в этом признак того, что он не умел оценить произведение Тургенева. Дело объясняется проще: Некрасов, а может быть и Тургенев, не предвидел, что это будет начало целой обширной серии, а не отдельный случайный эпизод; а такие небольшие рассказы нередко помещались в „Смеси“. По тогдашнему журнальному плану „Смесь“ часто бывала дополнением к литературному отделу, и русскому, и иностранному».²⁶

В то время, конечно, еще никто не предполагал, что за этим рассказом последуют другие, хотя такая возможность и не исключалась подзаголовком «Из записок охотника». Просьба к Тургеневу редакции «Современника», в которой главную роль играли Белинский и Некрасов, дать для журнала, помимо стихов и статей, «каких-либо очерков о русской деревенской жизни»,²⁷ в результате чего и был написан «Хорь

²² Евгеньев-Максимов В. «Современник» в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934, с. 175.

²³ Наши деятели, вып. 1. И. С. Тургенев. (Биографический очерк) 1818—1883. СПб., 1883, с. 10.

²⁴ Русские поэты в биографиях и образцах. Сост. Н. В. Гербель. Изд. 2-е, исправл. и доп. СПб., 1880, с. 510.

²⁵ Исторический вестник, 1883, № 11, с. 369.

²⁶ Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. СПб., 1905, с. 88.

²⁷ Литературное наследство, т. 76. М., 1967, с. 366. См. также наши примечания к «Запискам охотника» в кн.: Тургенев И. С. Собр. соч. в 12-ти т., т. I. М., «Худож. лит-ра», 1975, с. 358—363.

и Калиныч», сыграла основную роль в работе над будущим циклом. До тех пор, по признанию Тургенева, зафиксированному очень точной мемуаристкой Н. А. Островской, он «считал себя поэтом и подобные рассказы писал не для печати, а для собственного удовольствия и никак не смотрел на них серьезно».²⁸

Установившийся к тому времени взгляд на Тургенева прежде всего как на поэта сказался и в помещении цикла стихов «Деревня» в первом отделе, и в том, что в ряде откликов на январскую книжку обновленного «Современника» основное внимание уделялось именно стихам, а не прозаической вещи того же автора. Иные читатели, как например П. А. Плетнев, одобрительно отозвавшись о новых тургеневских стихах, вообще не заметили «Хоря и Калиныча» или же не нашли в нем «ничего особенного».²⁹ Тем большее значение приобретала информация об успехе этого рассказа вместе с другими материалами обновленного «Современника», которую Тургенев получил сначала от приехавшего 6 (18) февраля 1847 г. в Берлин А. И. Герцена, а затем из писем И. И. Панаева от 10 (22) февраля, Некрасова от 15 (27) февраля и Белинского от 19 февраля (3 марта).

В редакцию к тому времени уже была прислана рукопись «Ермолая и мельничихи», о которой Некрасов сообщал автору: «Рассказ Ваш я прочел — он очень хорош, без преувеличенья: прост и оригинален. Завтра дам его Белинскому — он, верно, скажет то же». Далее в письме упоминается обещанный Тургеньевым еще один отрывок из «Записок охотника», работа над которыми, стало быть, уже интенсивно шла и теперь получала новый импульс: «Радилова я буду ждать с нетерпением; мне эти ваши рассказы по сердцу пришлись» (X, 61—62).

Годичный результат этой, непредусмотренной заранее, но ставшей для писателя главной работы был отмечен в № 12 «Современника», в том же отделе «Смесь», где увидел свет первый рассказ будущего цикла: «В выданных в 1847 году двенадцати книжках мы напечатали почти все, что обещали, и напечатали еще много необещанных статей, которые были замечены публикою и действительно стоили ее внимания <...> Напечатаны не все из обещанных статей г. Тургенева, но напечатано семь рассказов г. Тургенева необещанных».³⁰ Эти рассказы и явившись вкладом писателя в общие усилия сотрудников журнала, направленные на то, «чтобы он оправдывал свое заглавие и представлял верную и по возможности полную картину современного состояния науки, искусства и литературы», соответствовал «потребностям современного образования» (XII, 111).

Рассказы и очерки Тургенева, от которых повеяло здоровой и крепкой жизнью, привлекли внимание Некрасова не только своим антикрепостническим пафосом, но и свежестью художественной формы, новаторским взглядом на «мужика» с поэтической и общечеловеческой точек зрения. Они вполне отвечали стремлению «Современника» «делать общеизвестными результаты» всеобъемлющего «изучения России русскими», раскрывать «чувство народной самобытности и историческое, практическое разумение» во всех социальных слоях. «Теперь, более чем когда-нибудь, мы должны обратиться на самих себя, сосредоточиться, глубже вглядываться в свою народную физиономию, изучать ее особенности, проникать внимательным оком в зародыши, хранящие великую тайну нашего, несомненно великого, исторического предназна-

²⁸ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. 2, с. 80.

²⁹ Сын отечества, 1847, № 10, отд. VI, с. 21.

³⁰ Современник, 1847, № 12, отд. IV, с. 206—207.

ченя», — писал Некрасов (XII, 121). Именно это прежде всего и делал автор «Хоря и Калиныча», сумевший в двух простонародных типах раскрыть не только национально-русские, но и общечеловеческие истоки веры в «неистощимую жизненность России», образно воплотить свое собственное убеждение в том, что «в русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития».³¹

Сведения, которые получал Тургенев за границей из «конторы» «Современника» об успехах первого и последующих рассказов будущего цикла, имели для автора особое значение, ибо в основание этих оценок был положен голос общественного мнения, свидетельствующий, что «между журналом и читателями есть живая связь и взаимодействие» (XII, 120). Об этом говорилось не только в редакционных объявлениях, письмах и критических статьях Некрасова, но также нередко и в его поэтических произведениях. Так, в беседе журналиста с подписчиком в стихотворении «Деловой разговор» выяснялось, что читателей «Современника» привлекают прежде всего оригинальные произведения, от которых веет

И русской грустью, и русским удалством,
Где развернется нам знакомая природа,
Знакомые черты знакомого народа.

(I, 215)

Эти стихотворные строки, напечатанные в августовской книжке «Современника» за 1851 г., сжато формулировали и обобщали то, что нередко встречается в письмах Некрасова к Тургеневу, побуждавших автора «Хоря и Калиныча» к интенсивному продолжению столь счастливого начатого им дела: «Нисколько не преувеличу, сказав Вам, что эти рассказы сделали такой же эффект, как романы Герцена и Гончарова (т. е. «Кто виноват?» и «Обыкновенная история», — В. Г.) <...> Нас то и дело спрашивают, будут ли в „Современнике“ еще Ваши рассказы. Вот оно куды пошло!». С полной убежденностью в своей правоте Некрасов заявлял, что это — «настоящее дело» Тургенева (X, 70—71).

Не только письма Некрасова, Белинского, Панаева, но и каждая новая книжка «Современника» имели важное значение в работе Тургенева над его рассказами и очерками. Этот журнал служил ему за границей главным каналом информации о России, живым нервом, связующим с ней. Номера «Современника» он читал, по его словам, «с волчьей жадностью»³² и нередко находил в них очень нужные сведения и материалы для осуществления того или иного замысла. В девятой книжке его «совершенно с ума свело» «удивительное произведение» Некрасова «Еду ли ночью по улице темной», которое он твердил «денно и ночью» и выучил наизусть.³³ Своеобразным комментарием к названному стихотворению явились помещенные в отделе «Смесь» той же книжки статистические сведения о смертности в России «от неосторожности» за 1846 г. Лейтмотивом размышлений над этими цифрами, взятыми из «Журнала Министерства внутренних дел», стали следующие слова: «Смешно и жалко подумать, как не гибнет человек!».³⁴

В февральской книжке «Современника» за 1848 г. эта горькая мысль отзовется в тургеневских размышлениях в рассказе «Смерть» о том, как «удивительно умирает русский мужик!» и как вообще «удиви-

³¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. I. М.—Л., 1960, с. 258, 300—301 (далее: Тургенев И. С. Сочинения).

³² Тургенев И. С. Письма, т. I, с. 264.

³³ Там же.

³⁴ Современник, 1847, № 9, отд. IV, с. 87.

тельно умирают русские люди».³⁵ Автор «Записок охотника» ставил и освещал эту жгучую проблему более в нравственно-философском, психологическом и общенациональном плане и не достигал такой социальной конкретности, емкости, остроты, какие присущи поэтическому шедевру Некрасова, давшему несомненный толчок к написанию этого рассказа. Хотя его название впервые встречается в «программе», составленной в конце августа 1847 г., однако написан он был лишь в конце ноября—начале декабря. Стимулом к работе над ним послужило не только некрасовское стихотворение, но и аналитическое обозрение статистических данных о смертности в России, которым начинались «Современные заметки» в той же сентябрьской книжке журнала. В ней было помещено следующее сообщение, адресованное всем читателям «Современника», а стало быть и самому писателю: «И. С. Тургенев прислал нам продолжение „Записок охотника“: новые четыре рассказа — столь же оригинальные, поразительные своей естественностью, полные живого интереса».³⁶

Такого рода непосредственная связь журнала с читателями и автором пока разрозненных рассказов и очерков способствовала не только продолжению работы над ними, но и началу их объединения в нечто целое, т. е. созданию цикла как оригинального единого произведения. Роль «Современника» сказалась тут с особенной силой и наглядностью. Получив после опубликования «Хоря и Калиныча», а затем «Петра Петровича Каратаева» новый рассказ — «Ермолай и мельничиха» (середина февраля 1847 г.), Некрасов не стал помещать его ни в третьей, ни в четвертой книжке журнала. Он побуждал Тургенева к завершению «Моего соседа Радилова», который был получен через месяц и содержал в конце обещание поговорить об упомянутом там Овсяникове «в другом отрывке», что, естественно, давало повод не торопиться и с его публикацией. Время получения редакцией рукописей «Однодворца Овсяникова» и «Льгова» неизвестно. Мы знаем лишь, что оба эти очерка вместе с двумя предшествующими были допущены 30 апреля 1847 г. к публикации в отделе «Словесность» майской книжки «Современника», оглавление которой представляло их читателям по существу как новое оригинальное произведение: «Записки охотника, четыре рассказа (Ермолай и мельничиха. — Мой сосед Радилон. — Однодворец Овсяников. — Льгов) И. С. Тургенева».³⁷

Как видим, Некрасов сознательно накапливал рассказы для их целостного появления в печати. Подзаголовок к «Хорю и Калинычу» был вынесен из отдела «Смесь» в отдел «Словесность» как общее название уже ясно определившегося цикла рассказов и очерков. Каждый из них получал теперь порядковый номер его появления в журнале. Идеинотематическая связь этих небольших по объему произведений была обозначена также в особой сноске, сделанной к цифре II, стоявшей над «Ермолаем и мельничихой»: «Первый отрывок из Записок Охотника, под названием „Хорь и Калиныч“, напечатан в 1 № Современника, 1847 г. См. отд. IV, стр. 55».³⁸

Сквозная нумерация рассказов и очерков, а также редакционные отсылки к предшествующим публикациям для поддержания непрерывной связи между ними, как звеньями единой цепи, делались рукою Некрасова, что видно из уцелевших беловых автографов, которые Тургенев

³⁵ Тургенев И. С. Сочинения, т. IV, с. 216, 224.

³⁶ Современник, 1847, № 9, отд. IV, с. 102.

³⁷ Там же, № 5, Оглавление (внутренняя сторона первой обложки).

³⁸ Там же, отд. I, с. 130.

присылал на его имя из-за границы прямо для набора. Эти с виду чисто технические пометы, предназначенные, естественно, в первую очередь для читателей журнала, имели вместе с тем бесспорный характер обращения и к самому автору, получавшему возможность взглянуть на свое собственное продолжающееся творение как бы со стороны.

Во всяком случае именно после выхода в свет майской книжки «Современника», где впервые была начата циклизация «отрывков» под сводным заглавием, в творческой истории «Записок охотника» наступил качественно новый этап, непосредственно связанный с работой над одним из самых острых в социальном отношении рассказов, который был создан под прямым влиянием идей письма Белинского к Гоголю. На уцелевшем черновом автографе «Бурмистра», законченном в Зальцбрунне, куда Тургенев приехал с Белинским 22 мая (3 июня) 1847 г. и где, очевидно, им и был получен пятый номер журнала,³⁹ впервые появляются так называемые «программы», т. е. наброски плана будущей книги и даже первый вариант ее титульного листа, почти дословно повторяющий некрасовское примечание к «Ермолаю и мельничихе», приведенное нами выше: «Отрывки из „Записок охотника“ И. Тургенева. С. Петербург. 1848».⁴⁰

Доказательством того, что здесь мысль автора и намерения его редактора не только шли в одном направлении, но практически совпадали, служит письмо Некрасова к Тургеневу от 28 октября (9 ноября) 1847 г. о замысле отдельного издания рассказов и очерков: «Уж наберется томик порядочный, а когда наберется другой — и другой напечатается» (X, 84). Таким образом, редакционным примечанием Некрасов предвосхитил и даже в известной мере предопределил авторский проект собрания «отрывков» в одно целое, а в письме к Тургеневу дальновидно предугадал наиболее вероятный, как минимум, двухтомный состав первого отдельного издания «Записок охотника», что через пятилетие и было осуществлено.

В этой связи представляет особый интерес беловой автограф, т. е. наборная рукопись, заключительного «отрывка» всего цикла — «Лес и степь». Некрасов получил его в конце 1848 г., о чем писал Тургеневу в Париж 17 (29) декабря: «Последний Ваш маленький рассказ получен. Он и два прежние будут помещены во 2-м № „Современника“ на 1849 год» (X, 121). Слово «последний» здесь относилось не только к очередности поступления автографа, но употреблено и в его прямом смысле, поскольку в беловой рукописи над заглавием «Лес и степь» вслед за оставленным местом для порядкового номера публикации, который выставлялся Некрасовым, рукою Тургенева было прибавлено в скобках: «(И последний отрывок)».⁴¹ Примечательно, что эти слова, не тронутые в рукописи, были все-таки сняты (скорее всего в корректуре) и не увидели света, потому что, будучи сохраненной, такая ремарка могла быть воспринята в журнале как редакционная. Между тем Некрасов явно не разделял субъективного намерения Тургенева ограничиться семнадцатью рассказами.

Дальновидность редактора получила вскоре убедительное подтверждение: после возвращения в середине 1850 г. в Россию Тургенев под влиянием нахлынувших на него новых впечатлений продолжил работу

³⁹ Примечательно письмо П. В. Анненкова к братьям от 9 (21) июня 1847 г. из Зальцбрунна, где он жил тогда с Белинским: «С нами живет также молодой Тургенев, которого рассказы напечатаны в последней книжке „Современника“» (Литературное наследство, т. 56. М., 1950, с. 191). Майский номер журнала действительно стал заметной вехой в творческой истории «Записок охотника».

⁴⁰ Тургенев И. С. Сочинения, т. IV, с. 466.

⁴¹ Там же, с. 610.

над циклом, написав еще рассказы «Свидание», «Певцы», «Бежин луг» и «Касьян с Красивой Мечи», а в отдельное издание «Записок охотника» включил, кроме того, «Петра Петровича Каратаева», появившегося в «Современнике» как вполне самостоятельный рассказ, и не пропущенных в журнале цензурой «Двух помещиков». Так реализовалось желание Белинского (вполне разделявшееся Некрасовым), высказанное еще во «Взгляде на русскую литературу 1847 года»: «Нельзя не пожелать, чтобы г. Тургенев написал еще хоть целые томы таких рассказов». ⁴² Вот почему во всех редакционных объявлениях 1847—1851 гг. Некрасов последовательно и неизменно относил рассказы и очерки тургеневского цикла к числу «главнейших статей по части повестей и романов», публиковавшихся в журнале, и твердо обещал читателям продолжение «Записок охотника». ⁴³

3

Некрасовский «Современник» был первым печатным органом, известившим, говоря словами поэта, «тьму поклонников» (X, 227) рассказов и очерков Тургенева об их объединении в целостный цикл и начале самостоятельной, независимой от журнала жизни: «В Москве печатаются особым изданием „Записки охотника“, которые появлялись по временам отдельными рассказами в нашем журнале. Эта новость, конечно, будет приятна многочисленным читателям Тургенева. „Записки охотника“ не принадлежат к таким произведениям, которые, будучи прочитаны однажды в журнале, не представляют уже никакого интереса для публики при вторичном появлении в свет: не говоря уже о том, что эти рассказы были разбросаны в „Современнике“ в течение нескольких лет и что теперь, при полном издании, многое в них пересмотрено, дополнено и исправлено автором, — самое содержание их, так богатое картинами русской природы, русской жизни, представляющее столько типических, мастерски очерченных лиц, ручается, что при вторичном появлении „Записки охотника“ будут встречены по крайней мере с тою же благосклонностью, с какою публика постоянно встречала каждый новый рассказ г. Тургенева. „Записки охотника“, как одна из немногих оригинальных русских книг, в которой разбросано множество верных черт русской природы и жизни, по нашему мнению, должны занять почетное место в русской библиотеке каждого образованного читателя, как произведение самостоятельного ума, пробуждающее мысль, дополняющее собственные наши наблюдения и сведения о предмете, который никогда не перестанет быть интересным для русского. На этом основании мы предсказываем этим „Запискам“ прочный успех, который они вполне заслуживают тем добросовестным, полным любви изучением своего предмета и тою талантливою отделкою формы, которых следы встречаются на каждой странице этого произведения. „Записки охотника“ появятся в свет в конце апреля, и тогда мы поговорим о них подробнее». ⁴⁴

⁴² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 346.

⁴³ Новое возвращение Тургенева к циклу в 1870-е годы («Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Стучит!») окончательно подтвердило правоту Белинского и Некрасова, а не Анненкова, наложившего, как известно, «запрет» на попытки писателя все-таки осуществить наиболее социально острые замыслы, среди которых был знаменитый «Землеед». Можно сказать словами Щедрина, что именно разрыв с «Современником» и убил это, а также другие важные произведения в самом их зародыше.

⁴⁴ Современник, 1852, № 4, отд. VI, с. 324.

В середине апреля писатель, как известно, был посажен на съезжую, а через месяц выслан в деревню. Это обстоятельство и последовавшее за ним тщательнейшее цензурное разбирательство, вызванное напечатанием книги Тургенева, признанной самим царем предосудительной, исключили возможность публикации сколько-нибудь подробных рассуждений, статей о первом отдельном издании «Записок охотника». Тем большее значение приобретает приведенная выше анонимная информация «Современника» об этой действительно главной и центральной литературной новости того времени — по существу единственная развернутая, хотя и предельно краткая, тезисно-концептуальная заметка о цикле рассказов и очерков, сложившемся на страницах журнала и получившем характер целостного оригинального произведения.

Из всех «Литературных новостей», сообщенных в апрельской книжке «Современника», атрибутирована лишь заметка о «Записках ружейного охотника» С. Т. Аксакова: автором ее был И. С. Тургенев.⁴⁵ Ей как раз и предшествовала информация о его собственных «Записках охотника», которые тогда еще не были напечатаны отдельно, а только готовились к изданию. Ясно, что написать ее мог лишь близкий Тургеневу человек, располагавший сведениями о подготовке особого издания рассказов и очерков, о том, что «теперь, при полном издании, многое в них пересмотрено, дополнено и исправлено автором» и что появятся они в свет «в конце апреля».

Между тем анонимная заметка приписана В. Я. Струминским К. Д. Ушинскому.⁴⁶ В. Г. Боград уже отклонил ранее высказанное «предположение об авторстве Ушинского для всего текста» «Литературных новостей»,⁴⁷ поскольку заметка о книге С. Т. Аксакова принадлежала Тургеневу. Абсолютно недоказанным остается авторство Ушинского и в отношении приписанной ему информации о готовившемся отдельном издании тургеневского цикла рассказов и очерков: молодой сотрудник «Современника» не был знаком ни с одним из тех лиц, которые только и располагали необходимыми сведениями об этой литературной новости (В. П. Боткин, Некрасов, Н. Х. Кетчер). Излагать же их под «диктовку» или со слов Некрасова едва ли он мог. Сомнительной представляется и его осведомленность о той «благоклонности, с какою публика постоянно встречала каждый новый рассказ г. Тургенева». Это мог сказать лишь человек, давно и тесно связанный с журналом и его подписчиками, а не начинающий сотрудник «Современника»; к тому же «благоклонность» самого Ушинского к «Запискам охотника», по крайней мере в то время, остается пока еще проблематичной и решительно ничем не подтвержденной.

Другое дело помещенные в тех же «Литературных новостях» краткие деловые сведения о таких изданиях, как «Исследование о древностях южной России и берегов Черного моря» А. С. Уварова, «Этнографическая карта Европейской России» П. И. Кеппена, «Живописная Российская империя», «Российский царственный дом Романовых», «Вестник имп. Русского географического общества» на 1852 г., «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1851 год», «Путеводитель по имп. Публичной библиотеке».⁴⁸ Авторство Ушинского здесь вполне достоверно.

⁴⁵ Тургенев И. С. Сочинения, т. V, с. 397—406, 640—642. См. также: Боград В. Журнал «Современник», 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959, с. 195.

⁴⁶ См.: Архив К. Д. Ушинского, т. 4. М., 1962, с. 41—42.

⁴⁷ Боград В. Журнал «Современник», с. 512, № 0248. См. также: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. I. М.—Л., 1948, с. 719.

⁴⁸ Современник, 1852, № 4, отд. VI, с. 323—324, 331—334.

Среди этих чисто описательных «новостей» информация о готовящемся издании «Записок охотника», равно как и заметка об Аксакове Тургенева, помещенные не случайно рядом, выглядят инородным телом. К тому же все основные положения приведенной выше краткой статьи могли быть высказаны таким человеком, который по меньшей мере читал письма Некрасова к Тургеневу. Приведем наиболее характерные в этом отношении параллели.

Так, в статье читаем: «„Записки охотника“ не принадлежат к таким произведениям, которые, будучи прочитаны однажды в журнале, не представляют уже никакого интереса для публики при вторичном появлении в свет». В письме Некрасова от 28 октября (9 ноября) 1847 г.: «А рассказы Ваши так хороши и такой производят эффект, что затеряться им в журнале не следует» (X, 84).

В статье: «„Записки охотника“, как одна из немногих оригинальных русских книг <...> должны занять почетное место в русской библиотеке каждого образованного читателя». В письме Некрасова от того же числа: «Я хочу издавать и на днях начну „Библиотеку русских романов, повестей, записок и путешествий“, — начну с „Кто виноват?“, потом „Обыкновенная история“, а потом, думаю я, „Записки охотника“» (X, 84).

Предположим, однако, что Некрасов мог поделиться такими же мыслями не только с Тургеневым, но и с новым сотрудником «Современника». Но вот уж чего абсолютно нельзя даже представить, так это использование зрелым поэтом, критиком, редактором мыслей и фраз начинающего журнальную деятельность литератора в своих собственных статьях, помещенных к тому же в одном издании, которое он возглавлял. А между тем последующие суждения Некрасова о «Записках охотника» подчас чуть ли не дословно совпадают с информацией «Современника» о скором выходе отдельного издания этой книги. Главную заслугу ее автора Некрасов усматривал в том, что он, как сказано в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года», «девять лет тому назад начал свои очерки народных характеров и постепенно поставил перед нами ряд оригинальных, живых и действительных лиц, о которых мы до него не имели понятия» (IX, 332). В сущности эта же мысль и почти теми же словами была высказана в заметке 1852 г., где основной причиной широкого успеха «Записок охотника» названо прежде всего «самое содержание их, так богатое картинами русской природы, русской жизни, представляющее столько типических, мастерски очерченных лиц».

Примечательно, что эти же самые мысли были высказаны ранее в приведенной выше беседе журналиста с подписчиком («Деловой разговор»), где издатель солидаризируется со своим читателем, который отдает предпочтение оригинальным русским произведениям перед любой переведенной вещью.

Во всех этих случаях голос редактора и критика органично сливался не только с мнением читателей, но и с поэтической концепцией Некрасова, находившей глубокий отзвук у Тургенева в пору создания «Записок охотника».

В. П. Вильчинский

НЕКРАСОВ В ИТАЛИИ

(ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОЭТА)

В 1856—1857 гг. Некрасов более десяти месяцев прожил за границей, куда вынужден был поехать по настоянию врачей для лечения затянувшейся болезни горла. Не только знакомые, но даже некоторые друзья поэта, проявляя заботу и выражая искреннее сочувствие больному, вместе с тем несколько иронически относились к самому факту его невольного «приобщения» к культуре Западной Европы. В своей переписке они подчеркивали, что незнание Некрасовым иностранных языков и его, по их мнению, «необразованность» вряд ли позволят ему познать европейские духовные ценности и что-либо понять в них. Так, например, И. С. Тургенев, сообщая Л. Н. Толстому 10 ноября 1856 г. о получении двух писем из Рима от Некрасова, добавлял: «Он скучает слегка — да оно и понятно — все что в Риме есть великого, только окружает его; он не живет с ним; — а редкими мгновеньями невольного сочувствия и удивления долго пробавляться нельзя. Впрочем, ему все-таки легче, чем в Петербурге, — и здоровье его поправляется».¹ Некоторое время спустя Тургенев дополнил эту мысль в письме к А. И. Герцену от 6 декабря 1856 г., в котором он сообщил, что давно не имел писем от Некрасова: «...кажется, он хандрит и скучает в Риме. Он и в России скучал, но не так едко; плохо умному человеку, уже несколько отжившему — но нисколько не образованному, хотя и развитому — плохо ему в чужой земле, среди незнакомых и неизвестных явлений! Он чувствует их значение, и тем больше разбирает его досада и горечь — не бессилия, а невозвратно потерянного времени».²

Соглашаясь с Тургеневым, Герцен в письме к нему употребил по данному поводу ироническую фразу: «Некрасов в Риме... Это что-то звучит вроде щука в опере».³ Выражение стало крылатым и использовалось светскими друзьями поэта.⁴ О незнании им иностранных языков неоднократно писала А. Я. Панаева, свидетельствуя, впрочем, что Некрасов и сам потешался над этим и «уморительно рассказывал, как объяснялся в отелях и на железных дорогах».⁵ «Вот выгодно не знать ни одного языка, — шутил поэт в письме из Венеции к сестре от 10/22 сентября 1856 г., — я заговорил на всех вдруг. Как — это другое дело!

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. III. М.—Л., 1961, с. 42.

² Там же, с. 44.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. XVI. М., 1962, с. 52.

⁴ См.: Фет А. Мои воспоминания, т. 1. М., 1890, с. 172; Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. III, с. 72.

⁵ Панаева А. Воспоминания. Л., 1927, с. 338.

Но понимают, причем нужно соблюдать только одно правило: держать кошелек постоянно открытым» (X, 293).

Ироническое отношение к понятию «Некрасов в Европе» имеет свои причины. Исторически это отношение связано с начавшейся в те годы более твердой ориентацией редактора «Современника» на лагерь революционной демократии, что привело вскоре либеральных сотрудников журнала к разрыву с Некрасовым. В случае с Герценом сказанное усугублялось недружелюбными отношениями между ними, сложившимися в известном споре об огаревском наследстве.⁶ Что же касается сути вопроса, то, как свидетельствуют письма Некрасова 1856—1857 гг., он отнюдь не «растерялся» перед границей. Отдав дань восхищения чарующим красотам природы и отметив особенности общественного устройства зарубежных государств, зоркий глаз поэта-демократа вместе с тем сумел подметить в увиденном некоторые важные черты, упущенные иными из его высокопросвещенных корреспондентов.

Почти половину времени, проведенного за границей, Некрасов прожил в Италии. Впечатления от пребывания в ней наиболее ярки, оценки и суждения — распространеннее тех, которые содержатся в письмах поэта из Берлина, Вены, Парижа, Лондона, Кенигсберга, где он также побывал в те годы. Первое упоминание об итальянских впечатлениях поэта мы находим в цитированном выше письме его к сестре из Венеции, в котором есть такие строки: «Друг мой, какая прелесть Венеция! Кто ее не видал, тот ничего не видал. Описывать скучно и некогда: ты уж извини. Может быть, напишем что-нибудь и напечатаем,⁷ тогда прочтешь» (X, 293). Упомянув в одном из писем, что «описывать Европу так же скучно, как весело ездить по ней» (X, 295), Некрасов роняет попутные замечания в общепринятом духе еще в некоторых своих посланиях из-за границы. «... право, Венеция стоит того, что о ней писали разные великие люди. Волшебный город — ничего поэтичнее даже во сне не увидишь, наглотавшись хапшишу! Флоренция также недурна. С Римом я еще мало знаком, но, право, шататься по Колизею в лунный вечер — дело недурное», — сообщает он А. В. Дружину 26 сентября/8 октября 1856 г. из Рима (X, 295—296). Чивитта-Веккия — «гнусный приморский городишко в 50 милях от Рима», — уведомляет он сестру (X, 316). «Ливорно — такая дрянь, о которой не стоит говорить, — читаем в письме к А. В. Дружину, написанном во время путешествия в Париж в январе 1857 г. — Вообще Италия зимой, куда ни загляни, — жалкая вещь, единственная краса ее — синее небо и теплый воздух; этого зимой нет — значит, и ничего нет» (X, 318). Иное дело — итальянская весна. «В Неаполе прожил я три недели очень хорошо, везде был, даже влезал на Везувий и спускался в самый кратер<...>, — пишет Некрасов Тургеневу 26 марта/7 апреля 1857 г. — Погода в Неаполе стояла отличная — поездки наши <...> как-то все удавались, природа — чудо (особенно Соренто)» (X, 326—327).⁸

⁶ См. об этом: Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., 1933; Дементьев А. Г. Огаревское дело. — Русская литература, 1974, № 4. Дополнительные данные по этому вопросу были приведены Б. Л. Бессоновым на 19-й Некрасовской конференции (см.: Русская литература, 1978, № 3, Хроника).

⁷ Некрасов имеет в виду себя и А. Я. Панаеву, которая встретила поэта в Вене и оттуда отправилась с ним в Италию.

⁸ Ср. у А. Я. Панаевой: «Мы прожили в Риме довольно долго, и он, наконец, порядком надоел Некрасову. По совету В. П. Боткина мы отправились в Неаполь. Этот город очень понравился Некрасову; он по целым вечерам сидел на балконе, любовался морем и Безувием и слушал с удовольствием певца, который каждый

Любопытен отрывок из письма к Л. Н. Толстому от 31 марта/12 апреля 1857 г.: «Жаль, что Вы теперь не в Риме. Все эти дни я смотрел разные религиозные дивы, подобных которым нигде нельзя увидеть, кроме Рима. Сейчас воротился с самой эффектной церемонии. Папа с балкона благословлял народ и кидал буллы. Огромная площадь св. Петра битком была набита народом и экипажами. Зрелище удивительно красивое — в размерах колоссальных. Сегодня вечером св. Петр будет весь мгновенно освещен — пойду посмотреть» (X, 331).

Более значительными представляются, однако, те суждения Некрасова об Италии, которые связаны с его философско-этическими размышлениями о заграничных путешествиях. Такие суждения встречаются, например, в письме поэта к Тургеневу от 21 октября 1856 г.: «Рим мне тем больше нравится, чем больше живу в нем — и я твержу про себя припев к несуществующей песенке:

Зачем я не попал сюда
Здоровей и моложе?

Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатления были живы и сильны и ничто не засоряло души, мешая им ложиться. Я думаю так, что Рим есть единственная школа, куда бы должно посылать людей в первой молодости, — в ком есть что-нибудь не пошлое, и он навсегда унесет отсюда душевное изящество, а это человеку понужней цинизма и растления, которыми дарит нас щедро родная наша обстановка» (X, 299). В письме к тому же корреспонденту от 25 декабря 1857 г. Некрасов восклицал: «О, Италия! ты чуть меня не погубила! Ты разбудила во мне идеальные требования от жизни, от себя...» (X, 374).

Наибольший интерес для нас представляют те высказывания Некрасова об Италии, которые отличаются социальной остротой и содержат немало впечатляющих размышлений поэта-демократа об увиденных им картинах общественного неравенства и унижения человеческого достоинства. «Кроме природы, все остальное производит на меня скорее тяжелое, нежели отрадное, впечатление», — сообщает он Тургеневу 30 октября 1856 г. (X, 294). А несколькими неделями спустя пишет ему же из Рима: «По склонности к хандре и романтизму иногда раздражаюсь здесь от бесчисленных памятников человеческого безумия, которые я вижу на каждом шагу. Тысячи тысяч раз поруганная добродетель (или найди лучше слово) и тысячи тысяч раз увенчанное зло — плохая поручка, чтоб человек поумнел в будущем» (X, 299).

Попав в Феррару и увидев там темницу Торквато Тассо, в которую великий поэт-гуманист итальянского Возрождения был заключен по приказу герцога феррарского на семь лет, Некрасов так передал свои впечатления тому же корреспонденту: «В Ферраре забрел я в клетку, где держали Тасса, и целый день потом было мне очень гадко. Вся стена исцарапана именами приходивших взглянуть на тюрьму Тасса (то-то много ему от этого радости!). Я не посмел надарпать своего имени там, где, между прочим, прочел имя Байрона, а хотелось» (X, 294).

Наиболее развернутый отзыв Некрасова об Италии, в известном смысле соединяющий все аспекты его высказываний на эту тему, содержится в письме из Рима к В. П. Боткину от 28 декабря 1856 г. Вот соответствующий отрывок из этого сравнительно недавно обнаруженного

вечер являлся к балкону. Он настолько почувствовал себя хорошо, что в компании русских знакомых и В. П. Боткина взобрался на Везувий, на самый кратер» (Паняева А. Воспоминания, с. 339).

и потому малоизвестного документа: «Ты пеняешь, что я тебе не написал о своем здоровье. Причина та, что хорошего сказать нечего. Горло-то не болит, да зато весь болю: слабость, нервность и сна нет. Черт знает, не вреден ли мне здешний воздух? Возбудительная сила его несомненна, да хорошо ли это для меня? Не знаю, врачей здесь нет. Кстати, где-то в письме я поторопился обругать римский климат. Ну, это несправедливо. Ноябрь был холоден, но весь декабрь стоит — чистое наше лето, даже дожди редки. Сборное место здесь Monte Pincio, гора в самом центре города — там я провожу ббльшую часть дней от 12 до 14 часов, пилит музыка и бродит разноплеменная толпа. Рим я очень полюбил. Чувствую, когда уеду, буду часто вспоминать о нем с чувством изгнанника, думающего о родине. Гони Толстого за границу — стыдно в его лета киснуть в болоте — еще насидится. Это не фраза, что Рим дает много тому, чья душа умеет и может брать, — надо только вовремя попасть, и ему самое время. Новые <люди?> здесь гнусны, но кроме этого низкопоклонного населения здесь есть другое, вечно живое, могучее и красноречивое в своей неподвижности и каменном бесчувствии. Это не значит, чтобы я очень полюбил статуи и картины, но дух того бога, которому все мы служим, веет над этим городом; приди и приобщись! Но как новейший Рим гадок, как и вся Италия, — сказать не умею! Религиозное шарлатанство невероятно. На днях были здесь рождественские торжества. Я был —

И очи потепил во храме Петра
Великой комедией Рима, —

но лучше расскажу при свидании или сам увидишь».⁹

Созерцание развалин Рима, изучение быта и нравов современных итальянцев, любование красотами окружающей природы не заполняли, однако, всего досуга поэта. Несмотря на болезнь, Некрасов много работал в Италии, его творческая активность временами была поразительна: «Я не писал к тебе потому, что работал, — сообщал он Тургеневу в конце 1856 г., — 24 дни ни о чем не думал я, кроме того, что писал» (X, 300). В Риме им была создана значительная часть поэмы «Несчастные», в которой, по нашему убеждению, отражены размышления автора о России и Европе, навеянные тем, что Некрасов в ней увидел:

... Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

(II, 29)

Находясь в Италии, Некрасов не порывал связей с родиной, внимательно следил за происходившими там событиями, заботился о своем журнале, отстаивая «живое и честное» направление в литературе, которое, считал он, не может быть ничем иным, «кроме обличения и протеста» (X, 308).¹⁰ Взволнованный цензурными преследованиями «Современника», усилившимися в это время, Некрасов в письме к Л. Н. Толстому от 12 апреля 1857 г. «проклинает минуту», когда решил ехать за границу, но твердо обещает: «Я еще постою за „Современник“» (X,

⁹ Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 32. М., 1974, с. 207.

¹⁰ Из письма к Тургеневу от 13/30 декабря 1856 г.

331). Постоянная дума поэта о родине отражена в строках из поэмы «Несчастные», относящихся к ссыльному революционеру «Кроту»:

Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит,
Но слаще северная выюга
И больше сердцу говорит.

.....
Родные русские картины!
Заснул, и видел я во сне
Знакомый дом, леса, долины,
И братья сказывали мне,
Что сон их уносили с чужбины
К забытой, милой стороне.

(II, 30, 32)

Приведенные строки являются поэтическим подтверждением слов Некрасова в одном из писем к Тургеневу: «...на чужбине живет видишь родину» (X, 299). Это признание — один из важных тезисов при исследовании малоизученной, но актуальной проблемы «Некрасов и современный ему зарубежный мир».

Л. М. Равич, М. Д. Эльзон

О СТИХОТВОРЕНИИ НЕКРАСОВА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ»

Стихотворение Некрасова «Литературная травля» (1860, 1874) традиционно связывается исключительно с именем Г. Н. Геннади, а именно с печально известным фактом из деятельности библиографа — пропуском «Мертвых душ» в «Списке сочинений Гоголя».¹ «В лице Геннади, — пишет Н. Н. Скатов, — революционные демократы преследовали мелочную, крохоборческую историко-литературную науку, подменившую всю широту стоявших перед нею задач микроскопическими размышлениями более или менее случайных и разрозненных фактов. Социальный облик Геннади, о „светских забавах“ которого упоминает поэт, богача, дилетантски занимавшегося библиографией, не мог вызвать никакого сочувствия».²

Впервые на конкретную направленность стихотворного памфлета Некрасова указал С. И. Пономарев.³ Затем П. А. Ефремов в заметке «Ванька Каин и гг. Геннади и Соболевский» высказал мнение, что существует взаимосвязь между курьезным пропуском Геннади и соответствующим эпизодом в биографии героя сатиры, который в списке сочинений Шекспира поместил «Заиру» Вольтера, но пропустил «Гамлета».⁴ Руководствуясь указаниями Пономарева и Ефремова, К. И. Чуковский пришел к выводу, что все стихотворение Некрасова связано с Геннади.⁵

Однако обратимся к журнальному тексту стихотворения:

... О, светские забавы!
Пришлось вам поклониться.
Литературной славы
Решился я добиться.

Недолго думал думу,
Достал два автографа —
И вышел не без шума
На путь библиографа.

Шекспировых творений
Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших описок.

Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:

¹ См.: Отечественные записки, 1853, № 9, отд. VII, Смесь, с. 29—35.

² См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2. Изд. 2-е. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 603. См. также: Максимович А. Некрасов — участник «Свистка». — Литературное наследство, т. 49—50. М., 1949, с. 310—311, 313; Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963, с. 233—234; Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970, с. 114. Укажем также на публикацию журнального варианта этого стихотворения в «Хрестоматии по русской библиографии с XI века по 1917 г.» С. А. Рейсера (М., 1956) среди материалов, связанных с Г. Н. Геннади (с. 237—240).

³ Некрасов Н. А. Стихотворения. Посмертное изд. Т. IV. СПб., 1879, с. СХХIV.

⁴ Русский архив, 1888, № 11, с. 469—470.

⁵ См., например: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Ред. и примеч. К. Чуковского. Изд. 6-е, испр. и доп. М.—Л., ГИЗ, 1931, с. 628—629.

Какую-то Заиру
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру,
Да пропустил Гамлета.

Ну что ж? Большая важность!
Эх! Русские журналы!
Невежество, продажность,
А метят в либералы!

Посыпались нападки.
Я пробовал сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало!

Тогда я хватъ брошюру —
И тут остался с носом:
На всю литературу
Сочли ее доносом!

И тут пошла потеха!
«Ты варвар, ты китаец,
Друг мрака, враг успеха!».
Так пса увидя, заяц

Засуется, метнется
К тому, к другому краю
И разом попадетса
Во всю собачью стаю!

Дней сто не прекращали
Журнальной этой бани,
И даже тех ругали,
Кто мало сыпал брани!

Такой ужасной травли
Не видано лет двести,
А ведь за что? Не прав ли,
Не прав ли я, по чести?

Что я сказал? «Мальчишки,
Негодные мне в слуги!
Какие их чинишки?
Какие их заслуги?

Дудышкин, Чернышевский,
Какой-то Бов, Громека!
Один Андрей Краевский
Похож на человека!

Как посмотреть пострже
Да привести все в ясность,
Так тут, помилуй боже!
Отечеству опасность...

Все завистию дышут,
Кто к чину, кто к карману.
Не по призванью пишут,
А с голоду да спьяну.

И смели целой ратью
Глумиться надо мною!
Уже ль, по их понятию,
Я Гербеля не стою!..».

И вот за правду-матку
Терплю теперь гоненье!
Пускай бы взял я взятку,
Отжилил чье имене...

Да если б и канальство
Зашло в мои делашки —
Карай меня начальство,
А вы молчать, мальчишки!

А впрочем, я за гласность,
Я сам бывал в Париже,
Но там — какая разность!
Народ гораздо тише.

Притом язык французский
И брань облагородит:
Уклончив, мил... а русский
Как кнут по членам ходит.

К ругательствам способен —
Признала вся Европа:
Своеобразен, злобен!
Хорош он для холопа,

Но груб для нашей кожи,
Притом и формы узки,
Недаром все вельможи
Писали по-французски.

Де-Жеребцов, Мещерский,
Де-Кокорев... Но будет!
От этой брани дерзкой
Меня ведь не убедит!

Не оттого немеет,
Что защищаться нечем.
С Булгариным Фаддеем
И с Николаем Гречем

Истории такие
Не так кончались прежде,
Но времена другие...
А впрочем, я в надежде!

Я повторяю тоже:
Лишь привести все в ясность,
Так тут, помилуй боже!
Отечеству опасность!..

Но лучший, без сомненья,
Ответ на укоризны —
Труд, полный изучения
И нужный для отчины.

Могу себя прославить
И без журнальных стычек:
Решился я составить
«Словарь собачьих кличек»!

Сей труд монументальный
И деньги мне дастит,
И зависти нахальной
Шипение подавит.

Довольно будет ахов...
Я знаю, будут ради
Дудышкин и Галахов,
Гаевский и Геннад!

Сам Лонгинов напишет
Статью — он мне приятель.
Пускай весь мир услышит!..
Пока прощай, читатель.⁶

⁶ Впервые опубликовано: Современник, 1861, № 1 (Свисток, № 7, с. 41—44).

Совершенно очевидно, что центральным сюжетом сатиры является не пропуск «Гамлета» (это лишь зачин, предлог), а эпизод с «брошюрой», написанной героем Некрасова в ответ на критику его указателя и полный злости и доносительных выпадов в адрес «свистунов» и «мальчишек», злоупотребляющих правом гласности. Здесь и обвинения в адрес литераторов-разночинцев, которые «не по призванию пишут, а с голоду да спьяну», и сожаления о том, что миновали времена Булгарина и Греча. «Отечеству опасность», — дважды восклицает герой сатиры.

Перед нами яркий образ ретрограда, доносчика, врага прогресса, дружно осужденного своими современниками, за исключением редактора «Отечественных записок» и «Санкт-Петербургских ведомостей» А. А. Краевского, который один «похож на человека». Совершенно очевидно, что в основе всего этого лежит какой-то реальный эпизод из журнальной полемики конца 50-х — начала 60-х годов. Исследователи, полагавшие, что памфлет Некрасова в основе своей документален, предприняли попытки установить, о каком эпизоде идет речь. При этом особое внимание было обращено, естественно, на содержание «брошюры». Сравнивая второй вариант сатиры (II, 482—484) с первым, Чуковский заметил, что «вместо последнего куплета следовало 84 строки, где пересказывалась брошюра библиографа, в которой он ругал своих литературных врагов».⁷ Совершенно точно определяя характер «брошюры», Чуковский тем не менее не высказал никаких предположений о том, какая реально существовавшая брошюра имелась в виду Некрасовым. Последующие комментаторы, считая неопровержимо доказанным, что вся сатира Некрасова была направлена против Геннади, сделали попытку найти брошюру среди сочинений последнего. Так было высказано мнение, что в некрасовском памфлете речь идет о брошюре Геннади «Кое-что о русских поэтах». По мнению Н. Н. Скатова, биографические сведения об отечественных литераторах, содержащиеся в этом сочинении, носили «во многом характер сплетен».⁸ Комментатора не смутило то обстоятельство, что бытовые подробности из жизни писателей, содержащиеся в брошюре, далеко не равнозначны политическому доносу.

Статья Геннади была напечатана в сборнике, посвященном памяти А. Ф. Смирдина.⁹ В ней рассказывается о привычках и странностях целого ряда писателей конца XVIII—начала XIX в. (К. Н. Батюшкова, Г. Р. Державина, И. М. Долгорукова, Д. В. Давыдова, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, В. В. Измайлова, В. В. Капниста, А. В. Кольцова, Е. И. Кострова, А. Н. Нахимова, В. П. Петрова, Н. М. Языкова). Никто из них, естественно, не мог быть «литературным врагом» Геннади хотя бы потому, что ко времени написания его статьи ни одного из названных лиц уже давно не было в живых. Совершенно очевидно также, что описание бытовых подробностей из жизни давно умерших людей никак не может быть названо и «доносом» «на всю литературу». Статья Геннади соответствовала установкам так называемого «библиографического направления» в литературоведении, считавшего одной из основных своих задач разыскание и публикацию всевозможных биографических материалов о деятелях отечественной культуры. Никаких политических целей она, понятно, не преследовала.

Совершенно очевидно, что Некрасов имел в виду другую «брошюру», совсем иного содержания. Нельзя также забывать, что автор этой «брошюры»,

⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Ред. и примеч. К. Чуковского, с. 629.

⁸ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 604.

⁹ Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. Т. VI. СПб., 1859, с. 101—117; отд. оттиск: СПб., 1859.

согласно сатире Некрасова, был подвергнут всеобщему осуждению современной ему журналистики («Дней сто не прекращали Журнальной этой бани И даже тех ругали, Кто мало сыпал брани. Такой ужасной травли Не видано лет двести»). Между тем статья Геннади «Кое-что о русских поэтах» вообще не получила никаких откликов в периодической печати, так что сам мотив «литературной травли», на котором и строится сатира Некрасова, не может к ней относиться. Геннади никогда не подвизался на поприще публицистики, как герой сатиры Некрасова. Кроме того, это был человек либеральных взглядов, близкий по своей общественной позиции к таким представителям дворянской фронды, как его старшие товарищи по библиографической деятельности — С. А. Соболевский и С. Д. Полторацкий, мнением которых он чрезвычайно дорожил, хотя сам, как человек более молодого поколения, был несколько более «левым». Будучи весьма далек от революционных идей 60-х годов, Геннади отнюдь не был и ретроградом и ко всем проявлениям политической реакции относился с возмущением. Из его писем мы узнаем, в частности, о том, что он гнушался доносчиком Ф. В. Булгариным и укорял Полторацкого в том, что тот в одной из своих статей сослался на столь одиозного литератора. «Читал в Атенеуме французском» ваши заметки о писателях — Ростопчинных и о Евдокии, которую вы величаете *grand poète*, — писал Геннади Полторацкому. — *Soit, c'est votre opinion*.¹⁰ Но как можно закончить статью выпискою из Булгарина, где он ее ставит выше всех современных европейских поэтов и после этого поставить свои буквы Р. S.? Ну можно ли делать такие вещи?¹¹ Таким образом, в отличие от героя некрасовской сатиры, вздыхавшего о временах Булгарина, Геннади относился с отвращением к этому литературному доносчику. Анализ библиографических и историко-литературных трудов Геннади также убеждает нас в устойчивом, хотя и вполне умеренном, либерализме их автора.¹² О серьезном и уважительном отношении к Геннади представителей прогрессивной демократической библиографии того времени дают весьма наглядное представление недавно опубликованные письма к нему А. Н. Афанасьева, относящиеся как раз к концу 50-х — началу 60-х годов.¹³ Высокая же принципиальность А. Н. Афанасьева и его прогрессивная позиция не вызывают никаких сомнений.

Давняя ошибка библиографа, как нам представляется, не могла бы вызвать, да еще через семь лет, специального отклика на страницах столь злободневного издания, как «Свисток». Она была лишь одним из использованных Некрасовым мотивов, лишь эффектным трамплином для сатиры, имевшей куда более существенную для «Современника» мишень. При этом нам хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство. Анекдотическая ошибка молодого Геннади с годами как бы отделилась от него, стала принадлежностью всей той библиографии, которая служила мишенью для насмешек передовой журналистики. Так, в 1858 г. Н. А. Добролюбов, вспоминая о пропуске «Мертвых душ», даже не называет имени Геннади, считая этот факт типичным для библиографии того времени.¹⁴ Точно

¹⁰ «... великим поэтом. Пусть, это ваше мнение» (*франц.*).

¹¹ Письмо Г. Н. Геннади к С. Д. Полторацкому от 25 февраля 1856 г., см.: ГБЛ, ф. 233, карт. 1, ед. хр. 31, л. 2.

¹² Об общественной позиции Г. Н. Геннади см.: Равич Л. М. Г. Н. Геннади и проблема репертуара русской книги. — Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской, 1970, т. 21, с. 81—112.

¹³ См.: Пуродоминский В. И. «Я полюбил Пушкина еще больше» (Пушкин в «Библиографических записках». Из писем А. Н. Афанасьева к Г. Н. Геннади). — В кн.: Прометей, т. X. М., 1974, с. 206—217.

¹⁴ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 3. М.—Л., 1962, с. 461.

так же поступает позже А. А. Котляревский («На память будущим библиографам», 1862), упоминая этот случай в ряду других провинностей современной библиографии.¹⁵ Промах Геннади становится как бы безликим и используется для посрамления целого направления не только в библиографии, но и в историко-литературной науке. Таким образом, осмеянию в сатире Некрасова подвергнут не столько Геннади, сколько определенный тип библиографа того времени. Известно, что авторы «Современника», в особенности Добролюбов, постоянно высмеивали библиографов, оторванных от жизни, от насущных вопросов современности, так что сатира Некрасова, как справедливо отмечают исследователи, была одним из звеньев этой цепи. Однако как сам тон сатиры, так и факт ее помещения в «Свистке», посвящавшем свои материалы только животрепещущим вопросам дня, наводят на мысль о каком-то эпизоде, связанном с библиографом или библиографией и гораздо более близком по времени, чем пропуск «Мертвых душ».

Мы полагаем, что здесь содержится отклик на современные сатире печатные выступления, связанные с одним из виднейших библиографов того времени — М. Н. Лонгиновым.

В декабре 1859 г. писатель И. В. Селиванов был избран в члены подготовительного собрания возобновившего свою деятельность Общества любителей российской словесности. Позже он внес предложение ввести в практику этого Общества проведение платных публичных чтений в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Это предложение было отвергнуто пятнадцатью голосами против двух как противоречащее уставу.¹⁶ 10 февраля 1860 г. Селиванов опубликовал в «Московских ведомостях» (№ 32) «Письмо к редактору» с изложением происшедшего и поместил там же текст своего выступления. Тогда К. С. Аксаков предложил исключить Селиванова из членов Общества любителей российской словесности за деятельность, несовместимую с этим званием. 22 марта Селиванов обратился к А. С. Хомякову с заявлением о выходе из Общества и был исключен из него.

События, вызванные предложением Селиванова, получили подробное освещение в его газетной полемике с секретарем Общества М. Н. Лонгиновым.¹⁷ В своих статьях Селиванов возложил всю ответственность за случившееся на Лонгинова и в резких выражениях охарактеризовал его моральный облик как двурушника и честолюбца. «Я никогда не имел двух различных мнений в одно и то же время, не стоял никогда одною ногою в одном лагере, а другою в другом, совершенно враждебном первому», — писал Селиванов, явно намекая на ренегатство Лонгинова («Первый и последний ответ г. Лонгинову»). Эта история получила широкое отражение во всей современной печати. Прогрессивные издания — «Искра», «Светоч» и др. — откликнулись на полемику Лонгинова с Селивановым, выступив на стороне последнего. Блестящие стихотворения В. С. Курочкина «Дилетантизм в литературе» и «Дилетантизм в благотворительности», опубликованные в № 22 и 24 «Искры» за 1860 г., изображают Лонгинова, Хомякова и все Общество в гротескно-сатирическом

¹⁵ Котляревский А. А. Соч., т. II. СПб., 1863, с. 110.

¹⁶ Против предложения И. В. Селиванова голосовали, в частности, видные библиографы: С. Д. Полторацкий, П. А. Бессонов, М. Н. Лонгинов, Г. Н. Геннади.

¹⁷ См.: Лонгинов М. Справки и объяснения по случаю письма г. Селиванова. — Московские ведомости, 1860, 27 марта, № 69; Селиванов И. Первый и последний ответ г. Лонгинову. — Там же, 12 апреля, № 80; Лонгинов М. По поводу статьи г. Селиванова. — Там же, 14 апреля, № 82.

виде. Курочкина тоже особенно возмутил отказ Общества от сбора средств в помощь нуждающимся литераторам.

Воспою благотворительность,
Отвернувшись от несчастного, —

воскликает герой его сатиры.¹⁸

Отношение «Современника» к деятельности Общества любителей российской словесности было выражено в одном из обзоров: «Оно доставляет очень приятное времяпрепровождение своим членам и возможность несерьезным людям казаться серьезными <...> Это собственно литературная прихоть, роскошь <...> Все это для немногих избранных. Дайте нам прежде насущного хлеба, а потом угощайте цветами, выводимыми в теплицах искусственно». Перед этим, в пародийном описании мнимого вечера у графа Д. И. Хвостова, И. И. Панаев изобразил секретарствующего на вечере «г. Л.» (без сомнения, М. Н. Лонгинова) в привезенной из Китая одежде мандарина.¹⁹ В представлении людей того времени Китай являлся символом застоя (ср. в «Литературной травле»: «Ты варвар, ты китаец»)²⁰ Напомним еще два факта. Во-первых, Общество любителей российской словесности считалось, и не без основания, пристанищем библиографов (об этом достаточно красноречиво свидетельствует список его членов). Недаром как раз в конце 50-х—начале 60-х годов Геннади мечтал о том, чтобы Общество взяло под свое покровительство журнал «Библиографические записки», испытывавший большие финансовые затруднения.²¹ Правда, редакция этого прогрессивного журнала, вероятно, не приняла бы такого покровительства, но характерно то, что вообще могла идти речь о подобном альянсе. Во-вторых, Лонгинов фактически являлся руководителем Общества любителей российской словесности, хотя по должности он именовался секретарем. Это благодаря его энергичной деятельности Общество и возобновило свою работу в конце 50-х годов. Кроме того, — и это особенно важно подчеркнуть — Лонгинов считался типичнейшим библиографом, как в хорошем, так и в дурном смысле слова. Самый плодовитый из книговедов того времени (его перу принадлежит около 300 работ), Лонгинов печатался во всех авторитетных изданиях, его имя встречалось буквально всюду. В одном лишь «Современнике» он поместил за 10 лет более 40 статей и публикаций.²²

История личных взаимоотношений Некрасова и Лонгинова достаточно хорошо известна. Задушевные приятели в 40—50-х годах, они резко разорвали отношения в 1860 г., дойдя до открытой вражды. За этим стояли серьезные общественно-литературные явления: неприемлемый для Лонгинова новый курс журнала, определенный Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым, разрыв И. С. Тургенева с «Современником» (Лонгинов принимал весьма активное участие в этой истории, выступая на стороне Тургенева), нападки Добролюбова на ту библиографию, характерным представителем которой был Лонгинов.

¹⁸ Поэты «Искры», т. 1. В. С. Курочкин. Л., 1955 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 139.

¹⁹ [Панаев И. И.] Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта. — Современник, 1860, № 5, с. 107.

²⁰ Со следующей строкой — «Друг мрака, враг успеха» — несомненно переключается название соответствующей части «Петербургской летописи» (Светоч, 1860, кн. II, с. 111—116) — «Г. Селиванов и московские обскуранты».

²¹ См. письмо Г. Н. Геннади к М. Н. Лонгинову от 6 ноября 1859 г.: ИРЛИ, архив М. Н. Лонгинова, 23145.CLXVI.12, л. 2 об.

²² См.: Богград В. Э. Журнал «Современник», 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959 (см. по именному указателю).

Во второй половине 50-х годов в «Современнике» регулярно печатались так называемые «Библиографические записки» Лонгинова. Это были, по понятиям нашего времени, историко-литературные разыскания и публикации. Как редакция, так и читающая публика высоко ценили эти работы. Опубликованы письма И. И. Панаева и Некрасова к Лонгинову с настоятельными просьбами о присылке «Библиографических записок» (X, 346).²³ Но с приходом в «Современник» Добролюбова положение изменилось. Правда, первое время библиографические работы Лонгинова печатались в одних номерах со статьями Добролюбова, содержащими насмешки над библиографией и библиографами (это обстоятельство, кстати, тогда же было отмечено журналистикой).²⁴ Естественно, что так не могло долго продолжаться. Чрезвычайно любопытно, что В. Е. Евгеньев-Максимов считал, что как раз «Библиографические записки» Лонгинова, «будучи узки по темам и суховаты по изложению, в значительной степени оправдывали нападки Добролюбова на библиографическое направление современной литературной науки». ²⁵ «Сам Лонгинов напишет», — мечтает герой «Литературной травли». «Сам Лонгинов затруднился бы написать ее библиографию», — замечает М. Е. Салтыков-Щедрин, имея в виду литературу «об охотниках до клубнички». ²⁶ «Сам Лонгинов» — и читатель сразу представлял себе, что речь идет о самом главном деятеле той «науки», которая забывает о «Гамлете» при составлении списка сочинений Шекспира (хотя справедливости ради надо сказать, что работы Лонгинова нередко содержали ценный фактический материал, обогативший историко-литературную науку). Еще более беспощадным было отношение к Лонгинову со стороны М. А. Антоновича, который в целом ряде статей резко отзывался об этом библиографе.²⁷

Нет никакого сомнения в том, что в «Литературной травле» нашли определенный отклик события, связанные с Лонгиновым — и как типичнейшим библиографом, одним из тех, кто «вышел не без шума на путь библиографа», и как ведущим деятелем Общества любителей российской словесности. Следует также помнить, что Лонгинов в 50-е годы (как и позднее) кичился своим либерализмом, что послужило поводом его конфликта с Л. Н. Толстым, едва не приведшего к дуэли.²⁸ Нам представляется, что возглас героя «Литературной травли» «А метят в либералы!» как нельзя более похож на выкрики М. Н. Лонгинова, относившего себя к числу бюстителей либерализма.

Через несколько месяцев после опубликования «Литературной травли» Лонгинов выступил в печати со статьей «Белинский и его лжеученики»,²⁹ в которой исповедался в ненависти к революционной демократии, но при этом именно себя и своих сторонников он выдавал за истинных учеников Белинского, отказывая в этом Чернышевскому и Добролюбову. Не надо забывать и о том, что Лонгинов считал себя обиженным «свистунами» и «мальчишками», не оценившими его библиографических трудов.

²³ См., например: Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., 1922, с. 238, 241.

²⁴ См., например, № 8 за 1856 г., где были помещены статья Добролюбова о «Собеседнике любителей русского слова» (Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 1. М.—Л., 1961, с. 182—185 и след.) и очередная статья Лонгинова.

²⁵ Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 194.

²⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 5. М., 1966, с. 168. Кстати, тут содержится и намек на Лонгинова как автора непристойных стихотворений.

²⁷ См.: Современник, 1863, № 1—2, с. 243; № 3, с. 78—79.

²⁸ Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922, с. 139—141.

²⁹ Русский вестник, 1864, № 6.

Такова одна из линий некрасовской сатиры — «раздраженный библиограф». Но она не является основной. Внимательный анализ памфлета наводит на мысль, что он был прежде всего звеном в постоянной борьбе «Современника» с реакционной журналистикой. Уместно отметить, что в книге В. Е. Евгеньева-Максимова «Литературная травля» отнесена к числу стихотворений, посвященных проблеме гласности и вопросам журналистики.³⁰ К сожалению, это суждение не было принято во внимание последующими интерпретаторами текста.

В этой связи представляется небесполезным проанализировать состав номера «Свистка», в котором опубликована «Литературная травля». Этот номер содержит девять произведений, опубликованных без указания имен авторов. Среди них пять сочинений Некрасова: «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности», «Гимн „Времени“, новому журналу, издав. М. Достоевским», «Финансовые соображения. (Голос из провинции)», «Литературная травля, или Раздраженный библиограф (эпизод из поэмы-автобиографии Саввы Намордника)» и «Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не шадить литературных авторитетов»; кроме того, сочинение И. И. Панаева «На рубеже старого и нового года. Грезы и видения Нового поэта», Н. А. Добролюбова «Ода на выселение татар из Крыма», Н. Г. Чернышевского «Ответ на вопрос, или Освистанный вместе со всеми другими журналами „Современник“», А. М. Жемчужникова «Чиновник и курица (новая басня К. Пруtkова)».

Естественно, каждое из этих сочинений имеет свой собственный сюжет. Однако при внимательном прочтении всего материала можно без труда выявить и несколько «сквозных» мотивов. В первую очередь это вопросы современной журналистики, проблема гласности и, еще отчетливее, тема литературного доносительства. Им посвящена не только «Литературная травля», но и панаевские «Грезы и видения», «Ответ на вопрос» Н. Г. Чернышевского, некрасовский «Гимн „Времени“» и в какой-то мере его же «Мысли журналиста...», т. е. более половины материалов этого номера «Свистка». Причем если в «Литературной травле» речь идет о доносчике вообще, доносчике как типе и его индивидуальные черты намеренно доведены до гротеска, при котором становится невозможным узнавание, то в сатирах Панаева и Чернышевского адресат несколько уточняется: это некий газетчик, фельетонист «Санкт-Петербургских ведомостей», выступивший в печати с клеветой в адрес прогрессивной журналистики, но настолько грубо и откровенно доносительно, что был дружно осужден всей пишущей братией. Чернышевский считает, что этот «деятель» «умеет только сам себя же хлопать так, что жаль бедняка становится».³¹ Панаев в своем фельетоне метит в того же господина и для пущей ясности дает описание его внешности: «Он походит в карикатуре на Майерони в 4-м действии „Юдифи“, изображающего пьяного Олоферна». Это описание, без сомнения, указывало на определенного человека, которого знали в лицо если не читатели журнала, то уж во всяком случае литераторы.

Наконец, в некрасовском «Гимне „Времени“» он уже назван по имени.

Как пароксизмы лихорадки
Терпи журнальные нападки

³⁰ Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и его современники. М., 1930, с. 227.

³¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1950, с. 588.

И Воскобойникова лай
Без раздражения внимай... —

советует поэт редактору вновь основанного журнала.³²

Имя Н. Н. Воскобойникова дважды фигурирует в письмах Некрасова к Добролюбову. 1 января 1861 г. Некрасов пишет: «Теперь уже столько времени прошло после разных гнусных выходов на нас, что пустить по поводу этого статейку очень бы не худо <...> Вы, верно, читали Воскобойникова. Экой милашка!» (X, 438).³³ И в другом письме, без даты: «Разные гады поминутно задевают „Современник“» (по заказу Краевского); я, право, недоумеваю, следует ли обращать на это внимание, пока все это проходит молчанием, тем более что все это бесталанно и не метко. Вот вы читали Воскобойникова». Если напишете по поводу этой статейки, то теперь, впрочем, уже можно печатать: времени столько прошло, что никто не примет этого за желание оправдаться. Пишите резче — всякая брань проходит хорошо: гонение на политические статьи и социалистические тенденции» (X, 433).³⁴ Если мы откроем «Искру» за те же месяцы, мы также встретимся с фамилией Н. Н. Воскобойникова. Вот строки из курочкинской «Оды на появление в „Свистке“ Нового поэта» (Искра, 1861, № 4):

Когда кругом него шумели непомерно
И в честь его звучал камелий нежный хор,
И Воскобойников, встав в позу Олоферна,
Произносил над ним свой крепкий приговор,
И странные слова — «бездарность», «держиморда» —
Носились в воздухе, как клики диких орд,
Он был хорош тогда...³⁵

Очевидно, выступление Н. Н. Воскобойникова было весьма заметным выпадом реакционной журналистики против прогрессивных органов печати. Мы имеем в виду его статью «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!».³⁶

Основной удар был направлен против журнала Некрасова и Панаева — «Очерков из петербургской жизни», текущих публикаций Нового поэта, а также статей Добролюбова и Чернышевского. «Теперь действительно страшно вступить в литературу, а тем более в спор. За иными господами остается монополия кулака, — писал Воскобойников. — А вступив в литературу, нельзя же, так или иначе, не столкнуться с этими го-

³² Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 459.

³³ Поскольку в письме Некрасова говорится об участии Добролюбова в ближайшем номере «Свистка», можно сделать вывод, что Добролюбов обращался к Некрасову (в утраченном письме) с предложением сообщить ему желательную тему.

³⁴ Письмо Некрасова условно датируется: «После 20 декабря 1860 года» исходя из даты цензурного разрешения описываемого двенадцатого номера журнала). Но судя по характеру замечаний о статье Н. Н. Воскобойникова, цитируемое письмо было написано после 1 января.

³⁵ Поэты «Искры», т. 1, с. 169.

³⁶ СПб. ведомости, 1860, 30 ноября, № 261. В комментарии ко второму из цитированных выше писем Некрасова к Добролюбову указано, что под «статейкой» Воскобойникова имелась в виду рецензия в «Библиотеке для чтения» (1860, № 11). Однако это утверждение ничем не подкреплено и совершенно несостоятельно. Даже если предположить, что Некрасов знал автора анонимного отзыва, остается непонятным, почему журнал А. В. Дружинина должен был исполнять заказы А. А. Краевского (из контекста связь Воскобойникова с Краевским совершенно ясна). К тому же в приписываемой Воскобойникову рецензии фамилия Добролюбова не называется, что исключает мотив «оправдания». Поэтому очевидно, что в письме Некрасова фигурирует автор подписанной статьи в газете Краевского. Известно, что Воскобойников печатался в «Библиотеке для чтения», играя там заметную роль, но это было уже позднее, при П. Д. Боборыкине.

сподами. Мы, конечно, не говорим обо всей литературе, где так много лиц, которым обязан каждый русский. Мы говорим о заднем дворе литературы, который принимает слишком большие размеры <...> Если заметки Нового поэта можно назвать ежемесячным столбняком „Современника“, то писания г. Чернышевского имеют с ними много общего. Г. Добролюбов сопровождает свои эстетические положения клеветой». Беспардонная брань в адрес ведущих авторов «Современника» сопровождалась недвусмысленными намеками на возможность принятия полицейских мер и апелляцией к обществу: «Неужели же общественное негодование не заставит замолчать этих господ, распространяющих невежество?».

Отголоски этой статьи, равно как и других, ей подобных,³⁷ отчетливо слышатся в памфлете Некрасова, где причудливо переплелись события, идеи, люди. Попытка адресовать его полностью Геннади значительно снижает общественное звучание и значение этого стихотворения. От реакционной псевдонауки к литературному доносительству — вот путь вымышленного героя сатиры. Было бы бесполезно искать среди деятелей того времени конкретное лицо, проделавшее именно такую эволюцию к началу 60-х годов. Здесь перед нами собирательный образ, тип. Уже давно установлено, что персонажи сатир Некрасова являются весьма сложными «конструкциями». Так, генерал Рудометов 2-й сначала управлял учебным заведением, потом стал начальником цензуры, а затем — с девизом «Блюди и усмиряй» — начал управлять «обширным краем». Такой карьеры не делал ни один русский генерал того времени. В свое время В. Е. Евгеньев-Максимов убедительно опроверг попытки комментаторов Некрасова ассоциировать Рудометова с различными реальными лицами, вплоть до Александра II, доказав, что персонажи сатиры Некрасова являются не портретами, а обобщенными образами.³⁸ Рудометов — это тип ретрограда, уволенного в период «либеральных упований» и вновь призванного на службу, когда с заигрыванием было покончено. «Манера сатирического гротеска вообще исключает возможность полного бытового соответствия его персонажей реальным лицам, — указывает Б. Я. Бухштаб, — но это вовсе не значит, что у этих персонажей не может быть прототипов».³⁹ «Поэт, — пишет М. М. Гин, — создает образы более глубокие, емкие и даже более правдивые, чем любой его прототип».⁴⁰ Эти наблюдения могут быть в полной мере распространены и на героя «Литературной травли».

Как нам представляется, комментаторы «Литературной травли» проходят мимо весьма любопытного обстоятельства: журнальный вариант стихотворения имеет подзаголовок: «Эпизод из поэмы-автобиографии Саввы Намордника». Это, конечно, не один из псевдонимов Некрасова,

³⁷ См. также упомянутую рецензию в «Библиотеке для чтения» и анонимную статью «Литература скандалов» (Отечественные записки, 1860, № 10, с. 27—37). Иногда указывается, что отзыв принадлежит перу П. И. Вейнберга (см., например: Некрасов, X, 434; История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. М.—Л., 1962, с. 538, № 1271). Однако в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова отмечено, что так же, как Вейнберг («Непризнанный поэт»), подписывался (как раз под статьями в «Санкт-Петербургских ведомостях» 1860—1870-х годов) юрист и публицист И. П. Закревский, придерживавшийся в отличие от Вейнберга отнюдь не либеральных воззрений.

³⁸ Евгеньев-Максимов В. Е. Разоблачение реакции и правительственных «реформ» в поэтическом творчестве Некрасова 1860-х годов. — Учен. зап. Лeningr. гос. ун-та, 1952, № 158. Сер. филол. наук, вып. 17, ч. 1, с. 193—230.

³⁹ Бухштаб Б. Я. К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Признания труженика». — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы. Вып. III. Ярославль, 1971, с. 200—201.

⁴⁰ Гин М. М. От факта к образу и сюжету. О поэзии Н. А. Некрасова. М., 1971, с. 123.

а тип, маска. Именем Саввы Намордникова подписаны, кроме «Литературной травли», еще три стихотворения: «Песня об „Очерках“» (1863), «Мое желание» (1863) и «Перед зеркалом» (конец 60-х годов).

Обращает на себя внимание связь Саввы Намордникова с генералом Рудометовым. Так, «Мое желание», подписанное в журнальном варианте первым именем, затем превратилось в эпизод из автобиографии уволенного в отставку генерала. Перерабатывая это стихотворение для отдельного издания (1874), Некрасов отметил в рукописи, что вторая его половина была помещена в «Свистке» 1861 г., т. е. в составе «Литературной травли».⁴¹ Сама же «Литературная травля» в черновой редакции была названа «Отрывком из автобиографии Рудометова».⁴² Эта четко прослеживаемая связь и взаимозаменяемость имен свидетельствует, очевидно, о том, что это были весьма схожие маски — реакционеры, мечтавших надеть намордник на литературу.

Номер «Свистка», в котором напечатаны «Песня об „Очерках“» и «Мое желание», в целом также представляет большой интерес для нашей темы. Мы снова встречаемся с нашими знакомцами — Лонгиновым и Воскобойниковым. Выпуск открывается фельетоном М. А. Антоновича «„Свисток“ и его время. Опыт истории „Свистка“». Автор вспоминает как один из наиболее значительных эпизодов борьбу «Свистка» с Воскобойниковым и упоминает его статью «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы».⁴³ Любопытно, что «отставной поручик Воскобойников» фигурирует как «публикатор» помещенного там же весьма остро в политическом отношении прутковского «Проекта о введении единомыслия в России».⁴⁴

Еще больше досталось в этом номере Лонгинову. В отличие от «Свистка» 1861 г. здесь он (и не раз) назван по имени. Мы встречаем его в фельетонах Салтыкова-Щедрина «Секретное занятие», «Сопелковцы» и «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче, или Искание розы без шипов» (в соавторстве с Антоновичем), а также в «Песне московского дервиша» В. П. Буренина. Притом Лонгинов показан здесь и как защитник мракобеса П. Д. Юркевича, и как глава высмеиваемого Общества любителей российской словесности, и как сотрудник катковских изданий. Любопытно, что в «Секретном занятии» Лонгинов попадает к М. Н. Каткову, но «думает, что попал в Общество любителей российской словесности».⁴⁵ Так смыкаются обе темы — реакционная псевдонаука и «литературные будочники» (по известному щедринскому выражению).

Четвертое (и последнее) стихотворение Некрасова, подписанное этим именем, — «Перед зеркалом» написано, как полагают исследователи, в конце 60-х годов, но опубликовано в 1872 г., когда Лонгинов уже был начальником Главного управления по делам печати. В стихотворении упоминается некий Дикобразов, у которого «фигура медвежья» и которому «слепой случай» помог сделать карьеру.⁴⁶ Напрашивается сравнение с написанной тоже в конце 60-х годов «Медвежьей охотой», один из персонажей которой, Миша Воинов (без сомнения, Лонгинов), восклицает: «Министром буду!».⁴⁷

⁴¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 622. Некрасов здесь ошибся: стихотворение было опубликовано в «Свистке» 1863 г.

⁴² Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 603.

⁴³ См.: Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М.—Л., 1961, с. 128—129.

⁴⁴ См.: Козьма Прутков. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. М.—Л., 1965 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 345.

⁴⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 5, с. 297.

⁴⁶ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 275—276.

⁴⁷ Там же, с. 518 (черновой вариант «Медвежьей охоты»).

Итак, Савва Намордников это:

- 1) раздраженный библиограф («Литературная травля»),
- 2) господин, обиженный литературой («Мое желание»),
- 3) цензор («Песня об „Очерках“»),
- 4) чиновник, мечтающий стать министром («Перед зеркалом»).

В первом и втором стихотворениях Савва Намордников меняется местами с генералом Рудометовым. Когда «Мое желание» (1863) было переделано для отдельного издания (1874) в эпизод из автобиографии Рудометова, то мечты героя (Саввы) уже воплотились в действительность — он стал главой цензуры. Сравним слова Намордникова: «О, как желал бы я служить Начальником цензуры» (1863) — с высказыванием Рудометова: «Случилось также мне попасть в начальники цензуры» (1874).

Дальнейшие же действия героя на этом посту совершенно одинаковы. Нет сомнения в том, что речь идет об одном и том же социальном типе. Изменилось имя, изменилось положение героя, но осталась неизменной его сущность. Рудометов — это, если можно так выразиться, более сановный вариант Намордникова, а Намордников — это Рудометов в потенции. Одно лишь это соображение заставляет, как нам кажется, по-новому прочитать все, что подписано именем Саввы Намордникова, в том числе, конечно, и «Литературную травлю».⁴⁸

При сравнении журнального варианта стихотворного памфлета Некрасова с его второй редакцией, печатающейся в основном корпусе некрасовских текстов (II, 482—484), видно, что поэт подверг памфлет переработке из соображений, далеких от автоцензуры. В частности, им было полностью исключено изложение содержания «брошюры», за которую герой был подвергнут «литературной травле». По всей видимости, это объяснялось тем, что история с Воскобойниковым и прочими врагами «Современника» давно была забыта.

Однако Некрасов считал нужным напечатать стихотворение, пусть даже сильно его сократив. Значит, какая-то мишень, какой-то прототип еще оставался. Кто же это?

После сокращения на первый план выдвинулся мотив «раздраженного библиографа», хотя из заглавия эти слова были исключены. Зато появился иной вариант подзаголовка: «Не в свои сани не садись». Нет ли здесь намек на бесславную деятельность Лонгинова на посту «начальника цензуры», которая уже в то время считалась анекдотической? Напомним, что реакция общественности на назначение Лонгинова главой Управления по делам печати была охарактеризована А. В. Никитенко следующими словами: «Всеобщее удивление и смех».⁴⁹ Заметим, кстати, что мотив «не своих саней» и «испорченной карьеры» свидетельствует о том, что второй вариант не имел отношения к Геннади, который никогда нигде не служил.

Итак, «Литературная травля» Некрасова (в особенности журнальный вариант) — это не просто выпад против одного библиографа, высмеивающий одну его ошибку (как принято думать), а весьма сложный, многоплановый политический памфлет. Прототипы его — Лонгинов, Воскобойников, отчасти еще какие-то (неизвестные нам) «гады»; мишень — реакционеры и реакция в политике, науке и литературе.

⁴⁸ Кстати, уже Чуковский чувствовал эту связь, но он, как отмечает Евгенийев-Максимов, был «склонен ставить знак равенства не только между Рудометовым и Александром II, но и между Александром II и Саввой Намордниковым» (Евгенийев-Максимов В. Е. Разоблачение реакции... , с. 205).

⁴⁹ Никитенко А. В. Дневник, т. 3. Л., 1960, с. 218.

В. П. Вильчинский

НЕКРАСОВ И А. Н. ОСТРОВСКИЙ В ИХ ПЕРЕПИСКЕ

Переписка с А. Н. Островским составляет довольно значительную часть эпистолярного наследия великого поэта. Знакомство с нею позволяет раскрыть характер отношений Некрасова с теми писателями, которые на протяжении десятилетий печатали свои произведения в издававшихся им журналах и, обеспечивая успех последним в широких читательских кругах, в свою очередь приобретали благодаря этому всероссийскую известность и славу. Вместе с тем в письмах к Островскому особенно проявляются такие черты личности Некрасова, как его деловитость, доброжелательное отношение к людям, стремление помочь в их трудный час, неустанная забота о процветании русского искусства.

Сопоставляя эпистолярное наследие литераторов 1840-х и 1860-х годов, В. Е. Евгеньев-Максимов отмечал большой рационализм писем последних. Будучи по преимуществу людьми дела, шестидесятники (по своему психическому складу к ним полностью принадлежал и Некрасов), «презирали» пустые разговоры «как в устной, так и в письменной форме». Это наложило неизгладимый отпечаток на их письма, придав им «характер практической деловитости» и обусловив «их сухость и немногословность».¹ Наблюдение исследователя следует признать справедливым, равно как и его суждения об особых условиях формирования эпистолярного стиля Некрасова, письма которого за немногими исключениями лишены душевных излияний, характерных для литераторов предшествующей эпохи. Сдержанность тона, к которой приучил себя издатель «Современника» и «Отечественных записок» в разнообразных деловых отношениях с массой корреспондентов, не означала, однако, черствости его натуры, о чем нередко говорили недоброжелатели поэта. Практическая деловитость многих писем Некрасова объяснялась прежде всего его действительно огромной занятостью, поглощенностью издательскими делами. Но и в этих условиях он умел находить слова утешения и привета и, главное, не распространяясь в своих чувствах, делом помогал тем, кто по-настоящему нуждался в его советах. Письма к Островскому — наглядный пример тому.

Переписка эта дошла до нас далеко не в полном объеме. Известно 75 писем Некрасова (из них 2 публикуются здесь впервые) и всего лишь 23 письма драматурга, которых, судя по ответным письмам Некрасова, было гораздо больше. При крайней скудости мемуарной литературы об отношениях Островского с Некрасовым их переписка помогает выяснить, как складывались они в различные периоды знакомства корреспондентов,

¹ Евгеньев-Максимов В. Е. Н. А. Некрасов в его переписке. — В кн.: Некрасов Н. А. Собр. соч. в 5-ти т., т. 5. М.—Л., ГИЗ, 1930, с. 7.

а также в известной мере лучше понять своеобразие тех связей поэта с передовыми литераторами эпохи, которые устанавливались в процессе их долготелного сотрудничества в некрасовских изданиях.

Первое из сохранившихся в данном эпистолярии писем принадлежит Островскому. Оно помечено 27 июня 1856 г. и вызвано выяснением недоразумения по поводу слухов, намеренно распространявшихся реакционной печатью в связи с началом сотрудничества драматурга в «Современнике». В апрельской книжке журнала за тот год была напечатана его пьеса «Семейная картина», ранее (в 1847 г.) опубликованная в «Московском городском листке». Фельетонист «Санкт-Петербургских ведомостей» выступил по этому поводу с порочащей драматурга заметкой, обвинявшей его в сокрытии соавтора «Семейной картины» Д. Горева;² заметку Зотова перепечатали «Ведомости московской городской полиции». Возмущенный этой клеветой, Островский и обратился к Некрасову с просьбой поместить в июльской книжке «Современника» свое опровержение в виде статьи под названием «Литературное объяснение». Соглашаясь, что опровержение необходимо, ибо «гнузность клевет шагнула слишком далеко» (X, 282), Некрасов в ответном письме драматургу от 11 июля обещал поместить его статью в № 8 «Современника», так как получил ее уже по выходе июльской книжки журнала. Помимо «Современника» Островский направил свое «Литературное объяснение» в «Московские ведомости», где 5 июля 1856 г. (в № 30) оно было напечатано. В связи с этим драматург обратился к Некрасову 18 июля с просьбой вместо своей прежней статьи опубликовать по поводу «Семейной картины» его письмо. Оно напечатано в № 8 журнала, в отделе «Смесь».

Публикуя раннюю пьесу Островского, редакция «Современника» поясняла: «Мы ее перепечатываем потому, что она заслуживает внимания публики и как прекрасная пьеса, и как первое произведение автора комедии „Свои люди — сочтемся“, — произведения, в котором находятся уже данные таланта, подарившего впоследствии русской литературе одну из ее немногих образцовых комедий. А между тем „Семейная картина“ по малочисленности читателей „Городского листка“, прекратившегося за неимением подписчиков, была доныне очень мало известна <...> Мы <...> убеждены, что наши читатели будут нам благодарны за доставление им возможности познакомиться с первым произведением г. Островского».³ Самобытная драматургия Островского давно уже привлекала внимание «Современника». Разборы его пьес начали появляться на страницах журнала с марта 1852 г. Помимо более поздних по времени статей Н. А. Добролюбова, об Островском писали в «Современнике» И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, а также и сам Некрасов. В «Заметках о журналах» конца 1855—начала 1856 г., отмечая опасность влияния на драматурга славянофильских идей, проявившихся в пьесе «Не так живи, как хочется», Некрасов призывал Островского «не сужать себя преднамеренно, не подчиняться никакой системе, как бы она ни казалась ему верна, с наперед принятым воззрением не подступать к русской жизни, а дать себе «волю разливаться и играть, как разливается и играет сама жизнь... И нравственный урок скажется сам собою» (IX, 376—377).

По справедливому наблюдению современного исследователя, Некрасов «призывал драматурга отказаться от нарочитой погони за „народностью“, от условностей, которыми, по его мнению, он связывает себя во имя большей доходчивости, сценичности пьес, от нарочитого дидактизма.

² Подробнее об этом см.: Беляев М. Газетная травля (Островский и Горев-Тарасенков). — В кн.: Памяти А. Н. Островского. Пг., 1923, с. 70—86.

³ Современник, 1856, № 4, «Заметки о журналах», с. 217.

Поэт советовал Островскому вернуться на путь изучения социальной действительности и создания аналитических пьес-картин современного быта, которые, как только Островский откажется от предвзятых, ограничивающих его реализм историй, приведут его к большему, правдивым обобщениям.⁴ Этот призыв был услышан драматургом. Осознав справедливость обращенных к нему советов, он сумел преодолеть свои временные славнофильские заблуждения, сблизился с лагерем революционной демократии 60-х годов и публиковал в дальнейшем все свои основные произведения на страницах «Современника» и «Отечественных записок».

Островский был одним из наиболее исполнительных участников известного «обязательного соглашения»; с этой историей связана часть переписки драматурга с Некрасовым 1856—1858 гг. Стремясь быть пунктуальным в выполнении условия обязательства об исключительном участии в «Современнике», Островский заранее, 1 августа 1856 г., предупреждает Некрасова, что еще до соглашения отдал одну из своих пьес в «Русскую правду»: «Она отдана уже давно, и я не знаю, что ее не печатают».⁵ В ответ на «циркулярное письмо» Некрасова от 21 июля 1857 г. с просьбой «сделать что-нибудь для ближайших книг журнала — и назначить по возможности определенный срок доставки» (Некрасов, X, 35) драматург сообщил 25 сентября, что готовит для «Современника» ряд вещей, в том числе цикл «Ночи на Волге». 2 декабря он уже шлет Некрасову пьесу «Не сошлись характерами».

С условиями «обязательного соглашения», по которому его члены (Л. Толстой, Тургенев, Григорович, Островский) становились участниками прибылей «Современника», связаны и частые в письмах драматурга к Некрасову просьбы о деньгах, типа: «Я очень нуждаюсь, а взять мне больше негде, как у Вас», «Сделайте милость, пришлите побольше, я в долгу не останусь» (Островский, XIV, 68) и т. п. Жалобы на материальную необеспеченность нередки и в позднейших письмах драматурга, когда по взаимной договоренности участников «обязательного соглашения» оно было расторгнуто (см. письма Островского от первой половины марта и первой половины мая 1866 г., декабря 1869, 21—22 мая 1870 г.). Некрасов старался, насколько мог, удовлетворить просьбы Островского. В его ответных письмах весьма часты фразы такого рода: «Спешу послать Вам то, что есть, — всего 50 рубл. серебром», но куда они Вам пригодятся», «Деньги, 100 руб. серебром посылаю», «посылаю Вам записку еще на триста руб.», «посылаю записку на сто руб.», «деньги, сто руб. <...> посылаю», «Во исполнение Вашего желания посылаю записку Соловьеву на 500 р.», «Деньги, 1000 р. <...> отданы», «Записка на выдачу Вам <...> 300 р. послана» и т. п. (Некрасов, X, 285, 351, 378, 407; XI, 158, 184, 186). Случалось, однако, что в связи с отсутствием Некрасова в Петербурге, а также из-за стесненности средств его расчеты с Островским задерживались. В таких случаях драматург слал обиженные письма: «Я в критическом положении, а Вы даже не отвечаете ни на одно мое письмо. Повторяю опять свои просьбы и жду ответа», «Ради бога пришлите денег поскорее, я без копейки и больнехонек» (Островский, XIV, 68, 183). Объясняя временные задержки конторы «Современника» в денежных расчетах, Некрасов писал Островскому 31 декабря 1860 г.: «Вы, чай, очень сердитесь

⁴ Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. М.—Л., 1961, с. 143.

⁵ Островский А. Н. Полн. собр. соч., т. XIV. М., Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953, с. 59. Далее все ссылки на это издание (т. I—XVI, 1949—1953) даются в тексте, сокращенно: Островский, том (римская цифра), страница (арабская цифра).

на меня за невысылку денег. Однако чувство справедливости, Вам присущее, надеюсь, смягчит Вас: мне тоже случалось ждать не дожидаться по долгу.

Счеты не у меня, а у Ипполита Панаева, у него дети больны в скарлатине, и он ничего не делает. Будут присланы при первой возможности. Денег Ваших нет за нами, а наоборот.

Но не в этом дело. А в том, что в конце прошлого года мы принуждены уплатить неожиданно значительную сумму, и нам в 1861 году будет трудна всякая выдача вперед даже и в скромных размерах.

Я, однакож, не отказываюсь Вам выслать требуемое» (Некрасов, X, 435).

Отраженные в эпистолярии деловые отношения Некрасова с Островским не означают, конечно, что все сводилось к денежным расчетам корреспондентов. Опасаясь, не рассердил ли он Некрасова просьбами такого рода, Островский писал ему в декабре 1864 г.: «Меня это огорчит, потому что я никоим образом не желал бы, чтобы между нами произошло даже и малейшее неудовольствие. Расчеты для меня были и есть дело самое последнее» (Островский, XIV, 121). Известен только один случай, когда драматург посчитал себя глубоко обиженным показавшейся ему малой платой, предложенной Некрасовым за «Снегурочку» (1000 рублей), в чем увидел недооценку художественных достоинств своей пьесы. Он послал резкое письмо, глубоко огорчившее поэта. К сожалению, оно не сохранилось. Известен лишь ответ Некрасова, относящийся к концу апреля — началу мая 1873 г., в котором читаем:

«Зачем Вы смеживаете материальную оценку произведения, так сказать, с нравственной? Материальная оценка зависит прежде всего от обстоятельств журнала, разных случайностей и условий и не может основываться на качестве *данного* произведения, когда дело идет о писателе с установившейся репутацией и постоянном сотрудничестве журнала. Каждый автор может написать одну вещь лучше, другую слабее, но если я плачу ему равную цену, то дело уравнивается само собою, и нет уже места ни для недоумений, ни для разногласия или неудовольствий. Вот система, которой я постоянно держался в моей журнальной деятельности, и ее же применил к настоящему случаю, т. е. вовсе не брал в расчет художественной стороны комедии, а только теперешние обстоятельства журнала» (Некрасов, XI, 250—251).

Островский, видимо, признал основательность доводов Некрасова, о чем сразу же сообщил ему в не дошедшем до нас письме. Отвечая на него 10 мая, глава «Отечественных записок» писал: «Я только что вернулся с охоты, прочел Ваше письмо и очень рад ему. Все дело было в недоразумении, которое, к счастью, разрешилось скоро и вполне, и теперь о нем не должно быть помину. Посягать на Ваши интересы не было у меня и в помышлении, да и вперед это дело немислимое, поэтому я также уверен, что на будущее время журнальные наши отношения пойдут своим чередом» (Некрасов, XI, 252—253). Действительно, сотрудничество драматурга в «Отечественных записках» не прекращалось до времени закрытия журнала.

Помимо привлечения Островского к активному сотрудничеству в своих журналах Некрасов содействовал также отдельному изданию его произведений, и это отражено в их эпистолярии. Так, в письмах Некрасова от 26 сентября и Островского от 2 октября 1857 г. содержатся условия перепечатки Некрасовым в сборниках «Для легкого чтения» пьесы «Семейная картина» (опубликована в № 8 за 1858 г.). Откликаясь на высказанную в начале апреля 1858 г. просьбу драматурга о помощи в издании пяти пьес, Некрасов сообщал 22 апреля о своей готовности оказать необходимое

содействие из «искреннего желания» помочь Островскому (Некрасов, X, 385).

В 1867—1868 г. Д. К. Кожанчиков издал второе собрание сочинений Островского в четырех томах; в 1870 г. вышел в свет пятый, дополнительный том. В то же время по рекомендации С. В. Максимова Островский вступил в деловые отношения с петербургским книгоиздателем С. В. Звонаревым, который в 1872 г. выпустил два тома его «Драматических переводов» и взялся за новое издание собрания сочинений Островского в восьми томах. Своего намерения, однако, книгоиздатель, дела которого пошатнулись, не спешил исполнить, чем вызвал недоуменную досаду драматурга, весьма рассчитывавшего на это издание. «Почему Звонарев до сих пор не печатает моих сочинений? — спрашивал он в конце 1872 г. своего друга артиста Ф. А. Бурдина. — Их требуют и то и дело обращаются ко мне с вопросами, когда они выйдут, а я сам не знаю» (Островский, XIV, 241). Звонарев отделывался пустыми обещаниями. Почувствовав неладное, Островский в феврале 1873 г. обратился за разъяснением к Некрасову, хорошо знавшему петербургский книгоиздательский мир. Отвечая на это, также не дошедшее до нас, письмо драматурга, Некрасов сообщал ему 5 марта 1873 г.: «Звонарев по глупости расстроил свои дела и должен лопнуть. Он, может быть, не лопнет гласно, но надежды на него совершенно нет. Ваше дело должно к кому-нибудь перейти. Так как мне Звонарев должен более 8 тысяч», то, может быть, я возьму этот контракт на себя...» Как только это дело примет какую-либо определенность, тотчас напишу Вам, и если возьму издание Ваше на себя, то вышлю деньги. Если другой возьмет, то обяжем его» (Некрасов, XI, 241—242). Разъяснение Некрасова повергло драматурга в панику: «Ваше письмо, — отвечал он 7—8 марта, — застало меня больным и привело в совершенное отчаяние» (Островский, XV, 9). Переговоры об этом издании велись еще ряд лет и закончились подписанием договора Некрасова и Краевского с Островским.⁶ Различные этапы переговоров и их перипетии отражены в письме драматурга от 23—24 ноября 1873 г. (остальные не сохранились) и ряда писем Некрасова к нему (от 10 мая, 15 и 21 ноября, 14 декабря 1873 г.; 28 сентября, 2, 5 и 10 ноября 1874 г.; 16 января 1876 г.). К этим письмам следует добавить еще одно, считавшееся утерянным;⁷ оно обнаружено нами в фондах Театрального музея им. Бахрушина и, видимо, следовало сразу же за цитировавшимся выше письмом от 5 марта 1873 г. Приводим его текст.

«Александр Николаевич.

Потрудитесь получить от Соловьева 800 руб., не заплаченные Вам Звонаревым в этом году за Ваши сочинения. Мне пришлось взять издание на себя, впредь деньги будете получать аккуратно.

Записка к Соловьеву послана еще третьего дня. На днях напишу обстоятельнее.

Весь Ваш Н. Некрасов.

24 марта».⁸

⁶ См.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 349.

⁷ См. список «Неизвестных писем Некрасова», № 146 (XI, 449).

⁸ Гос. Театральный музей, ф. 200, № 1376. Упомянутый в письме И. Г. Соловьев — московский книгопродавец, с 1864 г. уполномоченный конторы «Современника» и «Отечественных записок» в Москве, сменивший умершего И. В. Базунова. К его посредничеству в денежных отношениях с Островским Некрасов прибегал неоднократно.

В заключение этой истории следует отметить, что роль Некрасова в издании сочинений Островского освещалась некоторыми современниками тенденциозно. Так, С. Максимов, говоря о непрактичности драматурга, в своих позднейших воспоминаниях о нем приводил одно из (не дошедших до нас) его писем к нему: «Верите ли, как мне иногда бывает прискорбно, что я так дурно веду свои денежные дела. Имея четверых детей, это непростительно. Некрасов несколько раз мне в глаза смеялся и называл меня бессребреником. Он говорил, что никто из литераторов не продает своих изданий так дешево, как я». И в конце письма Островский прибавлял — «с полным простодушием», согласно ремарке С. Максимова: «Я боюсь, что Некрасов сообщит об этой моей слабости Звонареву и тот станет прижимать».

Комментируя эти строки, Максимов присовокуплял: «Впрочем, опасение было напрасным по обстоятельствам, неизвестным Островскому, но для всех не подлежащим сомнению. Звонарев был лишь подставным лицом, за ширмою которого скрывался сам Некрасов, не пожелавший поставить своего имени на вывеске книжного магазина.⁹

Не подкрепленный документальными фактами комментарий С. Максимова отражал те клеветнические измышления о Некрасове, которые не оставляли великого поэта и после его смерти.

В декабре 1869 г. Островский обратился к Некрасову с просьбой хлопотать за него перед дирекцией императорских театров. «Скажите так: — писал драматург, — пора сделать что-нибудь для Островского, он написал целый русский театр в 30 пьес и доставил сборов дирекции более миллиона. Будьте отец и благодетель! Мне теперь жутко приходится с деньгами, а ведь я честно трудился для театра 20 лет и служил ему всей душой» (Островский, XIV, 179). Некрасов горячо откликнулся на этот призыв, что отражено в его письмах 1869—1871 гг. (Некрасов, XI, 158, 211—212). Однако хлопоты драматурга завершились уже после смерти Некрасова: заслуженная им пенсия была назначена лишь в 1884 г.

В эпистолярии писателей отражены также их личные встречи, как деловые, так и на отдыхе. Во время наездов в Петербург Островский неизменно приглашался Некрасовым в гости и иногда читал там свои новые пьесы. «Многоуважаемый Александр Николаевич, — читаем мы, например, в письме Некрасова от 30 ноября 1871 г. — Я узнал, что Вы приехали. Самое удобное время видеться нам, полагаю, в обеденные часы. Сделайте одолжение, приезжайте ко мне обедать в четверг или в пятницу, и если хотите прочесть Вашу новую комедию, то пригласите, кого желаете. Разумеется, я буду очень рад, если будет и Михаил Николаевич (брат драматурга, — В. В.). Приглашу Салтыкова и Елисеева» (Некрасов, XI, 199).¹⁰ О чтении на этой встрече пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын» Островский вспоминает позже в письме к Некрасову от декабря 1872 г. (Островский, XIV, № 378).

В свою очередь Островский звал Некрасова к себе, однако часто болелый поэт не всегда мог откликнуться на такие приглашения. Помимо известных писем Некрасова к драматургу во время его визитов в Петербург с жалобами на нездоровье (см., например, письма от декабря 1861—января 1862 г.: Некрасов, X, 466—467), приведем еще одно, обнаруженное нами в фондах Театрального музея и относящееся, вероятно, к тому же периоду:

⁹ Русская мысль, 1898, кн. 1, с. 19.

¹⁰ См. также: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, с. 115, 167, 176, 294, 469.

«Александр Николаевич.

Я сейчас довольно серьезно болен, и возможности выйти скоро со двора не предвижу.

Преданный Вам

Н. Некрасов». ¹¹

Бывал Островский и в Карабихе, куда поэт пригласил его сразу же после приобретения имения. В том же фонде найдены нами написанные Некрасовым карандашом следующие строки: «С 1 июня до 10-го адрес Некрасова в Петербурге в редакции «Современника», а далее в Ярославле, в Карабиху — не доезжая от Москвы 15 верст, на правой стороне». ¹²

Островский не преминул воспользоваться приглашением и, как известно, гостил в Карабихе летом 1863 г. ¹³ Своим отдыхом он остался доволен, о чем свидетельствует ответ Некрасова от 8 сентября 1863 г. на не дошедшее до нас письмо драматурга, написанное по его возвращении домой:

«Любезный друг Александр Николаевич, — очень меня обрадовало Ваше письмо... В Нижний прибыли мы через день после вашего отъезда, надеялись там Вас увидеть и оттого не отвечал Вам на предыдущее Ваше милейшее письмо, за которое как я, так равно сестра и брат душевно Вас благодарим. Все наши часто и с любовью Вас вспоминают и приказывают Вам сильно кланяться.

Весь Ваш Н. Некрасов» (Некрасов, XI, 23).

О визите Островского в Карабиху поэт вспоминал и в следующем году, о чем свидетельствуют строки из его письма к драматургу от марта 1864 г.: «Надо Вам что-нибудь сработать весной, чтобы летом иметь право и расположение гулять по-прошлогоднему. Надеюсь, столкнемся опять на несколько дней либо в Москве, либо в одном из попутных Вам городишков, а может, и ко мне в деревню надумаете заглянуть» (Некрасов, XI, 30).

Важнейшую часть переписки писателей составляют сведения о литературных делах, мнение корреспондентов о новых произведениях и т. п. Так, например, 7 марта 1864 г. Островский сообщал о своем нетерпеливом желании прочесть поэму «Мороз, Красный нос» и очередную статью Щедрина, о которых «все отзываются с необыкновенными похвалами»; здесь же отзыв о читанном ему автором «Зараженном семействе» Л. Толстого, которое, по мнению Островского, «такое безобразие», что у него «положительно завяли уши от его чтения» (Островский, XIV, 113). 13 марта 1874 г. драматург интересуется мнением Некрасова о пьесе «Трудовой хлеб»: «...сделайте одолжение, напишите мне, хорошо ли это и стоит ли печатать» (Островский, XIV, 33). В свою очередь Некрасов просит Островского сообщить «словечко о „Морозе“, если он того стоит» (Некрасов, XI, 30), и т. п.

Высокое мнение корреспондентов о творчестве друг друга и общность их взглядов на литературу особенно рельефно проявились в письме Некра-

¹¹ Гос. Театральный музей, ф. 200, № 1370.

¹² Там же, № 1393.

¹³ См.: Некрасовский сборник, вып. II. Пг., 1918, с. 37; Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Л., 1935, с. 285.

сова от марта 1864 г. и в письме Островского от декабря 1869 г., цитатами из которых мы и закончим наш обзор. Оба они написаны в тяжелые для писателей минуты уныния и проникнуты взаимной заботой.

«Что Вы там толкуете о своем увядании? — читаем в письме Некрасова. — Это случайная болезнь на Вас хандру нагнала. Вы наш богатырь, и я знаю и верю, что Вы еще нам покажете великую силу» (Некрасов, XI, 30).

«Дорогой мой Николай Алексеевич, — как бы вторит ему Островский несколько лет спустя. — Зачем Вы мучаете людей, любящих Вас! Как Вам умирать! С кем же тогда мне идти в литературе? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без кабинетного западничества и без детского славянофильства» (Островский, XIV, 181).

В этом признании духовной общности двух титанов русской литературы мы и видим идейную суть их переписки и ее важное историко-литературное значение.

О. В. Ломан

ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА НЕКРАСОВА — ЖЕНА И ДРУГ ПОЭТА

В книжных фондах Государственного Литературного музея в Москве хранятся две книги «Стихотворений Н. Некрасова» (СПб., 1873) с дарственными автографами поэта. На одной из них написано: «Милому и единственному другу моему Зине. Н. Некрасов. 12 февр. 1874», на другой: «Милой дорогой Зине. Н. Некрасов. 23 марта 1874».

Мы мало знаем о той женщине, которой посвятил Некрасов эти задушевные слова, о той, которая своей бескорыстной любовью согрела и скрасила последние годы жизни великого поэта и стала его другом и женой. И хотя отдельные попытки осветить ее личность, характер, ее судьбу, представить, как складывалась личная жизнь поэта последнего десятилетия, прояснить эту страницу его биографии предпринимались, но до сих пор от издания к изданию — как в биографиях Некрасова, так и в комментариях к его стихотворениям, посвященным жене, — повторяются ошибки и неточности. Эти досадные неточности происходят и от недостаточной осведомленности, и оттого, что авторы обращаются к одним и тем же печатным источникам и цитируют их, раз и навсегда взяв на веру сообщаемые в них сведения. Цель этой статьи не только систематизировать опубликованное ранее, но и ввести в научный оборот некоторые новые материалы, почерпнутые из архивов Москвы, Ленинграда и Саратова, из свидетельств современников.

После разрыва с Авдотьей Яковлевной Панаевой (1863) Некрасов был очень одинок. Роман с французенкой-актрисой Селиной Лефрен не принес ему счастья. Не нашел он друга и в П. Н. Мейшен, вдове ярославского механика, с которой сблизился осенью 1869 г. Совместная жизнь не задалась: ничего общего у них не оказалось, не было ни простоты, ни сердечности отношений, о которых он мечтал, да и жила она больше в Ярославле, чем в Петербурге. В письмах в Карабаху к брату Федору Алексеевичу рядом с именем П. Н. Мейшен всегда упоминаются о деньгах и только о деньгах: «отдай 150 р.», «заплати проценты из моих денег», «пошли за мой счет», «дай ей деньги» и т. п. (XI, 159, 178, 207). Вымогательства продолжались и после разрыва, который последовал очень скоро. Вместе они провели только зиму 1869/70 г. и расстались (см.: XI, 196).

Настроение у Некрасова было в это время тяжелым. К неурядицам в личной жизни присоединялись и «неотразимые общественные обиды» (XI, 165). Известны те удары, которые вынес Некрасов в 1869 г.: клеветническая брошюра бывших друзей Ю. Г. Жуковского и М. А. Антоновича, бестактное «разоблачение» И. С. Тургенева... «У нас времена теперь нехороши», «На душе черт знает как скверно, не знаю, когда и справлюсь с собою, совсем нехорошо», — читаем в письмах поэта (XI, 129, 143).

Семейные огорчения, разочарование в друзьях, расстроенное здоровье, волнения по поводу выхода каждой новой книжки журнала — все это тяжело отражалось на настроении и самочувствии поэта. В 1869 г. он не написал ни одного стихотворения.

В таком состоянии был Некрасов, когда весной 1870 г. он встретил молодую, обаятельную и жизнерадостную девушку Феклушу Викторову. Красивая и скромная, добрая и сердечная, веселая певунья и хохотушка, она горячо полюбила поэта и навсегда вошла в его жизнь. Некрасову было тогда 48 лет, ей — 23.

«Николай Алексеевич, — рассказывала она позднее саратовскому журналисту Н. М. Архангельскому, — стал звать меня Зиной, прибавив свое отчество. Вслед за ним и все знакомые стали звать меня Зинаидой Николаевной, так что в конце концов я настолько освоилась с этим, что, кажется, забыла, что меня зовут Феклой Анисимовной».¹

Очевидно, Некрасов сначала не смотрел серьезно на свои отношения с ней. Он поселил Зину на отдельной квартире, однако вскоре, привязываясь к ней все больше, предложил ей переехать на Литейный, в бывшую «панаевскую половину», ставшую после смерти И. И. Панаева (1862) и отъезда А. Я. Панаевой (1863) частью его квартиры. Жена брата поэта, Наталья Павловна, вспоминала, что когда она впервые (1872) побывала в квартире Некрасова на Литейном, ей «бросилось в глаза ее удобство — лестница оканчивалась площадкой, дверь направо вела в помещение поэта, а налево — в комнаты Зинаиды Николаевны, внутри они сообщались».²

А. Ф. Кони, часто бывавший у Некрасова, очень тепло отзывался о Зине. В своих воспоминаниях он писал: «Тогда же я познакомился с будущей женою Некрасова, Феклой Анисимовной, которую он называл более благозвучным именем — Зина и к которой обращены многие его предсмертные стихи, полные страдальческих стонов и нежности. От нее веяло душевной добротой и глубокой привязанностью к Некрасову».³

В черновых планах и набросках, хранящихся в папке с надписью «Материалы о Некрасове», Кони писал: «Мечта любви», «Любовь к детям», «Мечта любви, не знающей конца», «Личная любовь», «Зина», «Некогда — машина для бесплодной работы и таких же жертв, — ни о счастье, ни об отдыхе...».⁴

И когда уже о любви и счастье не мечталось, неожиданно для себя поэт узнал и ласку, и заботу, и сердечное участие.

Кто же была будущая жена поэта? Откуда родом? Где и как познакомилась она с Некрасовым? Ответить на эти вопросы весьма трудно. Сам Некрасов в своем завещании назвал ее дочерью «умершего рядового» (XII, 100). Современница поэта Е. И. Жуковская считала Викторову дочерью военного писаря.⁵ Карабихский винокур П. Е. Кюшкин, лично знавший и поэта и Зину, утверждал: «Они познакомились в Петербурге, а родом она из Вышнего Волочка, обер-офицерская дочь».⁶ В. М. Лазарев-

¹ См. рукопись Н. М. Архангельского «З. Н. Некрасова. (По личным воспоминаниям)», хранящуюся в Музее-квартире Н. А. Некрасова. Далее все ссылки на эту рукопись даются в тексте сокращенно: Архангельский, страница.

² Некрасова Н. П. Мои воспоминания о поэте Н. А. Некрасове. — В кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, с. 401.

³ Кони А. Ф. Н. А. Некрасов. Воспоминания. — ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 36, л. 4.

⁴ Там же, ед. хр. 37, л. 3 об., 9, 16, 22.

⁵ Жуковская Е. И. Воспоминания о Некрасове. — Былое, 1923, № 22, с. 108.

⁶ Север, 1908, 12 октября, № 352.

ский в своем неопубликованном дневнике записал, что до Некрасова она жила у «какого-то купца Лыткина».⁷

А вот что ответили на мои расспросы люди, знавшие Зинаиду Николаевну или слыжавшие о ней рассказы в своих семьях.

Е. Ф. Еремеева (род. 1887 г.; запись 1961 г., Саратов): «Зинаида Николаевна была уроженкой деревни. Некрасов часто охотился в тех местах, где она жила. Будучи на охоте, Некрасов зашел в дом ее отца Анисима Викторова. В доме своего отца она и познакомилась с поэтом».

А. Г. Озолина (род. 1896 г.; запись 1961 г., Саратов): «Она из бедной семьи была. Мать была прачкой. Некрасов встретил ее на улице, познакомились, а потом сделал ей предложение и женился».

Т. И. Орлова (запись 1971 г.): «Моя бабушка, Мария Михайловна Сухова, — дочь М. П. Сухова, товарища Некрасова по охоте и соседа по имени под Чудовым. Она много рассказывала о Николае Алексеевиче и Зинаиде Николаевне. По ее словам, З. Н. была дочерью прачки. С ней Некрасов встретился в Чудове, когда она возвращалась с реки с корзиной белья на голове».

Не внесли ясности в этот разнобой и родственники. Родная племянница поэта Вера Федоровна Некрасова писала мне 17 декабря 1961 г.: «О Зин. Ник. нам было ничего не известно, ни отец, ни мама ничего не рассказывали. Помню только, что мама говорила, что Зин. Ник. торговала где-то на улице (чем — не помню; кажется, цветами), и там Ник. Алек. с ней познакомился». А. И. Мещанинова, бабушка которой была родной сестрой Зинаиды Николаевны, со слов тетки не очень уверенно сказала, что родители бабушки и ее сестры «из колпинских мещан».

Самый суровый и неправдоподобный вариант принадлежал К. И. Чуковскому. Утверждая, что Зинаида Николаевна являлась дочерью барабанщика, он прибавил: «Говорили (а может быть, и это была клевета), будто благозвучный псевдоним был ей дан в том учреждении на Офицерской, где поэт познакомился с нею».⁸ Кто говорил, откуда эти сведения, Чуковский не сообщил.

Серьезно биографией Зинаиды Николаевны пытался заняться В. Е. Евгеньев-Максимов. Еще в 1915 г. в газете «День» от 28 января он писал: «В литературе нет никаких сведений о жизни Зинаиды Николаевны до знакомства с Некрасовым и об обстоятельствах, при которых они познакомились. Автор настоящей статьи <...> был бы чрезвычайно благодарен за всякие на этот счет указания». Однако никаких точных «указаний» ученый не получил и почти 40 лет так и не мог прояснить эти интересовавшие его, да и не только его, вопросы.

Не ответил на них и паспорт Зинаиды Николаевны, хранящийся в ИРЛИ. Можно предположить только, что это была девушка простого звания, рано осиротевшая и не получившая систематического образования. Вряд ли она родилась в Карабихе или Чудове: судя по письмам Некрасова, в эти места она впервые приехала вместе с ним. Не могли быть ее родиной и места вблизи Грешнева, что подтверждается отсутствием о ней в Грешневе преданий и рассказов. Старожилы Грешнева, современники поэта, ее не знали.⁹

Переписка же Некрасова с женой не сохранилась, да, вероятно, ее и не было, так как супруги никогда не расставались: Зина сопровождала мужа всюду — в Чудово, в Карабиху, за границу, в Ялту.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 2, ед. хр. 10, л. 29 об.

⁸ Минувшие дни, 1928, № 2, с. 17.

⁹ А. Ф. Тарасов установил, что Зинаида Николаевна вместе с поэтом была в Грешневе проездом в костромские места (Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1977, с. 108).

Первые упоминания о Зинаиде Николаевне появляются в письмах Некрасова в мае 1870 г. В письме из Петербурга (начало мая 1870 г.) к В. М. Лазаревскому, с которым он собирался вместе поохотиться, Некрасов сообщает, что не попал в Чудово, так как «возникло нечто, вследствие чего надо остаться еще несколько дней здесь».¹⁰ Против этого места на полях письма Лазаревский пометил: «Зина». 7 мая 1870 г. Лазаревский упомянул в своем дневнике о поездке в Чудово с Некрасовым впервые вместе с Зиной.¹¹

Следующее упоминание относится к 21 мая 1870 г. Некрасов сообщает брату Федору: «Пожалуйста, распорядись, чтоб мое помещение было в порядке, ибо приеду не один» (XI, 172). Совместная поездка в Карабиху состоялась, и 23 июня поэт пишет Лазаревскому: «У нас здесь отлично... Рыбы много в нашей реке Которосли. Зина начинает пристращаться к ужению. Она Вам кланяется. Поклонитесь от нее и от меня всем нашим добрым знакомым» (XI, 173). 12 июля Лазаревский отвечает: «Что светленькая малютка? Так мне досадно и жаль, что я не вооружил ее удочным снадобьем, которое у меня первый сорт и в изобилии. Тысячу милых слов скажите ей». В другом письме, от 3 августа 1870 г.: «Ангелу тысячу милых слов»; от 18 июня 1871 г.: «Я мчался в Чудово как в обетованную землю <...> Земно кланяюсь Зинаиде Николаевне».¹²

Судя по письмам Некрасова, Зина полюбила маленьких племянников поэта — детей Федора Алексеевича и подружилась в Карабихе с его женой Софьей Ивановной, а вернувшись в Петербург, постаралась послать ей подарок (см.: XI, 179). Когда в ноябре 1870 г. Софья Ивановна умерла, Некрасов в теплом, сочувственном письме по поводу постигшего брата горя приписывает: «А мы с Зиной строили планы, как устроить Софью Ивановну на месяц в Петербурге» (XI, 183). Эта форма — «мы с Зиной» — появляется здесь впервые. Фраза же «Зинаида Николаевна кланяется тебе и целует детей» (XI, 207) в письмах поэта постоянна.

В сентябре 1872 г. Федор Алексеевич женился вторично; Зина и с новой невесткой, Натальей Павловной, пыталась установить родственные отношения. «Зина тоже от души вам обоим кланяется», — пишет Некрасов 26 февраля 1873 г. (XI, 241). Она выполняет просьбы и поручения Натальи Павловны, о чем Некрасов сообщает 10 мая 1873 г.: «шляпку Вам посылаем <...> По нашему понятию, шляпка очень мила; только я заметил Зине — не слишком ли она скромна для такой молодой женщины, как Ваша милость. На что получил ответ: не выдумывай!» (XI, 254).

Характерно, что Некрасов с первого же года совместной жизни с Зиной пишет родным как бы от обоих: «посылаем», «мы уезжаем», «мы двинемся в Диепп», «приезжайте к нам в Петербург <...> будем рады», «Мы с Зиной», «Прибыли мы в Петербург благополучно <...> перебрались в Чудовскую усадьбу» и т. д. (XI, 254, 256, 318, 330, 343, 368, 369).

Первое время Зину знали далеко не все, Боборыкин, например, прямо пишет, что свою подругу Некрасов «не сразу показывал менее близким людям» и он «только на вторую зиму познакомился с нею, когда она выходила к обеду, оставалась и после обеда, играла на бильярде».¹³

Чтобы не поставить молодую женщину в ложное положение, Некрасов не ездил с нею туда, где могли быть малознакомые люди. Если он ехал по делам или с официальным визитом, Зина обычно оставалась дома,

¹⁰ Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 47.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 277, оп. 2, ед. хр. 10, л. 10 об. Ср.: Литературное наследство, т. 51—52, с. 47.

¹² ГБЛ, М. 5765, 39/1—4.

¹³ Литературное наследство, т. 51—52, с. 158.

а если ехала с ним, то поджидала где-нибудь неподалеку. «В понедельник вечером я заехал к Вам, — пишет Некрасов В. П. Гаевскому, — оказалось: никого из членов (Литературного фонда, — О. Л.) нет, и я ушел, не зайдя к Вам, так как Зина сидела в коляске» (XI, 364). В письме к П. А. Ефремову он сообщает: «Может быть, мы с Зиной вечером забежим к Вам...»; и тут же делает сноску: «Нет, зайду один, ибо вспомнил, что у Вас сегодня могут быть гости» (XI, 311).

Сначала о Зинаиде Николаевне Некрасов упоминает лишь в письмах к родным и к Лазаревскому, который познакомился с ней одним из первых. Но позднее он расскажет и в письме к А. Н. Еракову о том, как «сестра и Зина<...> были застигнуты бурей; перед ними сломало и свалило огромное дерево, так что они с испугу забежали спасаться в чужой дом» (XI, 260). В письме к А. С. Суворину поэт сообщает: «У меня будет только сестра, она не помешает — и тотчас после обеда уйдет к Зине» (XI, 270). Приглашая к себе П. А. Ефремова, он пишет: «Я бы почитал Вам своих стихов, а Зина обыграла бы Вас в пикет» (XI, 362). Он не забывает передавать от нее поклоны в письмах не только родным, но и близким знакомым.

В свою очередь друзья поэта относились к Зинаиде Николаевне с уважением и симпатией. В своих письмах они постоянно передают ей «усердные поклоны», спрашивают о ее здоровье. И. А. Гончаров благодарит за присланный ему оттиск поэмы «Русские женщины» не только ее автора, но и его жену, «которая, вероятно, любезно участвовала в этом деле» (31 января 1873 г.). Салтыков у Зинаиды Николаевны «целует ручки» или шлет ей «дружеский поклон». А. А. Головачев пишет о своем желании поиграть с ней «в пикет на берегу морском» (11 октября 1876 г.). А. Н. Плещеев мечтает о поездке в Карабаху с сыном. Передавая поклон Зинаиде Николаевне, он пишет Некрасову: «Она обещала столько разных веселых вещей моему Сашке, что он и спит и видит как бы попасть в Карабаху» (15 июня 1871 г.). А через год он просит у Зинаиды Николаевны разрешения познакомиться с ней ту женщину, у которой, по его словам, «здесь нет решительно никого» (май 1872 г.). Речь здесь идет о гражданской жене Плещеева Е. М. Даниловой. Судя по тому, что в следующих письмах Плещеев передает Зинаиде Николаевне «усердный поклон» и от себя и от Екатерины Михайловны, знакомство это состоялось.¹⁴ Сыну Плещеева Саше Николай Алексеевич и Зинаида Николаевна 30 мая 1872 г. подарили свои фотографические портреты. Некрасов написал на своем: «Саше Плещееву на память». «Жена поэта, Зинаида Николаевна, в этот же день подарила также мне свой портрет. Они только что снимались у Бергамаско», — вспоминал позднее А. А. Плещеев.¹⁵

С фотографии смотрит на нас миловидная, скромно одетая молодая женщина с пушистыми волосами, схваченными сеткой, с мягким овалом лица и добрыми глазами. Это тот портрет, который особенно любил Некрасов и который, уже в старости, Зинаида Николаевна разрешила переснять, но запретила печатать до своей смерти. В апреле 1878 г. известный гравер И. П. Пожалостин сделал по этому портрету «ремарку» (или «заметку») на одном из оттисков гравюры Некрасова по портрету И. Н. Крамского. На нижнем поле этого листа — одного из наиболее удачных — награвированы Пожалостинным портреты З. Н. Некрасовой и В. Г. Белинского.¹⁶

¹⁴ Там же, с. 222, 217, 447, 449, 456.

¹⁵ Плещеев А. А. Что вспомнилось, т. III. СПб., 1914, с. 259.

¹⁶ Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 193, 196.

Вскоре на обедах Некрасова стала присутствовать «уже для всех видимая, другая хозяйка», — вспоминал П. М. Ковалевский.¹⁷ Первой хозяйкой была Авдотья Яковлевна Панаева — красавица, умная женщина, писательница. Казалось бы, она гораздо более подходила Некрасову. Но...

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!..

(I, 60)

Таких вспышек, неразумных резких слов, нервозности, взаимных обид, уколов самолюбия совершенно не было в отношениях с Зиной. Все, что она умела, что могла, что подсказывало ей ее любящее сердце, она делала для того, чтобы успокоить поэта, которому, по словам М. И. Писарева, «вечные хлопоты по журналу, препирательства с цензурой, шипение врагов — все действовало на нервы и здоровье».¹⁸ Хорошо сказал о Зинаиде Николаевне Н. М. Архангельский: «Зина была его радостью, бодростью, второй его молодостью» (Архангельский, с. 3).

Кучер Некрасова Федор вспоминал: «Уж так согласно жили, что и рассказать нельзя <...> Зинаида Николаевна смотрела на Николая Алексеевича не просто как на мужа, а как на существо неземное; стихи его все на память знала. Этими стихами он ее в полон взял. Она еще с детства все его песни твердила. Ну а как познакомились да он ее своей лаской пригрел, — у нее только и света было, что Николай Алексеевич».¹⁹ Немудрено, что Зина полюбила тех людей, с которыми Некрасову было легко и приятно. Ее друзьями стали приятели Некрасова по охоте — простые крестьяне; она не уставала возиться с крестьянскими ребятишками, помогала больным.

Старший сын Ф. А. Некрасова, Александр Федорович, вспоминал: «С Николаем Алексеевичем приезжала его будущая жена Зинаида Николаевна <...> в парк приходили к нему крестьяне из соседних деревень <...> многие спрашивали советов о своих крестьянских делах, а больных он отсылал в дом к Зинаиде Николаевне <...> Я помню отлично Зинаиду Николаевну, эту голубоглазую блондинку с очаровательным цветом лица, красиво очерченным ртом и жемчужными зубами. Она была стройно сложена, ловка, находчива, хорошо стреляла и ездила верхом, так что иногда Н. А. брал ее с собой на охоту».²⁰

В 1873 г. Некрасов с Зиной вместе ездили за границу. Лето 1874 г. они почти целиком провели в Чудове. Это было лето напряженной творческой работы поэта. Надо думать, что в Чудове Зина чувствовала себя свободнее, чем в Карабихе. Как ни старалась она наладить отношения с родными мужа, это не очень-то получалось. Наталья Павловна была почти ровесницей ее. Между нею и мужем ее, Федором Алексеевичем, была почти такая же большая разница в возрасте, как между Зиной и Николаем Алексеевичем: в 1872 г., когда Наталья Павловна вышла замуж, ей было 22 года, Федору Алексеевичу — 45 лет. Казалось бы, молодые женщины должны были сблизиться. Но этого не произошло. Более того, Наталья Павловна простодушно вспоминала, какие по существу

¹⁷ Ковалевский П. М. Стихи и воспоминания. СПб., 1912, с. 296.

¹⁸ Петербургская газета, 1902, 27 декабря, № 355.

¹⁹ Библиков В. И. Воспоминания о Некрасове. — Исторический вестник, 1892, III, с. 643—644.

²⁰ Некрасов А. Ф. Мои воспоминания о Н. А. Некрасове и его близких. — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 92, л. 3—4. Частично опубликовано в кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, с. 404.

бестактные разговоры вела она иногда с поэтом за спиной Зины, убеждая его найти себе жену, жениться и обзавестись семьей.²¹

Не наладились дружелюбные отношения и с Анной Алексеевной. Умная и добрая женщина, горячо любившая брата, словно не понимала, какую боль причиняла ему своей активной неприязнью к Зине. Некрасов не любил никаких объяснений, но когда дело коснулось любимой женщины, сделал попытку выяснить отношения. «Ты объяснила мне свои чувства к Зине, — пишет он сестре 30 октября 1874 г.; — хотя я пожалел, что ты на нее смотришь неправильно, но это нисколько не восстановило меня против тебя <...> я вовсе не сержусь и не считаю себя вправе сердиться; я считаю только себя вправе требовать от тебя, из уважения ко мне, приличного поведения с Зиной» (XI, 339—340). Зине же он даже не намекнул о «настоящих чувствах» к ней сестры. Он любил их обеих и надеялся наладить между ними добрые отношения.

С первых же месяцев совместной жизни Некрасов занялся развитием необразованной, но способной и любознательной женщины. Впервые сообщая брату, что в Карабаху он придет не один, он просит его взять в Ярославле напрокат рояль (см. XI, 172). У Зины был хороший голос и слух, она часто пела, чем доставляла поэту, любившему музыку, много радости. По воспоминаниям Е. К. Вишневской, поэт очень внимательно следил за уроками французского языка, которые по его приглашению давала Зине тетка Вишневской М. С. Наксарий. «Зинаида Николаевна, — рассказывала М. С. Наксарий, — была очень симпатичная, простенькая, типа модистки, но умная женщина. Некрасов очень ее любил. Французским языком Зин. Ник. занималась усердно и с большим успехом».²²

Занималась она и русской орфографией, так как писала сначала медленно и с ошибками. «Зина <...> извиняется, что не сама пишет, тем, что я пишу скорее»; «не могу убедить ее писать, ибо она боится орфографических ошибок, с которыми пишет» — читаем мы в письмах Некрасова (XI, 254, 318). Однако постепенно она справилась с трудностями русского правописания. Уже после смерти Некрасова она в Саратове учила грамоте детей, занималась и со взрослыми женщинами.

Несмотря на свою занятость, Некрасов много времени проводил со своей молодой женой. Он рассказывал ей о себе, о своей работе, о своих планах, о своем нерадостном детстве, с нежностью вспоминал мать и с горечью деспота-отца. Поэт передал ей свое глубокое уважение и горячую любовь к страдальце-матери. Когда после смерти поэта Анна Алексеевна хотела перекупить у Зинаиды Николаевны место на кладбище подле его могилы, оскорбленная вдова ответила, что это место она уступила бы — и, конечно, даром — только его матери.

Ей не всегда были понятны заботы, волнения и огорчения поэта, но, не разбираясь во многом, ей недоступном, она женским чутьем угадывала, чем она может облегчить его жизнь. Она часто провожала Некрасова в цензурное ведомство и поджидала его, чтобы скорее успокоить, когда он, расстроенный очередной неприятностью, выходил от цензора. Цензурные неприятности она переживала вместе с ним. Она знала и друзей и недругов мужа, видела, как любят его крестьяне, и понимала, за что его любят, знала о материальной помощи, которую он постоянно оказывал сотрудникам журнала, писателям. Ипполит Панаев именно от

²¹ Некрасова Н. П. Мои воспоминания о поэте Н. А. Некрасове. — В кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников с. 399.

²² См.: Бояновский Вл. «Влас». — В кн.: Некрасов. Памятка ко дню столетия рождения. Пг., 1924, с. 22.

жены поэта знал, сколько он выдавал ежегодно пособий и пенсий разным лицам.²³

Вместе они бывали в театре, на концертах и выставках. Иногда садились в коляску и ехали на острова или просто по городу, заезжали в магазины, покупали подарки родным. Оба умели и любили делать подарки, особенно детям — многочисленным своим племянникам и деревенским ребятишкам.

Обо всем этом, в частности о беседах Некрасова с Зиной, мы знаем и из воспоминаний современников и из ее рассказов, записанных Архангельским, Евгеньевым-Максимовым и оставшихся в памяти близких ей людей.

В первый же год совместной жизни Некрасов посвятил своей гражданской жене поэму «Дедушка». Она была написана за десять дней и появилась в «Отечественных записках» (1870, № 9) с подписью «Н. Некрасов» и подзаголовком «З-н-ч-е», т. е. «Зиночке». Это посвящение сохранилось и в прижизненном издании стихотворений Некрасова 1873 г.; но в посмертном издании оно было самовольно снято А. А. Буткевич. В советских изданиях посвящение восстановлено.

Постепенно Зинаида Николаевна стала Некрасову незаменимой помощницей. «Мне случалось, — рассказывала она своей племяннице, — помогать мужу в чтении корректур; приходилось следить по оригиналу, когда он правил отписки; иногда я сама сверяла отписки с оригиналами, когда муж бывал чем-либо занят».²⁴ А занят Некрасов был постоянно. Это были годы плодотворной работы, когда появились замечательные поэмы «Дедушка», «Русские женщины», «Современники», главы «Крестьянка», «Последыш» и «Пир на весь мир» из «Кому на Руси жить хорошо» и около 90 лирических стихотворений.

Очень привлекательный образ Зинаиды Николаевны — любящей подруги поэта вырисовывается в рассказах хорошо знавших ее простых людей. Вот несколько выдержек из их воспоминаний, записанных в разные годы.

Карабихский винокур П. Е. Кошкин: «Она была такая молодая и веселая, что и Николаю Алексеевичу и нам всем около нее весело было. Бывало, поедут кататься, заедут к нам на завод, она то и дело смеется-заливается и поет и смеется. Николай-то Алексеевич сдерживает ее: „Да что ты, Зина, да будет тебе, Зина!..“. А и самому-то ему приятно, и сам-то смеется вместе с ней <...> Говорил-то Николай Алексеевич эдаким грубоватым выговором на „о“: „Да полно-ко, да што ты“ <...> Бывало, приедут с охоты, — а на охоту они брали с собой и крестьян, — Зинаида Николаевна давай всех оделять, кого чем: кого рублевином, кого ситцем на рубаху, детишкам конфет <...> Все ее очень любили».²⁵

Кучер Федор: «Она ведь тоже охотница была <...> Наденет это рейт-фрак, брюки в обтяжку, как рейтузы гусарские, на голову циммерман, волосы под шапку подберет, — и узнать нельзя, что женский пол. Николай Алексеевич до страсти любил ее в этом костюме. Вот раз <...> сели они это на лошадей. Николай Алексеевич стремя подержал Зинаиде Николаевне

²³ См.: Воспоминания Ипполита Панаева. — Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 546.

²⁴ Е. К. У племянницы жены Н. А. Некрасова. — Новости и биржевая газета, 1903, 17 января, № 17. Очень жаль, что корреспондент этой газеты (Е. К.) не сообщил ни имени, отчества и фамилии племянницы, ни города, где происходила их беседа.

²⁵ Цит. по выписке, сделанной В. Е. Евгеньевым-Максимовым из не названной им московской газеты от 31 января 1915 г. (Музей-квартира Н. А. Некрасова, архив Евгеньева-Максимова). Рассказ П. Е. Кошкина был опубликован Н. Левским в другой редакции: Север, 1908, 8 и 12 октября, № 348, 352.

и какой-то стих с усмешкой прочитал, а я самого Николая Алексеевича в седло посадил <...> слышу смеются оба, веселые, довольные <...> Зинаида Николаевна каждой травке радуется, каждому деревцу, и на все хлыстиком своим белым Николаю Алексеевичу показывает...».²⁶

Чудовский егерь И. В. Миронов: «И супруга его Зиновья Миколавна, бывало, все с ним <...> Иной раз на что-нибудь рассердится Миколай Лексейч, она сейчас охватит его, целует — развеселит да развеселит. Хворый он, сердиться-то ему нельзя — вот она и старается».²⁷

Чудовский старожил Т. С. Антонов: «Николай Алексеевич раздаст нам, бывало, азбучки, там стишки его были. И жена его с нами. Она молодая была, веселая. Станет с нами разучивать стишки его наизусть, гостинцами оделяет и с собой даст. Она была на ногу легкая. Соберется Николай Алексеевич на охоту — и она рядом».²⁸

Чудовская жительница У. В. Минаева: «Я совсем маленькая была, как Николай Алексеевич тут у нас жил. Очень он любил детей простых крестьянских. И жена его была тоже добрая, молодая <...> Я помню, как на елку нас, ребят, всех созвали. Елка большая, яркая, вся игрушками, пряниками и конфетами увешена. Мы, дети, сначала орбели, ну Николай Алексеевич с нами ласково так. Развеселились мы. Барыня смеется с нами, играет. А потом, как наигрались мы, она нас всех оделила гостинцами с елки: „Берите, что хотите“, — говорит».²⁹

А. В. Попов, беседовавший в 1920-е годы с земляками поэта, отметил, что в своих рассказах они не разделяли супругов, а говорили о них вместе — об их доброте, душевном отношении к крестьянам, об их дружной совместной жизни.

В народных рассказах о Некрасове, записанных мною в разные годы в окрестностях Карабихи и Чудова, Зинаида Николаевна упоминается постоянно. Их видели всегда вместе, наблюдали, как весело и дружно собираются они на охоту, принимали их как дорогих гостей в своих избенках, к ним шли за помощью, лекарством, советом. В рассказах этих мелькают фразы: «от мужа не отставала», «когда работать садился Николай Алексеевич, она оберегала его покой, чтобы никто не мешал», «вот тут прогуливались они пешком»; почти одинаковыми словами характеризуют авторы воспоминаний Зинаиду Николаевну: «Простая была, добрая, хорошая женщина»; «никогда не давала ему сердиться, все ухаживала за ним. Если он нервничает или что, она сейчас его уговорит, уласкает. Хорошая была!».

Еще более сблизилась супруга во время предсмертной болезни поэта. Литератор Н. А. Панов вспоминает, как после мучительных приступов болезни Некрасов «призывал Зинаиду Николаевну, усаживал ее возле себя и вел с нею задушевную беседу. Суровое за несколько минут перед тем лицо преображалось: глаза светились кроткой грустью. Иногда он, глядя на портреты Белинского, Добролюбова и Чернышевского, вспоминал этих славных людей, своих соратников, скорбел о преждевременной смерти первых двух и о положении последнего, находившегося тогда в Сибири».³⁰

²⁶ Цит. по: Бибииков В. И. Воспоминания о Некрасове. — Исторический вестник, 1892, III, с. 639 (далее следует драматический рассказ о том, как на охоте Зина нечаянно подстрелила любимую собаку Некрасова).

²⁷ Жилкин И. Охотничья усадьба и слуги-друзья Некрасова. — СПб. ведомости, 1902, 28 декабря, № 354.

²⁸ Ломан О. В. Усадьба Н. А. Некрасова Чудовская Лука. — Некрасовский сборник, вып. I. М.—Л., 1951, с. 265 (запись 1949 г.).

²⁹ Там же, с. 266 (запись 1949 г.).

³⁰ Цит. по: Евгеньев-Максимов В. Е. Невышедшая книга о Некрасове. — В кн.: Некрасовский сборник, вып. II. М.—Л., 1956, с. 493.

18 мая 1876 г. Некрасов написал первое, посвященное жене стихотворение:

ЗИНЕ.

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

(II, 404)

Ей посвящает он свою предсмертную исповедь. И хотя ласково и нежно называет ее «дитя» («Знай, дитя...»), но обращает эту исповедь не к юному, беззаботному существу, а к вдумчивому человеку, способному понять его сокровенные мысли. Интимно-личное стихотворение насыщено гражданскими мотивами, раздумьями о праве поэта на бессмертие, в котором он сам себе отказывал.

Зинаида Николаевна видела, как к физической боли, к «невыносимой муке кромешной» прибавляются и страдания нравственные. Она утешала его, может быть и спорила, радуясь каждому письму, каждой телеграмме, где неизвестные почитатели Некрасова опровергали скорбную и несправедливую мысль, высказанную в стихотворении.³¹

Летом 1875 г. Некрасовы в последний раз побывали в Карабихе. В 1876 г. — так же в последний раз — они провели лето в Чудове, откуда поэт в сопровождении жены периодически ездил в Гатчину к доктору С. П. Боткину, который следил за течением болезни, стараясь облегчить тяжкие страдания больного (см.: XI, 400—401). По его рекомендации Некрасов с Зинаидой Николаевной отправились в Крым и с начала сентября до конца октября 1876 г. жили в Ялте. Целебный морской воздух, поездки в горы, лечение виноградом, внимание доктора, трогательные заботы жены ненадолго улучшили самочувствие поэта. Однако вернулся он в Петербург уже безнадежно больным.

Бессонной ночью 4 декабря 1876 г. Некрасов написал второе лирическое стихотворение, обращенное к другу-жене:

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжают;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней,
Двести ночей!
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зина! закрой утомленные очи!
Зина! усни!

(II, 407)

³¹ Например, харьковские студенты в своем адресе безоговорочно причисляли Некрасова к активным борцам, см.: Ломан О. В. Адрес харьковских студентов Н. А. Некрасову 1877 г. — В кн.: О Некрасове, вып. IV. Ярославль, 1975, с. 316.

Г. В. Краснов подсчитал, что между первым стихотворением (18 мая) и вторым (4 декабря) действительно прошло ровно двести дней.³²

Третье послание Зине написано Некрасовым 13 февраля 1877 г.:

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слышал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

(II, 424)

Здесь обращение не только к самоотверженному, глубоко сострадающему другу, верному и нежному, но и к помощнику в нелегком труде. Это не «покаянное» стихотворение, которых немало у Некрасова. Мажорный конец говорит о силе духа, мужестве, верности долгу.

В последних по времени комментариях к этому стихотворению³³ комментаторы вслед за М. М. Гином связывают его содержание с легендой «О двух великих грешниках» («Кому на Руси жить хорошо»). Однако такое толкование не вытекает, на наш взгляд, из текста стихотворения, где речь идет не о раскаявшемся грешнике, а о праведнике и подвижнике, подвиг которого — животворящий труд. К разбойнику Кудеяру, который остался жив после окончания наложенной на него эпитимии (а умер нераскаявшийся пан Глуховской), вопреки указанным толкованиям данное произведение не имеет никакого отношения.³⁴

К циклу стихотворений, посвященных Зине, примыкает отрывок, который почему-то раньше не связывался с ней:

Но, любя, свое сердце готовь
Выносить непрестанные грозы.
В нашем мире, дитя, где любовь,
Там и слезы.

(II, 535)

Отрывок был впервые опубликован после смерти поэта.³⁵ Нет сомнения, что он также обращен к Зине: та же разговорная манера, словно поэт продолжает душевную беседу с женой, то же ласковое интимное обращение «дитя», как и во втором стихотворении, обращенном к ней.

Первые три стихотворения, посвященные Зине, вошли в последнюю книгу, вышедшую при жизни поэта, — «Последние песни». Книга эта — его поэтическое завещание. Уже из «Вступления» читатель узнает и

³² См.: Некрасов Н. А. Последние песни. М., 1974 (сер. «Лит. памятники»), с. 233.

³³ Некрасов Н. А. 1) Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 3. Изд. 2-е. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 481; 2) Последние песни, с. 294.

³⁴ Гин М. М. 1) Спор о великом грешнике. — Русский фольклор, т. VII. М.—Л., 1962, с. 97; 2) От факта к образу и сюжету. М., 1971, с. 241—242. Подробнее см. в моей заметке в сб. «Некрасов и русская литература» (в печати).

³⁵ Отечественные записки, 1879, № 1, с. 65.

о страданиях умирающего, и о том, что он верен своей музе мести и печали и вновь призывает ее зажечь огонь «любви, негодованья, мщенья». «Глаза жены сурово-нежны...», — пишет он во «Вступлении». Ей, жене и другу, Некрасов и предоставил издание этой книги. На обороте заглавного листа напечатано: «Собственность издательницы Ф. Викторовой».³⁶ Это наводит на мысль, что Зинаида Николаевна под руководством Некрасова помогала в издании книги, вероятно переписывала стихотворения, предназначенные для сборника. Ее, как и сестру Анну Алексеевну, волновали цензурные затруднения и проволочки, связанные с выходом книги в свет.

Наталья Павловна Некрасова вспоминала, что Зина не отходила от больного ни днем ни ночью. Была и любящая сестра Анна Алексеевна, но Некрасов писал ей: «Ты нужна мне, но не будь сиделкой — ты перевозна. Я за тебя боялся, и это портило для меня твои услуги» (XI, 406). Были и сиделка, и студент-медик, но, как вспоминала позднее Зинаида Николаевна, «не умели они его перевязывать, не причиняя боли... Все самой приходилось делать».³⁷

Особенно тяжело было скрывать от больного свои переживания, не показывать безмерной усталости от бессонных ночей, своего горя. Не легко было выполнять просьбу: «смейся, пой, как пела ты весной», но она делала это: «Чтобы поободрить его среди нечеловеческих страданий, веселые песенки напеваю. Душа от жалости разрывается, а сдерживаю себя, пою да пою...». Позднее Зинаида Николаевна говорила: «Столько пришлось перенести тогда, что в пять-шесть месяцев на несколько лет серьезней и старше стала».³⁸

Немало горя доставляло Зине неприязненное отношение к ней сестры и брата поэта, которые словно ревновали ее к умирающему. Зная об этом, Некрасов написал завещание и разделил свое имущество между родными и близкими, обеспечив на случай смерти и Зину. Ей он предоставил в полную собственность все находящееся в его квартире в Петербурге движимое имущество (за исключением лишь ружей, которые были завещаны Константину Алексеевичу Некрасову), а также «благоприобретенное недвижимое имение его <...> близ села Чудова, в усадьбе Лука» (XII, 100). Половину Чудовской Луки по этому завещанию наследница должна была передать тому же брату — К. А. Некрасову.

Авторские права и рукописи поэт передал по завещанию сестре А. А. Буткевич. В черновой записи беседы с Зинаидой Николаевной В. Е. Евгеньев-Максимов с ее слов записал: «Все бумаги Анне Ал. отдала. Спрашивал меня Н. А.: — хочешь, отдам тебе? — но я отказалась в пользу Ан. Ал.».³⁹

Завещание было заверено нотариусом М. И. Успенским 13 января 1877 г. Свидетелями были доктор Н. А. Белоголовый, М. Е. Салтыков и Г. З. Елисеев.

Неделей раньше, 5 января 1877 г., друзья поэта по его просьбе составили следующий документ, ранее не публиковавшийся:

«Нотариальное свидетельство о том, что Н. А. Некрасов не женат.

1877 года января 5 дня мы, нижеподписавшиеся, сим удостоверяем, что дворянин Николай Алексеевич Некрасов, имеющий ныне от роду

³⁶ Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1877.

³⁷ Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, с. 454.

³⁸ Там же, с. 453—454.

³⁹ Музей-квартира Н. А. Некрасова, архив Евгеньева-Максимова, папка № 17.

Далее при ссылках на материалы этого архива в тексте указывается сокращенно: Архив Евгеньева-Максимова.

пятьдесят четыре года, как нам с точностью известно, холост и женат до сего времени не был.

Действительный статский советник Александр Николаевич Ераков. Присяжный поверенный округа СПб. судебной палаты коллежский асессор Алексей Михайлов Унковский. Действительный статский советник Михаил Евграфов Салтыков. Генерал-майор Евфимий Алферьевич Романовский». ⁴⁰

Заверено свидетельство петербургским нотариусом М. И. Успенским в конторе Московской части по Невскому проспекту.

Понимая, что жить ему недолго («Я крайне плох. Надежды жить нет» — XI, 410), Некрасов решил узаконить свои отношения с Зинаидой Николаевной церковным браком. Для этого-то и понадобился ему этот документ. Есть свидетельства, что Зина отказывалась от венчания. Корреспондент газеты «Речь» писал 27 января 1915 г.: «Некрасов нашел в З. Н. женщину, которая не прельстилась ни славою, ни богатством, а просто любила поэта и жалела в нем измученного жизнью бесконечно усталого человека <...> Она даже не хотела стать „законной“ женой Некрасова, но он настоял на венчании <...> и З. Н. вынуждена была уступить желанию умирающего». Именно боязнь оставить Зину без законных прав побудила поэта настоять на венчании. Тяжелобольной, он, однако, был слишком слаб, чтобы ехать венчаться в церковь, как это положено по уставу. Друзья Некрасова принялись хлопотать, чтобы исполнить его настойчивое предсмертное желание.

В 1877 г. пасха была очень ранняя (27 марта ст. ст.); следовательно, «мясоед» (т. е. промежуток времени между рождественским постом и святками, с одной стороны, масленицей и великим постом — с другой), когда разрешается венчаться, был очень короткий: с 7 по 30 января. Пока писали и заверяли требуемое законом свидетельство, договаривались со священниками, которые один за другим отказывались венчать на дому, не желая рисковать местом или наживать себе неприятности, пока ездили для переговоров к митрополиту Исидору, «мясоед» кончился, наступил великий пост, когда венчаться никто бы не отважился. Между тем в апреле должен был приехать из Вены хирург Бильрот, чтобы сделать Некрасову сложную операцию. Неуверенный в ее благополучном исходе, Некрасов торопит с венчанием. Венчание состоялось в первый же день после пасхальной недели — 4 апреля 1877 г. в большом столовом зале петербургской квартиры Некрасова на Литейном. «В Фомин понедельник брат женился, это было для меня тяжелым сюрпризом, — пишет Ф. А. Некрасову огорченная Анна Алексеевна; — именно случилось тогда, когда я наименее этого ожидала». ⁴¹ Подробности венчания она не сообщила.

Ныне здравствующая внучка доверенного камердинера Некрасова Никанора Афанасьевича Бутылина, присутствовавшего при венчании, — Екатерина Ивановна Макарычева рассказала мне с его слов (запись 1974 г.): «С женой своей жил Некрасов нерасписанный, а незадолго до смерти вызвал Никандра и говорит: „Никандра, как думаешь, я хочу с Зиной своей повенчаться“. „И хорошо, — отвечает, — даже очень хорошо, а то она по простоте своей ничего не получит“. А он уже болел сильно, ему и встывать было трудно. Привезли священника. Хоть и не разрешали дома венчаться, ну, больной человек, к владыке ездили за разрешением. Уже не знаю, разрешил ли, но весь обряд сделали — отчитали, отпели, кольца поменяли, — все как надо, все по закону».

О необычной этой свадьбе мы знали из рассказа П. А. Ефремова,

⁴⁰ ИРЛИ, ф. 203, № 51.

⁴¹ Архив села Карабихи. М., 1916, с. 281.

который сам в хлопотах не участвовал и при венчании не присутствовал. Его рассказ о том, как друзья «подговорили священника», а тот потом «наотрез отказался», как просили разрешить отступление от устава митрополита Исидора, как по намеку митрополита обратились к военному духовенству, имевшему свои походные церкви-палатки, широко известен.⁴² Однако этот рассказ, перепечатаваемый в биографиях поэта и даже в некоторых комментариях к стихотворениям, посвященным Зине, не полон и не точен. Как выясняется из архивных документов, разрешения на совершение брака на дому не было и священник обвенчал больного поэта на свой страх и риск, за что и получил от Синода соответствующее взыскание. Фамилию венчавшего священника Ефремов не назвал. Ее упомянул М. Е. Салтыков в письме к А. Н. Еракову от 3 января 1878 г. — Кутневич. Сведения об этом военном священнике мне удалось найти в Центральном историческом архиве в Ленинграде. Из хранящихся там послужных списков за 1859—1885 гг. узнаем, что звали его Михаил Васильевич, что родился он в 1833 г. и с 1859 г. был священником С.-Петербургского Адмиралтейского св. Спиридона Тримифийского собора.⁴³

В реестре протоколов канцелярии Святейшего Синода за 1878 г. значится: «№ 263, февраля 15. О повенчании священником Адмиралтейского собора Михаилом *Кутневичем* на дому брака г. *Некрасова*. По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали: рапорт главного священника Армии и Флотов, протоиерея Петра Покровского, от 6 февраля сего 1878 г. за № 574, следующего содержания:

В городе разнесся слух о повенчании г. Некрасова на дому военным священником. При дознании оказалось, что брак сей совершен был священником СПб. Адмиралтейского собора Михаилом Кутневичем. При рассмотрении обыска оказалось, что обыск по сему браку составлен правильно и на конце обыска сказано, что брак предположено совершить в Адмиралтейском соборе св. Спиридона апреля 4 дня 1877 г. При допросе священник Кутневич сознался, что брак был венчан на дому и за венчание получено пятьсот рублей». О поступке Кутневича было доложено в СПб. епархиальное управление. Синод решил «для более основательного суждения об этом поступке <...> обревизовать обыскные книги (т. е. книги, куда записывали брачующихся, — *О. Л.*) Адмиралтейского собора с 1871 г. <...> и обратить особенное внимание на браки, совершенные тем же священником Кутневичем».⁴⁴

Ревизия «метрических и обыскных книг» собора вскрыла ряд злоупотреблений, перечень которых содержится в Указе Синода. «Независимо от этого, — говорится в указе, — священник Кутневич по особо произведенному следствию изобличен в совершении брака дворянина Некрасова вне церкви, без разрешения начальства».⁴⁵ Злоупотребления были так значительны, что Кутневич был лишен священнического сана и в 1885 г. исключен из духовного звания.

Случаев совершения браков в обход законов в России было немало. В том же 1878 г. об этом явлении русской жизни писал Н. С. Лесков в очерке «Русское тайнобрачие». Иронизируя над «залихватскими вен-

⁴² Из бесед с П. А. Ефремовым. — В кн.: Доклады и отчеты Русского библиологического общества, вып. 1. СПб., 1908. Надо добавить, что это не подлинный рассказ Ефремова, а запись с его слов (опубликованная после его смерти А. М. Лоягиным, спустя 31 год после события) и степень ее точности неизвестна.

⁴³ См.: ЦГИАЛ, ф. 806, оп. 16, № 1208.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 209, № 1636 (страницы дел не нумерованы).

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 806, оп. 18, № 1071.

чальными батюшками», Лесков, однако, соглашался со своим собеседником — столичным протоиереем, который, не одобряя «их методов», утверждал, что они «в своем роде нужны и полезны» в настоящее время.⁴⁶

Быть может, Лесков знал о браке Некрасова, так как именно в 1878 г. начались о нем слухи и толки. О том, что эти слухи распространялись даже за пределами Петербурга, можно судить хотя бы по письму к родным студента Петровско-Разумовской академии Е. А. Корша от 9 февраля 1878 г.: «Некрасов незадолго до своей смерти <...> обвенчался <...> Полковой поп, рискнувший совершить над ними обряд венчания при обстоятельствах, не дозволенных церковью, — этот поп предан суду, а нерасторжимость брака, со смертью одного из супругов, является очевидною».⁴⁷

Расследование «венчального дела» поэта началось сразу же после его смерти. 30 декабря 1877 г. Некрасова похоронили, а уже 3 января 1878 г. свидетель при совершении брака М. Е. Салтыков пишет второму свидетелю — А. Н. Еракову: «Был у меня сейчас протопоп Верховский с вопросом о браке Некрасова. Я отвечал письменно:

1. Что поручителем был и под обыском подписался.
2. Что кто и как приглашал попа Кутневича — не знаю.
3. При совершении брака присутствовал.
4. На мой взгляд, брак совершен правильно <...>
5. Какое вознаграждение получил Кутневич — не знаю.
6. Было ли разрешение совершить брак на дому — не знаю; слышал, что было, но кем дано — не любопытствовал. На всякий случай уведомляю Вас об этом».⁴⁸

Это письмо — своего рода инструкция Еракову, что надо отвечать, если и к нему явятся с вопросами, какой версии держаться. Салтыков прежде всего стремился оградить интересы Зинаиды Николаевны, которая, кстати сказать, не пострадала.

12 апреля 1877 г. венский хирург Бильрот оперировал Некрасова, однако это почти не облегчило его страданий. Жена по-прежнему проводила бессонные ночи у постели больного. В начале июня в присутствии Зинаиды Николаевны и не без ее участия состоялось свидание и примирение Некрасова с Тургеневым.

1 или 2 июля 1877 г., когда поэту стало относительно лучше, его перевезли в экипаже на Строганову дачу. Там, на берегу Невки Некрасовы жили очень уединенно, бывали у них только самые близкие люди. В конце августа они вернулись в город. Превозмогая страдания, поэт продолжал писать:

И больной работая полгода,
Я трудом смягчаю свой недуг...

(II, 410)

Зина помогала ему, как могла.

27 декабря 1877 г. в 8 часов 50 минут вечера Некрасов скончался. Жена до последней минуты была рядом. «...когда он умер, я как сумасшедшая была...», — вспоминала она уже в старости (Архив Евгеньева-Максимова).

Горько оплакивала молодая вдова горячо любимого мужа. Но она поняла, что смерть Некрасова — общее горе. Все три дня, когда откры-

⁴⁶ Лесков Н. С. Собр. соч., т. 6. М., 1957, с. 612.

⁴⁷ ИРЛИ, р. III, оп. 1, № 1536.

⁴⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 19, кн. 1. М., 1976, с. 68.

тый гроб с телом покойного находился в квартире, шли и шли к нему люди разного возраста и звания. Даже спустя 36 лет Зинаида Николаевна с волнением и слезами рассказывала В. Е. Евгеньеву-Максимову о том, как рыдали у гроба многие знакомые и незнакомые ей люди. «Кем был Некрасов для общества, для народа, — говорила она, — для меня выяснилось только в дни его похорон. Тогда только, видя общую скорбь, я поняла, как он много сделал, как его любили» (Архив Евгеньева-Максимова). Своей племяннице она не раз рассказывала о многолюдных и торжественных похоронах поэта.

Евгений Васильевич Холшевников — внук приятеля Некрасова по охоте, Николай Васильевича Холшевникова, передавал мне со слов своего деда, бывшего на похоронах: «Зинаида Николаевна держалась все время очень стойко и мужественно. Но при выносе гроба из квартиры ей стало плохо, я поддержал ее, а то она бы упала. Но она оправилась и пошла вслед за гробом. Я вел ее под руку. Хотел усадить ее в карету (их было много), но она не села и всю дорогу шла пешком вместе с народом за гробом мужа» (запись 1949 г.).

Сразу же в день похорон Зинаида Николаевна купила себе место на кладбище рядом с могилой мужа. В архиве Пушкинского Дома хранится квитанция, напоминающая об этом:

«Квитанция № 163.

Дана сия от Санктпетербургского Воскресенского Первоклассного Девичьего монастыря в том, что полученные деньги от вдовы дворянина Феклы Анисимовны Некрасовой за одно место подле могилы мужа ее четыреста руб. записаны в книге монастырской 30-го декабря 1877 года. Место сие имеет в длину три с половиною аршина, а в ширину два, и надобно оградить оное для сохранения своей собственности. Настоятельница монастыря игуменья Евсталия. Сего же монастыря казначея монахиня Агния. — 30 декабря 1877 г.»⁴⁹

Вдова вспоминала позднее, что после похорон она была в каком-то полусне, переутомленная бессонными ночами и волнениями. Заботливый врач Некрасова доктор Н. А. Белоголовый обратил внимание на ее тяжелое состояние. Но отдыхать не было времени: на квартиру поэта все еще шли люди. В уже цитированном письме студента Е. А. Корша от 9 февраля 1878 г. сообщается, как он, опоздав на погребение, «пошел на квартиру покойника, поклонился той комнате и тому столу, где работал Ник. Ал., взглянул на его сестру-старушку и полюбовался его вдовой-красавицей».⁵⁰

На другой день после похорон, 31 декабря 1877 г., Зинаида Николаевна торопится написать дарственную запись на землю в Чудовской Луке:

«1877 года, декабря 31 дня я, нижеподписавшаяся, выдала сие обязательство губернскому секретарю Константину Алексеевичу Некрасову в том, что я, дозволяя ему возводить на завещанной мне моим мужем земле, состоящей Новгородского уезда при деревне Чудовской Луке, всякие строения, обязываюсь выделитъ ему безвозмездно, согласно воле завещателя, не только половину земли, но всю землю, мне завещанную, за исключением лишь прежней усадьбы, занятой строениями, купленными у гг. Володимировых, и садом, а если бы сего обязательства не исполнила, то уплатить неустойки две тысячи рублей, причем строения,

⁴⁹ ИРЛИ, 2406.Хс.

⁵⁰ ИРЛИ, р. III, оп. 1, № 1536.

возведенные Константином Алексеевичем Некрасовым, остаются в его владении. — Ф. А. Некрасова».⁵¹

Эта дарственная запись была составлена еще до того, как духовное завещание Некрасова было утверждено Петербургским окружным судом, и сама дарительница тогда еще не была введена во владение Чудовской Лукой. «Вводный лист о вводе Ф. А. Некрасовой во владение Чудовской Лукой» был составлен только 27 июля 1878 г. «По сему вводному листу г. Некрасовою подарено Константину Некрасову в усадьбе Луке 81 десятина 571 сажень...».⁵²

23 февраля 1878 г. нотариус М. И. Успенский заверяет еще одно заявление Зинаиды Николаевны:

«В Одесский окружной суд
вдовы дворянина Феклы Анисимовны Некрасовой, жительствующей
в С.-Петербурге, Литейной части, (3) участка, по Литейному проспекту,
в доме № 38

ЗАЯВЛЕНИЕ

Узнав, что определением Одесского окружного суда 21 сентября 1876 года покойный муж мой, дворянин Николай Алексеевич Некрасов, утвержден вместе с братьями его, Федором и Константином Алексеевичами Некрасовыми, в правах наследства к имению, оставшемуся после вдовы статского советника Анны Андреевны Бирар, — имею честь заявить, что я от указанной своей части в означенном имении навсегда отказываюсь, о каковом отречении моем и прошу окружной суд поставить надлежащее определение».⁵³

А. А. Бирар — родная сестра матери поэта Елены Андреевны. Так как детей у нее не было, то оставшееся после нее наследство, оцененное в 60 000 рублей, в том числе недвижимое родовое имение Херсонской губернии Ананьевского уезда при деревне Закревской (с обширным деревянным домом и постройками), полагалось разделить между ее племянниками. Нас в данном случае интересует не само наследство, а решительный отказ вдовы поэта от своей части.

И еще одно. Несмотря на то что рукописное наследие поэт завещал сестре, «Последние песни» оставались собственностью вдовы. А. А. Буткевич писала приглашенному ею для издания посмертного собрания стихотворений Некрасова С. И. Пономареву, в какой форме она разрешила вдове издавать «Последние песни»: «Если бы Ф. А. Некрасова нашла для себя полезным повторить еще несколько раз издание упомянутых Песен, то впредь, до перехода моих прав к моим наследникам, может обращаться каждый раз за разрешением. Как видите — продолжает А. А. Буткевич, — я не очень связала будущее издание. Лучше бы, конечно, не давать и такого разрешения и заменить его уплатою известной суммы, но тогда это было невозможно. Я не теряю надежды, что вдова очень скоро сообразит, что денежная сделка гораздо для нее выгоднее, и сама предложит цифру».⁵⁴

Этим «разрешением» Зинаида Николаевна не воспользовалась, «цифры» никакой не назвала, безвозмездно передав все дело издания в руки своей золовки.

⁵¹ ГБЛ, М.5769.3.6.

⁵² ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 86, л. 2.

⁵³ Там же, ед. хр. 233, л. 10.

⁵⁴ Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 166—167.

Она отказалась от многих своих прав, опровергая мнение родственников поэта о ее корыстности. Зинаида Николаевна была отстранена от ряда жизненно важных дел: Анна Алексеевна без нее разбирала завещанные ей рукописи, деловитые братья хозяйничали и распоряжались в квартире, устроив распродажу имущества, аукцион. Часть вещей Федор Алексеевич увез в Карабаху. Много разошлось по разным рукам, кое-что Зинаида Николаевна подарила друзьям мужа — писателям. Себе она оставила совсем немного — милые ей реликвии, в том числе книги с посвященными ей поэтом дарственными автографами.

Тяжело переживала вдова поэта первые месяцы после смерти мужа. Не опомнившейся от горя женщине наносится одна обида за другой: брат устраивает аукцион, сестра пытается перекупить у нее место на кладбище, приобретенное вдовой около могилы мужа. Вскоре Зинаида Николаевна узнала, что в готовящемся посмертном издании стихотворений Некрасова А. А. Буткевич сняла посвящение поэмы «Дедушка» «З-н-ч-е», т. е. «Зиночке», а стихи, ей посвященные, оставила без примечаний.⁵⁵

Летом 1878 г. Зинаида Николаевна первый раз без мужа поехала в Карабаху, надеясь отдохнуть там в принадлежавшем поэту флигеле, в тех местах, которые они оба так любили. Однако Федор Алексеевич не пустил ее в имение, и она, оскорбленная, в том же экипаже уехала в Ярославль. Зато приветливо встретили Зину крестьяне в Чудове, куда она должна была съездить, чтобы ликвидировать там некоторые дела по наследству. Вместе с ней они оплакивали своего «заступника», и она видела их искреннее неподдельное горе.

Огромная квартира на Литейном, где располагалась редакция, конечно, была вдове поэта велика и не по средствам. Да и тяжело было оставаться в квартире, где все напоминало о прошлом и где она фактически уже не была хозяйкой. Ненужной оказалась эта историческая квартира и братьям поэта, спешившим после ликвидации всех дел вернуться в Ярославскую губернию. Договор с владельцем дома А. А. Краевским был расторгнут, и Зинаида Николаевна переехала на другую квартиру. Деньги, полученные после продажи имущества, она, по свидетельству племянницы, положила в банк и жила на скромные проценты.

Видимо, сначала она пыталась обосноваться в Петербурге, где сменила несколько квартир или комнат. Один из ее петербургских адресов указывает Г. З. Елисеев в письме к Буткевич (без даты): Николаевская улица (ныне ул. Марата), дом старообрядческой церкви. В Петербурге же одно время жила сестра Зинаиды Николаевны, тоже вдова, с дочерью Катей. Сестры, бывавшие друг у друга при жизни поэта, продолжали и теперь общаться.

В 1886 г. навестил в Петербурге Зинаиду Николаевну старший сын Ф. А. Некрасова — Александр Федорович, унаследовавший после смерти в 1882 г. Анны Алексеевны права на издание сочинений Некрасова: «В 1886 г. я заехал к ней в Петербург — она горько жаловалась на свою судьбу, упрекая людей, так часто бывавших у Н. А. при жизни и совсем забывших ее после его смерти».⁵⁶

Несколько раз она ездила из Петербурга в Крым, чтобы поправить расстроенное здоровье. Некоторое время жила в Киеве и Одессе, где оказалась свидетельницей страшных еврейских погромов. Очевидцы рассказывали, как мужественно защищала она ребятшек, которые едва не стали жертвой разъяренной толпы. В доме, где она жила, ютилось

⁵⁵ Там же, с. 177 и 172.

⁵⁶ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 92, л. 4.

много бедных многодетных еврейских семей. Толпа неслась по улице прямо к этому дому. Зинаида Николаевна заперла ворота и вышла навстречу. Стоя у открытой калитки, она, спокойная и величественная, громко крикнула: «Куда вы? Опомнитесь! Здесь я живу, я, вдова поэта Некрасова». Толпа затихла, и постепенно люди разошлись.

Из Крыма, Киева, Одессы Зинаида Николаевна опять возвращалась в Петербург, где жила уединенно, почти не встречаясь с прежними знакомыми. Поэтому ее отъезд из столицы никем не был замечен. Когда в 1903 г. у Н. К. Михайловского спросили, где жена Некрасова, он ответил: «Кажется, умерла. Не ручаюсь».⁵⁷ М. И. Писарев, считавший себя другом поэта, на вопрос корреспондента «Петербургской газеты»: «Жива ли вдова поэта?» — ответил: «Давно уж умерла».⁵⁸ Родственник А. А. Краевского В. А. Бильбасов, лично знавший и поэта и Зину и живший с ними в одном доме на Литейном, на такой же вопрос ответил: «Положительно не знаю, я ее уже давно не видел, да и к тому же одно обстоятельство заставляет меня очень сомневаться в том, что она жива <...> Раньше могила и бюст поэта содержались в чистоте и опрятности <...> Но вот уже пять лет, как могила находится в полном запустении».⁵⁹ Даже кучер Некрасовых Федор, тот самый, рассказ которого мы приводили выше, в 1892 г. считал ее покойницей. Но в то время она была жива.

В ИРЛИ хранится паспорт, выданный 17 мая 1878 г. паспортным отделением Канцелярии санктпетербургского градоначальника «вдове дворянина Николая Некрасова, Фекле Анисимовне Некрасовой, для свободного проживания во всех городах и селениях Российской империи».⁶⁰ Собственно это не паспорт в нашем понимании, а «вид на жительство». Здесь нет ни года, ни места рождения, ни каких бы то ни было «паспортных» данных. Печати о прописке расположены в разных местах, написаны не всегда разборчиво, не на всех есть даты, однако по ним можно судить о переменах местожительства его владелицы: о проживании Зинаиды Николаевны по нескольким адресам в Петербурге (на Разъезжей, Николаевской, Колокольной, Пушкинской улицах, на Фонтанке и Невском проспекте), о ее поездках в Севастополь, Киев, Старую Руссу. При некоторых отметках есть приписки: «свои средства» или «записан капитал», объясняющие, на какие средства живет владелица паспорта; рядом с пропиской на Пушкинской улице в Петербурге помечено: «Записан при родных».

Племянница Зинаиды Николаевны сообщила посетившему ее корреспонденту в 1903 г., что тетя ее «каждые два года приезжает в Петербург, где у нее имеются некоторые дела».⁶¹

Почему-то в паспорте нет отметки о прописке в Одессе, где З. Н. Некрасова жила некоторое время, а главное о прописке в Саратове, где она навсегда поселилась с 1898 г. и прожила там 17 лет, изредка выезжая навестить своих родственников и могилу мужа.

Жила она тихо и скромно, новых знакомств не искала. Даже с Ольгой Сократовной Чернышевской, также жившей в Саратове, не поддерживала связи. О. С. Чернышевская говорила навестившему ее в 1914 г. В. Е. Евгеньеву-Максимову, что Зинаида Николаевна «добра хорошая женщина». В черновике записи этой беседы сказано: «Хвалит за самоотверженный уход за мужем. Уже здесь в Саратове слыхала, что она из своих денег помогает бедным» (Архив Евгеньева-Максимова).

⁵⁷ Биржевые ведомости, 1915, 26 января, № 14634.

⁵⁸ Петербургская газета, 1902, 27 декабря, № 355.

⁵⁹ Там же, 13 декабря, № 342.

⁶⁰ ИРЛИ, 2407.XIIIб.

⁶¹ Новости и биржевая газета, 1903, 17 января, № 17.

В полной безвестности жила она и во время подготовки и проведения первого некрасовского юбилея, который широко отмечался в 1902 г. в разных городах, но особенно торжественно — в Петербурге и Ярославле. Общалась она с немногими лицами — с теми, кто был ей духовно близок. Саратовец Иван Александрович Соколов (род. 1883 г.) еще в 1959 г. рассказывал мне об одном из своих визитов к Зинаиде Николаевне: «Мне было около 30 лет, когда я познакомился с ней. Я был тогда преподавателем мужской гимназии в Саратове. Однажды один наш учитель предложил мне: „Пойдем к славной старушке З. Н. Некрасовой“. Мы пошли. Она жила в деревянном домике, в небольшой чистенькой и уютной комнате. Зинаида Николаевна очень хорошо нас приняла. Она была оживлена, много рассказывала и смеялась. Мне она показалась разговорчивой, славной и веселой. Это было году в 1913—1914».

Все, знавшие Зинаиду Николаевну в те годы, почти одинаково рисуют ее внешний облик: статная, румяная, с красивой сединой, с живыми голубыми глазами. Этим опровергаются широко известные и постоянно цитируемые слова П. М. Ковалевского о том, что после смерти Некрасова Зина «превратилась в старуху с желтым лицом и такую осталась».⁶² Конечно, бессонные ночи, пережитое горе наложили свой отпечаток, изменили цвет лица, до времени состарили. Но время, лучший врач, вернуло ей утраченную привлекательность.

Из печатных и устных источников мы знаем о драме, которую пришлось пережить Зинаиде Николаевне уже в пожилом возрасте. Еще живя в Киеве, она познакомилась с баптистами; доверчиво, с надеждой на моральную помощь и дружбу, вошла она в баптистскую общину, надеясь здесь найти утешение в горе, отдохнуть от обид и оскорблений. Общение с сектантами продолжалось и в Саратове. Но баптисты — богатые саратовские купцы-свиноотрогивцы, ханжи и лицемеры, радушно приняв «сестру Зинаиду», выманили у нее деньги. Когда же она оказалась в крайней нужде и попросила вернуть взятые деньги, хитрые главы баптистов отлучили ее от общины. В судьбе обманутой пожилой женщины живое участие принял саратовский журналист Н. М. Архангельский. «Когда, — писал он, — о положении Некрасовой и о продаже с нею баптистских жрецов появились сообщения в газетах, впечатление получилось ошеломляющее. Со всех концов России посыпались запросы и пожертвования деньгами; заволновался Литературный фонд» (Архангельский, с. 9). Откликнулась и столичная пресса. «Саратовский вестник», редактором которого был Архангельский, стал центром, куда стекались письма, телеграммы, деньги. Вот одно из писем — его прислал заранский крестьянин Федор Зобов: «Я благодарю Вас, господин редактор, что Вы приняли на себя заботу облегчить жизнь вдовы <...> Некрасов, как певец народного горя, должен занять в душе трудящихся масс первое место в русской литературе <...> В заключение прошу передать от меня, заранского крестьянина, вдове, что она хорошо сказала, что ей немного надо <...> и я имею немного, чем богат, тем и рад. Посылаю переводом 1 рубль денег. Крестьянин Федор Зобов» (см.: Музей-квартира Н. А. Некрасова, архив Архангельского).

Постепенно была собрана порядочная сумма. Но вдова отказывалась принять «милостыню». Много потребовалось усилий, чтобы уговорить ее. Корреспондентов она принимать не хотела, да и к Архангельскому сначала отнеслась настороженно. Потом она преодолела свое недоверие и во время одного из свиданий с ним сказала: «Я не отказываюсь от помощи, но принять деньги от частных лиц не могу. Пусть пожертво-

⁶² Ковалевский П. М. Стихи и воспоминания. СПб., 1912, с. 297.

ванные деньги поступят в Литературный фонд, а он уже будет выдавать мне ежемесячную пенсию. — Я телеграфировал Фонду, — продолжает Архангельский, — и с тех пор до смерти З. Н. аккуратно получала от Фонда по 50 руб. в месяц, что, при скромных ее потребностях, вполне обеспечивало ее» (Архангельский, с. 13).

Помощь, которую оказало Некрасовой русское общество при посредстве Архангельского, оказалась очень своевременной: уходили годы, ухудшалось здоровье, жить становилось все труднее. «„Всю жизнь я работала, — говорила она Архангельскому, — жила своим трудом, ни от кого не завися, и вдруг нищета и беспомощность“... Беспомощность потому, что З. Н. была уже больна ревматизмом ног и физически трудиться не могла» (Архангельский, с. 9—10). По просьбе вдовы поэта Литературный фонд из пожертвований образовал капитал имени Некрасова. «Жить, — сказала она Н. М. Архангельскому, — осталось мне недолго; нужно мне немного; что останется от этого капитала — пригодится семьям других литераторов». Она просила Архангельского «при посредстве печати передать газетам и лицам, откликнувшимся на ее горе, ее благодарность. „Я, — сказала З. Н., — за последние годы привыкла встречать к себе только жестокое и лицемерное отношение; поэтому я вначале, когда заговорили обо мне в газетах, отнеслась к этому с недоверием, мне даже было больно; но то общее сочувствие, какое теперь вижу, тронуло меня, и я сердечно благодарю всех“».

Знакомство Зинаиды Николаевны с Н. М. Архангельским постепенно перешло, по его словам, «в более теплые дружеские отношения»: «Она как-то сразу располагала к себе — прямою, искренностью, необычайной деликатностью и щепетильностью в денежных делах, а также ясным, здравым умом <...> беседа с нею доставляла мне большое удовольствие» (Архангельский, с. 13—14). Зинаида Николаевна приходила к Архангельским запросто, беседовала, носила гостинцы их дочке, ныне здравствующей Антонине Николаевне Архангельской, которая в 1961 г. поделилась со мной своими воспоминаниями.

«Когда Зинаида Николаевна, — рассказывала она, — познакомилась с нашей семьей, я еще была девочкой. Но я ее хорошо помню. На меня, девочку, она производила всегда приятное впечатление: высокая, красивая, скромная и приветливая. А была тогда она уже пожилой и часто прихварывала. К нам она всегда приходила с гостинцами и подарками. Бывала у нас и на даче под Саратовом. Однажды она пришла к нам с ценным подарком: она принесла отцу бережно хранимые ею часы Некрасова — карманные, с охотничьим свистком. Часы эти Некрасов купил, когда они вместе были в Париже. Отец сказал: „Вы так берегли эти часы, эту память о поэте, зачем же Вы теперь расстаетесь с этой реликвией?“. — Она вздохнула и ответила: „Мне уже жить недолго, а Вы передадите эти часы куда нужно, где их будут беречь, как память о Николае Алексеевиче“. Она много беседовала с моим отцом, но никаких подробностей о себе не рассказывала, только все говорила, что как-нибудь расскажет. Более откровенной и разговорчивой она была с моей молодой теткой — Софьей Владимировной Карташевой. Ей она подарила деревянный ковшечек японской работы, который когда-то Гончаров подарил Некрасову. К нашей семье З. Н. относилась очень тепло, и у отца о ней было самое хорошее мнение, а все домашние относились к ней с большим уважением и сохранили о ней хорошую, светлую память».

С Николаем Михайловичем Архангельским Зинаида Николаевна охотно беседовала; она рассказывала ему о своей встрече с Л. Н. Толстым в вагоне железной дороги и о споре с ним и его дочерью Татьяной Львовной о вере, о толковании евангельских притч, говорила, как

нелегко жилось ей после смерти мужа, но рассказ о самом поэте все откладывала и была благодарна своему собеседнику, что он терпеливо ждал, когда она сама заговорит об этом. Но здоровье ее все ухудшалось, и откровенная беседа так и не состоялась.

В 1914 г. для встречи с Зинаидой Николаевной в Саратов приехал В. Е. Евгеньев-Максимов и дважды (28 и 29 июня) беседовал с ней. Она говорила о доброте и сердечности своего мужа, о его простых и дружеских отношениях с земляками-крестьянами, о постоянной помощи сотрудникам журнала, о его тяжелой болезни и нечеловеческих страданиях. Свой рассказ она часто прерывала слезами.

По своей деликатности и тактичности В. Е. Евгеньев-Максимов не решился долго расспрашивать женщину, взволнованную дорогими ей воспоминаниями. Он договорился с Архангельским, что тот организует запись воспоминаний, на что она дала согласие. Из сохранившихся в архиве Архангельского писем Евгеньева-Максимова мы узнаем, как беспокоило ученого промедление с выполнением этого замысла, который так и остался нереализованным. 27 августа 1914 г. он пишет Архангельскому: «Если я не получу воспоминаний Зинаиды Николаевны, то в моих работах о Некрасове останется зияющий пробел. Ваше на редкость любезное и доброжелательное отношение ко мне позволяет мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, переговорить с Зин. Ник. на эту тему. Мне хочется верить, что любящая и верная подруга поэта, облегчившая своим самоотверженным уходом его предсмертные муки, не откажется возложить на его могилу лучший из венков — свои воспоминания» (Архив Архангельского). В 1915 г. в журнале «Жизнь для всех» (№ 2) он опубликовал статью — некролог вдовы поэта, где передал ее простой и эмоциональный рассказ.

О З. Н. Некрасовой сохранилось много добрых воспоминаний, некоторые из которых я цитировала — А. Ф. Кони, П. М. Ковалевского, Н. М. Архангельского, В. Е. Евгеньева-Максимова. Но были и воспоминания или высказывания недоброжелательные, исходившие главным образом от родственников поэта или дальних знакомых. К их мнению прислушался и К. И. Чуковский, который в статье «Подруги поэта» дал Зинаиде Николаевне очень субъективную характеристику, не найдя для нее доброго слова. Видимо, он сам понимал крайность и несправедливость своего суждения, потому что в той же статье (в сноске) говорит: «Кажется, мне следовало бы смягчить свои отзывы о Зинаиде Николаевне, так как они внушены мне ее врагами, сестрами Некрасова. Но пока у нас не собралось материалов для беспристрастного суждения о ней, я считаю себя обязанным держаться той версии, которая создана самым близким к поэту человеком, его любимой сестрой Анной Алексеевной Буткевич».⁶³

«Материалы для беспристрастного суждения» постепенно накапливаются. Сбирать их приходится буквально по крупицам. В связи с этим следует с благодарностью вспомнить саратовского художника Б. А. Протоклитова, который не раз выступал со своими сообщениями о Зинаиде Николаевне, саратовского журналиста Л. И. Прокопенко и др.

В 1961 г. я специально ездила в Саратов, чтобы поискать там все, что еще сохранилось в архивах и в памяти земляков. Тогда многие старожилы Саратова еще хорошо помнили эту добрую, энергичную и скромную женщину и охотно рассказывали о ней. Моими собеседни-

⁶³ Минувшие дни, 1928, № 2, с. 17.

ками были: дочь Н. М. Архангельского — Антонина Николаевна Архангельская, которая передала мне ряд документов (письма, записки, фотографии), бережно хранимые ее отцом; сын владельца дома, где умерла Зинаида Николаевна, — Василий Иванович Коновалов, передавший для музея-квартиры Н. А. Некрасова охотничьи манки поэта; сестры Елена Филипповна Еремеева и Зинаида Филипповна Сафонова, которые также отдали в музей дорогие им фотографии; старушки А. Г. Озолина и Н. Г. Медведева и другие саратовцы. Эти бесхитростные рассказы дополняют наше представление о жене Некрасова. Несколько позднее много интересного рассказала мне со слов А. В. Озолиной (в семье которой жила и умерла Зинаида Николаевна) А. В. Бауэр, живущая в Риге.

Все единодушно говорили о ее доброте, отзывчивости, о бескорыстной помощи нуждающимся семьям, о любви к детям, цветам, животным, птицам, — ко всему живому и особенно беззащитному. Рассказывали, что она часто отправлялась в бедную часть города и раздавала детям связанные ею варежки, носки, шарфики, оделяла гостинцами, книжками, в первую очередь со стихами Некрасова. Дети любили ее, бежали ей навстречу. Зинаида Николаевна заходила в знакомые бедные квартиры, читала детям и учила их грамоте, иногда пела с ними детские песенки. Тем, кто постарше, рассказывала о Николае Алексеевиче. Вообще о Некрасове вспоминала она постоянно и на висевший в ее комнате его портрет часто смотрела со слезами.

Все помнили ее только в трауре, который она носила до конца жизни. Похоронить же себя она завещала во всем белом.

В конце 1914 г. ревматизм, которым страдала Зинаида Николаевна, дал осложнение на сердце, и она тяжело заболела. Рассказывают, что, кроме того, она простудилась, кормя на морозе птиц. Болезнь сразу приняла острый и мучительный характер. Незадолго до смерти она часто вспоминала и читала наизусть стихи Некрасова. По словам постоянно навещавшего ее Архангельского, однажды у нее, «всегда кроткой и терпеливой, в момент особенно тяжелого припадка вырвались слова: — Правду сказал Николай Алексеевич: тяжело умирать, хорошо умереть!...»⁶⁴ Близким ей людям Зинаида Николаевна завещала похоронить себя по обряду православной церкви (с баптистами она давно порвала) и напомнила, что настоящее («крещеное») ее имя — Фекла.

Жена поэта скончалась в воскресенье 25 января 1915 г., в 4 часа 30 минут утра. 27 января «Саратовский вестник» поместил на первой странице большое объявление о ее смерти: «Зинаида Николаевна Некрасова, вдова поэта Н. А. Некрасова, скончалась в воскресенье 25 января 4½ ч. утра. Вынос тела из квартиры (Малая Царицынская, № 70, кв. Озолина) сегодня, 27 января, в 9 час. утра, на Воскресенское кладбище».

Похороны были скромными и немногочисленными. Пришли друзья, соседи, сотрудники саратовских газет. Редакция «Северного вестника» возложила на гроб венки с надписью на ленте: «Верному и нежному другу великого поэта». Отпевавший Зинаиду Николаевну в Воскресенской кладбищенской церкви священник Сергей Троицкий несколько раз возглашал «о упокоении новопреставленной Феклы» и в сторону прибавлял тихо «она же Зинаида». Об этом рассказали мне в 1961 г. присутствовавшие на отпевании и погребении люди.

В Саратовском архиве хранится «Метрическая книга, данная из Саратовской духовной консистории в Воскресенско-кладбищенскую церковь г. Саратова для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1915 год». Здесь содержится запись (ч. III, «Об умерших»,

⁶⁴ Цит. по: Жизнь для всех, 1915, № 2, с. 334.

с. 28), которая уточняет день и год смерти Зинаиды Николаевны (25 января 1915 г.), дату ее погребения (27 января 1915 г.), ее звание (дворянка), возраст (68 лет) и причину смерти (миокардит).

Эта запись помогает установить и год рождения З. Н. Некрасовой — 1846 (вряд ли она родилась в январе 1847 г., так как именины Феклы приходятся на вторую половину года). До сих пор год ее рождения или совсем не называется, или обозначается неправильно: указывается почему-то 1851 год⁶⁵ или говорится, что «когда Некрасов с ней познакомился, ей было» — и дальше в разных работах следуют разные варианты: 19 лет, 17 и даже 16. На самом деле, как можно высчитать из данных метрической книги, знакомство произошло, когда Зине было 23 года. Вдовой она стала в 31 год, после смерти мужа прожила 37 лет и неполный месяц.

Узнав о кончине Зинаиды Николаевны, Евгеньев-Максимов писал 27 января 1915 г. Архангельскому: «Делаю все, чтобы привлечь сочувственное внимание общества к этой незаурядной личности. Статьи мои о Зин. Ник. вы увидите в петербургских изданиях». В письме от 5 февраля он благодарит Архангельского за присланные ему письмо и саратовские газеты, дает совет, как поступить с оставшимися реликвиями, рекомендуя передать найденное в Рукописное отделение Публичной библиотеки или в Пушкинский Дом (Архив Архангельского).

В ряде записанных мною воспоминаний (Е. Ф. Еремеева, В. И. Ульянец) говорится о том, будто бы у Зинаиды Николаевны были и некоторые рукописи Некрасова, которые она бережно хранила.

Серафима Николаевна Пушкарева, дед которой, Иван Федорович Монин, был первым браком женат на сводной сестре Некрасова Александре Алексеевне, рассказала, что однажды Зинаида Николаевна отдала ее матери аккуратно завернутые в салфетку и перевязанные рукописи из редакции, написанные разными почерками, и просила их сохранить. Однако судьба этих рукописей рассказчице неизвестна. Быть может, это были рукописи поэта, в частности «Последних песен», право на издание которых оставалось за З. Н. Некрасовой. Как известно, корректурные листы книги «Последние песни» не сохранились. Не найдены автографы стихотворений «Сеятелям», «Молебен», «Зине» («Двести уж дней...»), «Утро», «Баюшки-баю».

Однако ни Евгеньев-Максимов, побывавший у Зинаиды Николаевны в 1914 г., ни занимавшийся поисками рукописей Чуковский,⁶⁶ ни хорошо знавший ее Архангельский не подтверждают наличия у нее рукописей. Кроме корректуры «Затворницы», никаких других бумаг Некрасова обнаружено не было.

Архангельский осмотрел оставшиеся вещи и бумаги тотчас же после похорон Зинаиды Николаевны. «В портфеле с монограммой поэта, — пишет он, — я нашел: собственноручную корректуру Некрасова его стихотворения „Затворница“, фотографический снимок с картины, изображающей декабристов в рудниках, и удостоверение Новодевичьего монастыря о том, что на монастырском кладбище рядом с могилой Н. А. Некрасова куплена могила для З. Н. Некрасовой, где она и должна быть

⁶⁵ См.: Некрасов Н. А. Последние песни. М., 1974, с. 277; Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, с. 453.

⁶⁶ «Чтобы установить канонический текст, я стал разыскивать подлинные рукописи Некрасова: посетил вдову поэта Зинаиду Николаевну, свел близкое знакомство с двумя его побочными сестрами, а также с дочерью Авдотьи Панаевой» (Чуковский Корней. Личность писателя неповторима. — Вопросы литературы, 1965, № 8, с. 150). Других упоминаний о посещении З. Н. Некрасовой у Чуковского нет.

похоронена... Но этого исполнить было невозможно, и З. Н. пришлось похоронить на Саратовском кладбище... Эти реликвии: коректуру, снимок „Декабристы в рудниках“, удостоверение на монастырскую могилу и подаренные мне Зинаидой Николаевной, еще при ее жизни, часы Некрасова с цепочкой и охотничьим свистком — я через известного исследователя Некрасова — В. Евгеньева-Максимова передал в Музей Некрасова при Пушкинском Доме Академии наук; портфель и портрет З. Н.—ны взяли квартирные хозяева З. Н.—ны, и о судьбе этих вещей мне ничего неизвестно» (Архангельский, с. 22—24).

Теперь, спустя несколько десятилетий, мы все же узнали судьбу некоторых вещей и реликвий. Часть их осталась у Озолиных, которых Некрасова любила как родных. Многие из оставшегося у них пропало, но книги с автографами поэта уцелели и с 1947 г. хранятся в Государственном литературном музее (Москва). Другую часть Зинаида Николаевна еще при жизни своей отдала племяннице, дочь которой, В. И. Ульянец, в 1952 г. передала в Музей-квартиру Н. А. Некрасова сохранившиеся у нее ручку поэта, разрезательный нож, хрустальную печатку, охотничий свисток, нож, вилку, ложку, лопатку для раскладки кушаний. Многие же погибли безвозвратно.

Люди, знавшие и любившие Зинаиду Николаевну, не только щедро и заинтересованно делились со мной своими воспоминаниями, но и передали в Музей-квартиру Н. А. Некрасова все, что к тому времени уцелело из хранившихся в их семьях реликвий. Они же помогли мне в мой приезд в Саратов в 1961 г. разыскать заброшенную могилу вдовы поэта. Вместе с хоронившей ее Зинаидой Филипповной Сафоновой и фотографом-художником музея Н. Г. Чернышевского Александром Владимировичем Леонтьевым мы нашли могилу и с помощью кладбищенского начальства привели ее в порядок. Сначала был сделан просто холмик и временно поставлена металлическая дощечка с надписью. Но нам удалось привлечь внимание саратовской общественности во главе с обкомом КПСС и горисполкомом. Самое деятельное участие в благоустройстве могилы приняли Б. А. Протоклитов, К. И. Анапольский, З. Ф. Сафонова и другие энтузиасты.

К 1965 г. — пятидесятилетию со дня смерти З. Н. Некрасовой — могила ее была обнесена оградой, был поставлен и торжественно открыт памятник с портретом и надписью: «Зинаида Николаевна Некрасова, жена и друг великого русского поэта».

Эту могилу посещают не только саратовцы, но и многие приезжие. Директор музея Н. Г. Чернышевского, ныне покойная Нина Михайловна Чернышевская, говорила мне, что часто посетители расспрашивают о Зинаиде Николаевне и многие из них прямо из музея направляются на кладбище, чтобы положить цветы на ее могилу.

Верный друг великого поэта, Зинаида Николаевна Некрасова заслуживает уважения и признательности потомков.

Б. Я. Бужингаб

ПАРОДИЯ НЕКРАСОВА НА А. А. ФЕТА

Осуществленное в советское время всестороннее изучение Некрасова как великого художника слова привело, в частности, к тому, что исследователи поэта обратились и к тем его жанрам, которые ранее оценивались как «прозаичные», в том числе к сатире. Стали изучаться приемы некрасовской сатиры, среди которых одним из важнейших является пародирование. О пародиях Некрасова много говорится в статьях о его сатире, а две статьи специально посвящены его пародиям. Это статьи А. М. Гаркави «Некрасов-пародист»¹ и Н. А. Портновой «Пародии Н. А. Некрасова».²

Наиболее поздней пародией Некрасова является стихотворение «Лето». Портнова определяет его как «замечательный образец пародии, передающей „дух“ автора»,³ но уделяет ему лишь минимальное внимание; Гаркави только называет эту пародию, другие же исследователи вообще ничего не пишут о ней.

Приведем текст стихотворения по единственному автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

ЛЕТО

Умирает весна, умирает,
Водворяется жаркое лето.
Сердит муха, комар споровляет
Укусить, — все роскошно одето!

Осозательно зреющий колос
Возвышается вровень с кустами.
По росе долетающий голос
Из лесов словно пахнет грибами...

По утрам продолжительны росы,
А к полудню жары чрезвычайны...
.....
.....

От шмелей ненавистных лошадки
Забираются по уши в волны.
Вечера соблазнительно сладки
И сознательной жаждою полны.

Прикликает самец перепелку,
Дергачи голоса сиповато,

¹ См.: О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1968, с. 65—87.

² Научные труды Барнаульского пед. ин-та, 1972, т. 20, с. 39—56.

³ Там же, с. 52—53.

Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

А. Фет.

Две строки, обозначенные здесь точками, соответствуют двум ненаписанным строкам, для которых Некрасов оставил свободное место. Явно пародийный характер стихотворения и его незаконченность свидетельствуют о том, что это собственные стихи Некрасова, а не переписанное им стихотворение Фета.

Впервые это стихотворение было опубликовано в посмертной подборке «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова» в «Отечественных записках» в 1879 г.,⁴ без подписи «А. Фет» и без третьей строфы, что придавало стихотворению вид законченного.

В собрании стихотворений Некрасова «Лето» стало включаться лишь в советскую эпоху; оно печаталось в том же виде, как в первой публикации, а два стиха третьей строфы приводились в комментарии. Только в издании большой серии «Библиотеки поэта» (1967) стихотворение напечатано в том виде, какой оно имеет в рукописи.

Во всех изданиях, в которые включено стихотворение, оно датируется 1854 г. (в издании «Библиотеки поэта» — предположительно). К. И. Чуковский, впервые включивший стихотворение в собрание сочинений Некрасова, датировал его так на том основании, что тогда была пора близости Некрасова с Фетом и время, когда Некрасов писал много дружеских эпиграмм. Такая датировка подкрепляется и другими аргументами. В пародии выявлены те особенности поэзии Фета, которые стали характерными примерно с 1853 г. и к 1854 г. могли быть отмечены и пародийно воспроизведены. Как мы убедимся далее, основные объекты некрасовской пародии — стихи Фета 1854 г. Возможна датировка стихотворения и следующим, 1855 г. В этом году поэзия Фета подверглась тщательному изучению со стороны основных участников тогдашнего «Современника» — Тургенева, Некрасова, Дружинина, Боткина. С середины 1855 г. по предложению Тургенева, принятому Фетом, кружок «Современника» занялся скрупулезной (и очень самоуправной) редактурой стихов Фета для их нового собрания, которое и вышло в начале 1856 г.

Переходя к анализу пародии, замечу прежде всего, что по сюжету и построению она имитирует стихи Фета о природе, насколько не напоминая произведений самого Некрасова на эти темы. Стихи Фета часто посвящены описанию природы в тот или иной сезон и строятся как перечисления примет наступившей поры. Таковы, например, его стихотворения 1854—1855 гг.: «Еще весны душистой нега...», «Ласточки пропали...», «Первая борозда», «Весна на дворе».

Именно так — как перечисление примет наступившего лета — построена и пародия Некрасова.

Для Фета характерно стремление описывать не просто весну, лето, осень или зиму, но более короткие и тем самым более определенные, четко выраженные отрезки сезона; особенно он любит изображать переходные, пограничные периоды — от весны к лету, от осени к зиме и т. п. Характерны для Фета в описаниях природы противопоставления, выделяющие приход нового периода: «еще» и «но», «вчера» и «сегодня». Например:

*Еще весны душистой нега
К нам не успела визойти,
.....*

⁴ Отечественные записки, 1879, № 1, с. 61.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях.⁵

Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

(С. 139)

Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом.

(С. 160)

Вчера — уж солнце рдело низко —
Средь георгин я шел твоих,
И как живая одалиска
Стояла каждая из них.

А нынче утренним морозом
Они стоят опалены.

(С. 284—285)

В пародии Некрасова никакого перехода от сезона к сезону нет — описывается чрезвычайно жаркое лето, но тем не менее он начинает стихотворение «по-фетовски» — «формулой перехода» от весны к лету:

Умирает весна, умирает,
Водворяется жаркое лето.

И в тех стихах о природе, где нет установки на точную фиксацию примет сезона, Фет любит рисовать картину не одномоментную, но как бы движущуюся во времени на протяжении какой-то части суток. Так, в стихотворении «Степь вечером» показано, как вечер переходит в ночь: в начале

Клубятся тучи, млея в блеске алом,

а в конце

Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И, как река, засветит Млечный путь.

В стихотворении «Над озером лебедь в тростник протянул...» (1854) сначала мы видим, как лес «зубцами вершин» «в заре потонул», а затем

Уж начали звезды мелькать в небесах.

В «Вечере у взморья» (1854)

День бледнеет понемногу

и в конце концов сменяется ночью:

Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет.

В пародии Некрасова учтен этот метод — те приметы, которые связаны с определенным временем суток, даны пародистом в последовательности:

⁵ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 136. Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

По утрам продолжительны росы,
А к полудню жары чрезвычайны.
.....
Вечера соблазнительно сладки.

Отмеченные выше особенности поэтики Фета 50-х годов связаны с основными свойствами его стихов этого времени о природе. Явления природы у Фета описываются детальнее, предстают более конкретными, чем у его предшественников. В стихах Фета мы встретим, например, не только традиционных птиц, получивших привычную символическую окраску, как орел, соловей, лебедь, жаворонок, но и таких, как лунь, сыч, черныш, кулик, чибис и т. п. При этом каждая птица показана в ее своеобразии. Когда Фет в стихотворении «Степь вечером» пишет:

И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели,

здесь в поэзию входят наблюдения человека, который определяет по голосу не только то, какая птица поет, но и где она находится, и какова сила звуков в отношении к обычной силе ее голоса, и даже каково значение услышанных звуков. Ведь в другом стихотворении («Жду я, тревогой объят...») в непроглядной тьме ночи коростель «хрипло подругу позвал». О том, что эта особенность привлекла большое внимание, свидетельствует не только редакторская работа кружка «Современника» над текстами Фета, но и пародии на них.

Систематическое участие Фета в «Современнике» началось с 1854 г. В февральском номере этого года была помещена большая подборка — десять его стихотворений. Но в том же номере «Современника» в юмористическом приложении «Литературный ералаш» была напечатана и пародия «Нового поэта» «На дороге»,⁶ в которой звучит насмешка над стихами Фета, помещенными в этой же книжке журнала: «Старый парк», «Степь вечером», «Лес», «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...».

«Новый поэт» — псевдоним преимущественно И. И. Панаева; однако под этим псевдонимом печатались и стихи Некрасова,⁷ и данная пародия могла принадлежать и ему. Стихам Фета из «Старого парка»

Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы

(С. 265)

соответствуют в пародии стихи

Пронзительно кричит нахальная желна,
Трепчет болтливый дрозд и свищет трясогузка.

Однако снегирь и синица — птицы достаточно традиционные в поэзии: вспомним снегиря у Державина и синицу у Пушкина. Здесь пародист, вероятно, вспоминает луня («Вот луня проплыл, не шевеля крылом»), перепела («Там перепел откликнулся вдали») и коростелей из «Степи вечером» Фета. Подобные стихи пародирует и Некрасов в «Лете»:

Прикликает самец перепелку,
Дергачи голосят сиповато...

⁶ См. текст этой пародии в кн.: Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972, с. 374.

⁷ См. об этом: Бухштаб В. Я. Некрасов в стихах «Нового поэта». — В кн.: Бухштаб В. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, с. 78—90.

Интересны названия «желна», «дергачи». Желна — это вид дятла (дятел упоминается в «Лесе» Фета), а дергач — вид коростеля. Здесь, помимо необычных в лирической поэзии наименований птиц, быть может, высмеивается та детализация фауны и флоры по видам и разновидностям, которая не одобрялась «пестунами» Фета, требовавшими замен, в результате которых китайская роза превращалась просто в розу («Фантазия»), а «роза центифольная» заменялась «лилией стыдливой» («Купальщица»).

Как и у Фета, в пародии Некрасова описаны голоса птиц и говорится о значении издаваемых ими звуков.

С детализацией, конкретностью наблюдений связаны и прозаизмы Фета, часто поражавшие в его стихах и сами по себе, и соседством с заведомыми поэтизмами.⁸ В пародии мы не случайно находим такие слова, как «водворяется», «сноровляет», «прохладительны», «чрезвычайны», «самец», «голосят сиповато». И тут же «вечера соблазнительно сладки», «все роскошно одето». Характерна в связи с этим строка из пародии «На дороге»: «Роскошный чернозем подернул падший лист...». Эпитет «роскошный» находим у Фета в стихотворении 40-х годов «Свеж и душист твой роскошный венок...».

Непосредственно после строк о перепеле и дергаче в пародии следуют строки о деве:

Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

Здесь пародируется свойственное Фету стремление поставить человека в один ряд с явлениями природы, показать его как бы охваченным теми же чувствами и побуждениями, что и живая природа, и при том столь же бессознательно и мощно. Так весеннее возрождение, разливающееся повсюду, захватывает в финале стихотворения «Еще весны душистой нега...» (1854) и девушку. А в стихотворении «Первый ландыш» (1854) сравнение девушки с ландышем подчеркивает бессознательность, инстинктивность ее переживаний:

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

(С. 138)

Эта неосознанность, инстинктивность стремлений девушки выражены в пародии ее бессознательным движением («Дева тихо роняет иголку») и заключительным словом пародии — «куда-то». Один из центральных в мировоззрении Фета мотив «бессознательной силы» природы, действующей в человеке, как во всем органическом мире, приводит к постоянным в его стихах «не помню», «не знаю»; к тем «где-то» и «что-то», которые пародировал и Тургенев в не вполне пристойном отрывке, начинающемся словами «Где-то что-то веет, млеет...».⁹ Возникающее отсюда впечатление «смутности» переживаний лирика вместе с пресловутой «непонятностью» стихов Фета высмеяны в последних строках пародии «На дороге»:

И все мне кажется, как будто бы сквозь сон,
Что сразу угадать мой стих никто не может!...

⁸ Подробно об этом см.: Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. — В кн.: Фет А. А. Полн. собр. стихотворений, с. 60—61.

⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. VI. М.—Л., 1963, с. 292.

Инстинктивное, стихийное усматривается Фетом и в живой природе, и в человеке. Природа у Фета очеловечена, как ни у одного его предшественника или современника. Это отмечено в пародии словами: «Вечера <...> сознательной жаждой полны». Жаждой чего? Дополнения к слову «жаждой» нет, как и у Фета в раннем (1843 г.) стихотворении:

... лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой, —

(С. 254)

и в позднем (1879 г.):

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсуц,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.

(С. 142)

Наибольшей остротой отличается несомненно вторая строфа пародии. Наблюдение, что колосья «возвышаются вровень с кустами» — очевидно, на краю поля, — само по себе не пародийно, но оно типично фетовское; недаром несколько лет спустя (в 1859 г.) Фет начал стихотворение аналогичным наблюдением:

По ветви нижние леса
В зеленой потонули ржи.

(С. 477)

Но останавливает внимание эпитет колоса — «осязательно зреющий». Здесь, я полагаю, пародируется определенное место из «Степи вечером»:

Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

(С. 212)

Наблюдения «рожь волнуется» и «рожь наливает» даны у Фета как однородные, одномоментные, связанные впечатления. Эпитетом «осязательно зреющий» Некрасов хотел подчеркнуть, что созревание зерна — процесс длительный, а не такое явление, которое взгляд прохожего может «осязать».

Два последних стиха второй строфы наиболее парадоксальные в пародии:

По росе долетающий голос
Из лесов словно пахнет грибами.

Тут пародируются «синэстетические» образы Фета, слияние звука с цветом и светом. Вспомним такие строки из его стихотворений:

Уноси мое сердце в звенящую даль,
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

(С. 182)

Или

И на волне ликующего звука
Умчась в даль, во мраке потонуть.

(С. 281)

Ср. в пародии Минаева:

Грезит он, что в руки
Звук поймал, — и вот

Он верхом на звуке
В воздухе плывет,
Птицы ж щебетали:
— Спой-ка нам куплет
О «звнящей дали»,
Афанасий Фет.¹⁰

Фет сливает зрительные ощущения с термическими («горячий свет», «мороз сияет») и — формально — даже слуховые с обонятельными («благоговонные речи»). Некрасов также сливает слуховые ощущения с обонятельными («голос <...> пахнет грибами») и как будто еще и со зрительными (голос летит по росе).

Середина 50-х годов — это время, когда Некрасов особенно высоко ценил поэзию Фета. В 1856 г. в связи с выходом собрания стихотворений Фета он писал: «Смело можем сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет» (IX, 279). Таким образом, Некрасов ставит в эту пору Фета как художника выше Лермонтова и Тютчева.

С 1854 г. Фет становится ведущим поэтом «Современника». В течение четырех лет, с 1854 по 1857 г., его стихи по количеству значительно преобладают в журнале над стихами других поэтов, в том числе и самого издателя, не говоря уже о трех других авторах, постоянно печатавшихся в «Современнике», — Полонском, Майкове, Алексее Толстом.

Пародия «Лето» показывает, что при всем восхищении поэзией Фета Некрасов остро ощущал те черты художественного метода Фета, которые были чужды его собственной поэтике, и подсмеивался над ними. Пародия раскрывает перед нами тонкость художественного восприятия Некрасова, критическую пронизательность и дар пародиста, тем более удивительный, что мы ведь имеем здесь дело с незавершенным, недоработанным наброском.

¹⁰ Поэты «Искры», т. 2. Л., 1955, с. 143.

II. ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И АТРИБУЦИИ НЕКРАСОВСКИХ ТЕКСТОВ

М. М. Гин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НЕКРАСОВА

Литературно-критическое наследие Некрасова стало достоянием широких кругов читателей в значительной мере благодаря усилиям советских литературоведов и текстологов, хотя известность в качестве критика, и притом талантливого, писатель приобрел давно. Показательны в этом плане прежде всего суждения крупнейших русских критиков, ближайших соратников Некрасова по журнальной работе.

«Вы писывали превосходные рецензии в таком роде, в котором я писать не могу и не умею», — признавался Некрасову В. Г. Белинский.¹ «Вас узнают даже в мелких журнальных статьях и, конечно, восхищаются», — писал ему же Н. Г. Чернышевский.²

Уже в середине 1840-х годов сведения о Некрасове-критике начали проникать на страницы печати. В рецензии на альманах «Первое апреля», опубликованной 12 апреля 1846 г., анонимный рецензент «Северной пчелы», упомянув о Некрасове, охарактеризовал его прежде всего как писателя, «отличавшегося и отличающегося изящными своими критиками в „Литературной газете“».³ Сказано, конечно, с иронией: о Некрасове, к чести его, на страницах болгаринской газеты не могли говорить без враждебности и иронии; отметим здесь лишь публичное свидетельство о литературно-критической деятельности Некрасова. Вскоре в связи с уходом Белинского из «Отечественных записок» появилось другое важное свидетельство — известное заявление Белинского, Некрасова и Панаева «По поводу „Объяснения по нелитературному делу“», в котором было сказано: «Г. Некрасов с 1843 года принимал участие в „Библиографической хронике“ («Отечественных записок», — М. Г.), и вообще статей г. Некрасова, не подписанных его именем, в „Отечественных записках“ несравненно более, чем подписанных» (XII, 34). Упоминают о Некрасове-критике и многие авторы мемуаров.

Однако если бы у какого-либо современника поэта, даже близкого к литературным кругам, спросить, что же написал Некрасов-критик, какие именно статьи, то едва ли на такой вопрос удалось бы получить вразумительный ответ. Ибо почти ни одна статья Некрасова не была опубликована при жизни автора с его подписью: некоторые, очень немногие, печатались под его криптонимами и псевдонимами, а подавляющее большинство по обычаю того времени анонимно. Поэтому современники поэта имели весьма приблизительное и туманное представление о его литературно-критической деятельности.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII. М., Изд. АН СССР, 1956, с. 344.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949, с. 328.

³ Северная пчела, 1846, № 80, с. 319.

Первый список литературно-критических статей Некрасова появился вскоре после смерти поэта, в статье В. Горленко «Литературные дебюты Некрасова».⁴ Горленко получал сведения от Ф. А. Кони и пользовался сохранившимися у последнего (очевидно, не полностью) редакционными книгами «Литературной газеты» начала 40-х годов. Кони редактировал «Литературную газету» с 1841 по 1843 г., и весь список Горленко — это статьи (главным образом мелкие рецензии), опубликованные в газете в данный период. Список включает около 30 названий, однако в него входят не все статьи, опубликованные в «Литературной газете», и нет ни одной, напечатанной в других органах и в другие годы. Несколько статей было указано в библиографии С. И. Пономарева⁵ и в известной книге А. Н. Пыпина,⁶ в том числе статья о Ф. И. Тютчеве и некоторые статьи из цикла «Заметки о журналах». И это все, что было известно до революции, — в общей сложности меньше 40 названий.

На сегодняшний день нам известно уже в три раза больше — около 120 статей и рецензий Некрасова. Но дело не только и не столько в количестве: уже упоминалось, что подавляющее большинство известных тогда статей это небольшие рецензии начала 40-х годов, т. е. раннего, ученического периода литературной деятельности поэта, а вся последующая литературно-критическая деятельность Некрасова была представлена лишь несколькими, очень немногими статьями.

Не известно было ни одной статьи середины и второй половины 40-х годов, т. е. периода наибольшей близости Некрасова к Белинскому и натуральной школе, периода борьбы за натуральную школу. Мало что было известно из статей Некрасова периода его работы в «Современнике» (не говоря уже о более поздних — их мы и сегодня почти не знаем). Не до конца ясна была степень участия поэта в таком важнейшем цикле статей, как «Заметки о журналах».

И если сегодня возможно составить представление о Некрасове-критике, то лишь благодаря разысканиям советских литературоведов разных поколений. Здесь прежде всего следует назвать имена В. Е. Евгеньева-Максимова, К. И. Чуковского, И. Н. Розанова. Их публикации и сообщения ввели в научный оборот ряд статей Некрасова, атрибутированных нередко на основании документальных данных, оказавшихся в орбите внимания этих исследователей. Вместе с тем уже в 1920-е годы были предприняты и целенаправленные разыскания литературно-критических статей и фельетонов Некрасова. Одним из первых активных «искателей» здесь был Д. С. Лихачев, широко известный исследователь древнерусской литературы. Разыскания Лихачева зарегистрированы в составленном Н. М. Выводцевым списке литературно-критических статей и фельетонов Некрасова, опубликованном в третьем томе «Собрания сочинений» 1930 г. (М.—Л., ГИЗ). Общее число некрасовских литературно-критических статей (не считая фельетонов) здесь уже около 60.

Большая работа по выявлению новых статей и рецензий Некрасова была проделана в ходе подготовки IX тома двенадцатитомного «Полного собрания сочинений и писем» поэта. Здесь прежде всего должно быть названо имя ленинградского литературоведа и текстолога А. Я. Максимовича. После его безвременной смерти (в дни блокады Ленинграда) завершить начатую им работу довелось мне под руководством В. Е. Евгеньева-Максимова. IX том двенадцатитомника — первое и единственное от-

⁴ Некрасов Н. А. Стихотворения. Посмертное издание. Т. IV. СПб., 1879, с. CLXIV (впервые опубликовано: Отечественные записки, 1878, № 12).

⁵ Там же, с. CXLVII—CXLVIII.

⁶ Пыпин А. Н. Н. А. Некрасов. СПб., 1905, с. 230—243.

носителем полное собрание литературно-критических статей Некрасова, впервые представившее его читателю как критика. В него вошло 107 статей Некрасова (90 — в основной корпус, 1 — в коллективные произведения, 16 — в «Dubia»). По причинам, от редакции не зависящим, в том не попали две рецензии, подготовленные к печати еще Максимовичем: на «Краткую историю грузинской церкви» П. Иоселиана (1843) и на брошюру Е. Вердеревского и Н. Дункель-Веллинга «Шамиль в Париже и Шамиль поближе» (1855). Первая включена в список В. Горленко и Н. М. Выводцева, вторая известна была с конца 1930-х годов, когда обнаружены были рукописи некоторых статей Некрасова в «Современнике» 1855 г. Она вошла в опубликованную в 1949 г. опись документальных материалов личного фонда Некрасова.⁷

Работа по выявлению наследия Некрасова-критика продолжалась и после выхода в свет IX тома двенадцатитомника. 7 статей опубликовано в XII томе того же издания. Отдельные публикации появлялись спорадически и позже. Можно не сомневаться, что теперь, в связи с подготовкой академического «Полного собрания сочинений и писем Некрасова», разыскания будут вестись с еще большей интенсивностью.

Внимательное изучение литературно-критического наследия Некрасова в хронологическом порядке, по периодам, убеждает, что оно нам известно далеко не полностью. По-прежнему наиболее известно раннее литературно-критическое творчество — статьи и рецензии, опубликованные в 1841—1843 гг. в «Литературной газете» Ф. А. Кони. Однако нет уверенности, что мы знаем все, опубликованное даже в этой газете в указанные годы; между тем имеются достоверные данные, что Некрасов сотрудничал тогда и в других органах печати. Сохранились свидетельства самого Некрасова о том, что он в 1838—1840 гг. «писал отзывы о театральных пьесах, о книгах» в «Сыне отечества» Н. А. Полевого (XII, 12). Но если данное свидетельство и спорно (в другом месте Некрасов заявил, что его участие в издании Полевого ограничилось публикацией стихотворений и небольшого перевода — см. XII, 23), то активное его сотрудничество в первой половине 40-х годов кроме «Литературной газеты» в таких органах, как «Русский инвалид» и «Отечественные записки», не подлежит сомнению.

Критический анализ автобиографических свидетельств позволил в свое время Б. Я. Бухштабу уточнить список некрасовских фельетонов в «Литературной газете» 1844—1845 гг., в частности из цикла «Дагерротип». Его соображения и сегодня представляются вполне убедительными, за исключением одного частного пункта. Опираясь на указания Максимовича, Бухштаб отвергает возможность принадлежности Некрасову одного из фельетонов цикла «Дагерротип» — «Новости с литературной биржи», опубликованного в № 5 газеты с подписью «Литературной биржи маклер Назар Вымочкин», так как он «является слегка дополненной перепечаткой фельетона под тем же заглавием и с той же подписью, напечатанного в „Литературной газете“ (1840, № 86, стлб. 1960—1962), т. е. в то время, когда Некрасов не был сотрудником „Литературной газеты“ и не писал в подобном роде».⁸

⁷ Некрасов Н. А. Опись документальных материалов личного фонда № 338. Под ред. И. Н. Розанова. М., 1949, с. 9. Ср. упоминание об описи у А. Я. Максимовича: Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 290. Впоследствии рецензия на брошюру о Шамиле была опубликована как неизвестная (см.: Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 269—271), но это недоразумение.

⁸ Бухштаб Б. Я. Некрасов-фельетонист. — Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 48.

Сомнения вызывают прежде всего последние слова. Откуда известно, что Некрасов тогда не сотрудничал в «Литературной газете»? «Литературная газета» — прямое продолжение «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» и редактор у обоих изданий один — Краевский. В «Литературных прибавлениях» Некрасов безусловно сотрудничал — об этом говорит не только его заявление в автобиографических заметках, но и то обстоятельство, что три его стихотворения («Моя судьба», «Два мгновения» и «Рукоять») были опубликованы в данном издании. Безусловно, сотрудничество Некрасова не ограничивалось публикацией стихотворений. Он писал: «...полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы; принялся за нее почти с первых дней прибытия в Петербург. В „Инвалиде“, в „Литературных прибавлениях к „Инвалиду“», в „Литературной газете“, в „Пантеоне“ и т. д.» (XII, 23).

Таким образом, кроме «Литературных прибавлений», издававшихся до 1839 г. включительно, Некрасов сотрудничал в «Литературной газете» Кони — в 1841—1843 гг., а также после возвращения этой газеты в руки Краевского, в 1844—1845 гг. То обстоятельство, что неизвестны публикации Некрасова в «Литературной газете» за 1840 г., еще не означает, что их вообще не было, а лишь доказывает неполноту наших сведений о литературно-критической деятельности поэта.

Кроме того, до сих пор не учитывается одно весьма существенное обстоятельство: Ф. А. Кони редактировал «Литературную газету» не с 1841 г., как обычно считается, а с 25 сентября 1840 г. (с № 77).⁹ Интересующий нас фельетон появился в № 86, т. е. в газете, редактируемой Кони, в журнале которого «Пантеон» Некрасов печатался с начала 1840 г., а следовательно, мог в это время сотрудничать и в «Литературной газете» Кони. А поскольку фельетон «Новости с литературной биржи», опубликованный в цикле «Дагерротип» в 1845 г., представляет собой расширенную перепечатку фельетона под тем же названием и с той же подписью из «Литературной газеты» 1840 г., логично заключить, что автором обеих редакций фельетона должен быть такой постоянный сотрудник, который работал в газете и в 1840 и в 1845 гг. Таким сотрудником как раз и был Некрасов.

Следует также иметь в виду, что высказанные нами соображения касаются не только фельетонов, но и других журнальных жанров, прежде всего критики. Видимо, самый активный этап сотрудничества в «Литературной газете» не 1841—1843 гг. (такое впечатление создается при знакомстве с IX томом двенадцатитомника), а 1844—апрель 1845 г. (дата ухода Некрасова из «Литературной газеты»).

Как уже отмечалось, в ранний период литературной деятельности Некрасов сотрудничал и в разных других органах. За последние годы кое-что стало известно о его участии в «Русском инвалиде», но, вероятно, это далеко не все; в дополнительных исследованиях нуждаются также в данной связи материалы «Отечественных записок» за 1843—1846 гг.¹⁰

⁹ См.: Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX века. Ростов, 1969, с. 196.

¹⁰ Эти хронологические границы устанавливаются на основании цитированного выше совместного заявления Белинского, Некрасова и Панаева «По поводу „Объяснения по нелитературному делу“». Однако абсолютизировать их не следует. После разрыва с Краевским в 1846 г. Некрасов, естественно, не мог сотрудничать в «Отечественных записках», но началось это сотрудничество до 1843 г. В подписанном Краевским объявлении о подписке на «Отечественные записки» на 1842 г. Некрасов числится в списке сотрудничавших в журнале в 1841 г. (СПб. ведомости, 1841, № 236, 17 октября, с. 1044). Указанные даты обозначают период наиболее

В статье «Литературные дебюты Некрасова» В. Горленко утверждает (видимо, со слов Кони), что ранние рецензии Некрасова печатались даже в «Библиотеке для чтения», а также, вероятно, и в «Финском вестнике», издававшемся в 1845 и 1846 гг. Ф. Дершау, с которым Некрасов был тогда в приятельских отношениях.¹¹

Упоминание «Финского вестника» едва ли у кого-либо сегодня вызовет сомнение. Что же касается сотрудничества Некрасова в «Библиотеке для чтения», то и это не покажется фантастическим по отношению к периоду до 1841 г. Ведь «Сын отечества», где Некрасов печатал первые свои стихотворения, не был более прогрессивным органом, чем «Библиотека для чтения». Впоследствии, когда Некрасов разберется в расстановке журнальных сил, участие его в подобных органах станет уже невозможным.

Не меньшее, если не большее значение, имеет для нас литературно-критическая и публицистическая деятельность Некрасова в годы, когда он стоял во главе «Современника» и «Отечественных записок». Между тем полнота наших представлений об этом периоде едва ли не меньшая, чем в отношении предшествующего. В цитированных уже автобиографических заметках, перечисляя органы, в которых много его рецензий, Некрасов наряду с «Литературной газетой» и «Отечественными записками» (до 1846 г.) называет и «Современник» с 1847 г. «Когда Белинский уехал за границу, я писал много рецензий (1847—1848)», — заявляет Некрасов (XII, 24).

«Много» — это, по некрасовским представлениям, десятки рецензий, а мы знаем единицы и то случайно. И это относится не только ко времени Белинского. Указания автора и разыскания советских исследователей дали возможность выявить весь цикл «Заметок о журналах» — крупнейшей работы Некрасова-критика. Гораздо хуже обстоит дело с его небольшими рецензиями. Благодаря сохранившимся рукописям наиболее полно представлен 1855 г. (более 10 выступлений); за предшествующие же годы зарегистрированы лишь единичные выступления. Между тем нет оснований считать, что в ранние годы издания «Современника» Некрасов писал небольшие рецензии в меньшем количестве, чем в 1855 г.; возможно, что они нам пока лишь неизвестны.

Можно также предположить, что после «Заметок о журналах», т. е. с 1856 г., литературно-критическая деятельность Некрасова резко снижается. Однако все-таки нет уверенности, что список его статей этого периода ограничивается теми немногими названиями, которые нам известны, что в «Отечественных записках» он, в частности, поместил одну единственную рецензию, причем на «Журнал охоты и коннозаводства».

Таким образом, в отношении атрибуции Некрасову анонимных статей и рецензий предстоит еще сделать немало. При этом следует опираться на лучшие достижения советского литературоведения, на большой опыт наших текстологов по атрибутированию анонимных текстов писателей, а также на теоретическое обобщение и осмысление этого опыта в ряде работ.¹²

Советские исследователи разработали методику атрибуции на основании документальных источников, анализа идейного содержания, стиля и т. д. Это разграничение методов атрибуции, очевидно, не только правомерно, но и полезно, однако атрибуция — дело настолько сложное и тон-

интенсивного сотрудничества Некрасова в «Отечественных записках» 40-х годов, а началось оно несколько раньше.

¹¹ См.: Некрасов Н. А. Стихотворения. Посмертное издание. Т. IV, с. CLXIII.

¹² См.: Вопросы текстологии. М., 1960; Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, и др.

кое, что на практике текстолог редко, в исключительных случаях пользуется одним каким-либо методом (обычно лишь тогда, когда может опереться на очень достоверные документальные данные).

Сложность и ответственность задачи требуют при атрибуции особой осмотрительности. В. Э. Боград, немало поработавший над выявлением сотрудников некрасовских журналов, прежде всего «Современника», пришел к выводу, что «абсолютно достоверных источников, которые могли бы лечь в основу атрибуции, нет».¹³ Здесь речь идет о документальных источниках, самых надежных. Положение значительно усложняется, когда мы вынуждены ограничиваться так называемыми «внутренними признаками», т. е. прежде всего идейным содержанием и стилем. В. В. Виноградов написал интересную книгу об атрибуции на основе анализа стиля писателя, но можно ли быть уверенным в абсолютной точности его собственных атрибуций подобного типа?

П. Н. Берков, выступая на дискуссии по вопросам атрибуции, организованной Пушкинским Домом, так сформулировал заключительные тезисы своего доклада:

«9. Ряд авторов, писавших по вопросам атрибуции, признает современные опыты стилистического или филологического анализа субъективными, а иногда и сомнительными. Все выдвинутые до сих пор принципы атрибуции по стилистическим признакам не имели и не имеют внутренней принудительной убедительности.

10. Поэтому общая теория литературной атрибуции остается и, вероятно, надолго еще останется трудно достигаемым идеалом, а конкретные решения спорных случаев атрибуции и переатрибуции будут иметь значение более или менее остроумных и правдоподобных гипотез».¹⁴

Этот скепсис вполне оправдан. При атрибуции текстов нельзя забывать, что кроме идей и стиля данного автора существуют идеи и стиль данного направления, органа и даже эпохи, и всегда есть опасность принять за индивидуально-авторское то, что принадлежит его направлению или его времени. Дело в том, что крупная индивидуальность, центральная фигура направления, печатного органа, неизбежно накладывает отпечаток на все направление, орган, определяя и идеи, и формы выражения этих идей, т. е. стиль. В «Отечественных записках» 40-х годов такой фигурой был Белинский. Поэтому так трудно бывает отделить то, что писал он сам, от того, что писалось «под Белинского» другими авторами. Занимаясь вопросами атрибуции, нельзя об этом забывать.

Кстати сказать, сам Белинский, указав однажды на повторение его мыслей в одной из статей болгаринской «Северной пчелы», писал: «Эта истина, и потому скоро все будут повторять нашу мысль, даже и те, которые пишут стихотворные „денонциации“ (т. е. доносы (лат.), — М. Г.)».¹⁵ Что же говорить о людях, близких Белинскому по направлению, о его учениках и последователях, если даже в болгаринских изданиях повторялись его идеи?

Включение в литературное наследие поэта новонайденных текстов — очень важная задача, но не следует забывать и о другом: об опасности расширения собрания сочинений за счет текстов, приписанных Некрасову ошибочно. Обоснованная атетеза (отмена) не менее важна, чем ат-

¹³ Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959, с. 48—49.

¹⁴ Берков П. Н. Проблема атрибуции в зарубежном и русском литературоведении. — В кн.: О принципах определения авторства в связи с общими проблемами теории и истории литературы. Научная сессия. (Тезисы докладов и сообщений). Л., 1960, с. 14.

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI. М., Изд. АН СССР, 1955, с. 550.

рибудия. В этом отношении активом IX тома «Полного собрания сочинений» Некрасова в 12 томах следует считать не только то, что сюда включен ряд новонайденных статей и рецензий, но и то, что в него не вошли некоторые, ранее ошибочно приписанные поэту. Список таких произведений дан в конце IX тома. Напомним здесь лишь о некоторых, весьма показательных случаях.

Еще со времен Н. А. Пыпина Некрасову приписывалась статья «Заметки о журналах за май 1856 года» (беллетризованный отзыв о комедии В. А. Соллогуба «Чиновник»). Максимович опубликовал ее вместе с другими статьями цикла «Заметки о журналах» в первом некрасовском томе «Литературного наследства». Сомнений она не вызывала ни малейших. Статья написана в легкой фельетонной манере, какой любил пользоваться Некрасов в первой половине 40-х годов. Однако в середине 50-х годов он писал уже по-другому. При печатании IX тома нам удалось обнаружить документальные данные о том, что автором этой статьи является не Некрасов, а писатель либерально-обличительного толка Н. М. Львов, на основании чего статья была вовремя исключена.

Впечатление «некрасовской статьи» производил и фельетон «Два физиологических очерка», опубликованный в альманахе «Первое апреля» с подписью «—ин», рядом с произведениями Некрасова, подписанными его псевдонимами — «Пружинин», «Белопяткин». На этом основании Н. А. Пыпин и М. Белкина приписали его в свое время Некрасову.¹⁶ Большую осторожность проявил Б. Я. Бухштаб, готовя V том того же 12-томного издания. Он поместил этот фельетон не в основной корпус, а в «Dubia» (V, 591—602). Подлинного автора этого фельетона удалось установить мне (см. XII, 519) на основании документальных данных. Им оказался близкий кружку Белинского литератор А. И. Кульчицкий. В 1846 г. в газете «Северная пчела» появилось объявление о том, что поступил в продажу альманах «Первое апреля», где, между прочим, сказано: «„Два физиологических очерка“, соч. Говорилина: I. Водевиль, II. Непризнанный поэт».¹⁷ Говорилин — псевдоним А. Я. Кульчицкого. Объявление, конечно, давалось Некрасовым; таким образом, перед нами свидетельство, исходящее от него.

Возможна проверка и некоторых других атрибуций. Сохранился документ, в котором названы все авторы отдела «Критики» июльской книжки «Современника» за 1848 г., в их числе и Некрасов. Опираясь на это свидетельство, А. М. Гаркави проанализировал весь материал литературно-критического отдела указанной книжки журнала, стремясь выявить, что могло принадлежать каждому из перечисленных в документе авторов.

Исследователь пришел к такому выводу: «Статьи, входившие в тот отдел, были посвящены „Кориолану“ Шекспира, военно-медицинскому журналу, Фенимору Куперу, помпейским раскопкам и пр. Ни одна из этих статей не могла быть написана Некрасовым: на подобные темы он никогда не писал» (XII, 447—448).

Ограничение тематики подобных выступлений Некрасова — вряд ли основательно. Достаточно вспомнить, что анализ «Кориолана» Шекспира занимает центральное место уже в первой известной нам статье Некрасова-критика (1841). Почему же он не мог о «Кориолане» писать и в 1843 г.? А среди книг, отнесенных к «прочему», — рецензии: на роман Поль де Кока «Актриса и писатель», на «Басни» Крылова, на сочинение

¹⁶ См. предисловие Н. А. Пыпина в кн.: Некрасов Н. А. Драматические произведения, т. I. Л.—М., 1937, с. 17. См. также: Белкина М. Водевиль Некрасова. — В кн.: Творчество Некрасова. М., 1939, с. 238—239.

¹⁷ Северная пчела, 1846, № 73, 1 апреля, с. 202.

под названием «Удивительные приключения князя Коношляное Семячко и его сестры», на альманахах для детей «Астрахань». Некрасов вполне мог быть автором рецензии на любую из названных книг.

Надо учитывать, что не только в первой половине 40-х годов, но и в «Современнике» Некрасов писал рецензии на произведения самого разнообразного содержания, в том числе, например, на книгу о морских войнах, которые вел адмирал Нельсон в конце XVIII—начале XIX в., на книгу «О новоизобретенном способе отделения извести из свеклосахаренных сиропов посредством стеариновой кислоты» и т. п. Практически он мог писать на любую тему, за исключением (и то не всегда) книг, недоступных по языку или трактующих сугубо научные темы.

Вместе с тем нуждаются в более основательной аргументации атрибутированные Некрасову на основе указанного документа 1848 г. рецензии на «Собрание стихотворений» П. Витусова (см.: XII, 249) и на «Басни» И. А. Крылова.¹⁸

Длительная научная полемика связана с рецензией на «Воспоминания Фаддея Булгарина», опубликованной в майской книжке «Отечественных записок» за 1846 г. Вскоре после смерти Белинского Н. Х. Кетчер обнаружил неопубликованную статью критика о Булгарине. В ней оказалось несколько страниц, текстуально совпадающих с рецензией, напечатанной в «Отечественных записках». На этом основании в 1911 г. она была включена в собрание сочинений Белинского. Но в 1924 г. П. Е. Будков выступил со статьей «Белинский и Некрасов о воспоминаниях Ф. Булгарина»,¹⁹ в которой приписал эту же рецензию Некрасову. Любопытно при этом отметить, что Будков опирался на документальные свидетельства — на публичное заявление редактора «Отечественных записок» А. А. Краевского, по существу подтвержденное ответом, тоже публичным, Белинского, Некрасова и Панаева. Казалось бы, возможны ли в этом вопросе более авторитетные свидетели, чем названные лица? И все-таки гораздо ближе к истине оказался В. С. Спиридонов, который в 1938 г. выступил против доводов Будкова, отстаивая авторство Белинского.²⁰

Исходя из того, что вопрос об авторе этой статьи является спорным и нет достаточно веских оснований всю ее безоговорочно приписывать Некрасову, редакция IX тома двенадцатитомного издания «Полного собрания сочинений и писем» решила не включать ее в том. Принять такое решение помогло цензурное дело статьи (на него обратил наше внимание Гаркави), которое убеждает, что автором статьи, во всяком случае основным, был все-таки Белинский, а не Некрасов.²¹ Однако споры вокруг этой статьи не кончаются.

Вскоре после выхода IX тома в архивохранилищах были обнаружены два важнейших текста данной статьи. Л. Р. Ланской нашел рукопись той части статьи о Булгарине, которая в свое время была опубликована Кетчером. Оказалось, что первые ее четыре страницы, те самые, что совпадают с интересующей нас статьей, написаны рукой Некрасова. На этом основании рецензия из «Отечественных записок», только что исключен-

¹⁸ См.: Новые материалы о Некрасове. — Огонек, 1951, № 49, с. 21.

¹⁹ См.: Венюк Белинскому. Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, с. 273—278.

²⁰ Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского, 1938. Факультет языка и литературы, вып. 1, с. 78—85. См. также: Ланской Л. Белинский или Некрасов? — Огонек, 1952, № 38, с. 221. Ср.: Некрасов, X, 443—445; Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IX. М., Изд. АН СССР, 1955, с. 783—790; Боград В. Э. Белинский, Некрасов и Панаев в борьбе с Краевским. — Некрасовский сборник, вып. II. М.—Л., 1956, с. 412—423.

²¹ См.: Голос мивнувшего, 1913, № 3, с. 218—219.

ная из IX тома, была включена в XII том. Примерно тогда же Ф. Я. Прийма обратил внимание на не учтенные до тех пор корректурные листы большой статьи «Воспоминания Фаддея Булгарина», которые дали возможность прийти к выводу, что обе статьи о «Воспоминаниях Булгарина» — та, которая была опубликована Кетчером, и та, которая появилась в 1846 г. в «Отечественных записках», — являются частями одной большой статьи. В объяснении свидетельства Краевского об авторстве Некрасова Прийма присоединился к Спиридонову, который высказал предположение, что автор этой статьи, Белинский, уходя из «Отечественных записок», передал свои права на нее Некрасову, с тем чтобы тот провел в печать хотя бы часть этой в целом для цензуры неприемлемой статьи. Некрасов, таким образом, оказывался в роли юридического автора статьи, принадлежавшей Белинскому. Поэтому свидетельство Краевского не вызвало возражений со стороны Белинского, Некрасова и Панаева. Отсюда и некоторое, по мнению Приимы, редакторское участие Некрасова в работе над статьей.

Мне уже приходилось в общей форме говорить об убедительности этой атрибуции.²² Конечно, имея несколько страниц некрасовского текста, трудно быть абсолютно уверенным в том, что участие Некрасова здесь было только редакторским и решительно нигде не перешло в авторское, но, если последнее и имело место, едва ли нам удастся это выявить. Целесообразно поэтому отказаться от включения данной статьи в том литературно-критических статей Некрасова и оставить ее в сочинениях Белинского.

Весьма важен вопрос об атрибуции еще одной статьи, тоже приписывавшейся и Белинскому и Некрасову. Речь идет о статье, точнее двух статьях, опубликованных в «Литературной газете» в 1844 г. (№ 1, 2) под заглавием «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году». Белинскому этот обзор приписал в свое время Спиридонов, исходя из близости идей автора обзора идеям Белинского. Однако при анализе я убедился, что при общей идейной близости критику автор статьи резко расходится с ним в некоторых суждениях и особенно в оценках ряда произведений 1843 г., высказанных Белинским одновременно или почти одновременно.

Отсюда неизбежно вытекали два вывода: 1) автором обзора не мог быть Белинский; 2) автором его мог быть лишь идейно очень близкий Белинскому человек. Поскольку речь идет о статье, опубликованной в середине 40-х годов в «Литературной газете», первым кандидатом в авторы надо назвать Некрасова. Рассматривая обзор с этой точки зрения, я прежде всего обратил внимание на несомненную близость выраженного в нем общего взгляда на современную литературу тому, что говорится о ней в романе Некрасова «Похождения Тихона Тростникова». Кроме того, обзор дает возможность объяснить авторитетное автобиографическое свидетельство Некрасова о том, что он похвалил какое-то произведение под названием «Ольга», а Белинский его за то пожурил. Таким произведением, получившим одобрительную оценку в «Литературной газете» и неодобрительную в «Отечественных записках», является «Ольга» А. Ф. Вельтмана, которую Белинский считал «пустой мелодрамой», а Некрасов оценил как лучшую из повестей Вельтмана 1843 г.²³

²² Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1954, № 171. Сер. филол. наук, вып. 19, с. 207.

²³ Подробнее см.: Гин М. М. О двух приписанных Белинскому статьях. — Учен. зап. Карело-Финского ун-та, т. IV, вып. 1. Истор. и филол. науки. Петрозаводск, 1954, с. 132—141.

Ныне установленное нами авторство Некрасова как будто никем не оспаривается.²⁴ Считаю, однако, возможным привести еще некоторые дополнительные соображения. К таковым принадлежит известное свидетельство из первой автобиографической заметки Некрасова, в интересующем нас плане по существу не осмысленное. Вот оно: «Издавал Краевский „Литературную газету“ — прибавление к „Инвалиду“. Издатель был Иванов — книгопродавец. Краевский по контракту взял на себя всю работу за 18 000 р. ассигнациями, а сдал мне всю ее за 6000 р. в год. В газете был отдел „Дагерротип“. Весь он исписывался мною и в стихах, и в прозе.

Я как-то недавно расчел, что мною исписано всего журнальной работы до 300 печатных листов» (XII, 13).

Речь, следовательно, идет о «журнальной работе». «Литературная газета» издавалась Ивановым с 1844 г., с этого же года ее редактировал Краевский. Упомянутый здесь цикл «Дагерротип» относится к 1845 г., но если контракт, о котором говорит Некрасов, был заключен только на 1845 г., тогда Некрасов должен был бы отметить, что контракт этот по существу не состоялся: был разорван через несколько месяцев, так как с апреля этого года Некрасов уже не сотрудничал в «Литературной газете». Если же этот контракт действовал хотя бы один год, то им мог быть 1844 год. Косвенно это подтверждается следующим заявлением в той же автобиографической заметке: «С 1844 г. дела мои шли хорошо» (XII, 13).

Все это свидетельствует, что с 1844 г. Некрасов был ведущим сотрудником «Литературной газеты» и, следовательно, мог выступить со статьей, излагающей программу этого органа, взгляд на современную литературу. Это, конечно, косвенные и предположительные соображения, однако и они ведут нас к Некрасову.

Еще одно обстоятельство, не обращавшее на себя внимания. В 1843 г. на страницах «Отечественных записок» был опубликован очерк Некрасова «Необыкновенный завтрак», глава из романа о Тростникове. В интересующем нас обзоре об этом очерке нет ни звука; Белинский же в своем обзоре в «Отечественных записках», конечно, отметил его. «Литературная газета» призвана была отнюдь не замалчивать то, что появлялось в журнале Краевского, а, наоборот, усиленно рекламировать. Если автор статьи не Некрасов, то трудно объяснить это отсутствие упоминания о произведении, которое опубликовано на страницах «Отечественных записок» и автором которого является активный, скорее даже ведущий, сотрудник «Литературной газеты».

Еще одна деталь. В рассматриваемом обзоре имеется между прочим и отзыв о втором томе сборника В. А. Соллогуба «На сон грядущий». Когда я впервые обратился к этой статье, сравнить названный отзыв было не с чем: неизвестны были соответствующие суждения Некрасова. Через несколько лет документом, найденным В. Боградом, было доказано, что Некрасов — автор рецензии на этот сборник в «Отечественных записках» 1843 г. Сравниваем интересующий нас отзыв с рецензией Некрасова и убеждаемся, что они полностью совпадают: и в том, и в другом случае

²⁴ См.: Русская литература XIX в. Хрестоматия критических материалов, вып. II. Сост. М. Г. Зельдович и Л. Я. Лившиц. Харьков, 1961, с. 228; Ефременко Э. Л. Раскрытие авторства на основе анализа идейного содержания. — В кн.: Вопросы текстологии. Сб. статей. Вып. 2. М., 1960, с. 65—69; Лурье А. Н. Анонимная статья Н. А. Некрасова о русской литературе 1843 года. — Изв. АН СССР, 1963, т. XXII. Сер. литературы и языка, вып. 6, с. 524—531, и др.

в качестве лучших в сборнике Соллогуба выделяются три произведения — «Аптекарьша», «Медведь» и «Неоконченные повести».²⁵

Не менее важно (и это тоже не отмечалось) обратить внимание на то, что в рассматриваемой статье выражены те же мысли, что и в «Литературной газете» предшествующего периода, когда редактором ее был Кони и Белинский в ней не печатался, но постоянно сотрудничал Некрасов. В статье «Русская литература», опубликованной 10 сентября 1843 г., читаем: «Возле настоящей литературы есть еще другая, особливо в Москве, литература рыночная, торговая, промышленная». Затем автор утверждает, что и настоящая литература не едина, в ней выделяются романы и правоописания болгаринского направления, которое отличается «большими претензиями на всемирную славу, на любовь и уважение публики, на ум, остроту и законодательную власть в литературе».²⁶ Это не полностью совпадает с тем, что писалось в рассматриваемом обзоре, но близко к нему. А характеристика творчества писательницы Зинаиды Р-вой (Е. Ган) ничем не противоречит рецензии на ее сочинения, опубликованной в «Литературной газете» 31 октября 1843 г.²⁷ Все это говорит о том, что автором обзора был постоянный сотрудник газеты, работавший в ней и в 1841 г. и прежде. Именно таким сотрудником был Некрасов, а не Белинский, в 1841—1843 гг. не принимавший участия в «Литературной газете». При первом обращении к атрибуции этой статьи нам уже приходилось отмечать, что выражение «копеечная литература» не характерно для Белинского. Следует добавить, что оно встречается и в других статьях «Литературной газеты» 1844 г., когда в ней сотрудничал Некрасов.²⁸ Отсюда можно сделать вывод о том, что атрибуция Некрасову этой статьи выдержала проверку временем и подтверждается новыми соображениями. Таким образом, мы имеем все основания включить данный обзор в основной корпус литературно-критических статей поэта.

Обзор этот, повторяем, занимает особое место в литературном наследии молодого Некрасова. В конце второй статьи, перефразируя Крылова, автор говорит о критике, которая исполняла обязанность «истребительницы мышей», мелких и вредных явлений словесности. Некрасов сам активно занимался этим «истреблением мышей»; он десятки раз выступал против таких рыцарей серобумажной литературы, имена которых сегодня ничего не говорят, да и тогда могли вызвать лишь негодование или презрение. Александр Амадио, Угрюмов, Ступин, Леопольд Брант, Фан-Дим., Николай Молчанов, Калашников, Александр Кузьмич, Машков — вот неполный список авторов книг, которые он тогда рецензировал. Среди них Булгарин и Борис Федоров выделялись как известные и почтенные литераторы. В рассматриваемом же обзоре русской литературы 1843 г. — отзывы о таких писателях, как Державин, Гоголь, Лермонтов (в 1843 г. вышли их собрания сочинений), Кольцов, Майков. Иронически упомянув «известных» наших поэтов Бенедиктова и Бернета, Некрасов отдает предпочтение «неизвестным» — Огареву и Фету. А к замечательнейшим научно-популярным статьям относит такие работы Герцена, как «Дилетантизм в науке», «Буддизм в науке» и «По поводу одной драмы».

Но дело не только в этих отдельных отзывах и оценках. Первой статье предпослан упоминавшийся уже общий взгляд на современное состояние

²⁵ Белинский В. Г. 1) Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1907, с. 237; 2) Полн. собр. соч., т. XIII. Под ред. В. С. Спиридонова. Л., Гослитиздат, 1948, с. 147 (обе статьи прежде приписывались Белинскому).

²⁶ Литературная газета, 1843, № 40, с. 720—721.

²⁷ Там же, № 43, с. 771—772.

²⁸ Там же, 1844, № 1, с. 21 («Смесь»).

русской литературы, который выражает идейно-литературную программу Некрасова, решительного сторонника передовой, реалистической литературы, выражает так полно и четко, как она еще нигде не была выражена. И опубликована эта статья в 1844 г., накануне появления наиболее значительных манифестов, альманахов и произведений натуральной школы, накануне появления первых подлинно некрасовских стихотворений.

Приведенные случаи атрибуции анонимных статей Некрасову свидетельствуют о необычайной сложности и ответственности этого дела. Даже на документальные данные мы не можем безоговорочно опираться. Поэтому как ни велико желание обогатить наследие поэта новыми текстами, основным нашим принципом все-таки должна быть строжайшая и всесторонняя проверка данных.

А. М. Гаркави

О ДВУХ ПРИПИСЫВАЕМЫХ НЕКРАСОВУ СТИХОТВОРЕНИЯХ

1. «ТРУЖЕНИК»

Стихотворение «Труженик» («Я слушал, о мой друг, их пошлые рассказы...») вместе со стихотворением «В альбом» («Не пошлость старого обычая поэтов...») были обнаружены С. А. Рейсером в одном из экземпляров книги «Стихотворения Н. Некрасова», изданной в Москве в 1856 г. Публикуя в 1938 г. найденные тексты, исследователь сообщил: «Стихотворения публикуются по копии из архива А. М. Лазаревского (Библиотека Академии наук УССР); они переписаны вместе с рядом других стихотворений Некрасова и вшлечены в испещренный многочисленными поправками и вставками цензурных купюр сборник 1856 года».¹

В настоящее время этот экземпляр «Стихотворений» хранится в библиотеке Института литературы АН УССР. Экземпляр принадлежал М. М. Лазаревскому (1818—1867): на переплете вытиснено «М. Л.», на форзаце подпись «М. Лазаревский». Рукописные поправки и вставки в этом экземпляре, вероятно, принадлежат ему же.²

На вшитых в эту книгу листах переписаны также стихотворения «Белинский», «Среди моих трудов досадных...», «Когда горит в твоей крови...», «Зачем насмешливо ревнуешь...», «Старушке», «Еще скончался честный человек...», «Наследство», «Детство». Все переписанные стихотворения, кроме «Труженика», несомненно принадлежат Некрасову, о чем свидетельствуют, в частности, некрасовские автографы, к настоящему времени разысканные.³ Известно несколько автографов поэмы «В. Г. Белинский». Автографы же остальных стихотворений имеются в так называемой «Солдатенковской тетради» (которую поэт передал московскому книгоиздателю К. Т. Солдатенкову в июне 1855 г.), — она была найдена и опознана в 1941 г.⁴ Возможно, что «Солдатенковская тетрадь» и является первоисточником большинства этих текстов. Однако стихотворения «Труженик» в ней нет.

¹ Некрасов Н. А. Неизданные стихотворения. «Публикация С. Рейсера». — Звезда, 1938, № 1, с. 168.

² М. М. Лазаревский — брат В. М. Лазаревского, известного цензурного деятеля, с которым Некрасов поддерживал личные отношения в 1868—1874 гг. Однако нет оснований полагать, что рукописные вставки в рассматриваемой книге сделаны кем-то из семьи Лазаревских по указанию самого Некрасова: во-первых, сделаны они, видимо, до знакомства Некрасова с В. М. Лазаревским (см. об этом ниже); во-вторых, среди этих текстов — второстепенные, забракованные поэтом произведения («В альбом», «Наследство» и т. п.), которые он вряд ли стал бы передавать своим знакомым в 1860—1870-х годах.

³ Что касается стихотворения «Старушке», то оно было и опубликовано самим Некрасовым (Отечественные записки, 1845, № 9).

⁴ Об обстоятельствах разыскания этой тетради см.: Некрасов, I, 509.

Заметим, кстати, что в экземпляре М. М. Лазаревского «Труженик» переписан после других стихотворений — не потому ли, что он взят из другого источника?⁵

Стихотворения, вплетенные в экземпляр М. М. Лазаревского, были переписаны, вероятно, в то время, когда книга некрасовских «Стихотворений» была причислена к запрещенной литературе (с конца 1856 по начало 1861 г.): в ту пору стихи Некрасова распространялись в большом количестве рукописных списков.⁶

Публикуя стихотворение «Труженик», С. А. Рейсер связывал его содержание с пребыванием Некрасова на даче у Герцена в Соколове (под Москвой) летом 1845 г., с теми спорами о науке, о цели жизни и т. п., которые там происходили: «Публикуемое неизданное стихотворение „Труженик“ относится, по-видимому, к этому времени и, быть может, является непосредственным отзвуком соколовских бесед и споров, к которым начинающий Некрасов внимательно прислушивался, может быть, не все понимая в сложной философской терминологии друзей».⁷

Последняя оговорка существенна: смысл опубликованного стихотворения был не вполне ясен. Непонятными были уже начальные строки:

Я слушал, о мой друг, их пошлые рассказы
И твой постигнул приговор.
Я в свете бегал их, как гибельной заразы,
И отвращал от них свой взор.

Включая стихотворение в собрание сочинений Некрасова, К. И. Чуковский поместил его под рубрикой «Неизвестных годов», а в примечании указал: «И по мыслям, и по фактуре стиха, и по фразеологии оно примыкает к циклу стихов 1838—1840 гг.» (I, 625).

В издании Некрасова, вышедшем в «большой серии» «Библиотеки поэта», оно датировано: «Конец 1830-х или начало 1840-х годов».⁸ В рецензии на это издание М. М. Гин утверждает, что здесь из свода стихотворений Некрасова «исключено стихотворение „Труженик“ («Я слушал, о мой друг, их пошлые рассказы...»), принадлежащее, как выяснилось, В. Зотову, а не Некрасову».⁹

Вопреки этому утверждению, «Труженик» в издании «Библиотеки поэта», как только что говорилось, был помещен. Однако следует согласиться с М. М. Гином, что стихотворение принадлежит не Некрасову, а В. Р. Зотову.

В этом убеждает недавняя статья А. Ф. Крошкина, который установил, что «Труженик» входит в «философическую сказку» «Жизнь и люди», опубликованную еще в 1843 г. в альманахе «Статьки в стихах. Без картинок». Правда, сам А. Ф. Крошкин сделал совсем другой вывод: считая «Труженика» принадлежащим Некрасову, он приписал ему и другие стихотворные отрывки, входящие в «философическую сказку», в частности

⁵ Копия «Труженика» недавно обнаружена среди текстов, вписанных в еще один экземпляр той же книги: Некрасов Н. Стихотворения. М., 1856. Здесь «Труженик» приписан также в конце, рядом со стихотворением «Шарманка», Некрасову не принадлежащим (см.: Тарасов А. Ф. О сборниках Стихотворений Н. А. Некрасова 1856 года с рукописными вставками. — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы, вып. IV. Ярославль, 1975, с. 262—279).

⁶ См. об этом: Гаркави А. М. Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX века. — Учен. зап. Калнинградского пед. ин-та, 1957, вып. 3, с. 221—229.

⁷ Звезда, 1938, № 1, с. 168.

⁸ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 3. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 335.

⁹ Гин М. Некрасов в «Библиотеке поэта». — Вопросы литературы, 1968, № 11, с. 203.

словесные «портреты» чиновника и помещика, которые, по его мнению, перекликаются с поэзией Некрасова как своей социальной остротой, так и особенностями размера и фразеологии.¹⁰

Однако подобные доказательства являются весьма зыбкими. Так, размер куплетов чиновника в сказке «Жизнь и люди» (трехстопный ямб с чередованием дактилических и мужских рифм) — это не только размер некрасовского «Говоруна», но и один из распространенных размеров водеvilльных куплетов той поры; он встречается в пьесах многих авторов («Чиновник по особым поручениям» П. А. Каратыгина, «Петербургские квартиры» Ф. А. Кони, «Герои преферанса, или Душа общества» П. И. Григорьева и др.).

Между тем в своих мемуарах В. Р. Зотов совершенно недвусмысленно указал, что сказка «Жизнь и люди», включенная во второй том «Статеек в стихах», была написана им единолично: «В этой же книжке была помещена моя фантастическая сказка „Жизнь и люди“». ¹¹ И дальше, касаясь отрицательных типов русского общества, Зотов вновь писал о своем авторстве: «У меня было таких представителей девять. . .». Мемуарист подробно рассказал, как хлопотал он о цензурном дозволении своей сказки, причем не сделал никакой оговорки относительно «Труженника»: «В типах актрисы, сочинителя, льва, барышни, труженника цензор не делал существенных урезок». ¹²

Свидетельство В. Р. Зотова заслуживает полного доверия. Зотов, конечно, не стал бы скрывать весьма почетное для него соавторство с таким прославленным поэтом, как Некрасов, если бы такой факт имел место. С другой стороны, он не мог приписать себе стихи Некрасова, так как плагиат такого рода легко бы обнаружился.

Предположение об авторстве Некрасова должно быть отклонено и потому, что «Труженник» представляет собою не самостоятельное стихотворение, а лишь отрывок сказки В. Р. Зотова, тесно связанный с ее содержанием. Мы приводили начало стихотворения. В сказке оно читалось несколько иначе:

Я слышал, жизни дух, пустых теней рассказы
И твой постигнул приговор. . .

и т. д.¹³

Это были слова «труженника», обращенные к некоему персонифицированному «духу жизни»; здесь говорилось о «пустых тенях» — отрицательных типах русской действительности, осужденных «духом жизни» на вечное забвение. Взятые вне контекста и несколько переделанные (вместо «жизни дух» — «о мой друг», вместо «пустых теней» — «их пошлые»), эти стихи утратили свой смысл.

2. «ЖЕНЩИНА, КАКИХ МНОГО»

Стихотворение «Женщина, каких много» («Она росла среди перин, подушек. . .») опубликовано без подписи в вышедшем под редакцией Н. А. Некрасова альманахе «Первое апреля» (СПб., 1846).

¹⁰ Крошкин А. Ф. Об участии Н. А. Некрасова в создании поэмы «Жизнь и люди». — В кн.: Таганрогский пединститут. Доклады восьмой научно-теоретической конференции (серия филологических наук), т. II. Ростов н/Д., 1966, с. 61—69.

¹¹ Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах. (Выдержки из автобиографических заметок). — Исторический вестник, 1890, № 2, с. 339.

¹² Там же, с. 340.

¹³ Статейки в стихах. Без картинок. Т. 2. СПб., 1843, с. 20.

После смерти Некрасова оно было перепечатано в статье В. Горленко «Литературные дебюты Некрасова».¹⁴ В. Горленко имел в своем распоряжении документальные свидетельства о принадлежности Некрасову некоторых произведений (в частности, рецензий); эти свидетельства он привел в своей статье. Однако никаких данных для атрибуции стихотворения «Женщина, каких много» в его статье нет. Он писал лишь: «Кроме эпиграмм, пародий и известной пьесы „Перед дождем“, в этом сборнике («Первое апреля», — А. Г.) обращает на себя внимание весьма недурное стихотворение: „Женщина, каких много“. Вот оно»,¹⁵ после чего полностью привел текст стихотворения.

В 1920 г. оно было впервые включено в собрание сочинений Некрасова — как произведение, бесспорно ему принадлежащее,¹⁶ и с тех пор много раз перепечатывалось в изданиях Некрасова, опять же без оговорок. Лишь в издании, вышедшем в 1967 г. в «большой серии» «Библиотеки поэта», оно помещено в разделе «Стихотворения, приписываемые Некрасову» наряду с некоторыми другими стихотворениями, анонимно напечатанными в сборнике «Первое апреля». В общем для всех таких стихотворений примечание указано: «Предположительно приписывается Некрасову, поскольку большая часть стихотворений в „Первом« апреля» несомненно принадлежит ему <...>; о сотрудничестве же других поэтов в альманахе сведений нет».¹⁷ После этого, однако, «Женщина, каких много» продолжает перепечатываться как бесспорное стихотворение Некрасова.¹⁸

В книгах и статьях о Некрасове (В. Е. Евгеньева-Максимова, К. И. Чуковского, Б. Я. Бухштаба и других исследователей) стихотворение неизменно расценивалось как подлинно некрасовское.

Антикрепостническая направленность стихотворения, а также один из основных его мотивов — погружение человека в болото обыденности, засасывание его пошлой средой — характерны для натуральной школы 1840-х годов. Отнюдь не исключая предположения об авторстве Некрасова, мы считаем, что вопрос об атрибуции стихотворения должен быть поставлен в связь с традициями натуральной школы. Во всяком случае разработка этого вопроса в названном аспекте может способствовать более глубоко к осмыслению стихотворения.

Автором стихотворения мог быть, например, И. С. Тургенев. В ту пору (в 1845—1846 гг.) он был одним из представителей натуральной школы, близких к Белинскому и Некрасову. Несколько его произведений (в том числе стихотворений) было помещено в печатавшемся примерно одновременно с альманахом «Первое апреля» «Петербургском сборнике» (также под редакцией Некрасова).

Антикрепостническая направленность присуща тогдашней поэзии Тургенева (в частности, поэме «Помещик», появившейся в «Петербургском сборнике»). Чрезвычайно характерен для тургеневской поэзии и мотив засасывания молодого человека пошлой окружающей средой: здесь следует вспомнить поэмы «Параша» и «Андрей», стихотворение «Человек, каких много» и др.

¹⁴ Отечественные записки, 1878, № 12. См. также: Некрасов Н. А. Стихотворения. Посмертное издание. Т. IV. СПб., 1879.

¹⁵ Некрасов Н. А. Стихотворения. Посмертное издание. Т. IV, с. CLXIX.

¹⁶ См.: Некрасов Н. А. Стихотворения. Изд. исправл. и доп. Под ред. К. И. Чуковского. Пг., ГИЗ, 1920, с. 525—526.

¹⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 1. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 671.

¹⁸ См.: Некрасов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 1. М., «Худож. лит-ра», 1971, с. 67—68.

Последнее из названных стихотворений (опубликованное в № 11 «Отечественных записок» за 1843 г.) близко напоминает «Женщину, каких много» — и по названию, и по содержанию, и по стилю, и по композиции.

Персонажи обоих стихотворений — дворяне. В стихотворении «Человек, каких много» выведен типичный дворянин (на его типичность указывает само заглавие), в стихотворении «Женщина, каких много» — типичная дворянка. Таким образом, «Женщина, каких много» является как бы «женским вариантом» к стихотворению «Человек, каких много».

В обоих стихотворениях передаются биографии персонажей. Авторское отношение к персонажам одинаковое — явно ироническое. В жизни каждого персонажа намечены два этапа; соответственно каждое стихотворение членится (по содержанию) на две части.

В первой части каждого стихотворения речь идет о юности человека, выросшего в барском доме и предающегося беспочвенным мечтаньям.

В «Человеке, каких много»:

Он вырос в доме старой тетки
Без всяких бед...
< >
Стал предаваться безотчетным
«Мечтам и снам».
Он слезы лил; добросердечно
Бранил толпу
И проклинал бесчеловечно
Свою судьбу.¹⁹

Здесь не только насмешка над пустой мечтательностью обеспеченного бездельника, но и явное пародирование штампов эпигонского романтизма.

То же самое в «Женщине, каких много»:

Она слыла девицей идеальной;
Имела взгляд глубокий и печальный;
Сидела под окошком по ночам —
И на луну глядела неотвязно,
Болтала лихорадочно, несвязно...
Торжественно молчала по часам. —

Въедалась в немецкие книжонки,
Влюблялась в прекрасные душонки —
И тотчас отрекалась... навсегда...
Благословляла, плакала, вздыхала,
Пророчила, страдала... все страдала!!!
И пела так фальшиво, что беда.

(I, 387)

Сходно содержание и вторых частей стихотворений: женитьба (или, соответственно, замужество), отказ от мечтаний юности, превращение в самого заурядного помещика (помещицу).

О «человеке, каких много» говорится:

Потом женился на соседке,
Надел халат
И уподобился насадке —
Развел цыплят.

А вот что стало с «женщиной, каких много» после того, как она вышла замуж за «барина простого»:

Печальная, чувствительная Текла
Своих людей не без отрады секла;

¹⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. I. М.—Л., 1960, с. 45.

Играла в карточки до петухов,
Гусями занималась да скотиной —
И было в ней перед ее кончиной
Без малого — четырнадцать пудов.

Эти аналогии (их можно было бы дополнить и детализировать) указывают на существование связи между двумя стихотворениями. И не случайно К. И. Чуковский оценивал стихотворение «Женщина, каких много» как «отголосок стихотворения Тургенева „Человек, каких много“» (I, 607).

Еще одна деталь. В стихотворении иронически говорится об увлечении героини германским романтизмом:

Въедалася в немецкие книжонки,
Влюблялася в прекрасные душонки...

Как указал Б. Я. Бухштаб, здесь содержится насмешка над романтическим понятием «прекрасная душа» (от немецкого «schöne Seele»).²⁰ Заметим, кстати, что Тургенев иронизировал над тем же самым понятием в «Человеке, каких много»: «... с душой своей прекрасной Не совладев...» и т. д.

Стихотворение «Женщина, каких много» перекликается и с другими произведениями Тургенева.

По весьма убедительному предположению Бухштаба, в «Женщине, каких много» отразилась та общая атмосфера увлечения германским романтизмом, которая была характерна для «премухинского гнезда» Бакуниных. Бухштаб сообщает, что Тургенев дважды воспроизвел эту атмосферу в своем творчестве: в рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник» (1847) и в романе «Рудин» (1855).²¹ Тургенев, как известно, был близок к семье Бакуниных, хорошо знал их быт. В рассказе этот быт обрисован иронически, т. е. в той же тональности, что и в стихотворении «Женщина, каких много».

Говоря об этом стихотворении, Бухштаб пишет: «Даже специфическая роль музыки и пения в „премухинской гармонии“ схвачена Некрасовым». И далее: «Отмечу еще, что стих „Имела взгляд глубокий и печальный“ перефразирует стих „И твой глубокий, грустный взгляд“ из стихотворения Тургенева „Когда с тобой расстался я...“, написанного и напечатанного в 1843 году и обращенного к Татьяне Бакуниной».²²

Установив эти совпадения, Бухштаб объясняет их так: «Ближайший конфидент Белинского, близкий в ту пору и с Тургеневым, Некрасов без сомнения хорошо представлял себе с их слов дух семьи Бакуниных...» и т. д.²³

О том, что в стихотворении «Женщина, каких много» сказалось ироническое отношение автора к немецкой литературной романтической традиции, свидетельствует и имя героини — Текла. Теперь установлено, что это имя заимствовано у Шиллера: «Текла — имя героини драматической трилогии Ф. Шиллера „Валленштейн“ (1796—1799), популярный образ идеальной девы, воспетой многими поэтами-романтиками».²⁴

Как известно, обостренный интерес к немецкой литературе, к немецкому романтизму был характерен опять-таки для Тургенева.

²⁰ См.: Бухштаб Б. Я. Сатира Н. А. Некрасова в 1846—1847 годах. — Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 18.

²¹ Там же, с. 18—19.

²² Там же, с. 20.

²³ Там же.

²⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 1, с. 671.

По фактуре стиха стихотворение «Женщина, каких много» также в какой-то мере перекликается с тургеневской поэзией. Оно написано пятистопным ямбом, без каких-либо отклонений от этого размера, и притом правильными шестистишиями, с однотипной рифмовкой. Точность соблюдения метра в многостопных стихах и тяга к сложным твердым строфам были свойственны поэзии Тургенева.

Однако преждевременным и слишком категоричным был бы вывод, что автором этого стихотворения следует считать не Некрасова, а Тургенева. Ведь возможно и другое предположение: в стихотворении, назначавшемся для «комического» альманаха, Некрасов мог сознательно имитировать особенности тургеневской поэзии. Для такого предположения также имеются известные основания. Некрасов и Тургенев находились в ту пору в дружеских отношениях, и в их творческих исканиях было много общего. В стихах того времени Некрасов не раз использовал «тургеневские» мотивы и выражения.

Например, Тургенев писал в «Параше»:

...наши добрые отцы
Любили яблоки — да огурцы,²⁵

а Некрасов вторил этому в «Чиновнике»:

...Блаженные отцы
И деды наши пировать любили,
Весной садили лук да огурцы...

(I, 197)

У Тургенева в «Параше»: «А кажется, хохочет сатана», «Но все ж мне слышен хохот сатаны»;²⁶ у Некрасова в стихотворении «Стишки! стишки! давно ль и я был гений?..»: «И не смолкал тот сатанинский хохот...» (I, 200).

Надо также учесть, что стихотворение Тургенева «Человек, каких много» привлекло особое внимание Некрасова. Большую цитату из этого стихотворения он поставил эпиграфом к одной из глав своего романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (VI, 255). Как установил Бухштаб, со стихотворением Тургенева перекликается и характеристика запоздалых романтиков, данная Некрасовым в одной из рецензий 1847 г.²⁷ А когда в своем «Чиновнике» Некрасов писал: «Любил шепнуть в антракте плотной даме...» (I, 197), то, надо полагать, он использовал излюбленный «тургеневский» эпитет (ср. в стихотворении «Человек, каких много»: «В семнадцать был он малым плотным...»)²⁸.

Поэтому правомерно и такое предположение: в стихотворении «Женщина, каких много» Некрасов мог сознательно копировать, имитировать поэтическую манеру Тургенева. Ведь он был мастером пародий, перепевов, разнообразных поэтических имитаций, о чем свидетельствуют не только его многочисленные пародии 1840-х годов, но и «подражания» Лермонтову («Колыбельная песня», «И скучно, и грустно!», «Клянусь звездой полуночной...» и др.), и дружеские поэтические шутки-имитации (типа выдержанного «в духе Фета» стихотворения «Лето»).

Таким образом, вопрос об авторстве стихотворения «Женщина, каких много» нельзя считать полностью решенным, и потому в академическом издании сочинений Некрасова это произведение следует включить в раздел «Dubia».

²⁵ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. I, с. 75.

²⁶ Там же, с. 98.

²⁷ См.: Бухштаб Б. Я. Сатира Н. А. Некрасова в 1846—1847 годах, с. 14.

²⁸ Ср. также в «Параше»: «...супругой плотной Обзавелся...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. I, с. 76).

Б. Л. Бессонов

ОБ АВТОРСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РОМАНА
«ТРИ СТРАНЫ СВЕТА»

1

Роман «Три страны света», подписанный Н. А. Некрасовым и Н. Н. Станицким (псевдоним А. Я. Панаевой, по второму браку Головачевой), дошел до нас лишь в печатных редакциях (1849, 1851, 1872). Не сохранилось ни рукописей, ни корректур, ни других документов, по которым можно было бы разграничить авторский вклад каждого из участников. Не проясняют проблему и мемуарные эпистолярные материалы, очень немногочисленные. Может быть, поэтому вопрос об авторской принадлежности отдельных глав романа освещен в исследовательской литературе крайне скупо — две реплики в работах 1923 г., комментарий 1948 г. к VII тому «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова и несколько статей последующего времени, опирающихся в основном на этот комментарий.

«Трудно определить, — пишет П. П. Гнедич, — где кончается Головачева, где начинается Некрасов».¹ К. И. Чуковский утверждает нечто противоположное: «Теперь достаточно известно, что написано ею и что написано им», но ограничивается декларативным указанием на немногие главы романа.² Комментаторы VII тома — В. Е. Евгеньев-Максимов и А. Н. Лурье — называют возможного автора каждой из глав романа, но при этом оговариваются, что предложенная ими атрибуция «весьма приблизительна», поскольку для точного ответа у них «не имеется данных» (VII, 826).³

Комментарий к VII тому требует специального рассмотрения как в отношении принятой в нем методики атрибуции, так и по конкретным заключениям к каждой главе в отдельности.

¹ Гнедич П. П. Некрасов как прозаик. — В кн.: *Sertum bibliologicum*. В честь А. И. Малеина. Пб., 1922, с. 250.

² Чуковский К. Некрасов и деньги. — *Былое*, 1923, № 22, с. 68. См. также варианты этой статьи, озаглавленные «Тема денег в творчестве Некрасова» (Чуковский К. Люди и книги. М., 1960) и «Тарбагатай» (Чуковский К. 1) Некрасов. Л., 1926; 2) Рассказы о Некрасове. М., 1930), датированные соответственно 1921 и 1949 гг.

³ См. также: Евгеньев-Максимов В. Е. 1) «Три страны света» Некрасова. — В кн.: Ленинградский ордена Ленина университет. Научная сессия 1945 г. (16—30 ноября 1945 г.). Тезисы докладов на секции филологических наук. Л., 1945, с. 24; 2) Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 2. М.—Л., 1950, с. 126 (на с. 124 автор сообщает о том, что им закончена книга, специально посвященная «Трем странам света»); разрозненные материалы этой книги см.: Музей-квартира Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, № 16, ед. хр. 6); Лурье А. Н. Романы и повести Н. А. Некрасова. (Автореферат). Л., 1961, с. 9—10.

Методика атрибуции, принятая комментаторами VII тома, основывается на трех показателях: 1) соответствие общему характеру творчества данного автора; 2) отражение фактов писательской биографии; 3) мемуарные, эпистолярные и библиографические данные.

В тех случаях, когда атрибуция основывается на определенных представлениях об общем характере творчества каждого из авторов, комментаторы предлагают уверенные решения: Некрасов «твердо стоит на позициях реалистического изображения действительности в духе натуральной школы», в то время как «его соавтор, Панаева, прибегает к приемам творчества, которые характеризуют стиль эпигонов романтизма» (VII, 840). В соответствии с этим тезисом в романе условно выделяются две линии: путешествия Каютина и приключения Полинки; автор путешествий Каютина, по словам комментаторов, «стремится к широкому показу современной жизни разных социальных слоев», и поэтому «можно сказать с уверенностью», что этим автором был Некрасов; в остальных главах романа «главный интерес автора составляют переживания преследуемой горбуном Полинки, козни горбуна против девушки, ультраромантическая история его предшествующей жизни», и поэтому «не остается сомнений, что эта часть романа <...> принадлежит перу Панаевой» (VII, 828).

Комментаторы VII тома не приводят примеров из ранних произведений Некрасова и Панаевой, и это вряд ли случайно. Повесть и рассказы Панаевой, опубликованные непосредственно перед появлением романа «Три страны света», с таким же основанием могут быть названы реалистическими, как и некрасовские повести и рассказы 1840-х годов. Это не исключает стиливых вкраплений романтического свойства. Однако и в этом плане панаевская проза вовсе не противостоит некрасовской, где таких вкраплений по крайней мере не меньше. Если бы дело обстояло иначе, сама идея соавторства едва ли могла бы возникнуть.

В комментариях жестко разграничиваются главы с социальным содержанием и «ультраромантические истории». Между тем из самих комментариев видно, что такое разграничение искусственно. Называя, например, «Историю горбуна» (часть 7-я) «ультраромантической», атрибутируя ее на этом основании Панаевой и противопоставляя ее в этом качестве «широкому показу современной жизни разных социальных слоев» в некоторых других частях романа, комментаторы VII тома вступают в противоречие с той интерпретацией «Истории горбуна», которую они сами дают ниже. Именно в 7-й части ими отмечены сильно выраженная «нота социального протеста», «крайне отрицательная характеристика русской аристократии, скрытая «антикрепостническая» тенденция, «мысль о нравственной несостоятельности отношений, существующих между крестьянами и барями-аристократами» (VII, 835—836). При этом нигде не говорится, что «История горбуна» написана лишь одной Панаевой: всюду употребляется слово «авторы».

Отражение фактов некрасовской биографии в отдельных главах романа побуждает комментаторов VII тома внести ряд дополнений и оговорок к атрибуции, сделанной ими же на основе общих предварительных представлений о творчестве Некрасова и Панаевой. Некрасову, как знатоку «петербургских углов», дополнительно атрибутируется глава, действие которой происходит на окраине Петербурга (ч. 1-я, гл. I), а также главы, изображающие книгопродавца Кирпичова и его магазин (ч. 1-я, гл. V; ч. 2-я, гл. IV, V; ч. 6-я, гл. I—IV), ибо, по утверждению Евгеньева-Максимова и Лурье, только Некрасов мог по личным впечатлениям писать о деятелях книжной торговли. Кроме того, особо выделяются — как некрасовские — VI глава второй части, где среди прочих персонажей

фигурирует Кирпичов, и I и II главы части четвертой (автобиографический образ «молодого человека», сцены в мастерской и на Сенном рынке).

Несмотря на явные и неоднократные переключки с биографией Некрасова, некоторые из названных глав атрибутируются ему лишь частично, ибо биографический показатель авторства не вполне подкрепляется поэтико-стилистическим. Так, о VI главе второй части говорится: «...сцена в магазине Кирпичова между хозяином и приказчиком написана, вероятно, Некрасовым, а остальная часть главы — Панаевой» (VII, 830). Это предположение обосновывается тем, что, кроме сцены в магазине Кирпичова, в главе есть сцена с участием горбуна, а сюжетная линия последнего, как полагают комментаторы, выдержана в духе эпигонского романтизма и поэтоу несомненно принадлежит Панаевой. О необоснованности такого разграничения уже говорилось выше. В данном случае оно представляется тем более искусственным, что в рассматриваемой главе сюжетные линии Кирпичова и горбуна нераздельны: Кирпичов обсуждает с приказчиком дела своего магазина, горбун беседует с тем же приказчиком о делах Кирпичова; в обеих сценах развивается один и тот же сюжет и активно действует одно и то же лицо.

Лишь частично, в пределах биографических соответствий, атрибутируются Некрасову и некоторые другие упомянутые выше главы (ч. 4-я, гл. I, II). Полагая, что «в основной своей части эти главы написаны, наверно, Панаевой» (VII, 830), комментаторы ссылаются на письмо Панаевой, написанное сорок лет спустя после первой публикации романа. В этом письме Панаева предполагает включить в задуманное ею собрание сочинений рассказа «Башмачник». В комментариях по этому поводу говорится, что рассказа под таким названием в библиографии Панаевой не числится, но главное действующее лицо названных глав романа — тоже башмачник, и поэтоу эти главы, вероятно, написаны Панаевой. Эта переусложненная аргументация понадобилась, по-видимому, для того, чтобы подкрепить некоторые заданные представления о литературной манере Панаевой.

Мемуарные сведения о романе укрепляют комментаторов в мысли о том, что ряд глав романа написан совместно Некрасовым и Панаевой. Главным источником сведений выступает здесь свидетельство Панаевой в записи А. М. Скабичевского: «...все, касающееся интриги и вообще любовной части романа, принадлежит перу г-жи Панаевой; Некрасов же на свою долю избрал аксессуарную часть, комические сцены, черты современной жизни и описание путешествий Каютина».⁴ Это свидетельство пользуется в комментариях к VII тому полным доверием. Опираясь на запись Скабичевского, а также на основании того факта, что эпизоды любовной интриги постоянно перемежаются в главах романа с комическими сценами и детальным описанием быта и обстановки, комментаторы предполагают, что, помимо глав, указанных выше, Некрасов и Панаева вместе писали Пролог, II—IV главы первой части, I и II главы третьей части, VII—IX главы части восьмой. Не вдаваясь здесь в характеристику названных глав (это будет сделано ниже), заметим, что сведения, сообщаемые Скабичевским, полностью расходятся с данными литературной деятельности Некрасова и Панаевой в годы, предшествовавшие написанию «Трех стран света». Некрасов, как известно, охотно обращался к сюжетам, построенным на любовной интриге; Панаева же постоянно вводила в свои повести и рассказы «черты современной жизни», «детальную аксессуарную часть»; встречаются в ее произведениях и «комические сцены». Трудно себе представить, что, создавая

⁴ Скабичевский А. Соч., т. 2. СПб., 1895, с. 268—269.

«Три страны света», авторы пошли по пути узкой специализации и даже в пределах отдельных глав строго разграничивали свои темы и жанры. Если верить записи Скабичевского, Панаева в работе над главами любовного содержания каждый раз ставила точку там, где нужно было ввести бытовой эпизод или описать обстановку, и призвала на помощь Некрасова; Некрасов же, выполнив свое задание, предоставлял дальнейшее развитие интриги Панаевой. Свидетельство Панаевой в записи Скабичевского рисует неправдоподобную картину совместной работы над произведением.

Большинство атрибуций, предложенных комментаторами VII тома, получило поддержку исследователей. Отдельные разногласия в литературе вопроса свидетельствуют лишь о просторе для субъективных решений при данной методике атрибуции.

Приведем перечень глав, в атрибуции которых исследователи в отдельных случаях расходятся с комментаторами VII тома.

В написании Пролога, говорится в комментариях, принимали участие оба автора. С этим не согласны К. И. Чуковский и К. С. Курова, полагающие, что Пролог целиком принадлежит Панаевой.⁵

Первая глава первой части романа атрибутируется в комментариях Некрасову, в то время как в статье Чуковского указывается на авторство Панаевой.

Согласно комментариям, III глава первой части, а также I и II главы второй части написаны совместно Некрасовым и Панаевой. В работе Куровой участие Некрасова в этих разделах отрицается.

Пятая глава второй части в комментариях значится как некрасовская. Чуковский же не упоминает о ней в перечне глав, принадлежащих Некрасову.

Авторами III главы третьей части комментаторы VII тома считают Некрасова и Панаеву. Чуковский же еще в 1923 г. назвал эту главу «чисто некрасовской» и в дальнейшем от своей точки зрения не отказался.⁶

Наконец, последние три главы восьмой части, созданные, по предположению комментаторов VII тома, Некрасовым и Панаевой, в работе В. Н. Сорокина приписываются только Панаевой, поскольку «положительный идеал Некрасова-демократа» не получил в этих главах, как полагает исследователь, истинного воплощения.⁷

Особо нужно отметить лингвистическое исследование Н. А. Семенова, посвященное художественной прозе Некрасова. Здесь предложена своя методика атрибуции, основанная на наблюдениях над синтаксисом Некрасова и Панаевой: «У Некрасова предложение более распространенное, с большим количеством второстепенных членов, сложноподчиненное, союзное, ритмически более плавное, у Панаевой же фраза короткая, чаще сложносочиненная, с небольшим количеством второстепенных членов предложения и потому ритмически более отрывистая».⁸

⁵ См.: Чуковский К. Тема денег в творчестве Некрасова, с. 291; Курова К. С. Литературная деятельность А. Я. Панаевой (сотрудничество в «Современнике»). Алма-Ата, 1951, с. 9.

⁶ Чуковский К. Тема денег в творчестве Некрасова, с. 291. Ср.: Чуковский К. Некрасов и деньги, с. 68.

⁷ Сорокин В. Н. Роман «Три страны света» (к вопросу о творческом содружестве Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой). — Учен. зап. Винницкого пед. ин-та им. Н. Островского, 1963, т. XXI, с. 36—37.

⁸ Семенов Н. А. Наблюдения над лексикой и фразеологией художественной прозы Н. А. Некрасова. (Автореферат). Киев, 1956, с. 9.

Выводы Семенова имеют под собой определенное основание, но, к сожалению, исследователь ограничивает область своих наблюдений сценами «глубоких психологических драм».

Заканчивая краткий обзор литературы вопроса, приходится, таким образом, констатировать отсутствие развернутых сопоставлений «Трех стран света» с предшествующими произведениями Некрасова и Панаевой и некритическое использование воспоминаний Панаевой в записи А. М. Скабичевского. Обстоятельно атрибутируются лишь те главы, в которых отмечены переключки с ранней биографией и специфическими жизненными наблюдениями Некрасова.

2

Сразу же скажем, что мы не предлагаем методики атрибуции, принципиально отличающейся от той, которая была рассмотрена выше. Вслед за комментаторами VII тома мы обращаемся к произведениям Некрасова и Панаевой, созданным до написания «Трех стран света», и ищем в них вероятные творческие прецеденты; указываем на реалии, восходящие к биографии и жизненному опыту авторов; прибегаем к мемуарным, эпистолярным и библиографическим данным. Но в дополнение к этому пытаемся определить признаки, указывающие на принадлежность атрибутируемых текстов одному и тому же лицу, независимо от того, кто им является — Некрасов или Панаева. Если бы было установлено, что определенная совокупность текстов принадлежит одному и тому же лицу, то переключки с творчеством или биографией одного из интересующих нас авторов в отдельных фрагментах данных текстов говорили бы, по-видимому, о том, что не только эти фрагменты, но и вся данная совокупность текстов принадлежит именно этому автору. Универсальные и бесспорные решения здесь вряд ли возможны, но гипотетически, применительно к каждому конкретному случаю, можно, думается, указать на некоторые признаки относительной «монолитности» текста: на цепочки глав, объединенных в сюжетные линии ведущим героем, и на однотипные художественные решения, применяемые в этих главах.

В литературе вопроса (V, 612) уже отмечалась сюжетная близость «Трех стран света» и раннего рассказа Некрасова «Ростовщик». В обоих случаях старый и уродливый ростовщик домогается близости молодой особы, пользуясь ее беззащитностью. В «Трех странах света» это горбун, преследующий невесту Каютина Полиньку (см.: ч. 1-я, гл. VI; ч. 2-я, гл. I—III, VII; ч. 3-я, гл. V; ч. 4-я, гл. IX; ч. 6-я, гл. VI); в «Ростовщике» — Корчинский, соблазняющий жену перешлетчика Амалию Гинде. Эта аналогия не единственная. Сцена западни и рассказ квартирной хозяйки о том, как она выжила из квартиры умиравшего литератора (ч. 2-я, гл. III), варьируют эпизоды из «Жизни и походов Тихона Тростникова» (ч. 1-я, гл. VII; вариант «Б», гл. I) и «Повести о бедном Климе» (гл. IV).

Но не только переключки с прежними произведениями побуждают предполагать, что названные выше главы принадлежат одному и тому же лицу. Этим главам свойственны устойчивая повторяемость и варьирование некоторых слов и выражений — как общеупотребительных, так и специфических для данного произведения: «тихий смех» (VII, 88, 90, 110; далее при цитатах из романа «Три страны света» указываются только страницы, без тома); «круто спросил» (с. 84, 111); «улыбка дрожала на его <...> губах» (с. 135, 292); «горбун задрожал» (с. 188, 293); «горбун помертвел» (с. 185, 297); «горбун заскрежетал зубами» (с. 185, 192, 297); «горячими губами коснулся он ее волос» и «горячие его губы кос-

нулись ее руки» (с. 137, 395); «лицо <...> передернулось» (с. 85, 132); «с сердцем» (отвечала, сказала, закричала) (с. 114, 298, 563); «зубы были плотно стиснуты <...>, чтоб не вылетел стон» и «стиснув зубы, будто желая остановить стон» (с. 184, 566); «упала на диван и в штофных подушках старалась заглушить свои рыдания» и «упав на кушетку, в бархатных подушках заглушала она свои стоны» (с. 299, 567), и др.

Мы привели далеко не все слова и выражения, повторяющиеся в пределах рассматриваемой сюжетной линии — их очень много, они непреднамеренны и кажутся созданными одним и тем же лицом. Число повторов и вариантов, правда, невелико (2—3 раза на каждый случай), но мы опускаем здесь аналогичные примеры из других сюжетных линий повествования.

Та же картина наблюдается и в других главах с ведущим участием горбуна.

Горбун разоряет и доводит до самоубийства книгопродавца Кирпичова, не зная, что преследует своего сына (ч. 1-я, гл. IV; ч. 2-я, гл. VI; ч. 6-я, гл. X; ч. 7-я, гл. XI). Из названных здесь глав безусловно принадлежит Некрасову первая подглавка VI главы второй части, поскольку в ней изображаются дела и деятели книжной торговли, а этот сюжет, как отмечалось выше, составляет в романе монополию Некрасова. Что же касается линии горбуна—Кирпичова в целом, то она, как и линия горбуна—Полиньки, повторяет сюжетную схему раннего рассказа Некрасова «Ростовщик». Варианты этого мотива — сын не узнает отца, сын не узнает матери — встречаются соответственно в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» (вариант «Б», гл. III) и в «Повести о бедном Климке». Сцена столкновения румяного кавалера с неловким прохожим варьирует аналогичную сцену с Иваном Софроновичем в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова» (ч. 1-я, гл. VII). Исследователи указывают также на сходство между умирающим купцом Назаровым и героем стихотворения «Секрет» (VII, 840).

В дополнение к сказанному укажем на повторяющиеся лексико-фразеологические единицы типа: «потирая руки» (с. 88, 176, 629); «впился глазами» (с. 396, 565, 631); «закрыла лицо руками» (с. 86, 233, 392); «вспыхнул (вспыхнула)» (с. 123, 130, 180); «побагровел» (с. 132, 626); «искоса поглядел» (с. 256, 298, 690); «вздрогнул (вздрогнула)» (с. 184, 299, 713); «слезы блеснули в ее глазах» (с. 86, 129); «принужденно смеялся», «с принужденной улыбкой» (с. 109, 179); «задышающимся голосом» (с. 122, 139, 188, 297); «кровь бросилась (хлынула) <...> в голову» (с. 139, 190), и т. п.

Особое место в сюжетной линии горбуна занимают девять первых глав седьмой части, объединенных под названием «История горбуна», и непосредственно связанная с этими главами первая подглавка Пролога. Незаконный сын вельможи и крепостной, горбун влюбляется в свою госпожу, признается ей в своих чувствах и с позором изгоняется из ее дома. Здесь нет ощутимых сюжетных переключек с предыдущими произведениями Некрасова и Панаевой. Биографические соответствия редки и притом равно соотносимы с опытом обоих авторов. Но, как и в главах, о которых говорилось выше, здесь множество текстуально совпадающих характеристик, побуждающих связывать текст с каким-то одним исполнителем: «рвал (рвала) на себе волосы» (с. 194, 642); «волосы стояли дыбом» (с. 394, 653), «горб его сделался огромен (казался огромным)» (с. 138, 653); «мелькали лица» (с. 175, 395, 672); «стон вырвался (вылетел) из его груди» (с. 137, 681); «горб его, казалось, колыхался от судорожных движений», «грудь и горб его судорожно колыхались» (с. 137,

689); «как безумный (безумная)» (с. 297, 638); «больная начала метаться (металась)» (с. 10, 644); «с жаром поцеловала (поцеловал)» (с. 8, 139, 690), и т. п.

Допустимо предположить, что не только «История горбуна», но и все главы с ведущим участием этого персонажа написаны одним и тем же лицом, так как в этих главах (они были рассмотрены выше) неоднократно встречаются эпизоды, предвосхищающие и подготавливающие «Историю горбуна».

Сюжетная линия горбуна вплетается в цепочки глав с ведущим участием других персонажей, в том числе Кирпичова и Полинки.

Главы, повествующие о Кирпичове (ч. 1-я, гл. V; ч. 2-я, гл. IV—VI; ч. 6-я, гл. I—IV; ч. 7-я, гл. X), несомненно должны принадлежать Некрасову — в силу его личного знакомства с миром книжной торговли (VII, 830). О Некрасове как авторе говорят и творческие переключки. Так, в V главе первой части встречаются персонажи, реалии, сюжетные ситуации, перешедшие из «Жизни и походов Тихона Тростникова»: женский магазин, принадлежащий немке; мрачный господин, преподносящий девице стихи, написанные другим. В X главе седьмой части фигурирует излюбленный персонаж позднейших некрасовских стихотворений — ванька на измученной кляче.⁹ Здесь же герой одной из предыдущих глав, безусловно принадлежащих Некрасову, — персиянин Кахар.

Многочисленны и текстуальные повторения: «залился (заливаясь) <...> звонким смехом» (с. 55, 87); «лукаво щурился (прищурился)» (с. 55, 86); «миниатюрные <...> и нежные черты» (с. 53, 659); «светлый добродушный взгляд (взор)» (с. 55, 64); «Твердо сказала (произнес)» (с. 57, 62, 79); «побледнел (бледная), как смерть» (с. 68, 86, 359); «раздирающим голосом» (с. 295, 715); «нетвердым голосом» (с. 68, 86, 359); «размахивая руками, он рассуждал вслух», «размахивал руками и говорил сам с собою» (с. 174, 515); «странная улыбка» (с. 50, 98, 703); «слезы падали на детскую головку (на их головки)» (с. 58, 711); «мрачная площадь, среди которой местами блестели едва заметные точки — отражение огней», «мрачная даль, в которой едва заметными точками блестели фонари» (с. 393, 711), и т. п.

Возьмем сюжетную линию Полинки. Сюда относятся главы, рассказывающие о ее побеге из западни, подстроенной горбуном, о пребывании в доме Бранчевской, о встрече с рябой Дарьей, разъясняющей Полинке тайну ее рождения (ч. 4-я, гл. III, VIII; ч. 6-я, гл. VII—IX). Эти главы вводят нас в специфический мир ранней некрасовской прозы. Здесь и «петербургские углы», и уличный музыкант, и старуха-старьевщица, и ворующий мальчик. Здесь же и беспрецедентное в русской литературе описание крестьянской семьи — своего рода прелюдия к чеховским «Мужикам». Укажем, наконец, на явное сходство между рябой Дарьей (в молодости) и Матильдой («Жизнь и похождения Тихона Тростникова», ч. 1, гл. VII): и та и другая сироты, превратившиеся по воле своих опекунов в содержанок; обе прогоняют стариков, которым они достались, обе влюбляются в бедных молодых людей свободной профессии. И еще одна переключка — Катя (мать Полинки) и Александрина из рассказа Некрасова «Жизнь Александры Ивановны». Александрина, девушка из бедной семьи, сделалась любовницей молодого аристократа; когда он с ней порвал, она вернулась домой и вскоре умерла от нужды и горя. Такова, в схеме, и история Полинкиной матери. Кроме того, Александрина оказывается незаконной дочерью графини.

⁹ См.: Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 2. М.—Л., 1950, с. 152; см. также с. 137.

Вариант этого сюжета мы находим и в сюжетной линии Полиньки: помещица Бранчевская подозревает, что Полинька — ее незаконнорожденная дочь.

Главам, образующим сюжетную линию Полиньки, сопутствует ряд лексико-фразеологических «матриц»: «холодный пот» (выступающий на лице, на лбу) (с. 238, 336, 360, 573); «холодный ветер (воздух) пахнул <...> в лицо» (с. 291, 336, 694); «глаза, еще полные слез» (с. 86, 330, 584); «с минуту длилось молчание» (с. 9, 384, 584, 689); «тишина была страшная» (с. 385, 625); «умоляющий голос» (с. 331, 712); «забила в ладоши и залилась диким смехом», «забил в ладоши, дико засмеялся» (с. 600, 653); «злая улыбка» (блуждающая на губах) (с. 396, 585); «на его <...> впалых щеках выступил (показался) багровый (яркий) румянец» (с. 314, 587); «улыбка удовольствия разлилась по его лицу» (с. 180, 593); «лицо было красно (бледно), глаза опухли» (с. 599, 697), и др.

Обращаемся к сюжетной линии Тульчинова (вторая подглавка Пролога; ч. 3-я, гл. VI; ч. 4-я, гл. I, II; ч. 6-я, гл. X) — персонажа, которому отведена роль праведного судьи и покровителя обездоленных и обиженных (воспитание подкинутого младенца — будущего книгопродавца Кирпичова; помощь глухонемому пастуху — будущему башмачнику Карлу Ивановичу; изобличение горбуна). Особенного внимания заслуживают здесь эпизоды I главы четвертой части. Изображенная в этой главе загородная местность соединяет в себе признаки хорошо знакомых Некрасову Парголово (см., например, фельетон Некрасова «Петербургские дачи и окрестности») и Токсова. Кашляющий молодой человек своим обликом и суждениями напоминает отчасти Белинского, отчасти самого Некрасова (см.: VII, 313—315, 830). Рассказ молодого человека о страхе перед голодом, сохранившемся с юности; эпизод с голодным мальчиком, которого праздные господа угощают ветчиной с сахаром, — сюжеты типично некрасовские.

Лексико-фразеологические стереотипы, употребляемые в рассматриваемых главах, их тождество стереотипам, употребляемым в главах, рассмотренных выше, делают допустимым предположение о том, что автором этих глав было одно и то же лицо: «тоскливо осматривалась (прислушивался, вытягивала шею)» (с. 185, 215, 304); «остолбенел» (с. 15, 126, 316, 661); «оторопел» (с. 120, 320); «улыбка озарила <...> лицо» (с. 316, 584); «строго спросил (сказал)» (с. 17, 191, 302); «повелительно сказал (сказала)» (с. 181, 185, 306), и т. д.

Сюжетная линия башмачника Карла Ивановича (ч. 1-я, гл. III, VII; ч. 2-я, гл. II, VII; ч. 3-я, гл. VI; ч. 4-я, гл. I—IV; ч. 6-я, гл. V; ч. 8-я, гл. V, VIII) проходит через многие главы романа, несмотря на то что этот персонаж подобно Тульчинову не относится к числу главных. Безнадёжно влюбленный в Полиньку, башмачник помогает Тульчинову пресечь козни горбуна — к этому сводится его роль в романе. Две главы (ч. 4-я, гл. I, II) посвящены биографии Карла Ивановича. В них явственно ощущаются отголоски ранней биографии Некрасова и мотивы его позднейших произведений. О I главе мы уже говорили в связи с Тульчиновым. Во II главе примечательны описание детского труда в мастерской (ср. «Плач детей» и «О погоде») и сцены на Сенной площади.

Из главы в главу переходят однотипные выражения: «воздух освежил его (ее)» (с. 104, 396); «Полинька вспыхнула, потом снова побледнела», «лицо башмачника все вспыхнуло, потом стало еще бледнее», «лицо его бледнело, то вспыхивало» (с. 102, 120, 694); «отчаянным голосом спросила (закричала, сказал)» (с. 104, 194, 662); «дрожащий голос» (с. 101, 139, 180); «хотел крикнуть (хотела вскрикнуть), но голоса не достало»

(с. 96, 193); «дрожа всем телом» (с. 99, 336, 578); «дико закричала (закричал)» (с. 8, 345, 649); «как сумасшедший (сумасшедшая)» (с. 103, 183); «мертвая бледность <...> распространилась по его лицу», «постепенно мертвело лицо» (с. 300, 631), и т. д.

Сюжетная линия Каютина — за вычетом глав, описывающих путешествие по трем странам света, — развита в первой (гл. I, II) и последней (гл. V, VII, VIII) частях романа и завершена в Заключении. Выпускник университета, Каютин становится купцом и промышленником, чтобы обеспечить будущую семейную жизнь с Полинькой; он возвращается в Петербург через пять лет со значительным капиталом, долго не может найти Полиньку, подозревает ее в измене, но разуверяется в этом при первой же встрече и вступает в счастливый брак.

Ряд деталей, фигурирующих в этих главах, указывает на авторское участие Некрасова.

Первая глава первой части начинается с эпизода, непосредственно восходящего к некрасовской биографии: хозяин квартиры выставляет раму в комнате жильца, задолжавшего квартирную плату (см.: VII, 18—20, 829). Ряд других деталей также восходит к жизненному опыту Некрасова. Упоминается, например, книга «Генеральный смотр совести Наполеона, или Беседа Наполеона с совестью» (М., 1813). Знакомство с этим редчайшим изданием, не зафиксированным в тогдашних справочниках, могло состояться лишь при особенных обстоятельствах, например в букинистической лавке и в Публичной библиотеке. Некрасов, как известно, был тесно связан — особенно в 1840-е годы — с книготорговцами (среди которых было немало его земляков) и много работал в Публичной библиотеке (где, кстати сказать, имеется экземпляр названной выше книги). Струнников переулок, где происходит действие главы, носит вымышленное название, но отнесен к Петербургской стороне, знакомой Некрасову по впечатлениям молодости.

Вторая глава примечательна репликой Каютина: «Недаром говорят <...>, что отечество наше велико и обильно» (VII, 31). Близкий к этому текст мы находим в «Примечании для гг. цензоров „Современника“ к роману „Три страны света“», где Некрасов напоминает «ту часто повторяемую истину, что отечество наше велико, обильно и разнообразно» (X, 40). В «Примечании» говорится также о «терпеливом и добросовестном труде», приводящем к «прочному благосостоянию» (там же). Ту же мысль высказывает и Каютин: «...решительно никто не наживался без долгого, упорного, самоотверженного труда» (VII, 32).

Седьмая глава восьмой части, включающая пространный киргизский эпизод путешествий Каютина, — безусловно некрасовская. В следующей главе, изображающей «петербургские углы», вновь появляются Полинька, рябая Дарья, бабшачник, квартирные хозяева Доможиров и Кривоногова — герои глав, предположительно атрибутированных нами Некрасову, о чем уже говорилось выше. В Заключении фигурирует Антон Хребтов, ранее изображенный в главах, описывающих путешествие Каютина и безусловно принадлежащих Некрасову. Здесь же содержится обещание написать особый роман, излагающий историю Антона Хребтова. Такое обещание мог дать только Некрасов, ибо Панаева деревенской жизни почти не знала и народного романа обещать не могла.

Укажем на некоторые текстуальные повторения, встречающиеся в названных выше главах: «весь обратился (превратился) в слух» (с. 18, 646); «неожиданно поцеловала (поцеловал)» (с. 28, 98); «улыбаясь сквозь слезы», «сквозь слезы с улыбкой» (с. 30, 351); «переродился (переродилась)» (с. 137, 228, 685, 772); «радостно вскрикнула (вскрикнул) и кинулась (кинулся)» (с. 331, 779); «кинулась к нему с таким

отчаянным криком, что он вздрогнул», «слова были произнесены таким потрясающим голосом, что Каютин вздрогнул» (с. 604, 780); «луна, окруженная легким паром (в легком паре)» (с. 12, 799), и т. д.

Сюжетная линия Каютина включает в себя, помимо других действующих лиц, Граблина, Душникова и Лизу.

Бедный петербургский чиновник Граблин, служивший некоторое время в книжном магазине Кирпичова, влюбляется в свою соседку Лизу, предлагает ей руку, получает отказ и через некоторое время умирает (ч. 6-я, гл. I—V; ч. 8-я, гл. II—IV, VI, IX). Многое наводит на мысль о том, что эта сюжетная линия осуществлена в романе Некрасовым. Первые четыре главы шестой части, в которых описывается книжный магазин Кирпичова, безусловно принадлежат Некрасову. В восьмой части (гл. II, VI) изображен хорошо знакомый поэту захолустный Семеновский полк. Здесь же встречаем фигуры и эпизоды из ранних произведений Некрасова. Так, сочинитель прошений Головач имеет своего предшественника в лице Калины Павловича («Жизнь и похождения Тихона Тростникова», вариант «Б», гл. III; этим же именем и отчеством наделен, между прочим, «градской акушер и кавалер» из некрасовской «Хроники петербургского жителя»). Несомненна переключка и с некрасовской «Повестью о бедном Климе»: подобно Климу Граблин пишет прошения для бедных. Встреча Граблина с нищей старухой, ее рассказ об умершем сыне, вызвавший у Граблина внезапную тревогу, — все это есть не что иное, как видоизмененный (не получивший дальнейшего развития) эпизод из той же «Повести о бедном Климе» (см. разговор Клима с нищей старухой, оказавшейся его матерью). Наконец, сцена поимки вора на Сенной площади предвосхищает сюжет некрасовского стихотворения «Вор» (VII, 840), а эпизод с несостоявшимся самоубийством Егорушки соответствует аналогичной сцене в рассказе «Двадцать пять рублей».

На основании сказанного можно с достаточной уверенностью предположить, что по крайней мере половина глав, составляющих сюжетную линию Граблина, создана одним исполнителем — скорее всего Некрасовым. В этом нас убеждают и многочисленные лексико-фразеологические повторы в тексте названных глав: «и осталась жить» (с. 330, 816); «царствовала (царствует) глубокая тишина» (с. 36, 173, 753); «с добрым и кротким лицом» (с. 586, 757); «кинулся к матери, которая, упав ему на грудь, горько заплакала», «кинулась на грудь к матери и <...> горько заплакала» (с. 603, 766); «дивьи бы носила», «дивьи бы дело говорила» (с. 617, 783); «кинулся к матери <...>, но она была уже холодна», «бросился к печке: она была холодна» (с. 648, 785), и т. д. Примечательна и переключка в названиях глав: «Шалость» и «Шутка», «Сватовство и его последствия» и «Пустая причина породила важные следствия».

Нам осталось рассмотреть сюжетную линию Душникова, сосредоточенную преимущественно в III главе третьей части — под заглавием «История мещанина Душникова». Эпизоды, обрамляющие (в пределах главы) «Историю Душникова», несомненно принадлежат Некрасову, ибо в них рассказывается о путешествиях Каютина. Что касается самой «Истории», то в ней повторяется сюжетная схема одной из глав «Жизни и пождений Тихона Тростникова» (ч. II, гл. 8). Душников — сын торговца, пристрастившийся к живописи и учившийся тайком от отца у старого немца-художника. Отец засадил его в лавку, затем отправил приказчиком в Москву. В Москве вопреки воле отца Душников всецело отдался своему призванию, писал образа и портреты, среди которых был и портрет старушки, во внучку которой он влюбился. В «Тихоне Тростникове» мы находим почти все элементы этой сюжетной схемы, но применительно к Параше. Дочь крепостного, Параша — прирожден-

ная художница, занимается живописью, тайно от отца берет уроки у немца-художника, пишет портрет своей старой матери. Ее брат, отданный в ученье к иконописцу, пишет образа, затем становится художником.

Из двух глав, завершающих сюжетную линию Душникова (отвергнутый Лизой, Душников отправляется вместе с Каютиным на промыслы и гибнет в киргизских степях; см. ч. 7-я, гл. XII; ч. 8-я, гл. VII), одна целиком, другая по крайней мере наполовину принадлежат Некрасову, ибо и в той и в другой описываются путешествия Каютина.

Как и другие главы романа, «История мещанина Душникова» и главы, ее завершающие, содержат повторяющиеся характеристики: «задумчиво гладил (поглаживал) бороду» (с. 225, 824); «глядел, как дурак» (с. 274, 609); «как кошка, вошел (подкралась)» (с. 114, 229, 276); «вытянул лицо (физиономию)» (с. 277, 773), и т. п.

Мы рассмотрели все главы романа, подлежащие атрибуции, и нашли в них множество лексико-фразеологических стереотипов, переходящих из главы в главу и создающих впечатление автоцитирования, а также отметили сюжетные реминисценции из ранней некрасовской прозы и биографические переклички.

К сказанному нужно добавить, что в ранней некрасовской прозе встречается множество лексико-фразеологических стереотипов, фигурирующих и в «Трех странах света»: «умоляющим голосом» (V, 51, 312; VI, 205); «отчаянным голосом» (V, 108, 281; VI, 205); «рвал (рвала) на себе волосы» (V, 107, 300; VI, 53, 176); «дрожала (дрожал) всем телом» (V, 108; VI, 38, 154, 177); «закрыла лицо руками» (V, 108, 274, 281); «с минуту (несколько минут) длилось молчание» (V, 109; VI, 61, 248); «остолбенел» (от радости, ужаса и т. п.) (V, 110, 164, 202, 236); «потирал руки и улыбался (от удовольствия)» (V, 135; VI, 24); «дрожащим голосом» (V, 146, 219; VI, 208); «кровь бросилась <...> в голову» (V, 162, 221); «как сумасшедший», «как безумная», «как помешанный» (V, 170, 282, 294; VI, 53); «вдох (крик ужаса) вылетел из <...> груди» (V, 202, 288); «без чувств отнесли в карету (уложили в кибитку)» (V, 204; VII, 282); «как приговоренная к смерти» (V 277); «бледный, как смерть» (V, 297); «дикое закричала» (V, 300); «залился страшным хохотом» (VI, 87); «волосы стали дыбом» (VI, 173), и т. д.

Отмеченное сходство прибавляет еще один аргумент в пользу Некрасова как автора рассмотренных глав романа. Но ведь эти главы в совокупности с главами, безусловно принадлежащими Некрасову, обнимают почти весь текст произведения! Получается, что Некрасов был едва ли не единственным автором «Трех стран света».

Это заключение противоречит известным и очевидным указаниям на авторское соучастие Панаевой. Под романом прежде всего стоит подпись Панаевой. Трудно предположить, что Панаева подписалась под произведением, ей вовсе не принадлежавшим. Подпись Панаевой значит и под «Примечанием для гг. цензоров „Современника“ к роману „Три страны света“». Панаева вместе с Некрасовым брала на себя моральную и юридическую ответственность за произведение. Подпись, разумеется, могла быть и фиктивной, но для такого предположения трудно найти основание.

Нужно принять во внимание и тот факт, что многие лексико-фразеологические стереотипы, отмеченные нами в «Трех странах света» и в ранней прозе Некрасова, встречаются и в предшествующих произведениях Панаевой — в повести «Семейство Тальниковых», написанной не позднее 1847 г., в рассказах «Неосторожное слово» и «Безобразный муж», напечатанных в «Современнике» в начале 1848 г. Не цитируя вто-

рично соответствующих мест из «Трех стран света», приведем примеры из указанных произведений Панаевой: ¹⁰ «закрыв лицо руками» (С. Т., с. 105; см. также с. 112, 152, 255; Н. с., с. 73); «вся вспыхнула» (С. Т., с. 109, 243; Н. с., с. 70); «тоскливо» (бить крыльями, глядеть, следить) (С. Т., с. 113, 218, 231); «вскрикнула и упала на грудь» (С. Т., с. 115; Н. с., с. 73); «царствовала тишина» (С. Т., с. 132); «с сердцем» (сказать, выразить) (С. Т., с. 139, 153); «блистали <...> глаза, жадно впиваясь в зеркало», «все жадно впились глазами» (С. Т., с. 142, 145); «странно улыбались» (С. Т., с. 157); «задыхающийся голос» (С. Т., с. 158); «умоляющий голос» (Н. с., с. 73; С. Т., с. 159); «остолбенел» (С. Т., с. 191); «залилась звучным хохотом» (С. Т., с. 191); «потирал руками» (С. Т., с. 194); «как сумасшедший» (С. Т., с. 195); «раздирающим голосом» (С. Т., с. 217); «самодовольно потирал руки» (С. Т., с. 219, 263); «лицо <...> бледное, глаза припухли» (С. Т., с. 234); «строго (быстро) спросил (спросила)» (С. Т., с. 213, 235); «слезы ручьями катились (текли) по бледному лицу (по бледным щекам)» (С. Т., с. 235, 261); «слезы <...> блеснули у меня в глазах» (С. Т., с. 249); «кровь хлынула у меня к голове» (С. Т., с. 251); «горячие губы прикоснулись к моей щеке» (С. Т., с. 252); «дико закричала» (С. Т., с. 254); «дрожащим голосом» (Н. с., с. 71); «принужденно засмеялась» (Н. с., с. 71); «твердо отвечала» (Б. м., с. 138).

Нет сомнений, что Панаева и Некрасов широко использовали фонд изобразительных средств, общеупотребительных в тогдашней литературе, чем и объясняется отмеченное сходство. По этой линии различия между атрибутируемыми главами «Трех стран света» чаще всего неустановимо.

Атрибуция по косвенным признакам предполагает определение неизвестного через известное. Применительно к Панаевой это условие соблюсти крайне сложно — слишком мало нам известна ее биография, слишком мал список ее произведений, предшествовавших «Трем странам света». Из реалий, отразившихся в романе, с жизненным опытом Панаевой могли быть непосредственно связаны поездки в Москву, в Казанскую губернию и заграничное путешествие, а также летний отдых в пригородах Петербурга. С полной очевидностью эта связь, однако, не прослеживается. В «Истории горбуна» описывается заброшенная усадьба У** губернии. Криптоним достаточно прозрачен: Уфимская. Фактически же имеется в виду сегодня с Уфимской Казанская губерния. Здесь в 1839 г. Панаева останавливалась в с. Городок, поблизости от легендарного Шурана — имения, в подвалах которого во времена Екатерины II было погублено множество людей, жертв помещика А. П. Норманского. Можно было бы предположить, что изображение усадьбы XVIII столетия в «Истории горбуна» принадлежит Панаевой (Некрасов в этих местах не бывал), если бы эта же усадьба не была описана в повести Марлинского «Латник» (1831). К этой повести мог обратиться и Некрасов, тем более что именно он в высокой степени обладал искусством переработки литературных источников. Во всяком случае описание заброшенной усадьбы безусловно сделано не с натуры; скорее всего, оно подсказано повестью Марлинского.

Вторая поездка Панаевой в Казанскую губернию, в 1846 г., с заездом к Г. М. Толстому, отразилась в главе «Новые лица», где Г. М. Толстой изображен под именем Данкова. Участником этой поездки был, однако,

¹⁰ Тексты приводятся по следующим изданиям: Панаева А. Семейство Тальниковых. Л., 1928; Станицкий Н. 1) Неосторожное слово. — Современник, 1848, № 3; 2) Безобразный муж. — Там же, № 4. Далее даются лишь начальные буквы названий этих произведений: С. Т. — «Семейство Тальниковых», Н. с. — «Неосторожное слово», Б. м. — «Безобразный муж».

и Некрасов. Вообще с начала 1840-х годов круг жизненных впечатлений Некрасова и Панаевой во многом сходен.

В «Истории горбуна» изображена толпа участников маскарада перед зданием парижской «Большой Оперы»: «Ночь была темная и свежая, блеск фонарей и плашек ярко освещал маски, бежавшие по тротуарам. Многие в нетерпении бежали галопом. Хохот, говор, брань сливались с хлопанием бичей и стуком колес. Казалось, весь город стекался к театру Большой Оперы.

Крик, брань и смех усилились при въезде в узкую улицу, где была устроена арка из тонких досок, незатейливо иллюминированная шкаликами. Все спешили, сталкивались и сами замедляли себе путь» (VII, 684).

Такие детали, как узкая улица возле театра, арка из тонких досок, нехитрая иллюминация, казалось бы, несомненно указывают на личные впечатления писавшего. К 1848 г. из двух соавторов лишь Панаева (с мужем) побывала в Париже, причем именно во время масленичного карнавала, о котором идет речь. Тем не менее о принадлежности цитированного текста Панаевой с полной уверенностью говорить не приходится, ибо незадолго до этого тот же маскарад, с теми же подробностями (хотя и не аналогичным образом) был описан в «Парижских увеселениях» И. И. Панаевым.¹¹ В работе над «Тремя странами света» Некрасов широко использовал литературные источники и устные рассказы. В описании парижского маскарада ничто не мешало Некрасову воспользоваться наблюдениями Панаевых.

Сопоставление «Трех стран света» с произведениями, созданными Панаевой ранее, не выявляет ярко выраженного сюжетного сходства. Можно указать лишь на самые отдаленные соответствия некоторых героев и ситуаций. Так, в «Семействе Тальниковых» наружность и характер гувернантки несколько сходятся с таковыми у девицы Кривоноговой в «Трех странах света». Другая героиня той же повести — маменька — своей манерой держаться отдаленно напоминает Сару Бранчевскую. Бабушка рассказчицы — жена бедного музыканта, подобно бабушке Лизы. И сама рассказчица в наружности и поведении имеет нечто общее с Лизой. Отношения робкого Якова Михайловича и сестры рассказчицы — Софьи отчасти напоминают роман Душникова и Лизы, а сцена прощания рассказчицы с ее братом Мишей в некоторых подробностях сходна со сценой прощания Полинки и Каютина. Героиня рассказа «Неосторожное слово» неожиданно оказывается в карете с мужчиной — ситуация, варьирующаяся в «Трех странах света» (Полинка и горбун). В рассказе «Безобразный муж» богатый старик уродливой наружности склоняет к супружеству бедную молодую девушку — ситуация горбуна и Полинки (хотя и без мотива насилия).

Отмеченные соответствия имеют слишком общий характер, слишком немногочисленны, чтобы основывать на них гипотезы об авторском вкладе Панаевой.

По свидетельству Панаевой, главы, «действие которых происходило в Петербурге», написаны ею.¹² Это свидетельство несколько отличается от ее более раннего указания — на страницах экземпляра «Трех стран света». Из записи А. М. Скабичевского, сделанной на основании этого экземпляра, явствует, что Панаевой принадлежит «все, касающееся интриги и вообще любовной части романа», безотносительно к месту действия. Оба эти свидетельства не вызывают сомнения. Если бы дело об-

¹¹ См.: Петербургский сборник. СПб., 1846, с. 251—252. Сборник был издан Некрасовым.

¹² Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972, с. 172.

стояло так, как об этом пишет Панаева, это означало бы, что на долю начинающей беллетристки пришлось бы до двух третей от общего количества глав романа. Могла ли Панаева справиться в течение лета с таким заданием? «Писалось легко», — рассказывает она в своих мемуарах.¹³ Но из ее писем видно, что литературную работу приходилось сочетать с обременительными хозяйственными заботами. Лето 1848 г. Панаевы проводили в Парголово. Приезжало много гостей. «Я хлопочу на даче о питании всех, — сообщала Панаева М. Л. Огаревой 5 июня 1848 г., — потом пишу разные глупости, в ожидании, что это сколько-нибудь принесет денег».¹⁴ Поскольку внешние возможности для писания были очень ограничены, количественный вклад Панаевой в роман «Три страны света» не мог быть велик. К тому же слова «пишу разные глупости» могли относиться не только к «Трем странам света», но и к роману Н. Станицкого (Панаевой) «Актриса», о предстоящей публикации которого было объявлено уже в сентябрьской книжке «Современника» за 1848 г., вместе с объявлением о романе Некрасова и Станицкого «Озеро смерти» (будущее «Мертвое озеро»), также обещанном подписчикам в следующем году (см: XII, 129). О Некрасове же достоверно известно, что он напряженно работал над «Тремя странами света» все лето, нередко и ночью.¹⁵

Здесь мы коснемся вопроса о принципе, по которому могло бы осуществляться разделение труда между авторами романа. Для этого нам нужно представить себе обстоятельства, в которых создавалось произведение. Роман был написан за три-четыре месяца — срок крайне незначительный для произведения объемом более 50 печатных листов. Сразу же по окончании роман был отдан в печать. Большой объем и краткий срок исполнения требовали такого распределения глав, при котором один автор не задерживал бы другого. Сюжетные линии романа должны были быть разграничены так, чтобы первые и последующие части романа могли создаваться одновременно — с тем чтобы по окончании работы легко было расположить их в нужном порядке. Практически это означало, что в то время как Некрасов описывал, например, путешествия Каютина, Панаева писала бы, скажем, о романе Лизы и Душникова. Только при таком распределении сил оправдывалось привлечение соавтора. (Заметим в скобках, что в этих условиях вряд ли могла иметь место совместная работа над отдельными главами — за исключением тех единичных случаев, когда главы делились на разносюжетные подглавки или включали в себя вставные рассказы).

В «Трех странах света» выделяются несколько относительно самостоятельных сюжетных линий, допускающих параллельную работу над текстом: путешествия Каютина, приключения Полиньки, разорение Кирпичова, история горбуна, история Граблина и Лизы. Кроме того, в романе есть несколько «предисловных рассказов», связанных с указанными сюжетными линиями лишь единством героя (истории Кирпичова, Душникова, Граблина, Полинькиных родных). Первоначально предполагалось, что авторов будет трое — Некрасов, Григорович, Панаева. Участие Григоровича, по-видимому, не состоялось (во всяком случае его подписи под романом нет). Некрасов и Панаева должны были перераспределить материал между собою. Можно с уверенностью утверждать, что приключения Каютина и история разорения Кирпичова предназначались

¹³ Там же, с. 172.

¹⁴ См.: Черняк Я. З. Чернышевский, Огарев, Некрасов, Герцен в споре об огаревском наследстве. М.—Л., 1933, с. 530.

¹⁵ Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 343.

Некрасову изначально (это «его» темы). Вряд ли можно сомневаться и в том, что Некрасов, как более опытный литератор, взял на себя большую часть работы.

Задача атрибуции несколько облегчилась бы, если можно было бы хотя о нескольких главах романа с уверенностью сказать, что они всецело принадлежат Панаевой. Их можно было бы сопоставить с теми, авторская принадлежность которых нуждается в установлении. Однако сведения о таких главах крайне скудны.

Панаева вспоминает, что «первая глава» (фактически — Пролог), рассказывающая о «подкинутом младенце», была написана ею.¹⁶ Пролог непосредственно предвосхищает «Историю горбуна». Логично предположить, что автором здесь выступает одно и то же лицо — Панаева (в этом случае описание масленичного маскарада в Париже становится дополнительным указанием на авторство Панаевой).

Из прямых указаний Панаевой на главы, принадлежащие ей в «Трех странах света», известно еще одно — письмо к М. Л. Огаревой от 21 января 1849 г.: «Скажи Сократу, что „Историю мещанина Душникова“ в романе „Три страны света“ я душевно ему посвятила».¹⁷ Предполагать, что Панаева посвятила своему приятелю текст, ей не принадлежащий, кажется, нет оснований. Кроме того, этот же фрагмент Панаева перепечатала особо — в сборнике «Для легкого чтения» под своим псевдонимом.¹⁸ Это, разумеется, было сделано с ведома Некрасова — издателя упомянутого сборника. Обращение непосредственно к тексту главы, в которую входила «История мещанина Душникова» (ч. 3-я, гл. III), порождает, однако, некоторые сомнения в его авторской принадлежности одной лишь Панаевой. Текст, обрамляющий «Историю Душникова», безусловно принадлежит Некрасову — как относящийся к путешествиям Каятина. Но и в «Истории Душникова» представляется возможным авторское участие Некрасова. «История Душникова» включает в себя рассказ Данкова и письмо Душникова. В рассказе Данкова мы наблюдали реминисценции из «Жизни и походов Тихона Тростникова», в то время как письмо Душникова, возможно, развивает некоторые мотивы «Семейства Тальниковых» (см. выше). Важнейший персонаж «Истории Душникова» — Лиза играет ведущую роль в истории Граблина. По этой логике соответствующие главы заключительной части романа должны были бы принадлежать Панаевой.

Вот все, что можно извлечь из панаевских мемуаров и переписки. Что касается эпистолярного и мемуарного наследия Некрасова, то в нем мы вообще не найдем следов работы над какой-либо из глав рассматриваемого романа. В этой ситуации нам не остается иного пути, кроме дальнейшего анализа наблюдений, сделанных выше. Мы констатировали в романе ряд несомненных отзвуков жизненной опытности и литературных начинаний Некрасова, указали на слабые следы таковых по отношению к Панаевой и, наконец, отметили чрезвычайное обилие лексико-фразеологических стереотипов, многие из которых встречаются в ранних произведениях как Некрасова, так и Панаевой. Эти же факты при повторном их рассмотрении могут, на наш взгляд, подсказать некоторые

¹⁶ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания, с. 172. Отмеченная фактическая неточность указывает на то, что, работая над мемуарами, Панаева не обращалась к тексту романа.

¹⁷ Черняк Я. З. Огарев, Некрасов, Герцен и Чернышевский в споре об огаревском наследстве, с. 338. Черняк ошибочно датирует письмо 1848 г.

¹⁸ Страницки Н. Н. Портретист. — В кн.: Для легкого чтения, т. IV. СПб., 1856.

дополнительные соображения относительно авторской принадлежности атрибутируемых текстов.

Рассмотренные выше главы романа условно можно разделить на несколько групп — в зависимости от того, в какой степени отразились в них факты биографии и творчества Некрасова.

К первой группе отнесем главы, образующие целостные сюжеты, к которым Некрасов обращался и ранее. Таких сюжетов два, и оба они связаны с одним и тем же действующим лицом: горбун и Полинька (ч. 1-я, гл. VI; ч. 2-я, гл. I—III, VII; ч. 3-я, гл. V; ч. 4-я, гл. IX; ч. 6-я, гл. VI), горбун и Кирпичов (ч. 1-я, гл. IV; ч. 2-я, гл. VI; ч. 6-я, гл. X; ч. 7-я, гл. XI). То обстоятельство, что оба эти сюжета развиты Некрасовым ранее в рассказе «Ростовщик», в «Повести о бедном Климе» и в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова», позволяет, на наш взгляд, предположить, что соответствующие главы романа принадлежат скорее Некрасову, чем Панаевой. Обращение Некрасова к сюжетам, ранее им разработанным, представляется нам тем более вероятным, что оно безусловно способствовало быстрейшему окончанию срочной работы.

Вторую группу составляют отдельные главы, в которых явно ощущаются переключки с биографией и творчеством Некрасова. Они входят в цепочки глав, образующих сюжетные линии следующих персонажей: горбун и Полинька (ч. 2-я, гл. I), горбун и Кирпичов (ч. 2-я, гл. VI), собственно Кирпичов (ч. 1-я, гл. V; ч. 7-я, гл. X), собственно Полинька (ч. 6-я, гл. VII—IX), Тульчинов (ч. 4-я, гл. I), башмачник Карл Иванович (ч. 4-я, гл. II, IV), Каютин (ч. 1-я, гл. I, II; ч. 8-я, гл. V, VII, VIII; Заключение), Граблин (ч. 6-я, гл. I—V; ч. 8-я, гл. II, VI), Душников (ч. 3-я, гл. III). Все эти главы, возможно, также принадлежат Некрасову, хотя это предположение более проблематично, нежели предыдущее.

Третья группа глав включает в себя тексты, не вызывающие отчетливых ассоциаций с биографией и творчеством авторов. К их числу относятся «История горбуна» (ч. 7-я, гл. I—IX) и непосредственно связанный с нею Пролог, а также следующие разделы: ч. 1-я, гл. III, VI, VII; ч. 2-я, гл. I, II, VII; ч. 3-я, гл. V, VI; ч. 4-я, гл. III, VIII; ч. 6-я, гл. VI, X; ч. 7-я, гл. XI; ч. 8-я, гл. III, IV, IX.

Этот ряд глав включает эпизоды преимущественно любовного содержания — всю историю отношений горбуна и Бранчевской, почти всю сюжетную линию горбуна и Полиньки, роман Граблина и Лизы. Это обстоятельство снова заставляет вспомнить сообщение А. М. Скабичевского о том, что «все, касающееся интриги и вообще любовной части романа, принадлежит перу г-жи Панаевой». Совпадают два показателя — отсутствие переключек с биографией и творчеством Некрасова в каждой из названных глав в отдельности и прямое сюжетное соответствие этих глав тем, которые Панаева суммарно называет своими. Если бы не совпадение сюжетной линии горбуна и Полиньки с историей, рассказанной в «Ростовщике», можно было бы считать свидетельство Панаевой в значительной степени подтвердившимся и условно атрибутировать ей названные выше главы романа, остальные же главы предположительно считать некрасовскими.

Для проверки и уточнения сделанных нами наблюдений обратимся вновь к лексико-фразеологическим стереотипам, проходящим через все произведение. Приведенный нами материал лишь на первый взгляд кажется однородным.

Наиболее обширную группу — не по «ассортименту», а по частоте употребления — образуют выражения, равно характерные для Некрасова и Панаевой, для их предшествующих произведений. Авторы «Трех стран света» — романа, написанного под воздействием обстоятельств, внеполож-

ных задачам «большого» искусства, — менее всего стремились выразить свою индивидуальность. Они постоянно обращались к общеупотребительным средствам художественной выразительности. Сюда относятся прежде всего экспрессивные характеристики, которые обычно называют ложноромантическими и связывают лишь с именем Панаевой. Подобно деятелям «неистойвой» романтико-натуралистической литературы, авторы «Трех стран света» часто изображают бурное проявление страстей. Герои романа «дико» кричат, говорят то «отчаянным», то «умоляющим», то «задышающимся» голосом, то бледнеют, то краснеют, в исступлении рвут на себе волосы, покрываются холодным потом, впадают в оцепенение и т. п. Так ведут себя старый ростовщик, гордая аристократка, молодая швея, скромный бабшачник.

Эти характеристики сочетаются с фразеологизмами, лишенными яркой стилевой окраски или таковую утратившими: «залился звонким хохотом», «царствовала тишина», «голоса недостало», «с минуту длилось молчание» и т. п. Нередко повторяются выражения, не имеющие характера фразеологизмов, но примечательные частой повторяемостью: «самодовольно», «с сердцем», «принужденно» и т. п.

Есть, однако, повторы, носящие отпечаток индивидуального словоупотребления, — их можно рассматривать как автоцитаты. Наиболее частый случай — характеристики, отнесенные исключительно к данному персонажу. Так, горбун всюду смеется одним и тем же смехом: «хе, хе, хе!» (ч. 1-я, гл. IV, VI; ч. 2-я, гл. I, VI; ч. 3-я, гл. IV; ч. 6-я, гл. VI). В тех же главах этот смех часто называется «тихим» и «звонким». К горбуну применяется не совсем обычное выражение «круто спросил» (ч. 1-я, гл. VI; ч. 2-я, гл. I). Только горбун «скрежещет зубами» (ч. 2-я, гл. II; ч. 3-я, гл. V, VI; ч. 6-я, гл. VI; ч. 8-я, гл. VIII), только его глаза сверкают «неумолимой жестокостью» (ч. 2-я, гл. VII; ч. 6-я, гл. VI), только он «впивается глазами» в лица, перед ним находящиеся (ч. 4-я, гл. IX; ч. 6-я, гл. VI, X). О наружности горбуна дважды говорится одинаковыми словами: «миниатюрные нежные черты» (ч. 1-я, гл. IV; ч. 7-я, гл. V). Обращаясь к повествованию и оба раза выражается одной и той же словесной формулой (ч. 3-я, гл. IV; ч. 7-я, гл. XI). Среди названных глав есть и заведомо некрасовские (ч. 1-я, гл. IV; ч. 2-я, гл. VI), и атрибутированные нами Некрасову по иным признакам (ч. 2-я, гл. I). Отмеченные выше повторы позволяют очертить круг глав, автором которых предпочтительнее считать Некрасова. Эти главы относятся к сюжетным линиям горбуна и Полинки (ч. 1-я, гл. VI; ч. 2-я, гл. II, VII; ч. 3-я, гл. V; ч. 4-я, гл. IX; ч. 7-я, гл. VI), горбуна и Кирпичова (ч. 7-я, гл. XI), Тульчинова (ч. 3-я, гл. VI; ч. 6-я, гл. X) и к «Истории горбуна» (ч. 7-я, гл. V, VIII).

Укажем далее на повторы, не всегда соотношенные с каким-либо одним персонажем или с каким-либо одним действием, свойством характера, особенностью наружности и т. п. Они также заключают в себе устойчивый комплекс характеристик, стереотипный лишь для данного автора, но используемый универсально. Автор как бы проговаривается одними и теми же выражениями, репродуцирует одни и те же изображения. Так, сочетанием «мерно и тихо» характеризуется течение Невки (ч. 7-я, гл. XI), речь величавого господина (ч. 2-я, гл. II), походка горбуна (ч. 2-я, гл. VII; ч. 3-я, гл. V), храпенье помещика Ласукова (ч. 3-я, гл. II). Огни, мерцающие во мраке и отражающиеся в массе воды, фигурируют при описании Невки (ч. 7-я, гл. XI), Фонтанки (ч. 7-я, гл. X), площади на Козьем болоте (ч. 4-я, гл. IX). Сочетанием «светлый и добродушный» определяется смех горбуна (ч. 1-я, гл. IV) и взгляд Кирпичова (ч. 1-я, гл. V). «Добрый и кроткий» лицом наделены немец-шарманщик (ч. 6-я, гл. VIII)

и Лизина бабушка (ч. 8-я, гл. III). Глаза, «неподвижно устремленные» на другое лицо, находим в сценах с участием Каютина (ч. 1-я, гл. III), Кирпичова (ч. 1-я, гл. V), господина Беша (там же), горбуна (ч. 2-я, гл. VII), Бранчевской (ч. 4-я, гл. VIII). Залпаются смехом и одновременно бьют в ладоши рябая Дарья (ч. 6-я, гл. VIII), горбун (ч. 7-я, гл. III), Бранчевская (ч. 7-я, гл. IV). Полинька «неожиданно» целует Каютина (ч. 1-я, гл. II), Каютин — Полиньку (ч. 1-я, гл. VII). Луна «в легком паре» катится над домом Тульчинова (Пролог, вторая подглавка) и над Семеновским полком (ч. 8-я, гл. VII). Глазами, исполненными «любви и счастья», смотрят друг на друга и плачут Каютин и Полинька перед отъездом Каютина (ч. 1-я, гл. II) и по его возвращении (ч. 8-я, гл. VIII). Полинька подумала о самоубийстве, но быстро себя переубедила и «осталась жить» (ч. 4-я, гл. III); Лиза решила покончить с собою, но вспомнила о своей бабушке и «осталась жить» (ч. 8-я, гл. IX). Рябая Дарья сделались все мужчины «гадки» (ч. 6-я, гл. IX). То же самое, теми же словами говорит о себе Лиза (ч. 8-я, гл. IX). «Дцвй бы носила», — говорит рябая Дарья о сарафане, подаренном бабке (ч. 6-я, гл. IX). То же самое народное (по Далю — новгородское) выражение употребляет торговец на Сенной площади (ч. 8-я, гл. VI). Купец, рассказывавший Данкову о своей дочери, «задумчиво гладил бороду» (ч. 3-я, гл. III). Этот же жест и это же выражение употреблены для характеристики Антипа Хребтова (Заключение). Необычное словоупотребление «вытянул лицо», «вытянул физиономию» встречается дважды (ч. 3-я, гл. III; ч. 8-я, гл. V). Одна и та же конструкция употреблена в совершенно разных сюжетных ситуациях: «кинулся к матери <...> она была уже холодна» (ч. 7-я, гл. II), «кинулся к печке: она была холодна» (ч. 8-я, гл. VI).

Отмеченные повторы вряд ли могли быть результатом совпадения художественных решений, принятых самостоятельно каждым из авторов. Такое совпадение было бы маловероятным даже для авторов, прошедших одну и ту же литературную школу и имеющих долгий опыт совместной работы. Тем более его трудно предположить у создателей «Трех стран света», пришедших в литературу разными путями и впервые выступивших совместно. Перед нами скорее всего автоцитаты и притом, надо полагать, автоцитаты Некрасова, ибо среди указанных глав (помимо тех, которые были рассмотрены исключительно в связи с горбуном) есть безусловно некрасовские (ч. 1-я, гл. IV; ч. 3-я, гл. II), в других главах отмечены признаки, указывающие на их принадлежность тому же автору (ч. 1-я, гл. II, V; ч. 2-я, гл. III; ч. 6-я, гл. VIII, IX; ч. 7-я, гл. X; ч. 8-я, гл. VI—IX; Заключение), третьи указывают на то же самое вследствие текстуальных и изобразительных совпадений с предыдущими. В итоге Некрасову дополнительно атрибутируются главы, входящие в сюжетные линии горбуна и Полиньки (ч. 2-я, гл. II, VII; ч. 3-я, гл. V; ч. 4-я, гл. IX), собственно Полиньки (ч. 4-я, гл. III, VIII; ч. 6-я, гл. VIII, IX), собственно Кирпичова (ч. 1-я, гл. V; ч. 7-я, гл. X), Тульчинова (Пролог, вторая подглавка), башмачника (ч. 1-я, гл. III, VII; ч. 2-я, гл. II, VII; ч. 8-я, гл. V, VIII), Каютина (ч. 1-я, гл. II; ч. 8-я, гл. V, VII, VIII; Заключение), Душникова (ч. 3-я, гл. III), Граблина (ч. 8-я, гл. III, VI, IX), а также главы, входящие в «Историю горбуна» (ч. 7-я, гл. II—IV).

Таким образом, мы снова приходим к предположению о том, что подавляющее большинство глав романа, в том числе и касающиеся «интриги и вообще любовной части романа» (сюжетные линии горбуна и Полиньки, Душникова, Граблина, а также «История горбуна» — все то, в чем принято видеть единоличный вклад Панаевой), созданы Некрасовым. В этом случае на долю Панаевой остаются Пролог (скорее всего первая подглавка) и «История Душникова» (скорее всего его письмо).

Мы допускаем такой вариант не только потому, что в его пользу говорят художественные решения, ассоциирующиеся с биографией и творчеством Некрасова, но и потому, что он не противоречит сведениям, которые можно почерпнуть из мемуаров Панаевой в результате их критического переосмысления. Ненадежность памяти, небрежное, а нередко и тенденциозное обращение мемуаристики с фактами хорошо известны. Достаточно сказать, что Панаева допускает неясные и сбивчивые показания о собственных произведениях, и даже поздних. Так, она сообщает о том, что в 1864 г. в «Современнике» Н. С. Суслова под псевдонимом Н. С. поместила рассказ «Чудная». Между тем под этим псевдонимом в журнале был напечатан рассказ самой Панаевой «Фантазерка» — об этом говорят не только гонорарные ведомости «Современника»,¹⁹ но и письмо Панаевой к Чернышевскому, отправленное приблизительно в то время, когда писались воспоминания.²⁰ Неудивительно, что Панаева могла перепутать подробности истории создания романов «Три страны света» и «Мертвое озеро», из которых второй был задуман еще до того, как начал печататься первый (XII, 129).

Говоря о «Трех странах света», Панаева замечает, что она предложила Некрасову оставить под романом только его подпись, мотивируя это тем, что наличие двух подписей возмутило В. П. Боткина, увидевшего в коллективном творчестве унижение литературы.²¹ Между тем ни в период создания романа, ни в канун его публикации Боткина в Петербурге не было. Сами же авторы своего сотрудничества, насколько известно, не разглашали. А если бы В. П. Боткину об этом и сообщили и если бы он действительно оскорбился предстоящим выходом романа за двумя подписями, то его мнение вряд ли возымело бы сильное действие на Панаеву, державшуюся в отношениях с Боткиным подчеркнуто независимо. Не потому ли Панаева предлагала снять свою подпись, что ее авторский вклад был слишком мал? Такое предположение подсказывается не только анализом текстов, но и панаевской версией создания «Мертвого озера». Скабичевский со слов Панаевой пишет о том, что «Мертвое озеро» в отличие от «Трех стран света» создавалось с минимальным участием Некрасова, которому принадлежали в этом романе «один сюжет, разработанный вместе с г-жой Панаевой», и «много что две-три главы».²² Далее говорится, что Некрасов в период создания «Мертвого озера» был болен. Однако о серьезной болезни Некрасова в 1850 г. сведения отсутствуют, в то время как в начале июня 1848 г., когда создавались первые главы «Трех стран света», Некрасов действительно был болен. Об этом 5 июня сообщает сама Панаева в письме к М. Л. Огаревой.²³ В своих позднейших воспоминаниях Панаева, по-видимому, объединила и переосмыслила факты из истории написания двух романов. Допустимо предположить, что не Некрасову, а Панаевой принадлежало «много что две-три главы» в романе, создававшемся во время болезни Некрасова, и что этим романом было не «Мертвое озеро», а «Три страны света».

¹⁹ См.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 486.

²⁰ Чернышевский Н. Г. Литературное наследие, т. III. М., 1930, с. 609.

²¹ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания, с. 176.

²² Скабичевский А. М. Н. А. Некрасов. Биографические сведения. — В кн.: Некрасов Н. А. Стихотворения, т. I. СПб., 1879, с. XVI.

²³ См.: Черняк Я. З. Чернышевский, Огарев, Некрасов, Герцен в споре об огаревском наследстве, с. 338.

Б. В. Мельгунов

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТИХОТВОРЕНИЯМ НЕКРАСОВА

Советское некрасоведение проделало огромную работу по выявлению, восстановлению и научному изучению поэтических текстов Некрасова, однако сделано далеко еще не все. Противоречивые, искаженные в результате давней опечатки или ошибки, непроверенные биографические сведения, ссылки на несуществующие или давно утраченные рукописи, субъективное, подчас произвольное обращение с текстом — все это еще имеет место в науке о Некрасове.

Нижеследующие заметки мы рассматриваем как рабочий материал для научного комментария к отдельным произведениям Некрасова в связи с подготовкой академического собрания его сочинений.

1. СТИХОТВОРЕНИЕ-ПРОКЛАМАЦИЯ

«Душно! без счастья и воли» (1868) — одно из тех поэтических выступлений Некрасова, которые К. И. Чуковский называл «стихами-лозунгами, стихами-прокламациями».¹ Острый политический смысл, агитационный пафос, выраженный в этом лирическом монологе, гениально сочетается с огромной силой поэтического чувства.

Прием изображения желанной, долгожданной революции через образы грозы, бури, ветра — традиционный в русской поэзии и уходит своими корнями в фольклор. В числе наиболее известных произведений такого ряда можно назвать «Арион» Пушкина, «Парус» Лермонтова, «Песню о Буревестнике» Горького, «Двенадцать» Блока и др.

Именно поэтому «Душно! без счастья и воли» сопоставимо со многими произведениями предшественников Некрасова. «Замечательно, — писал В. Е. Евгеньев-Максимов, — что это восьмистишие перекликается с последними четырьмя строками стихотворения Пушкина „Кто, волны, вас остановил?“ (1823):

Взыграйте ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот —
Где ты, гроза, — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

Если у Некрасова буря — символ свободы, то у Пушкина — гроза».²

Укажем еще на одно стихотворение, теперь уже современника Некрасова, с которым «Душно! без счастья и воли» также перекликается, однако едва ли эту перекличку можно считать явлением чисто типологического порядка. Вот это произведение:

¹ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 419.

² Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1957, № 229. Сер. филол., вып. 30, с. 54—55.

Душно! иль опять сирокко!
И опять залив кипит.
И дыхание Сахары
В бурых тучах вихорь мчит!

В лицах страх, недоуменье...
Средь безмолвных площадей
Люди ждут в томленьи страстном,
Грянул гром бы поскорей...

Чу! уж за морем он грянул!
И Сицилия горит!
Знамя светлое свободы
Уж над островом стоит!

Миг еще — конец тревоги,
Ожиданья и тоски
И народ вокруг Гарибальди
Кинет в воздух колпаки.

Автор этого стихотворения — А. Н. Майков. В 1858 г. он участвовал в средиземноморской экспедиции на корабле «Баян». Результатом путешествия поэта стали два цикла стихов: «Неаполитанский альбом» и «Новогреческие песни». Книга стихотворений, включающая оба эти цикла, увидела свет в 1864 г.³ Она была едко высмеяна М. Е. Салтыковым-Щедриным, указавшим на противоречивость и шаткость позиции Майкова, который «начиная с 1854 г. вступил на почву политическую и социальную»,⁴ однако не проявил здесь достаточной последовательности.

Именно эту книгу Майкова имел в виду Некрасов в 1866 г., когда, не называя имени поэта, причислял его к разряду «птиц певчих, наряжающихся, по мере надобности, в платье гражданского покроя, какой бывает в моде. Этих, — продолжал Некрасов, — иные видят даже во сне — к перемене погоды...» (IX, 442, 776).

Вместе с тем цитированное нами «гражданское» стихотворение не оставило Некрасова равнодушным и, возможно, послужило толчком для создания «Душно! без счастья и воли».

Летом 1867 г. Некрасов записывает на полях рукописи «Притчи о „Киселе“»:

Сердце изныло от боли,
Буря бы грянула что ли.⁵

О развитии замысла произведения позволяет судить текст чернового автографа «Душно! без счастья и воли», виденного В. Е. Евгеньевым-Максимовым, вероятно, у А. Ф. Кони. К сожалению, исследователь не приводит полный текст этого наброска, давая второй куплет описательно:

«Душно мне, словно в неволе,
Словно в могиле сырой,
Буря бы грянула, что ли?
Грянь! Разразись надо мной!

Из последнего четверостишия видно, что поэт призывал бурю расплескать чашу народного, а не вселенского горя, как сказано в печатном тексте».⁶

³ Новые стихотворения А. Н. Майкова (1858—1863). М., 1864 (цитированное стихотворение на с. 113).

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т., т. 5. М., 1966, с. 424—435.

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 650.

⁶ Современник, 1914, № 10, с. 46—47.

Местонахождение чернового автографа в настоящее время неизвестно. О других рукописях этого стихотворения, ныне, вероятно, утраченных, в бумагах А. А. Буткевич имеется следующая запись: «Душно без счастья и воли (копия, подлинное дано Боровиковскому)» (II, 710).

Итак, Некрасов идет от конкретно-личностного («мне», «в могиле», «мною», «народного») изображения угнетенного положения народа к обобщенно-философской картине социальной несправедливости и протеста «вселенского» масштаба.

Известно, что при жизни поэта «Душно! без счастья и воли» дважды включалось в собрания его стихотворений (1869 и 1873 гг.) и было перепечатано в женевской народнической газете «Работник» (1875 г., ноябрь—декабрь).

А. М. Гаркави указал на совпадение седьмой строчки стихотворения, напечатанного в «Работнике», с черновой рукописью, описанной Евгеньевым-Максимовым («Чашу народного горя...»), и высказал убеждение в том, что текст «Работника» восходит к цензурной редакции некрасовского стихотворения. Аргументация Гаркави сводится к следующему: упоминание о «народном горе» в 1860—1870-х годах было невозможно по цензурным условиям того времени. Слово «вселенского», по мнению исследователя, носящее религиозно-церковный оттенок, несвойственно некрасовской лексике. «Совпадение публикации женевской газеты с черновым автографом, конечно, не может быть объяснено случайностью, — пишет Гаркави, — очевидно этот вариант сообщил своим друзьям сам автор».⁷

Эта точка зрения была поддержана С. А. Рейсером;⁸ в восьмитомном собрании сочинений Некрасова «Душно! без счастья и воли» напечатано уже с исправлением в 7-м стихе и указанием в комментарии, что он «восстанавливается по некрасовскому автографу».⁹ Тот же текст находим и в трехтомном издании «Библиотеки поэта» со ссылкой на автограф из «Собрания В. Е. Евгеньева-Максимова».¹⁰

Правомерна ли эта «поправка»? Концепция Гаркави уже подверглась справедливой критике. Н. Н. Скатов убедительно показал лексическую и музыкальную нерасторжимость варианта «вселенского горя» с окончательным текстом стихотворения.¹¹ Обратимся к фактической стороне проблемы. Полный и точный текст чернового варианта стихотворения, виденного Евгеньевым-Максимовым, остается неизвестным. Воспроизводить его мы можем лишь с оговорками.

Чтобы установить степень авторитетности текста из газеты «Работник», следует, очевидно, привести весь текст этой публикации и сравнить его с известными нам редакциями произведения. Сопоставим текст из женевского издания с текстом прижизненных авторских изданий.

«РАБОТНИК», 1875

Песня народного борца

Душно без счастья и воли;
Жизнь бесконечно длинна,
Буря бы грянула, что ли!
Чаша с краями полна.

«СТИХОТВОРЕНИЯ Н. НЕКРАСОВА»,
1869, 1873

(Из Гейне)

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

⁷ Некрасовский сборник, вып. V. Л., 1973, с. 166. См. также: Учен. зап. Калнингр. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 3, с. 219—220; Гаркави А. М. Н. А. Некрасов и революционное народничество. М., 1962, с. 38.

⁸ См.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959, с. 763.

⁹ Некрасов Н. А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 2. М., «Худож. лит-ра», 1965, с. 433.

¹⁰ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 275, 550, 650, 651.

¹¹ Скатов Н. Некрасов. Современники и продолжатели. Л., 1973, с. 259—261.

Грянь над пучиною моря!
В поле, в лесу засвищи!
Чашу народного горя
Всю расплещи!!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!!

1868.

Как видим, тексты отличаются не только в 7-м стихе. Стихотворение в «Работнике» снабжено заголовком, опущен подзаголовок, есть отличия во 2-м и 7-м стихах, существенны пунктуационные различия, значительно изменяющие интонационное звучание «Душно! без счастья и воли». Наконец, в «Работнике» некрасовское стихотворение помещено без указания имени автора и даты.

Если принять версию о том, что Некрасов передал в народническое издание доцензурный автограф, то каноническим следовало бы считать текст, приведенный слева, что было бы текстологической ошибкой.

Не подтверждается и предположение о связи поэта с редакцией «Работника».

Уже при подготовке первого номера газеты, как вспоминал редактор этого издания Н. А. Морозов, «обнаружилась полная <...> оторванность от России и отсутствия <...> каких-либо корреспонденций о местной жизни и деятельности, а между тем для журнала это было крайне необходимо. Приходилось писать корреспонденции большею частью по воспоминаниям или рассказам приезжих, здесь же на месте».¹²

Некрасов был любимейшим поэтом Морозова, убежденного, что его демократическая поэзия стала главным рычагом народнического движения.¹³ Газета «Работник» была рассчитана на самого широкого читателя — «работных людей». Этим объясняются упрощенный, стилизованный «под народный» язык и обилие материалов об угнетенном положении трудящихся в России и Европе.

Автором заглавия и самой публикации некрасовского стихотворения был, вероятнее всего, сам Н. А. Морозов. Каким же источником он пользовался? С уверенностью можно сказать, что это была не рукопись поэта. Характер указанных выше воспоминаний Морозова, написанных в 1910-х годах и переработанных уже в советскую эпоху, не оставляет сомнения: если бы поэт действительно передал автограф стихотворения «Душно! без счастья и воли» народовольцам, мемуарист непременно указал бы на это.

Очевидно, текст стихотворения в «Работнике» опубликован Морозовым по памяти; косвенно это подтверждается теми же воспоминаниями революционера. Морозов дважды цитирует «Душно! без счастья и воли», рассказывая о своем пребывании в тюрьме во второй половине 1870-х годов. «Вспомнились, — шепчет мемуарист, — любимые с детства стихи:

Скучно без счастья и воли!
Жизнь бесконечно длинна,
Буря бы грянула, что ли!
Чаша с краями полна.

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи!
Чашу народного горя
Всю расплещи!».¹⁴

¹² Морозов Н. А. Повести моей жизни, т. I. М., 1947, с. 419.

¹³ Там же, с. 435—436.

¹⁴ Там же, т. III, с. 155; см. также: т. II, с. 64. Впервые публиковалось: Вестник Европы, 1913, № 4—6; Русская мысль, 1913, № IV.

Здесь, как видим, повторены искажения, допущенные в «Работнике», и к ним добавились еще новые. По всей вероятности, Морозов впервые прочитал «Душно! без счастья и воли» в издании стихотворений Некрасова 1869 г., когда ему было 15 лет, и запомнил стихотворение в несколько деформированном виде. Скорее всего, в «Работнике» текст воспроизведен Морозовым по памяти.

Следует заметить, что специфика изданий органов вольной русской печати была такова, что их публикации в большинстве случаев не могут считаться текстологически авторитетными. Текст «Душно! без счастья и воли» искажен и в известных сборниках «Перед рассветом», где стих 7-й читается как в прижизненных изданиях стихотворений Некрасова.¹⁵

Одним из аргументов Гаркави в пользу варианта из первоначальной редакции («народного горя») является утверждение, что он политически более острый, чем «вселенского горя». В подтверждение этого исследователь указывает на стихотворение Некрасова «Старость», где стих 7-й, «В созерцаньи народных страданий», был изменен на «В созерцаньи безмерных страданий». Пример этот мало убедителен. Некрасов, правивший корректуру этого стихотворения незадолго до смерти, счел возможным оставить вариант «народных страданий». Стихотворение было напечатано с искаженной 7-й строкой уже после смерти Некрасова.¹⁶

И еще об одном очень важном обстоятельстве следует здесь помнить. Просматривая перед смертью свои произведения для нового издания, поэт устранял цензурные искажения и другие элементы текста, вводимые, чтобы обойти цензуру. Не все он успел сделать, однако к стихотворению «Душно! без счастья и воли» обратился. Фиктивный подзаголовок «(Из Гейне)» Некрасов вычеркнул и написал рядом: «собственное». Других помет и изменений не было.¹⁷

Вряд ли можно согласиться и с утверждением о большей политической остроте варианта «народного горя». Но в конце концов и в том, и в другом случае идет речь о страданиях угнетенных масс. Именно семантической близостью вариантов следует объяснять, по-видимому, и совпадение 7-го стиха в «Работнике» с первоначальной редакцией стихотворения, которую видел Евгеньев-Максимов.

Гражданская судьба стихотворения Некрасова «Душно! без счастья и воли» сложилась так, что уже начиная с 1870-х годов оно было постоянно на вооружении русских революционеров и радикалов. В 1930 г. об одном из революционных эпизодов в жизни стихотворения напомнил А. В. Ефремин. Он указал, что первым четверостишием этого стихотворения-лозунга начиналась «известная студенческая прокламация Союза объединенных землячеств».¹⁸ Ефремин не указал дату и точное название прокламации и этого «союза», что осложнило для комментаторов всех последующих изданий стихотворений Некрасова поиск прокламации. В комментариях к «Душно! без счастья и воли» повторяются слова Ефремина и даются ссылки на его статью. Между тем прокламация эта действительно не рядовая, именно она призывала «все слои общества» в Петербурге на знаменитую демонстрацию 4 марта 1901 г. у Казанского собора. Стихи Некрасова (и здесь несколько искаженные) служат весьма удачным эпиграфом прокламации, озаглавленной «!! Ко всем!!»:

¹⁵ Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Женева, 1905, с. 4; то же: Берлин, 1906, с. 15.

¹⁶ См.: Отечественные записки, 1878, № 4, с. 418.

¹⁷ Некрасов Н. А. Стихотворения. Посмертное издание. Т. IV. СПб., 1879, с. LXXVII.

¹⁸ Литература и марксизм, 1930, № 2, с. 72.

Душно без счастья и воли.
Ночь бесконечно темна,
Буря бы грянула что ли,
Чаша с краями полна.¹⁹

2. К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ «ПРИТЧИ»

У некрасовской «Притчи» трудная судьба. Написанная в 1870 г., она не публиковалась при жизни автора по цензурным условиям и не была включена в посмертное издание стихотворений Некрасова 1879 г.²⁰ Пять дореволюционных публикаций не сделали «Притчу» известной широкому читателю, ибо стихотворение печаталось в нелегальных или узко специальных периодических изданиях. В 1927 г. К. И. Чуковский впервые включил «Притчу» в собрание сочинений Некрасова, однако поместил ее в разделе «Стихотворений, приписываемых Некрасову».²¹ А в «Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова» (М.—Л., «Академия», 1937), издаваемое под редакцией К. И. Чуковского, «Притча» снова не была включена. В основной корпус некрасовских стихотворений «Притча» впервые вошла в 1948 г. (II, 516).

Все это, однако, не означает, что некрасоведа обходили это произведение своим вниманием. О «Притче» писал Чуковский в комментариях к некрасовским изданиям; к ним внесли существенные поправки С. А. Рейсер²² и А. М. Гаркави.²³

Наиболее полный и глубокий анализ «Притчи» дан в работах В. Е. Евгеньева-Максимова. В 1913 г. молодой исследователь опубликовал статью «Некрасов и реакция 60—70 годов»,²⁴ где в числе других, ранее неизвестных произведений поэта была помещена и «Притча». Стихотворение сопровождалось историческим комментарием и глухой (разумеется, в силу цензурных условий) ссылкой на «заграничное издание», по которому перепечатывалось стихотворение.

Автор статьи убедительно доказывал, что в «Притче» отразилось сложное и во многом противоречивое отношение Некрасова к реформам Александра II и к фигуре самого царя-реформатора. Образ «именитого гражданина», «сеятеля правды суровой», дерзнувшего раскрыть царю глаза на вельмож-ретроградов, низводящих великий план царя «до ветоши скудной», связывался с образом Н. Г. Чернышевского и его «Письмами без адреса» (1862). То же, но в более развернутом виде, Евгеньев-Максимов повторил и в своей книге о Некрасове, вышедшей в следующем году,²⁵ и через сорок два года в статье о Некрасове и Чернышевском.²⁶

Едва ли можно дополнить чем-либо существенным анализ идейно-художественного содержания «Притчи», данный в работах выдающегося некрасоведа. Перед нами более скромная задача: рассказать о нескольких эпизодах из жизни некрасовского произведения, которое в разные моменты русского революционного движения оказывалось злободневным.

¹⁹ Цит. по экземпляру, хранящемуся в Отделе редкой книги Библиотеки АН СССР в Ленинграде, инв. № 7973 ВП. С некоторыми разночтениями эта прокламация перепечатывалась В. Гороховым в кн.: Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения. 1899—1906. СПб., 1908, с. 32—33.

²⁰ См.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 18.

²¹ Некрасов Н. А. Стихотворения. Под ред. К. Чуковского. Л., 1927, с. 444.

²² Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 29—31.

²³ О Некрасове. Статьи и материалы, вып. 2. Ярославль, 1968, с. 301.

²⁴ Заветы, 1913, № 2, с. 130—133.

²⁵ Евгеньев В. Н. А. Некрасов. М., 1914, с. 234—240.

²⁶ Евгеньев-Максимов В. Е. Образ революционного деятеля в поэзии Н. А. Некрасова. (Стихи Некрасова о Чернышевском). — Некрасовский сборник, вып. II. М.—Л., 1956.

Эти эпизоды не освещены в некрасоведческой литературе и, по нашему мнению, представляют значительный интерес.

Некрасов, вовсе не питавший в 1870 г. либеральных иллюзий по отношению к Александру II, сознательно пошел на уступки цензурным требованиям, несколько приукрасив образ царя — «устроителя края», но так и не опубликовал «Притчу».²⁷ Впервые это стихотворение увидело свет в июле 1881 г. в органе политических эмигрантов «Общее дело», издававшемся в Женеве в 1877—1890 гг. Газета не отличалась четкостью политической позиции, ее редакция стремилась объединить различные оппозиционные силы русского общества для борьбы с самодержавием. Постоянными сотрудниками «Общего дела» были Н. Х. Христофоров (основатель и фактический редактор газеты), В. А. Зайцев, Н. А. Юрьев; печатались также П. Ф. Алисов, М. П. Драгоманов, М. И. Ванюков, Н. А. Морозов, С. А. Подолинский и др. Газета опубликовала ряд произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, Т. Г. Шевченко, запрещенных в России. Одним из активнейших корреспондентов газеты, а в 1880-х годах ее фактическим руководителем был Н. А. Белоголовый, известный своей дружбой с Салтыковым-Щедриным, близостью к Некрасову и редакции «Отечественных записок». Б. П. Козьмин не без основания предполагал, что именно через Белоголового и не без ведома самого автора в газете «Общее дело» увидели свет «Письма к тетеньке» (№ 46) и ряд сказок Щедрина (№ 55, 67—69, 81).²⁸

Думается, что и произведения Некрасова («Из поэмы „Пир на весь мир“» (№ 29), «Русь» (№ 31—32), «Притча» (№ 41)) могли быть доставлены в Женеву Белоголовым. Весьма возможно, что в руках бывшего врача Некрасова находилась беловая рукопись «Притчи», ныне утраченная. Это предположение возникает при сопоставлении текста «Притчи», напечатанного в газете «Общее дело», с имеющимися в распоряжении исследователей двумя копиями стихотворения, сделанными А. А. Буткевич в разное время.²⁹ Сопоставление текстов убеждает, что редакция стихотворения, сохранившаяся в списке Буткевич, была первоначальной. Незначительные отличия имеются в стихах 17-м, 33-м, 34-м и 73-м. Появление некрасовской «Притчи» в газете «Общее дело» интересно не только тем, что это первая публикация произведения. Стихотворение органично вошло в состав материалов, помещенных в номере газеты, объединившей людей, сгоравших «жаждой труда и рвением, сдвигающим горы».³⁰ Газета не раз помещала на своих страницах материалы о политических процессах в России, о народолюбцах. Эмигрантам, изгнанникам и борцам посвящены строфы «Притчи» о строителях храма, отвергнутых царем:

И целая треть не вернулась домой:
Иные — в пути умирали,
Иные бродили по царству с сумой
И смуты в умах поселяли.
Иные скитались по чуждым странам,
Иные в столице остались
И зорко следили, как строится храм, —
И втайне царю удивлялись.

(II, 518)

²⁷ Среди бумаг поэта сохранился листок, относящийся к 1874 (?) г. со списком 11 стихотворений, позволяющий предположить, что Некрасов намеревался включить «Притчу» в цикл стихотворений общественно-политического содержания (ИРЛИ, ф. 203, № 42).

²⁸ Исторический сборник, вып. 3. Л., 1934. См. также: Мещеряков Н. Н. А. Белоголовый в газете «Общее дело». — Зап. Отдела рукописей Всесоюз. б-ки им. В. И. Ленина, 1939, вып. 2, с. 60—70.

²⁹ ИРЛИ, ф. 203, № 43; р. II, оп. 1, № 40.

³⁰ Общее дело, Женеве, 1881, № 41.

Один из самых радикальных сотрудников «Общего дела» — В. А. Зайцев, убежденный, что Россия стоит на пороге революции, писал в 1880 г. (№ 31—32): «Царь-„реформатор“ до того уронил свой престиж, что даже и для друзей мирного прогресса quand même продолжение его царствования представляется чем-то вроде общественного бедствия».

Лицемерного царя-«реформатора», достойного жестокой кары, а не «строителя обширного края», любящего «бескорыстно народ и страну», видели русские изгнанники в герое некрасовской «Притчи». Смысл, который вкладывала редакция «Общего дела» в публикацию некрасовского произведения, становится очевидным, когда знакомишься с материалом, напечатанным в газете непосредственно за «Притчей». Это — обращение Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии от 8 марта 1881 г. к европейскому обществу. Комитет сообщает о казни Александра II и разъясняет причины, побудившие революционеров к столь решительным мерам. По словам Исполнительного комитета, это убийство было подготовлено «долгими годами тиранического правления» русского императора, политическим террором и гибелью тысяч борцов за свободу, замученных в тюрьмах, ссылках и каторге.

Такое соседство поэтического произведения и публицистического выступления не случайно. Некрасовская «Притча», революционный смысл которой приглушен библейски-спокойными сказовыми интонациями, вынужденной «идеализацией» образа царя, звучит здесь прямым обвинением российскому деспотизму. «Притча» вошла также в состав сборника стихотворений Некрасова, изданных в Женеве.³¹ Если публикации «Притчи» в заграничных изданиях известны в современной литературе о Некрасове,³² то первая публикация этого стихотворения в русской легальной печати по странной случайности совершенно не замечена советскими исследователями. Указание на эту публикацию мы находим в книге В. Е. Евгеньева-Максимова о Некрасове 1914 г.

К словам о том, что «Шарманка» и «Притча» увидели свет «в заграничных изданиях», следует примечание: «См. также сатирический журнал „Бомбы“, издававшийся в 1906 году П. А. Картавовым».³³ Весьма возможно, что на эту публикацию обратил внимание исследователь сам Картавов, который был знаком с Евгеньевым-Максимовым.³⁴ В позднейших работах Евгеньева-Максимова мы не находим ссылок на журнал «Бомбы». Между тем эта публикация отмечена в одной из первых советских библиографических работ о Некрасове.³⁵ Однако и это указание не привлекло внимания авторов комментариев советских изданий Некрасова.

В журнале «Бомбы» (№ 1, с. 3—5) помещены первые сто строк «Притчи» Некрасова и неподписанное произведение Картавова «Из дневника чиновника», задуманное, видимо, как своеобразный прозаический «эквивалент» «Притчи». По словам чиновника-либерала, усилия государя, направленные на координирование деятельности правительства в соответствии с его добрыми начинаниями, наталкиваются на открытое противодействие местных властей и плохо скрываемую неприязнь министров. Некрасовская «Притча» воспринималась здесь как своеобраз-

³¹ Кому на Руси жить хорошо. Поэма и другие стихотворения, не вошедшие в цензурные издания Н. А. Некрасова. Женева, 1892, с. 257—263.

³² Первое указание на публикацию в «Общем деле» см. в кн.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1953, с. 793.

³³ Евгеньев В. Н. А. Некрасов, с. 216.

³⁴ В архиве Картавова, хранящемся в Рукописном отделе ГПБ, имеется книга Евгеньева-Максимова с дарственной надписью автора.

³⁵ Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография. Под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. Пг., 1918.

ный художественный манифест либеральной интеллигенции, напуганной кровью и вполне удовлетворенной высочайше дарованными «свободами».

В руках Картавова находился, очевидно, текст одного из рассмотренных выше заграничных изданий «Притчи». Этим следует, вероятно, объяснить подзаголовок, который Картавов счел необходимым предпослать публикации. Заглавие выглядит так: «Притча (приписываемая Н. А. Некрасову, напис. в 1870 году)».

Притча о царе — «устроителе края», прекрасные замыслы которого низводятся вельможами «до ветоши скудной», как нельзя более соответствовала настроениям издателей журнала — П. А. Картавова и Н. Л. Пушкирева. Но одно место в некрасовском произведении все-таки не соответствовало позиции журнала. Некогда Некрасов, чертыхаясь, правил рукописи Пушкирева (см.: XI, 324), теперь Пушкирев и Картавов вынуждены подправлять Некрасова. Стихи

И царь, пораженный избытком улик,
Казнил старика для примера!

показались издателям журнала «Бомбы» противоречащими всему содержанию «Притчи», а главное, исторической ситуации 1906 г. Поэтому в № 2 журнала (с. 3), где помещены последние 70 строк стихотворения, эти стихи изменены:

И вот пораженный избытком улик,
Казнен был старик для примера.

Таким образом, роль царя в расправе над «именитым гражданином» была приглушена.

Научный интерес первой публикации некрасовской «Притчи» в России усиливается еще одним немаловажным обстоятельством. В журнале текст стихотворения сопровождается иллюстрациями. Оставаясь до сих пор неизвестными исследователям и издателям Некрасова, они являются не только первыми, но, очевидно, и единственными иллюстрациями к этому произведению. Сам по себе они не представляют большой художественной ценности, но существенно дополняют наше представление о том, какой смысл вкладывался в эту публикацию.

Под заголовком «Притчи» («Бомбы», № 1) изображен царь, стоящий в своем кабинете. Он выглядит очень добрым, лубочно-домашним и похожим на карточного короля или царя на иллюстрациях к пушкинским сказкам. На столе перед ним «плод его царственных дум» — макет храма, который предстоит построить. Любопытно, что «храм» этот похож одновременно на православный собор и на административное здание, некое подобие западноевропейской ратуши. Так воплощены здесь мечты интеллигенции о монархии, ограниченной буржуазной конституцией.

Вторая иллюстрация, предваряющая последние 70 строк «Притчи» («Бомбы» № 2), изображает царя сидящим на троне, который больше похож на обыкновенный стул. Он сгорбился, горестно подперев голову рукой, и не хочет смотреть на то, что видно в окно. Там, за окном, «храм» — приземистое, заурядное здание с уродливыми колоннами. Нет, это не «плод его царственных дум...».

Иллюстрации принадлежат художнику-графику Иосифу Ридигеру и подписаны монограммой «Р». Им же выполнена и часть помещенных в журнале карикатур с подписью «Hamlet».³⁶

³⁶ Иллюстрации атрибутированы по письму Картавова к И. Ф. Масанову от 12 октября 1928 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 317, оп. 1, № 180.

Было бы, вероятно, несправедливо упрекать Картавова за неверное истолкование некрасовского произведения и вольное обращение с текстом «Притчи». Его заблуждения были характерными для значительной части русской интеллигенции той поры. «Притча» произвела на Картавова сильнейшее впечатление и побудила его сделать еще один, очень рискованный и одновременно поражающий своей наивностью шаг. Подобно «именитому гражданину» из «Притчи» личный почетный гражданин П. А. Картавов решил «смело нарушить жестокий закон» и «истину резко раскрыть пред царем». В архиве Картавова сохранился черновик его обращения к Николаю II, которое следует датировать, по-видимому, началом 1906 г. Автор обращения требует распустить двор, правительство, враждебное народу, и даровать России гражданские свободы. Мы не знаем, дошло ли обращение Картавова до Николая II. Зато доподлинно известно, что в первых числах февраля 1906 г. полиция ворвалась в помещение типографии Виленчика на Литейном (д. 58) и рассыпала уже набранный третий номер журнала «Бомбы».³⁷

3. САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ О МУРАВЬЕВЕ

Известно тяготение Некрасова к стихотворным циклам, в которые объединялась значительная часть его произведений («На улице», «О погоде», «Из записной книжки», «Последние песни» и др.). При составлении собраний своих сочинений поэт не придерживался строго хронологического порядка. Законом цикла подчинен едва ли не каждый том некрасовских прижизненных изданий.

Заключительный раздел последнего прижизненного издания стихотворений поэта (Стихотворения Н. Некрасова, т. 3, ч. 6. СПб., 1874) имеет заглавие: «Приложение третье. Юмористические стихотворения разных годов». Не требуется большой проникательности, чтобы увидеть: это не механическое совмещение «юмористических» стихотворений, не входивших в прежние издания. «Приложение» представляет собою своеобразный цикл сатир, героем которых является крупный вельможа эпохи реформ Александра II.

Почти все стихотворения этого цикла (10 из 11) печатались ранее в журналах; девять из них были коренным образом переработаны для издания 1873—1874 гг. Герой цикла предстает в каждом из стихотворений в разных, но весьма близких и совместимых качествах. Высокопоставленный бездельник и гурман («Признания труженика», «Перед зеркалом»), он не прочь иногда поиграть в модный либерализм («Первый шаг в Европу», «Явно родственник с землею...»); невежественный честолюбец, ищущий литературной славы, он спекулирует на «направлении» («Песня об „Аргусе“», «Литературная травля»); тупой солдафон, он сознательно и цинично («Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова...») или в слепом неведении («Притча о „Киселе“») убивает искусство.

Герой названных произведений выступает под несколькими именами («Кисель», Савва Намордников, Рудометов), но это, скорее, псевдонимы одного и того же образа. Не случайно, что герой стихотворения «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова...» выступал в первоначальной его редакции под именем Саввы Намордникова.³⁸ А Савва Намордников — герой «Литературной травли» (1860) — в рукописи носит имя Рудометова.

³⁷ ГПБ, ф. 341, № 1.

³⁸ Современник, 1863, № 4 (Свисток, № 9, с. 72).

Детальный анализ всего сатирического цикла — тема для самостоятельной статьи. Здесь же мы хотим показать, как в двух произведениях «Приложения» — «Притче о „Киселе“» и «Из автобиографии генерал-лейтенанта Рудометова...» — отражены черты одного из высокопоставленных современников поэта.

Летом 1867 г. у Некрасова возник замысел цикла сатирических жизнеописаний — «Эпитафии». Он остался неосуществленным. «Одно стихотворение, о котором сожалел, что не написал, — вспоминает А. А. Буткевич, — это „Эпитафии“». С одним из своих друзей, охотником, он однажды переходил кладбище. Гаврило рассказывал ему о покойниках, могилы которых обращали на себя внимание брата. Я помню только эпитафию, произнесенную Гаврилой помещику». ³⁹

«Притча о „Киселе“» и набросок «Зимой играл в картишки...» относятся, по всей вероятности, именно к данному циклу. Это подтверждает запись на полях рукописи «Суда» и «Притчи о „Киселе“»: «Жил был за тридевять земель и пр. Эпитафии». ⁴⁰

О прототипах «Киселя» писали много. Первыми были названы управляющий императорскими театрами в 1862—1866 гг. граф А. М. Борх и барон К. К. Кистер, служивший вначале в конногвардейском полку (см.: II, 759). М. М. Гин убедительно показал, что ближайшим прототипом «Киселя» мог быть А. И. Сабуров, управляющий императорскими театрами в 1852—1862 гг. ⁴¹ И все-таки нельзя не узнать в «Киселе» черты еще одного весьма известного Некрасову его современника, когда читаешь «боевую» предысторию героя стихотворения:

... в войне на поле брани
Подобных не было ему:
Он нес с народов диких дани
Царю — владыке своему.
Сломив рога крамоле внешней
Пожаром, казнями, мечом,
Он действовал еще успешней
В борьбе со внутренним врагом:
Не только чуждые народы,
Свои дрожали перед ним!

Эти стихи — обобщенный портрет М. Н. Муравьева. Вряд ли кто-либо другой в России середины 1860-х годов больше, чем он, заслуживал такую характеристику. Усмиритель Польши и всего Северо-Западного края, прославившийся своей жестокостью, М. Н. Муравьев, прозванный «вешателем», сыграл, как известно, немалую роль и в судьбе Некрасова. «Подвиги» Муравьева «в борьбе со внутренним врагом» после выстрела Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г., ужас и отвращение, которые он внушал всем, имеющим отношение к демократической литературе, прекрасно освещены в специальной работе К. И. Чуковского. ⁴²

У автора «Притчи о „Киселе“» были свои счеты с Муравьевым. Некрасовский «Современник» был закрыт, несмотря на отчаянный шаг редактора, сочинившего и публично прочитавшего оду палачу.

«Притча о „Киселе“», над которой Некрасов работал одновременно с сатирой «Суд», была закончена летом 1867 г. На рукописи стоит дата: «21 августа». Включив стихотворение в издание 1873—1874 гг., ⁴³ поэт поставил фиктивную дату — «1865». М. Н. Муравьев умер в августе

³⁹ Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 178.

⁴⁰ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 693.

⁴¹ Некрасовский сборник, вып. IV. Л., 1967, с. 139.

⁴² Чуковский К. Поэт и палач. (Некрасов и Муравьев). Пб., 1922.

⁴³ Впервые опубликовано: Отечественные записки, 1868, № 1, с. 1—6.

1866 г., и, несмотря на ненависть к нему даже со стороны двора, датировать сатирическую эпитафию 1867 г. было бы опасно.

С личностью Муравьева связаны, по нашему убеждению, и некоторые другие произведения данного цикла. Стихотворение Некрасова «Мое желание. (Романс господина, обиженного литературой)», опубликованное в апрельском номере «Современника» за 1863 г., подписано уже знакомым читателям «Свистка» именем «Савва Намордников». ⁴⁴ Откровения грубого, циничного солдафона, желающего обуздать литературу, выражаются здесь в сослагательном наклонении. Мы не можем с уверенностью сказать, что это стихотворение было направлено против Муравьева. Некрасову в эту пору приходилось сталкиваться со многими гонителями всего живого в литературе. Несомненно, однако, что Муравьев был в числе наиболее возможных прототипов Саввы Намордникова, Бывший министр государственных имуществ, принадлежавший к числу наиболее яростных противников крестьянской реформы, военный губернатор Северо-Западного края, с азиатской жестокостью «умиротворяющий» Польшу, Литву, Белоруссию, был в это время самой зловещей фигурой в аппарате Александра II.

«Это был человек беспардонный, — пишет Чуковский, — и даже бравировавший своей беспардонностью». «Его сутулая тяжелая фигура почти заслонила Александра Второго. Александр Второй ступевался перед этим самодержавным диктатором. Дело дошло до того, что Герцен в своем „Колоколе“ шутя предлагал Муравьеву похерить Александра Второго, да и стать на всероссийский престол». ⁴⁵

Неограниченная власть, полученная Муравьевым-Вешателем на посту председателя Верховной комиссии по делу Каракозова, была использована им максимально: смещались министры, переполнялись тюрьмы, закрывались периодические издания. Ср. у Некрасова:

Умел я разом сократить
Журнальную подписку.
Пятнадцать цензоров сменил
(Все были либералы),
Лицеям, школам, воспретил
Выписывать журналы.
«Не успокоюсь, не поправ
Писателей свирепость!
Узнайте мой ужасный нрав,
И мощь мою — и крепость!».

(II, 417)

Евгеньев-Максимов указал, что в последней строчке приведенного отрывка стихотворения «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова...» ⁴⁶ автор остроумно обыгрывает слово «крепость». Здесь оно обозначает не только физическую крепость, но и ту крепость, в которой томился Чернышевский и, добавим, сотни других единомышленников Некрасова.

Знакомство с наборной рукописью стихотворения для издания 1873—1874 гг. не оставляет почвы для сомнения относительно объекта сатиры. Произведение воскрешает в памяти читателей эпоху муравьевского диктатора, хотя биография его героя, разумеется, не во всем совпадает с биографией Муравьева-Вешателя.

Для нового издания дописана первая часть стихотворения, изменены его название и имя героя: «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора

⁴⁴ Этим именем подписано стихотворение «Литературная травля», см.: Современник, 1861, № 1 (Свисток, № 7, с. 41).

⁴⁵ Чуковский К. Поэт и палач, с. 10, 13.

⁴⁶ Евгеньев-Максимов В., Тизенгайзен Г. Последние годы «Современника», 1863—1866. Л., 1939, с. 251.

Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году». Наборная рукопись, хранящаяся ныне в Черниговском историческом музее, помогает отчетливее представить замысел Некрасова.⁴⁷ Первоначальное название стихотворения было: «Из автобиографии престарелого генерала Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного вместе с прочими в 1857 году, а в 1866 году вновь призванного на службу отечеству».

«Престарелый генерал» Муравьев был уволен в отставку под давлением общественного мнения не в 1857, а в 1865 г., но «призван» снова (и об этом узнала и долго помнила вся Россия) на следующий же день после каракозовского выстрела.

Кроме вновь написанной первой части, нового заглавия, существенно изменена была вторая часть. Даже по наборной рукописи мы видим, как Некрасов работает в направлении укрупнения и обобщения образов. Строка «Я десять цензоров сменил...» заменяется на «Пятнадцать цензоров сменил...». Строки 41—45, взятые слегка измененными из первоначальной редакции («Мое желание»):

Я восклицал. Я их застиг
Как выхорь в чистом поле.
Совсем не выходило книг
По месяцу и боле.
Не находили прописей...

— зачеркнуты, над ними даны более удачные и острые варианты:

Я восклицал. Я их застиг
Как ураган в пустыне,
И гибли, гибли сотни книг
Как мухи в керосине!
Мать не нашла бы прописей...

Под текстом фиктивная дата — «1857». Рядом зачеркнутая приписка, начинавшаяся сразу отвергнутым «будет пр...»: «Вторая половина была помещена в „Свистке“ 1861 года» (здесь «1861» переделано из «1862»).

Слово «престарелого» и ту часть заглавия, которая следовала после «в 1857 году», Некрасов был вынужден вычеркнуть, как слишком явно указывающие на объект сатиры. В левом верхнем углу рукописи поэт написал карандашом: «Стих. Некр., ч. VI. В приложение». Справа над текстом стихотворения помета: «Грейгер 69 стр.».

Эта рукопись и рукописи со стихотворениями «Перед зеркалом» и «Явно родственный с землею...» были переданы Черниговскому музею в 1896 г. командиром 18-го пехотного Вологодского полка, квартировавшего в Чернигове, — полковником Николаем Александровичем Фон-Фохтом.

Как попали автографы в руки полковника, можно только гадать. Н. А. Фон-Фохт (род. 1850 г.), брат мужа сводной сестры поэта Льва Александровича Фон-Фохта, оставил воспоминания о Ф. М. Достоевском.⁴⁸ Л. А. Фон-Фохт был профессиональным музыкантом и положил на музыку стихотворения Некрасова «Прости, не помни дней падения», «Еду ли ночью по улице темной», «Несжатая полоса». Некрасов любил слушать игру Фон-Фохта.⁴⁹ Возможно, в руки Н. А. Фон-Фохта попали рукописи стихотворений, подаренных поэтом музыканту.

⁴⁷ Этот автограф описан не совсем полно и точно в издании: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 622.

⁴⁸ Исторический вестник, 1901, декабрь, с. 1023—1033.

⁴⁹ Книга и революция, 1921, № 2, с. 60. См. также: Собрание детских одногласных песен... СПб., 1874, № 56.

М. В. Теплинский

О ТЕКСТЕ ПОЭМЫ НЕКРАСОВА «СОВРЕМЕННОКИ»

В связи с подготовкой академического издания сочинений Н. А. Некрасова вновь с особой остротой встали вопросы, имеющие не только сугубо научное, но и более широкое значение. Речь идет о текстологии некрасовских сочинений, многие проблемы которой еще не решены должным образом. Теоретические споры в этой области приводят на практике к таким досадным явлениям, когда в разных изданиях поэма «Кому на Руси жить хорошо» выходит с различным расположением частей, «Современники» печатаются в различном объеме и т. д. Подобные явления, касающиеся крупнейших произведений Некрасова, заставляют с особой тщательностью и осторожностью готовить некрасовские тексты для академического издания.

* * *

Поэма Некрасова «Современники» была написана в 1875 г. К счастью, сохранились почти все рукописи поэмы, что позволяет установить основные этапы работы поэта над этим крупнейшим сатирическим произведением.

Некрасов сначала набрасывал ряд заметок, сцен, эпизодов, отрывков и т. д. (черновая рукопись), а затем тщательно работал над планом их расположения (подобные планы сохранились к первой и частично к второй частям поэмы). В соответствии с этими планами материал систематизировался в так называемой сводной рукописи, которая служила основой для рукописи наборной (это писарская копия, но с многочисленной авторской правкой).¹

Судя по сохранившимся планам и рукописям, первая часть поэмы («Юбиляры и триумфаторы») должна была состоять из 16 сцен — «зал». Сам Некрасов дал каждому из таких эпизодов особое название и определил порядок их размещения в поэме:

«1. Администратор. 2. Литератор. 3. Гонитель литературы. 4. „Жюдисты“. 5. Новый губернатор. 6. Жид-процентщик — редактор. 7. Военный спор. 8. Сенаторы. 9. Агрономы. 10. Председатель казенной палаты. 11. Заводчики. 12. Литераторы-гробовскрыватьели. 13. Воины. 14. Полицейский сыщик. 15. Благотворители. 16. Гастрономы» (XII, 300).

Именно в таком порядке все эти эпизоды были переписаны в наборной рукописи.

Незадолго до публикации первой части поэмы в «Отечественных записках» Некрасов решил включить в окончательный текст еще одну

¹ Все три рукописи хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ); несколько листов из черновой рукописи — в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ).

сцену: речь идет об отрывке, который начинался словами «Были вы вчера студенты...» (в черном плане он не упомянут и поэтому особого названия у него нет). Эту сцену, сохранившуюся только в сводной рукописи, Некрасов пометил номером 15-м;² он должен был идти за «Полицейским сыщиком». Таким образом, общее количество «зал» теперь равнялось 17 (в наборной рукописи была произведена соответствующая смена номеров двух последних эпизодов: «Благотворители» стали шестнадцатой «залой», а «Гастрономы» — семнадцатой³).

Затем в процессе подготовки первой части к печати Некрасов исключил «залу № 5» («Новый губернатор») и заново перенумеровал все остальные эпизоды, уменьшая последовательно их номера на единицу. Сцена «Были вы вчера студенты...» получила теперь № 14.⁴ Но так как эта «зала» не была скопирована в наборной рукописи, а оставалась в сводной, то исследователи долгое время не могли решить, какой именно текст относится к № 14 (при публикации первой части поэмы в «Отечественных записках» после № 14 шел ряд точек). В связи с этим несколько лет назад я даже высказал предположение об ошибке переписчика, который будто бы по оплошности просто пропустил № 14 в наборной рукописи, а Некрасов этой ошибки не заметил.⁵ На самом же деле № 14 имел вполне определенный текст, сохранившийся, правда, не в наборной, а в сводной рукописи. Номера, поставленные самим Некрасовым перед этой «залой» (сначала № 15, а затем, после перенумерации, № 14), не оставляют сомнений в том, что именно она должна быть помещена в соответствующем месте «Юбиляров и триумфаторов».

Таким образом, по замыслу Некрасова первая часть поэмы должна была состоять в окончательном варианте из следующих «зал»:

«1. Администратор. 2. Литератор. 3. Гонитель литературы. 4. „Жюдисты“. 5. Жид-процентщик — редактор. 6. Военный спор. 7. Сенаторы. 8. Агрономы. 9. Председатель казенной палаты. 10. Заводчики. 11. Литераторы-гробовскрыватели. 12. Воины. 13. Полицейский сыщик. 14. „Были вы вчера студенты...“. 15. Благотворители. 16. Гастрономы».

По такому плану первая часть поэмы («Юбиляры и триумфаторы») печаталась в № 8 «Отечественных записок» за 1875 г. При этом под тремя номерами (2, 5, 14) были поставлены отточия. Номеру 2 соответствовал отрывок «Литератор», номеру 5 — «Жид-процентщик — редактор», а за номером 14, как теперь выяснилось, стоял отрывок «Были вы вчера студенты...».

Впоследствии, при публикации второй части поэмы («Герои времени») в «Отечественных записках» (1876, № 1), Некрасову удалось использовать эпизод «Жид-процентщик — редактор» («Неразлучной ходят парой...»).

При жизни поэта «Современники» были перепечатаны еще один раз — в «Последних песнях» (1877). Там текст первой части был еще более сокращен: выпали номера 6, 9, 12. Но здесь пропущенные «залы» уже не были заменены точками; Некрасов заново перенумеровал оставшиеся 10 сцен.

При публикации в «Отечественных записках» второй части поэмы были выпущены 12 строк из эпизода, который К. И. Чуковский условно

² ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 24, л. 48.

³ Там же, л. 94, 95.

⁴ Там же, л. 48. «Благотворители» и «Гастрономы» получили прежние номера — 15 и 16 (л. 94, 95). Изменение нумерации в рукописи проводилось самим Некрасовым.

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 3. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 462.

называл «Дворянские скорби и радости» («Да, провинция пустеет...»). В «Последних песнях» весь этот эпизод был изъят.

Долгое время поэма «Современники» печаталась по последней прижизненной публикации, т. е. по «Последним песням». В 1951 г. в кандидатской диссертации, посвященной «Современникам», я высказал мнение, что все те изъятия, о которых речь шла выше, были вызваны автоцензурой и что поэтому крупнейшее сатирическое произведение Некрасова — поэму «Современники» нужно печатать с учетом этого обстоятельства, взяв за основу текст, опубликованный в «Отечественных записках».⁶ В том же году в защиту подобной точки зрения выступил В. Г. Прокшин,⁷ а двумя годами спустя — Н. М. Гайденков.⁸

В известной работе К. И. Чуковского «От дилетантизма к науке», подводящей итог его многолетней деятельности в области некрасовской текстологии, совершенно справедливо говорится: «Если нам достоверно известны те неблагоприятные причины, которые, даже помимо цензурных воздействий, способствовали ухудшению текста и нанесли какой-нибудь ущерб его смыслу, мы обязаны во что бы то ни стало устранить этот ущерб».⁹

Хорошо известно, в каких тяжелых условиях Некрасов издавал «Последние песни». Об этом сохранилось чрезвычайно важное свидетельство А. А. Буткевич: «Издавая „Последние песни“ в последний год своей жизни, брат выпустил из них все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой, относившейся к нему во время болезни крайне придирчиво. Он поместил только самые, по его мнению, невинные, боясь, чтобы книга не подверглась аресту».¹⁰

С. И. Пономареву Буткевич писала 5 июня 1878 г.: «Брат, желая увидеть в печати свои „Последние песни“, избегал всего, к чему могла бы придраться цензура».¹¹

Эти слова Буткевич достаточно авторитетны для того, чтобы на их основании сделать необходимые текстологические выводы. Но есть и другие соображения, также подтверждающие вынужденный характер исключений, сделанных в «Последних песнях» при публикации поэмы «Современники».

Без выпущенных сцен идейный смысл сатирической поэмы оказывается в определенной степени сглаженным. В них с наибольшей остротой разоблачались притеснители народа — «юбиляры» и «триумфаторы»; говорилось о тяжелом положении их жертв, о нарастающем протесте народа. Так, в сцене «Воины» содержался намек на кровавое подавление крестьянского восстания в с. Бездна Казанской губернии.¹² В эпизоде,

⁶ Теплинский М. В. Творческая история поэмы Некрасова «Современники». Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Л., 1951, с. 10. Эта точка зрения была аргументирована в моей статье «Творческая история поэмы Некрасова „Современники“» (Некрасовский сборник, вып. II. М.—Л., 1956, с. 334—344).

⁷ Прокшин В. Г. Поэма Н. А. Некрасова «Современники». Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 1951. Подробную аргументацию см. в его статье «К творческой истории поэмы Н. А. Некрасова „Современники“» (Учен. зап. Башкирского пед. ин-та, Уфа, 1955, вып. 5). См. отклик на эту статью: Теплинский М. В. Об идейной направленности сатиры Н. А. Некрасова 1870-х годов. — Учен. зап. Южно-Сахалинского пед. ин-та, 1957, т. I, с. 178 (примеч.).

⁸ Советская книга, 1953, № 3, с. 101—102.

⁹ Новый мир, 1954, № 2, с. 244.

¹⁰ Литературное наследство, т. 49—50. М., 1949, с. 174.

¹¹ Там же, т. 53—54. М., 1949, с. 175.

¹² Теплинский М. В. Творческая история поэмы Некрасова «Современники». Автореферат, с. 8. См. также «Дополнительный комментарий к сатире „Современники“» (XII, 462).

названном Некрасовым «Председатель казенной палаты», говорится о безысходной нужде мужика. Представители консервативного офицерства, изображенные в сцене «Военный спор», толкуют о желательности возврата к дореформенным порядкам. Наконец, во второй части поэмы, в эпизоде «Да, провинция густеет...», навеянном Некрасову прениями в Петербургском губернском дворянском собрании, разоблачаются реакционные планы помещиков, стремящихся приспособиться к новым условиям, возникшим после 1861 г.

Можно также предположить, что Некрасову был известен неблагоприятный отзыв, данный цензором Н. Лебедевым при публикации в журнале «Юбиляров и триумфаторов». Цензор посчитал эпизоды, составляющие первую часть поэмы, «предосудительными в том отношении, что в них осмеиваются юбиляры, признанные правительством заслуживающими такого чествования, так как оно удостаивало их арендами и другими наградами».¹³

Таким образом, не только вполне авторитетные и убедительные свидетельства Буткевич, но и характер исключенных эпизодов, а также неудовольствие цензора «Отечественных записок» приводят к выводу, что текст «Современников» нельзя перепечатывать по «Последним песням», хотя это и последняя прижизненная публикация, так как в них мы встречаемся с явными случаями автоцензуры.

Правда, Чуковский писал: «Для меня даже не существует вопроса, какому же из двух вариантов — журнальному или книжному — мы должны отдать предпочтение. Я давно уже убедился на опыте, что ко всем без исключения стихам, которые Некрасов печатал в журналах, цензура относилась с удвоенной строгостью и предъявляла к ним такие суровые требования, каких не смела предъявлять к тем же текстам, когда они после появления в журнале печатались в какой-нибудь из некрасовских книг <...> Практика эта неизменна».¹⁴

Вполне вероятно, что дело действительно обстояло подобным образом в большинстве случаев, но не во всех без исключения, как это казалось Чуковскому.¹⁵ Что касается «Последних песен», например, то здесь автоцензура несомненно имела место, и поэтому текстологи обязательно должны учитывать предшествующие (журнальные) публикации. Это относится, в частности, к «Современникам».

Следует отметить, что сам Чуковский в 1953 г. пришел к мысли о необходимости печатать поэму «Современники» с частичным восстановлением купюр, вызванных автоцензурой. Но делалось это робко и непоследовательно.

В специальном разделе «Поправки и дополнения к Полному собранию сочинений и писем Н. А. Некрасова» Чуковский указал, что «Стихотворение „Воины“ <...> должно быть внесено в основной текст статьи (ошибка, нужно «поэмы», — М. Т.) „Современники“» (XII, 519). Действительно, в трехтомнике Некрасова, вышедшем в том же 1953 г., первая часть «Современников» состояла не из 10 «зал» (как в «Последних песнях»), а из 11 (добавлена была сцена «Воины»).¹⁶ Решение это недостаточно логично. Если уже печатать текст поэмы по «Отечественным

¹³ См.: Гаркави А. М. Разыскания о Н. А. Некрасове. — Учен. зап. Калнингр. пед. ин-та, 1961, вып. IX, с. 58.

¹⁴ Чуковский К. И. От дилетантизма к науке. — Новый мир, 1954, № 2, с. 239—240.

¹⁵ См.: Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 44—46.

¹⁶ Некрасов Н. А. Соч. в 3-х т., т. 2. М., ГИХЛ, 1953, с. 513.

запискам», то надо быть последовательным и воспроизводить все пропущенные эпизоды.

В следующем, 1954 г., в «Сочинениях» Некрасова, вышедших в качестве приложения к журналу «Огонек», первая часть поэмы состояла уже из 12 эпизодов. Кроме «Воинов», сюда была включена сцена «Были вы вчера студенты...». «Так как в настоящее время, — писал Чуковский, — окончательно выяснено, что Некрасов не включил ее (эту сцену, — М. Т.) в текст „Современников“ из-за цензурных препятствий, мы считаем себя вправе ввести ее туда».¹⁷

Хотя это решение не было должным образом аргументировано, не содержало ссылок на рукописные материалы и хотя место для публикации отрывка было избрано произвольно, все же в принципе Чуковский был прав, и критика в его адрес по этому поводу была неосновательной.¹⁸

Однако следует заметить, что из всех пропущенных эпизодов первой части Чуковский согласился ввести в основной текст поэмы лишь два: «Воины» и «Были вы вчера студенты...». Что же касается остальных «зал» (даже тех, которые были опубликованы в «Отечественных записках», — «Военного спора» и «Председателя казенной палаты»), то он оставался непреклонным. В статье «От дилетантизма к науке» Чуковский доказывал, что в этих отрывках вообще нет ничего нецензурного, что на подобные темы печаталось много сходного материала в тогдашней печати и т. д.¹⁹ Эти наблюдения не всегда справедливы. Для цензора заметки или статьи в газете или журнале и стихотворения Некрасова, написанные, казалось бы, на ту же тему, звучали далеко не одинаково, ибо Некрасов поднимал отдельные наблюдения и факты до большого поэтического обобщения.²⁰

В комментариях к поэме Чуковский высказывал все ту же точку зрения: «Введение большинства этих „фигур“ не могло встретить цензурных препятствий; ясно, что поэт не включил их в окончательный текст по собственной воле, и мы не имеем права их туда вводить».²¹ «... нам кажется сомнительным, чтобы все помещенные в „Отечественных записках“ отрывки „Современников“ были изъяты из книги „Последние песни“ по цензурным причинам, тем более что в „Отечественных записках“ той эпохи беспрепятственно трактовались те же сюжеты. Вероятнее всего, что сам Некрасов изъял некоторые из них оттуда, чтобы сделать свою сатиру более лаконичной и целостной. Мы не считаем возможным самоуправно ввести эти отрывки в окончательный текст».²²

Подобная же аргументация была повторена Чуковским и в 1965 г.²³

В 1967 г. было опубликовано «Полное собрание стихотворений» Н. А. Некрасова в трех томах (в «большой серии» «Библиотеки поэта») под общей редакцией К. И. Чуковского. В отличие от предыдущих изда-

¹⁷ Некрасов Н. А. Соч., т. 2. М., изд. «Правда», 1954, с. 373 (примеч.) (Б-ка «Огонька»).

¹⁸ Теплинский М. В. Творческая история поэмы Некрасова «Современники». — Некрасовский сборник, вып. II, с. 340—341.

¹⁹ Новый мир, 1954, № 2, с. 248.

²⁰ Теплинский М. В. Творческая история поэмы Некрасова «Современники». — Некрасовский сборник, вып. II, с. 337—339. При последующих переизданиях статьи «От дилетантизма к науке» все материалы, посвященные поэме «Современники», были исключены. См.: Чуковский К. И. 1) Люди и книги. Изд. 2-е, дополн. М., 1960, с. 367—412. 2) Собр. соч. в 6-ти т., т. 5. М., 1967.

²¹ Некрасов Н. А. Соч. в 3-х т., т. 2, с. 516.

²² Некрасов Н. А. Соч., т. 2. М., 1954, с. 376 (Б-ка «Огонька»).

²³ Некрасов Н. А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 3. М., «Худож. лит.-ра», 1965, с. 433—434. Текст первой части «Современников» и в этом издании состоял из 12 эпизодов.

ний здесь «Современники» были опубликованы не по «Последним песням», а по «Отечественным запискам». Первая часть поэмы состояла (как это было в журнале) из 13 «зал». Кроме сцены «Воины» (ранее уже включенной Чуковским в основной текст) теперь были также перепечатаны в составе поэмы «Военный спор» и «Председатель казенной палаты». Во вторую часть поэмы («Герои времени») впервые вошел значительный отрывок: «Да, провинция пустеет...» (условно названный Чуковским «Дворянские скорби и радости»). В свое время он был опубликован в «Отечественных записках».

Хотя в издании «Библиотеки поэта» не были убедительно решены все текстологические проблемы, касающиеся «Современников» (об этом см. ниже), но все же был сделан определенный шаг вперед, и это отмечается в рецензии на новое издание: «Поэма „Современники“ впервые публикуется по тексту „Отечественных записок“ (прежде воспроизводилась по урезанному цензурой тексту «Последних песен»), что дало возможность полнее представить ее текст, особенно первую часть».²⁴

Другие исследователи также считали, что поэма, опубликованная по журнальному тексту, «предстала как более острое и во всех отношениях более значительное произведение».²⁵

Таким образом, можно было бы предположить, что вопрос об источнике публикации сатирической поэмы Некрасова принципиально решен. Однако оказалось, что с таким решением согласны не все литературоведы.

* * *

В 1974 г. в серии «Литературные памятники» вышла книга Н. А. Некрасова «Последние песни», подготовленная Г. В. Красновым. Специфика издания обязывала комментатора дать читателю четкое и ясное представление не только о структуре последнего сборника поэта, но и о тех некрасовских текстах, которые входили некогда именно в данный сборник.²⁶ Однако Краснов, обосновывая принципы нового издания «Последних песен», приходит к незакономерным, с нашей точки зрения, текстологическим обобщениям. Полностью и безоговорочно принимая положение К. И. Чуковского о текстологическом «приоритете» книжных текстов, он пишет: «Книга „Последние песни“ содержит наиболее авторитетный текст в сравнении с журнальными публикациями».²⁷

Для доказательства своего вывода Краснов ссылается, в частности, на известные суждения Чуковского, якобы разделявшиеся и А. М. Гаркави. В действительности это, однако, не так.

«Неверное мнение, будто текст „Последних песен“ меньше пострадал от цензуры, чем текст „Отечественных записок“ <...> стало причиной путаницы и ошибок в определении основного текста „Современников“ <...> Мы согласны с М. В. Теплинским, который, специально изучив этот

²⁴ Гин М. Некрасов в «Библиотеке поэта». — Вопросы литературы, 1968, № 11, с. 204.

²⁵ См.: Гаркави А. М. Состояние и задачи некрасовской текстологии. — Некрасовский сборник, вып. V. Л., 1973, с. 164. См. также: Руднев П. А. Метрический репертуар Некрасова. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение. 1975, Тарту, с. 102.

²⁶ С этой точки зрения представляется спорным восполнение в основном тексте этого издания заведомых цензурных брешей и даже опечаток. Подобные случаи должны быть тщательно проанализированы и оговорены в примечаниях, но основной текст должен был бы точно соответствовать книге, которую получили читатели в 1877 г. и которая стала уже библиографической редкостью.

²⁷ Некрасов Н. А. Последние песни. М., 1974 (сер. «Литературные памятники»), с. 269.

вопрос, пришел к выводу, что в основу текста „Современников“ нужно положить журнальную редакцию»,²⁸ — писал А. М. Гаркави.

Тем не менее Краснов, отстаивая авторитетность текста «Последних песен» по сравнению с «Отечественными записками», утверждает, что Некрасов, печатая первую часть «Современников» еще в журнале, опустил несколько сцен только во имя композиционного единства поэмы. Непонятно в таком случае, почему же поэт специально отметил в журнале выпущенные сцены точками, как бы предупреждая читателей о вынужденном характере купюр. Это прекрасно понял М. Е. Салтыков-Щедрин, который писал Некрасову после прочтения первой части поэмы: «Стихи отличные, только выпущенного жалко».²⁹

По мнению Краснова, те же причины (стремление к композиционному единству) привели и к дальнейшему сокращению текста «Современников» в «Последних песнях». Странно, однако, что исключены в «Последних песнях» не «Жюдисты» или «Гастрономы», а именно те эпизоды, где, как уже было сказано, речь шла о неимоверно тяжелой жизни народа и содержались намеки на кровавое подавление народных восстаний. Показательно в этой связи отношение Краснова к сцене «Воины». Даже Чуковский неоднократно признавал, что здесь содержался намек на подавление крестьянского восстания в с. Бездна Казанской губернии. Краснов же считает, что эта версия «нуждается в более надежной аргументации».³⁰ Однако дополнительная аргументация существует.

Прочитировав сцену «Воины» и упомянув о ее исторической основе, М. М. Гин писал: «Но неужели по такому поводу мог быть устроен пир? Оказывается, мог. За несколько лет до появления поэмы „Современники“ публицист некрасовских „Отечественных записок“ Н. А. Демерт писал в одной из своих статей: „Факт невероятный, но однако же верный: после Бездненского «увечья», в ознаменование радости по этому случаю, крупные и именитые губернские землевладельцы устроили торжественный обед, говорили торжественные, приличные случаю речи, заливая их шампанским. Следовательно, и это чудовищное пиршество не придумано Некрасовым“».³¹

Можно вспомнить один случай, свидетельствующий о стремлении Некрасова максимально обезопасить текст «Последних песен» от возможных цензурных придирок. Сомневаясь в цензурности эпизода с проектом «Центрального Дома терпимости», поэт предположил его исключить, и для того чтобы текст оставался все же связным, он предусмотрительно изменил предшествующие строки:

Выступил новый оратор
Меняло — но я прозевал его речь.

(III, 610)

Эпизод с проектом менял Некрасову все же удалось опубликовать, но процитированные выше строки по недосмотру остались. В результате возникло явное противоречие, устраненное лишь в советских изданиях. Конечно, сцена с проектом «Центрального Дома терпимости» вполне могла бы и не попасть в «Последние песни». Однако это вовсе не давало бы нам

²⁸ Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой, с. 204—205. См. также: Гаркави А. М. Состояние и задачи некрасовской текстологии, с. 164.

²⁹ Щедрин Н. (Салтыков М. Е.). Полн. собр. соч., т. XVIII. М.—Л., 1937, с. 303.

³⁰ Некрасов Н. А. Последние песни, с. 318.

³¹ Гин М. М. От факта к образу и сюжету. О поэзии Н. А. Некрасова. М., 1971, с. 260; см. также с. 301. Статья Демерта «Новая воля» опубликована в № 9 «Отечественных записок» за 1869 г.

оснований говорить о том, что данное сокращение Некрасов предпринял только во имя достижения большей лаконичности и цельности, для композиционного единства и т. д. Этот пример очень важен, так как красноречиво свидетельствует о специальной подготовке текста «Последних песен» во избежание возможных цензурных придинок.

Однако, несмотря на спорность решения ряда текстологических проблем, издание «Последних песен» Некрасова в серии «Литературные памятники» — дело в принципе очень полезное и своевременное. Кстати говоря, весьма желательным было бы аналогичное издание сборника Некрасова 1856 г.

* *
*

Выше уже приводились слова А. А. Буткевич о том, что Некрасов, издавая «Последние песни», «выпускал из них все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой». Понятно желание сестры поэта восстановить соответствующие тексты по журнальным публикациям. В первом посмертном издании стихотворений Некрасова (в четырех томах) ей этого не удалось сделать (несколько строф из стихотворения «Уныние» и отрывки из поэмы «Современники» были помещены в 4-м томе, в разделе «Приложения»). Буткевич не была удовлетворена таким решением, считая его ошибочным, и даже принимала за это вину на себя. Она писала: «В следующем издании их следует восстановить в тексте (теперь они в примечаниях, это моя вина)».³²

Действительно, в следующем издании стихотворений Некрасова, которое вышло в 1881 г. в одном томе, Буткевич указывала в предисловии, что здесь «сделано два отступления от прежнего порядка, а именно: в стихотворении „Уныние“ и в трагикомедии „Герои времени“ несколько строф, отнесенных в посмертном издании в примечания, восстановлены в самом тексте».³³

Во всех современных изданиях «Уныние» вследствие прямого указания Буткевич печатается по тексту «Отечественных записок».³⁴ Однако аналогичные выводы относительно поэмы «Современники» долго не делались.

В «Приложениях» к посмертному изданию Некрасова 1879 г. воспроизводились три сцены из первой части «Современников», бывшие в журнале, но исключенные из «Последних песен», а также значительный отрывок из второй части («Героев времени») — «Да, провинция пустеет...».

Почему же Буткевич восстановила только этот отрывок из второй части, а сцены из первой части не перепечатала в 1881 г., хотя они также были опубликованы в «Приложениях» к посмертному изданию 1879 г.? Возможно, в данном случае ее остановила необходимость решения сложного текстологического вопроса, связанного с тем, что в «Последних песнях» Некрасов изменил нумерацию эпизодов, составляющих первую часть поэмы. Надо было снова менять нумерацию, а на это, очевидно, Буткевич не решилась. Именно этими причинами можно объяснить то, что Буткевич не сумела полностью исправить свою «вину» и осуществить замысел, о котором она писала в «Заметке».

Для современной текстологии легче решить те задачи, которые ока-

³² Литературное наследство, т. 49—50, с. 174. Характерно, что Краснов, перепечатывая в издании 1974 г. «Последних песен» воспоминания и заметки Буткевич, именно эту фразу выпустил (с. 133), очевидно, потому, что она явно противоречила его концепции.

³³ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в одном томе. СПб., 1881.

³⁴ Хотя Краснов и здесь не согласен с мнением большинства исследователей (см.: Некрасов Н. А. Последние песни, с. 285—286).

зались непосильными для Буткевич. Во всяком случае включение ею в издание 1881 г. отрывка из «Современников», бывшего в журнале, вычеркнутого из «Последних песен» и воспроизведенного в примечаниях к посмертному изданию, приобретает принципиальное значение, так как помогает решить вопрос об источниках основного текста этой замечательной сатиры Некрасова.

С этой точки зрения, публикация «Современников» в издании «Библиотеки поэта» («Большая серия») является, по существу, осуществлением замысла Буткевич.

Однако текстологические принципы, положенные в основу публикации «Современников» в упомянутом издании, будучи принципиально правильными, сейчас воспринимаются все же как недостаточно последовательные. В частности, возражение может вызвать слабо мотивированное решение установить для эпизодов первой части сплошную нумерацию (№ 1—13). В «Отечественных записках» первая часть поэмы состояла из 16 «зал»; после трех номеров вместо текста были поставлены точки. В «Последних песнях» выпали еще три сцены, и Некрасов установил там сплошную нумерацию (№ 1—10). Вряд ли правильным было, печатая поэму по «Отечественным запискам», устанавливая сплошную нумерацию по образцу «Последних песен».

И если уж за основу публикации принимается журнальный текст, то надо было идти до конца, т. е. восстановить и те эпизоды, которые в «Отечественных записках» были отмечены точками, что прямо указывало на желание Некрасова восстановить их при более благоприятных условиях. Поэтому есть все основания сохранить в первой части поэмы все 16 сцен. Лишь после № 5 должны быть поставлены точки, а в примечаниях сделаны соответствующие разъяснения о том, что текст, который Некрасов первоначально предполагал поместить в первой части, впоследствии был использован во второй части поэмы. Все остальные номера в полном соответствии с планом Некрасова имеют вполне реальный текст (учитывая сводную и наборную рукописи). Этот текст и должен быть воспроизведен, чтобы читатель, наконец, получил в полном объеме представление о замысле Некрасова и о его воплощении.

Ю. В. Лебедев

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ПОЭМЕ НЕКРАСОВА
«НЕСЧАСТНЫЕ»

1

Рисуя суровыми красками картину детства лирического героя в поэме «Несчастные», Некрасов приписал карандашом на полях «Записной тетради № 4»¹ вариант, с трудом поддающийся расшифровке. А. М. Гаркави прочел его следующим образом:

Увы! Там душно, там пустыня...
Изнемогая, чуть дыша,
Там кормит грудью мать-рабыня
Не сына — барского щенка.²

К сожалению, выделенные нами строки не зафиксированы пока ни в одном из изданий сочинений Некрасова. Это, разумеется, черновой, художественно не отшлифованный вариант; очевидна эстетическая шероховатость даже в рифме: «дыша» — «щенка». Но он любопытен как свидетельство характерных для русского поэта-демократа ассоциаций. Раздумья о нелегкой судьбе матери неизменно связываются в его сознании с судьбой русской женщины, в первую очередь женщины-крестьянки, крепостной рабыни.

В описании Петербурга из первоначальных набросков к поэме «Несчастные» в «Записной тетради № 3»³ есть неразборчиво написанные строки, которые следующим образом расшифрованы А. Л. Гришуниним:

Что в эту пору глаз ни встретит,
На всем забытый кляксы след,
Он много грустного заметит,
Веселым людям места нет.⁴

Обследование выделенных строк по автографу убедило меня, что наиболее соответствует истине вариант А. Я. Максимовича:

Что в эту пору глаз ни встретит,
На всем заботы резкий след,
Он много грустного заметит,
Веселой молви места нет.

(II, 545)

¹ Государственная библиотека им. В. И. Ленина (ГБЛ), ф. 195, ед. хр. М.5761, л. 2 об.

² Гаркави А. М. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966.

³ ГБЛ, ф. 195, ед. хр. М.5764, л. 51.

⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 1. Изд. 2-е. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 587.

Но расшифровка А. Я. Максимовичем последнего стиха ошибочна. Следует читать:

Что в эту пору глаз ни встретит,
На всем заботы резкий след,
Он много грустного заметит,
Веселым людям места нет.

Не учтены современными изданиями и другие варианты этого чернового автографа («Записной тетради № 3»). Так, в описании петербургского утра встречаются стихи:

Вот солнце глянуло украдкой,
Но перемог его туман.⁵

Затем, уже в тексте белого автографа «Совет. (Подражание Пушкину)» появляется другой вариант:

Но одолел его туман.⁶

Поэт упорно добивается зрительной остроты и четкости в зарисовке образа проезжающего впереди похоронной процессии чухонца. Так, в «Записной тетради № 3» читается:

Проехал воз; курнос и сед
Чухонец им урюмый правил...⁷

В «Солдатенковской тетради»:

Проехал воз; ни рус, ни сед
Чухонец им убогий правил...⁸

Затем слово «убогий» заменяется более точным и колоритным «курносый», и появляется окончательный вариант, сохранившийся во всех последующих изданиях:

Проехал воз; ни рус ни сед
Чухонец им курносый правил...

Долго работает Некрасов над изображением парадного подъезда в описании петербургского утра. В «Полном собрании сочинений и писем» зафиксирован лишь первоначальный вариант из черного автографа «Записной тетради № 3»:

Но вот парадное крыльцо
Швейцар нарядный отворяет.
Сановник, барин и купец
Веселый день свой начинают.

(II, 544)

Но работа на этом не останавливается, здесь же появляется другой вариант, в чем-то предвосхищающий будущие «Размышления у парадного подъезда»:

Но вот парадное крыльцо
Швейцар надменный отворяет.
Сановник, барин и купец
Теперь-то день свой начинают.⁹

⁵ ГБЛ, ф. 195, ед. хр. М.5764, л. 50 об.

⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 388, оп. 1, ед. хр. 27, л. 92 об.

⁷ ГБЛ, ф. 195, ед. хр. М.5764, л. 50 об.

⁸ ГБЛ, ф. 195, ед. хр. М.10786, л. 5.

⁹ ГБЛ, ф. 195, ед. хр. М.5764, л. 49.

Облик швейцара («надменный») получает тут более точную социальную характеристику, явно перекликающуюся с образом надменного швейцара в «Размышлениях». Эта характерная деталь показывает, что факт, отмеченный А. Я. Панаевой в ее воспоминаниях о создании «Размышлений», не был единичным и мог явиться лишь внешним импульсом для возвращения к уже бывшему в поле зрения поэта материалу и для его нового творческого осмысления.

Однако Некрасова не устраивает и этот вариант, он набрасывает другой:

Но вот парадное крыльцо
 В богатом доме отворяют.
 Теперь-то день свой начинают
 Сановник, барин и купец.
 Туман осилив наконец,
 Одело солнце сетью злачной
 Дворцы и храмы и мосты...¹⁰

Образ швейцара уходит на второй план. У поэта сейчас другие задачи. Но удачно найденный характер остается в творческом сознании и в 1858 г. получит жизнь в стихах «Размышлений у парадного подъезда».

Не учтены в вариантах стихи белового автографа стихотворения «Совет» в «Солдатенковской тетради» и издания «Петербургское утро. (Отрывок)» в майском номере «Современника» за 1856 г.:

О них не тратя лишних слов,
 Пойдем в дальнейшую дорогу.
 Мы спим до десяти часов,
 Чего ж еще? И слава богу!¹¹

На месте этих стихов в издании «Стихотворения Н. Некрасова» 1856 г. поставлено четыре строки отточий (с. 149). Возможно, стихи не были пропущены цензурой. В последующих изданиях Некрасов никогда их не восстанавливал. Никогда не повторялся также встречающийся лишь в сборнике «Стихотворения Н. Некрасова» (с. 150) вариант описания утреннего Петербурга:

Бросает солнце луч радушный
 На площадь, храмы и мосты —
 И нет следов заботы скучной
 И недовольной нищеты...

Общеизвестно, что поэт неоднократно изменял заглавие первоначальных набросков к поэме «Несчастные», из которых вырастал замысел поэмы: «Совет», «Совет. (Подражание Пушкину)», «Петербургское утро. (Отрывок)». Но существует еще один вариант заглавия этих стихов в «Солдатенковской тетради». Первоначально Некрасов называет их «Секрет», затем это название тщательно перечеркивает и дает иное — «Совет». Возможно, что название «Секрет» — описка (по ассоциации с некрасовским же «Секрет. Опыт современной баллады»). Но не исключено и серьезное намерение назвать лирические наброски к «Несчастным» — «Секрет». В стихах этих действительно есть «секрет», суть которого Некрасов раскрыл сам в беловом автографе стихотворения «Совет. (Подражание Пушкину)», предназначавшегося для майского номера «Современника» за 1855 г. Отчеркнув карандашом стихи:

... Вот идет солдат
 За фурой вроде погребальной:
 Глядит оттуда глаз печальной
 И видно бледное лицо...
 Но будет...

¹⁰ Там же.

¹¹ ГБЛ, ф. 195, ед. хр. М.10786, л. 4 об.—5.

Некрасов сделал известное, давно опубликованное А. М. Гаркави примечание: «Н. В. Ежели отчеркнутые строки выкинет цензура, то напечатать так:

Все пусто...
... Что теперь ни встретишь
На всем...
и проч.»¹²

В первоначальных набросках поэмы в замаскированном виде содержалось уже центральное ее ядро: и «печальные глаза» «безыменного героя», и «бледное лицо», и полицейская «фура вроде погребальной», и солдат, ее сопровождающий, — все это намекало на трагическую судьбу лучших людей России, «друзей народа и свободы».

2

К. И. Чуковский, подтверждая догадку П. Ф. Якубовича о том, что прототипом Крота в поэме «Несчастные» является В. Г. Белинский, в комментарии к поэме писал: «В черновых вариантах некрасовской поэмы „Белинский“ обнаружены такие стихи о Белинском, которые впоследствии вошли в поэму „Несчастные“ и изображают Крота» (II, 632). Стихи эти следующие:

Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова
Доступного душе живой.¹³

У незнакомого с черновыми автографами «Записной тетради № 3» читателя может сложиться убеждение, что процитированные здесь стихи действительно находятся в окружении набросков к поэме «В. Г. Белинский». Но это явное заблуждение, ибо перед этими строками (л. 72) расположен черновой автограф стихотворения «Давно отвергнутый тобою...», а далее, на другом листе тетради (л. 73), следуют стихи, обращенные к русскому писателю, — «Напрасно быть толпе угодней...», принадлежность которых к поэме «В. Г. Белинский» весьма гипотетична. Не исключено, что Некрасов думал о Белинском, когда писал эти строки. Следует также учитывать свидетельство Достоевского о том, что, работая над «Несчастливыми», Некрасов думал и о нем. Весть об освобождении Достоевского из Омского острога пришла в Петербург весной 1854 г.¹⁴

Наброски в «Записной тетради № 3» расположены в хаотическом беспорядке, некоторые записи идут от конца тетради к началу, другие — наоборот. Поэтому видеть в стихах «Пусть речь его была сурова...» заготовки к поэме «В. Г. Белинский» и связывать обобщенный образ политического изгнанника («Крота») только с личностью великого критика можно лишь с известными оговорками.

3

В комментариях к поэме «Несчастные» в первом томе «большой серии» «Библиотеки поэта» (1967) А. Л. Гришунин пишет: «Кроме заглавия, в текст „Современника“ цензура ввела еще ряд перемен. Вместо на-

¹² ЦГАЛИ, ф. 388, оп. 1, ед. хр. 27, л. 93—93 об.

¹³ ГБЛ, ф. 195, ед. хр. М.5764, л. 72 об.

¹⁴ См. об этом: Лебедев Ю. В. Некрасов и Достоевский в 60-е годы. (Эпизод из творческих взаимосвязей). — В кн.: Н. А. Некрасов и его время. Межвузовский сборник, вып. 1. Калининград, 1975, с. 95—98.

мека на революционеров (ст. 139—140) „И есть и были в стары годы Друзья народа и свободы“ — напечатано: „И есть и в старину бывали Сердца из золота и стали“.¹⁵ Однако эти поправки были внесены не цензурою, а самим Некрасовым уже в текст автографа «Записной тетради № 4», когда поэт готовил «Несчастных» к публикации в «Современнике». Лист, на котором были записаны стихи 116—147, в данном автографе утрачен. Но сохранились фрагменты сделанной рукою поэта карандашной записи: «... *нах... бывали... золота... ли...*». Без сомнения, это самим Некрасовым предложенный вариант:

... В стенах твоих
И есть и в старину *бывали*
Сердца из *золота* и стали.^{15а}

Нельзя считать также прямыми цензурными изъятиями исключение стихов 658—664 («Но спит народ под тяжким игом...») и восьмистишия из «Песни преступников» (стихи 707—714).

Стихи 658—664 отсутствуют уже в автографе «Записной тетради № 4»; они и в дальнейшем никогда поэтом не восстанавливались. Возможно, что исключение их из поэмы связано не только с цензурными опасениями. Упрёк народу в «рабской слепоте» и даже трусости («боится пуль») не вполне гармонировал с некрасовским отношением к народу. Сразу же вслед за «Несчастными», еще будучи в Риме, Некрасов набрасывает третью главку поэмы «Тишина», в которой изображается народ в годы Крымской войны как герой, который «в борьбе суровой не шатнулся до конца». По этой же причине, как мне кажется, в тексте «Современника» (1858, № 2, с. 259) стихи «Слепой народ восторг почует» Некрасов заменил другими: «*Потомок наш восторг почует*».

Исключение из текста всех прижизненных изданий поэмы известного восьмистишия из «Песни преступников» является тоже фактом автоцензуры. Об этом свидетельствует характер авторской работы над ним в «Записной тетради № 4», автограф которой имеет три слоя правки.

Первый слой — правка густыми чернилами — стихи 159, 266—276; этими же чернилами написан основной текст от 459 до 537 стиха.

Второй слой — правка бледными чернилами: вставлены стихи 376—390 и дописан основной текст автографа со стиха 537 до конца.

Третий слой — правка карандашом, которую можно подразделить на две категории: а) уверенная правка; б) неуверенная правка.

К последней (неуверенной) правке относятся: расшифрованные А. М. Гаркави строки о крестьянке в начале поэмы; текст шести стихов третьей главки «Песни преступников», написанный карандашом тонко, бегло и небрежно; до сих пор не зафиксированное текстологами неуверенное зачеркивание строк:

Взрыдав душою умиленной,
Мы пали ниц, благодаря
Нас не забывшего царя.¹⁶

Есть все основания предположить, что неуверенная правка карандашом совершалась в процессе написания автографа чернилами. А затем Некрасов прошелся карандашом по рукописи еще один раз (уверенно!). Именно в процессе этой заключительной правки было найдено для поэмы окончательное заглавие («Несчастные») и решительно зачеркнуто третье восьмистишие «Песни преступников».

¹⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 1, с. 639.

^{15а} ГВЛ, ф. 195, ед. хр. М.5761, между л. 4 и 5.

¹⁶ Там же, л. 26 об.

Справедливости ради заметим, что это восьмистишие так и не было окончательно отшлифовано поэтом, о чем свидетельствуют два варианта открывающих его стихов. Первый содержится в беловом автографе второй части поэмы, написанном в Риме:

У ней, родимой, требы многи —
Бедна, по милости воров!
В ней пышны *царские* чертоги,
Но *жалки* избы мужиков.¹⁷

Второй вариант — в «Записной тетради № 4»:

У ней родимой требы многи
Бедна по милости воров,
В ней пышны *барские* чертоги
Но *бедны* избы мужиков.¹⁸

Который из вариантов предпочтительнее, решить трудно. Казалось бы, первый из них, наиболее свободный от оглядок на цензуру, следовало признать окончательным и ввести в канонический текст. Но при этом возникает очевидное противоречие его со вторым четверостишием:

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян,
И нечем выкупить народа
Царю у палачей-дворян!..¹⁹

Во втором варианте «Песни преступников», набросанном в «Записной тетради № 4», поэт противопоставил царя дворянам, а в четвертой главке поэмы «Тишина» посвятил ему благонамеренные стихи (см.: II, 462). Впрочем, есть основание сомневаться в их искренности, о чем можно судить по письму Некрасова к И. С. Тургеневу от 25 декабря 1857 г.: «Кстати, расскажу тебе быль, из коей ты усмотришь, что благонамеренность всегда пожинает плоды свои. По возвращении из-за границы тиснул я „Тишину“ (наполовину исправленную), а спустя месяц мне объявлено было, чтоб я представил свою книгу на 2-е издание» (X, 375—376). Ироничность как этих строк, так и самооценки Некрасовым своей «благонамеренной» характеристики Александра II в «Тишине» очевидна. Однако это обстоятельство не снимает противоречий, возникающих перед текстологом.

Хотя второй вариант 3-й главки «Песни преступников», вероятно, соответствовал настроениям поэта после возвращения его из-за границы, признать эту главку возможной для основного текста поэмы нельзя не только потому, что автор собственноручно перечеркнул ее. Эта главка, более четкая в оценочном плане, чем вариант белового автографа, явно недоработана с эстетической точки зрения: дважды повторяется эпитет «бедный» — «бедна по милости воров», «бедны избы мужиков». Не потому ли во всех советских изданиях редакторы допускают контаминацию: «барские чертоги» берутся из «Записной тетради № 4», а «жалки избы мужиков» из автографа ИРЛИ? Итак, «Песня преступников» осталась недоработанной. Немаловажную роль здесь сыграли, разумеется, цензурные опасения. Но главное заключалось в другом: взгляд Некрасова на Александра II по-прежнему оставался неустойчивым, надежда на его реформаторскую деятельность, на то, что он вслед за Петром I будет «революционером на русском троне», и в 1856, и в 1857 гг. не освобождала поэта от сомнений. Отсюда колебания Некрасова в процессе работы над

¹⁷ ИРЛИ, 21194.CXLV6.20, № 614, л. 67.

¹⁸ ГБЛ, ф. 195, ед. хр. М.5761, л. 21 об.

¹⁹ ИРЛИ, 21194.CXLV6.20, № 614, л. 67.

«Песней преступников»; по той же причине, по-видимому, он вычеркивает (неуверенно!) «верноподданнические» стихи из автографа «Записной тетради № 4» («Взрыдав душою умиленной...»), но в то же время оставляет их в тексте первоначальной публикации поэмы (Современник, 1858, февраль, с. 265). Известно, что уже к 1858 г., после обнародования государственных рескриптов и начала деятельности губернских комитетов, Некрасов убедился в некоторой иллюзорности своих надежд, хотя вплоть до 19 февраля 1861 г. допускал возможность радикального исхода правительственных преобразований. Поэтому в тексте научного издания поэмы следует оставить вариант «Песни преступников» из автографа ИРЛИ, свободный от всяческой ориентации на цензуру, а в комментариях к поэме привести вариант из «Записной тетради № 4», сопроводив его необходимыми разъяснениями. Порядок частей в «Песне преступников» нужно восстановить по автографам, где она приводилась в неусеченном виде, поменяв местами 2-е и 3-е восьмистишия современных изданий.²⁰

4

Работая над поэмой «Несчастные», Некрасов постоянно колеблется относительно времени смерти Крота. Точкой отсчета здесь является амнистия политзаключенным в манифесте от 26 августа 1856 г. Первоначальный вариант появляется в беловом автографе второй части поэмы:

...Прошло три года
Настал святой, великий миг,
В скрижалях царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовест достиг.²¹

Таким образом, по первоначальному плану поэмы Крот умирает в 1853 г.

В «Записной тетради № 4» Некрасов предлагает другой вариант — «Прошло полгода», т. е. дата смерти Крота переносится на весну 1856 г.

Наконец, в февральском номере «Современника» за 1858 г. появляется окончательный вариант — «Прошло два года», т. е. Крот умер в 1854 г. (кстати, это и год освобождения Ф. М. Достоевского из Омского острога).

Чем обусловлены эти колебания? Не являются ли они следствием того, что в сознании Некрасова образ Крота ассоциировался с жизнью на каторге какой-либо конкретной личности. Ф. М. Достоевский здесь не исключен, если вспомнить его собственное признание: «Так однажды в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он (Некрасов, — Ю. Л.) указал мне на одно стихотворение, „Несчастные“, и внушительно сказал: „Я тут об вас думал, когда писал это“ (т. е. об моей жизни в Сибири), „это об вас написано“».²²

Во всяком случае, все приведенные здесь варианты могут представить интерес для историка литературы и следы разночтений нужно сохранить в академическом издании сочинений Некрасова.

²⁰ См. подробную аргументацию порядка частей «Песни преступников» в статье: Лебедев Ю. В. Текстологические заметки о поэме Н. А. Некрасова «Несчастные». — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы, вып. II. Ярославль, 1968, с. 320—328.

²¹ ИРЛИ, 21194.CXLV6.20, л. 68.

²² Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год. — В кн.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. XI, ч. 1. СПб., 1895, с. 419.

Р. Б. Заборова

СТИХОТВОРЕНИЕ НЕКРАСОВА
«ЕСТЬ И РУСИ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ...»

Стихотворение Некрасова «Есть и Руси чем гордиться...», явившееся откликом на правительственные репрессии по отношению к революционным деятелям 60-х и 70-х годов, печатается и комментируется во всех изданиях сочинений поэта и в литературе о нем как восьмистишие.

Подводя итог изучению этого стихотворения в некрасоведческой литературе и существенно дополняя исторический комментарий к нему К. И. Чуковского и В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Гаркави заключал: «Бессмертную красоту революционного подвига воспел Н. А. Некрасов и в восьмистишии, которое датируется (в автографе поэта) 23 января 1877 г.:

Есть и Руси чем гордиться —
С нею не шутя!
Только славным поклониться —
Далеко идти.

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей».¹

Между тем есть основания считать, что это стихотворение, воспроизведенное в «*Полном собрании сочинений и писем*» по автографу поэта, принадлежавшему Е. П. Елисеевой,² на первых порах являлось двенадцатистишием и включало в себя строфу, опубликованную впоследствии как самостоятельное некрасовское четверостишие. Мы имеем в виду стихи:

Завейся, впрочем, шляпу
Сдернуть — царь отец
Отшлет и по этапу:
Чур, в один конец!

Четверостишие, обнаруженное в архиве П. А. Ефремова и имеющее его приписку: «Четверг» 27 янв<аря> 1877. 8½ ч. вечера», было опубликовано в «*Литературном наследстве*» без соотнесения с каким-либо законченным стихотворением Некрасова.³ В последнем научном издании

¹ Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в революционное народничество. М., 1962, с. 18.

² ИРЛИ, р. I, оп. 2, № 7, л. 1. В автографе знаки препинания несколько иные: в конце четвертого стиха знак восклицания; стих восьмой оканчивается многоточием. Вместо заглавия стихотворения поставлены звездочки.

³ См.: Новое о Некрасове из архивов Н. Г. Чернышевского и П. А. Ефремова. Сообщение С. Дымова и Ю. Холодовой. — *Литературное наследство*, т. 53—54. М., 1949, с. 155.

собрания стихотворений поэта, исправившем неточность первой публикации («Сдернуть» вместо «Сдернут»), оно также дано обособленно.⁴

Однако и по смыслу, и по тональности, и по рисунку стихов четверостишие явно соотносится со стихотворением «Есть и Руси чем гордиться...». В таких же броских фразах и резких образах оно продолжает и развивает высказанные в восьмистишии мысли, углубляя его горькую иронию, желчный сарказм. Не в столице и не в чести у государственной власти находится усыпальница лучших русских деятелей, в противоположность национальной гордости Лондона — Вестминстерскому аббатству; она в далекой сибирской глуши, близ каторжных нор, до которых паломнику «далеко идти», но можно, «впрочем», проследовать и даже проехаться туда — как арестованному и даже без вины виноватому — «по этапу» (в сопровождении жандармов), только «чур, в один конец», т. е. без возврата.

По почерку, расположению строк и другим внешним данным два сравниваемых автографа также сходны; к тому же на левом поле четверостишия имеются «птички», указывающие на то, что текст, неровно оторванный от верхней части листа, не является самостоятельным. Нужно еще подчеркнуть, что автограф, принадлежавший Елисейевой, имеет не только разночтение («Край» вместо «Мир» в 7-м стихе) по сравнению с автографом, находившимся у С. Н. Кривенко и известным по публикации Евгеньева-Максимова,⁵ но и обрывается многоточием.

Если считать первой дошедшей записью стихов о сибирской гробнице набросок среди разных черновых заметок:

Вестминстерское аббатство
Есть у нас свое,⁶

неточно названный в одном из изданий вариантом 5-й и 6-й строк,⁷ а текст Елисейевой (на такой же бумаге фирмы «Lacroix Freres») — одной из последних редакций, то промежуточной, видимо, была двенадцатистрочная редакция, третью строфу которой составляло названное выше четверостишие.

Разница датировок — «23 января» в автографах основного текста и «27 января» в четверостишии — объясняется тем, что в первом случае это авторская дата написания, во втором — помета Ефремова о посещении им поэта,⁸ когда он и получил данное четверостишие. Указание даты «27 января» как авторской, без угловых скобок,⁹ неправильно.

Добавление строфы усиливало обличение произвола; к числу мучеников-героев революционного подвига прибавлялись безвестные жертвы «правосудия», которое в страхе перед ростом освободительного движения чинило расправу и над правым и невиновным.

Предлагаем на суд читателей этот реконструированный текст.

* * *

Есть и Руси чем гордиться,
С нею не шути,
Только славным поклониться —
Далеко идти!

⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 3. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 345.

⁵ Евгеньев-Максимов В. Е. Народнические настроения и общественное миросозерцание Н. А. Некрасова. — Заветы, 1912, № 9 (декабрь), с. 87.

⁶ ИРЛИ, 203/42, л. 5.

⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 3, с. 478.

⁸ См.: Литературное наследство, т. 51—52. М., 1949, с. 273.

⁹ См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 3, с. 317.

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей.

Зазевайся, впрочем, шляпу
Сдернуть — царь отец
Отошлет и по этапу:
Чур, в один конец!

Расширенный текст перекликался по своим мотивам не только со скорбными поминовениями, как «Пророк» («Не говори: забыл он осторожность...»), «Молебен», «Смолкли честные, доблестные павшие...» и др., в ряд которых ставится обычно восьмистишие, но и с задуманной поэтом в последний год жизни поэмой «Ершов»: о самоотверженном лекаре — «полезном народу в своем углу», добром друге крестьян, который был сослан за то, что, нечаянно задев висевший на стене царский портрет, уронил его на пол (II, 524—525).¹⁰

О печатании двенадцатиштия «Есть и Руси чем гордиться...» не могло быть и речи; даже усеченное до восьмистишия, оно смогло увидеть свет лишь после 1905 г.¹¹ Но и опубликованное в «Заветах» в 1912 г., оно ни в одно из дореволюционных собраний сочинений не включалось. Несмотря на то что политическая сатира Некрасова предназначалась для «подспудного» чтения, поэт исключил особо криминальные строки, как ранее снял стих «Сокрушив палача и корону», также прямо направленный против самодержавия, в «Размышлениях у парадного подъезда».¹²

Помимо своего прямого смысла строфа еще усиливала аллюзии и невольные сравнения некрасовского стихотворения с агитационно-пропагандистскими выступлениями народников: с тюремной запиской А. Долгушина «Заживо погребенные», с тезисом Н. Теплова «Царя не должно называть „отцом“»,¹³ со смелым обращением М. Я. Свириденко к публике почтительно снять шляпы перед сходящим с эшафота Чернышевским.¹⁴

Убрав последнюю строфу и отдав ее (быть может, из опасения держать у себя дома) Ефремову-текстологу как тайный вариант, Некрасов снял и намекающее на ее существование многоточие. В автографе Кривенко в конце восьмистишия многоточия нет; кроме того, перенесено в конец 2-го стиха восклицание из стиха 4-го «Далеко иди!», логически и интонационно перекликавшегося с исчезнувшим 12-м стихом «Чур, в один конец!».

Вероятно, при этом Некрасовым руководили и соображения художественного плана, так как высокая драматичность горького сарказма сквозь слезы в восьмистишии несколько снижалась разговорной язвительностью концовки: потрясавшее душу возвышенное величественное впечатление от картины безбрежного заснеженного кладбища умялось узко жанровой житейской сценой.

¹⁰ Некрасову мог быть памятен и увлекавшийся политикой лекарь М. П. Попов — уволенный ординатор Харьковской больницы, о помощи которому поэт хлопотал в Комитете Литературного фонда в 1862 г., отмечая, что он «автор сочинения „Племенное брожение в Европе“ и статьи „1861 год“, помещенной в С.-Петербургских ведомостях» (1862, 3 января, № 1, с. 1—2) (ГПБ, ф. 438, № 11, л. 193 об., неопубликованное).

¹¹ Издатели «Полного собрания сочинений и писем» допустили ошибку, поместив стихотворение в разделе напечатанного при жизни поэта (II, 409).

¹² См.: Заборова Р. Б. Запрещенный Некрасов. — Некрасовский сборник, вып. V. М.—Л., 1973, с. 269.

¹³ Базанов В. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974, с. 457, 515.

¹⁴ Чернышевская М. Н. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 331.

Г. В. Краснов

АВТОРСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ И ПОМЕТЫ К «ПОСЛЕДНИМ ПЕСНЯМ» НЕКРАСОВА

Творческая история книги Некрасова «Последние песни» необычайна. Сборник новых произведений стал продолжением уже известных изданий «Стихотворений» поэта. В то же время эта книга — не очередная часть его сочинений. Композиция основных разделов, переделка ранее опубликованных вещей («Уныние», «Горящие письма», «Современники»), включение «Отрывков» из незавершенной поэмы «Мать» подчеркивают особенный характер издания, выраженный и заглавием: «Последние песни».¹ Но, пожалуй, одна из главных примечательностей этой творческой истории — дополнения, пометы, сделанные автором в ряде дарственных экземпляров своей книги.

В настоящее время известны шесть экземпляров «Последних песен», подаренных Некрасовым, а именно А. А. Буткевич, И. Н. Крамскому, Ф. М. Достоевскому, П. А. Ефремову, А. Н. Еракову, Л. И. Стасюлевич. Точно известно и время, когда были подарены некоторые из этих книг: И. Н. Крамскому — 3 апреля 1877 г.,² Л. И. Стасюлевич — 6 апреля 1877 г.³ Другие, упомянутые здесь лица, вероятно, могли получить книги в те же дни, после выхода книги из печати (24 марта 1877 г.), до назначенной и сделанной Некрасову хирургической операции (12 апреля 1877 г.). Авторские дополнения и пометы были сделаны в экземплярах И. Н. Крамского,⁴ А. А. Буткевич,⁵ П. А. Ефремова,⁶ Ф. М. Достоевского.⁷

¹ О «Последних песнях» Некрасова см.: Евгенийев-Максимов В. Е. Поэтическое завещание Н. А. Некрасова. (Сборник «Последние песни»). — Некрасовский сборник, вып. I. М.—Л., 1951; Саксонова М. И. Книга Н. А. Некрасова «Последние песни». Ташкент, 1960; Краснов Г. В. Последняя книга поэта. — В кн.: Некрасов Н. А. Последние песни. М., 1974 (сер. «Лит. памятники»).

² См. фотокопию титульного листа: Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. XXIII.

³ См.: Туркус Н. Последняя песнь. — Литературная Россия, 1974, № 30, 26 июля.

⁴ Хранится в рукописном отделе Гос. Третьяковской галереи в Москве.

⁵ На этот экземпляр ссылается А. А. Буткевич в письмах к С. И. Пономареву, см.: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 173, 175. Возможно также, что Буткевич располагала еще одним авторским экземпляром «Последних песен».

⁶ Хранился в архиве Академии наук в фонде П. А. Ефремова. Описан В. Чешинским-Ветринским в сообщении: «Крохи Н. А. Некрасова (из данных П. А. Ефремова)» (День, 1913, № 354, 31 декабря, «Бесплатное приложение»). В настоящее время местонахождение экземпляра неизвестно.

⁷ Сохранились отдельные страницы, где напечатано и стихотворение «Молебен», «с приписанными рукою Некрасова двумя недостающими строками» (см.: Заборщикова М. М. О стихотворении Некрасова «Молебен». — Русская литература, 1969, № 1, с. 187). Автограф находится в частном собрании.

О характере авторских дополнений и помет к «Последним песням» более или менее полно можно судить только по книгам, принадлежавшим Крамскому и Буткевич. Нет уверенности, что Чешихин-Ветринский, описывая экземпляр П. А. Ефремова, воспроизвел из «Последних песен» все «крохи» Н. А. Некрасова. Он писал: «Мы имели случай *бегло* (выделено нами, — Г. К.) ознакомиться с некоторыми материалами архива П. А. Ефремова...».⁸ Неизвестно также, были ли другие пометы и дополнения Некрасова в книге «Последние песни», подаренной Достоевскому. Однако даже неполные данные имеют прямое отношение к текстологии ряда произведений Некрасова.

Прежде всего возникают два общих вопроса. Что именно Некрасов дополнял к печатному тексту своих произведений? По каким мотивам? Некоторые дополнения воскрешают купюры цензурного характера. Таковы восстановленные Некрасовым стихи 19—20 «Молебна» («Об осужденных в изгнание вечное, О заточенных в тюрьму...»),⁹ стихи 13—16 из последней строфы «Пророка»:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.¹⁰

В изданиях некрасовских произведений, последовавших за «Полным собранием сочинений и писем» в 12 томах, текст последнего упомянутого стихотворения, включая его заключительную строфу, печатается с учетом названных источников.¹¹ Что же касается заглавия этого стихотворения, то из-за разноречивых помет Некрасова на экземплярах «Последних песен», принадлежавших Крамскому и Буткевич,¹² текстологи не пришли к единому мнению. Как известно, К. И. Чуковский в «Полном собрании сочинений и писем» дал стихотворению двойное заглавие: «Н. Г. Чернышевский. (Пророк)». С. А. Рейсер в «Вольной русской поэзии второй половины XIX века» озаглавил его «Н. Г. Чернышевскому». А. М. Гаркави считает «более правильным, более соответствующим свободному замыслу поэта» заглавие «Н. Г. Чернышевский» — как редакторское.¹³ А. Б. Муратов в собрании стихотворений в «Библиотеке поэта» отстаивает заглавие «Пророк». Кто более прав?

Заглавие «Н. Г. Чернышевскому» учитывает традицию бесцензурных

⁸ Чешихин-Ветринский В. Крохи Н. А. Некрасова (из данных П. А. Ефремова). — День, 1913, № 354.

⁹ Восстановлены без разночтений во всех трех упомянутых экземплярах книги «Последние песни».

¹⁰ Стихи 13—15 идентичны в экземплярах, бывших у Крамского, Буткевич и Ефремова. Стих 16 («Рабам земли...»), срезанный при переплете книги, принадлежавшей Крамскому, засвидетельствован Буткевич, а также известен по описанию экземпляра Ефремова и по его предполагавшейся публикации в «Русской старине» (1878, № 3); корректурный лист с этой строфой см.: ЦГАЛИ, ф. 191, оп. 1, ед. хр. 491. В таком же виде этот стих был известен в демократической, революционной среде. См. письмо А. Христофорова Е. С. Щепотевой от 30 декабря 1910 г.: Л. Н. Толстой. Статьи и материалы, VIII. Горький, 1973, с. 83.

¹¹ См.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959 (Б-ка поэта. Большая серия); Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия); Некрасов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 2. М., «Худож. лит.-ра», 1971.

¹² См.: Литературное наследство, т. 49—50, с. XXV; т. 53—54, с. 173; Макашин С. В. воспоминание о Чернышевском. Автокомментарий Некрасова к стихотворению «Пророк». — Огонек, 1946, № 48—49, с. 28.

¹³ Гаркави А. М. К спорам о стихотворении Некрасова «Н. Г. Чернышевский». — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, 4. Саратов, 1965, с. 117.

изданий. Под таким заглавием стихотворение было известно в вольной прессе.¹⁴ Гаркави комментирует: «„Н. Г. Чернышевскому“ — не вполне соответствует содержанию стихотворения, ибо стихи посвящены Чернышевскому, но не обращены к нему; кроме того, нет уверенности, что заглавие „Н. Г. Чернышевскому“ принадлежит самому Некрасову».¹⁵ Трудно что-либо возразить автору этих строк. С другой стороны, обязательно ли нужно редакторским заглавием — «Н. Г. Чернышевский» — подчеркивать замысел воэта. В таком случае и другие стихотворения Некрасова, как, например, «Не рыдай так безумно над ним...», «Мы вышли рано... Наобум...», имеющие в виду конкретных адресатов, тоже должны печататься с редакционным заглавием. Вряд ли это необходимо и допустимо.

Выражает ли авторскую волю заглавие «Пророк»? В экземпляре Крамского оно, как известно, зачеркнуто, заменено сначала на «Памяти Чернышевского», затем на «В воспоминание о Чернышевском». Смена заглавий говорит о колебании Некрасова в выборе названия. Судя по экземпляру Крамского, «формулировка заглавия остается неясной. „В воспоминание о Чернышевском“ — больше походит не на заглавие, а на пояснение».¹⁶

В экземпляре Буткевич, как пишет она в письме к С. И. Пономареву от 12 мая 1878 г., Некрасов заглавие «Пророк» заменил тремя звездочками, т. е. оставил без названия. Как же объяснить тогда публикацию стихотворения в «Посмертном издании» с заглавием «Пророк»? Нарушением воли Некрасова и указаний Буткевич? Вряд ли. Пономарев весьма внимательно относился ко всем замечаниям сестры поэта. Однако ее примечания, поправки он принимал не вслепую. Даже только по ответным письмам Буткевич можно угадать вопросы издателя, некоторые его недомыслия. Например, Буткевич в письме Пономареву от 5 июня 1878 г. настаивает на включении в готовящееся издание последней строфы «Пророка» («Его еще покамест не распяли...»). Она разъясняет: «Последние четыре стиха в „Пророке“ приписаны рукою брата в моем экземпляре, и, мне кажется, нет причины не поместить их. Они были выпущены только потому, что брат, желая скорей увидеть в печати свои „Последние песни“, избегал всего, к чему могла бы придраться цензура. Впрочем, как эти 4 стиха, так и другие пропущенные или переделанные в последнем издании, можете поместить в примечания, если находите, что так будет лучше».¹⁷

Так и было сделано. Последняя строфа, как якобы «отброшенная поэтом», появилась в примечаниях. Без обоюдного согласия не могло появиться и заглавие «Пророк». Не располагая письмами Пономарева к Буткевич, мы не знаем доводов в защиту этого названия. Вполне вероятно, что в распоряжении Буткевич и Пономарева был еще один некрасовский экземпляр «Последних песен», в котором был вычеркнут лишь подзаголовок («Из Барбье»). Примечание по этому поводу Пономарева («Под заглавием этого стихотворения стояло: „Из Барбье“, уничтоженное в экземпляре поэта...») не могло быть выдумкой.

Таким образом, в определении заглавия интересующего нас стихотворения возможны два обоснованных варианта: или печатать без заглавия,

¹⁴ См.: Общее дело, Женева, 1882, № 50, с. 9; Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. Поэма и другие стихотворения, не вошедшие в цензурные издания. Изд. М. Эллидина. Женева, 1892, с. 264.

¹⁵ Гаркави А. М. К спорам о стихотворении Некрасова, с. 116—117.

¹⁶ Там же, с. 116.

¹⁷ Литературное наследство, т. 53—54, с. 175.

как в экземпляре Буткевич, или с заглавием «Пророк», как в «Посмертном издании» 1879 г. (без подзаголовка). Мы в большей степени склоняемся к последнему варианту.¹⁸ Заглавие «Пророк» нельзя рассматривать как уступку цензуре. Оно связывает стихотворение Некрасова с традициями классической русской лирики и отвечает стилю самой некрасовской поэзии.

По-видимому, нет надобности каждое авторское изменение текста объяснять в первую очередь цензурными причинами. Уже писалось о том, что помимо цензурных забот у Некрасова были и обычные творческие соображения. Авторские пометы и дополнения на экземплярах «Последних песен» отражают ту и другую тенденции.

На 23-й странице книги, подаренной Крамскому, после IX строфы стихотворения «Уныние» Некрасов сделал знак вставки, а к нему дал пояснение: «Эти пропуски строф можно найти в „Отечественных записках“». Там <...>¹⁹ была полнее». Здесь скорее констатация факта, пояснение к нумерации строф, чем к самому тексту. Нет надобности сейчас вновь воскрешать споры вокруг публикации названного стихотворения.²⁰ Отметим только, что у Буткевич не было, видимо, веских доводов в пользу восстановления в «Посмертном издании» стихотворений поэта X—XIV строф «Уныния». На вопрос Пономарева она отвечала предположительно: «Относительно сокращения „Уныния“ едва ли брат не имел в виду опять-таки цензуру. Вы не поверите, как страшно цензура теснила его в последний год его жизни <...> Поместите, пожалуй, сокращения в Примечания».²¹ Примечание Пономарева сделано с тонким пониманием замысла поэта: «В настоящем издании в тексте мы помещаем последнюю редакцию, принятую автором, а здесь, в примечаниях, приводим и опущенные строфы <...> Быть может, эти строфы нарушали цельность пьесы, по мнению поэта; зато сами по себе они живописны и характеристичны».²²

Авторские пометы, связанные с поэмой «Мать», разнообразны. В экземпляре, бывшем в распоряжении Буткевич, это стилистическая правка стихов 124, 170, 235, 258, поправка знака пунктуации в стихе 256, уточнение ударения в стихе 257.²³ Ряд помет в этом же экземпляре касается пропущенных строк, строк, замененных точками. На книге, адресованной Крамскому, на странице, где напечатано начало поэмы, Некрасов написал: «Некоторые из замененных здесь точками мест можно восстановить только по корректурам, в иных же местах точки поставлены за недостатком связи в отрывках».²⁴ Таких строк в поэме, опубликованной в «Последних песнях», насчитывалось тридцать пять. В экземпляре для Крамского Некрасов не восстановил ни одной строки. Он попытался продолжить стих 90:

¹⁸ К такому же выводу пришел и С. А. Рейсер. В книге «Вольная русская поэзия XVIII—XIX веков» (1975) он вместо прежнего заглавия «Н. Г. Чернышевскому» дал «Пророк».

¹⁹ Часть фразы была обрезана при переплете книги.

²⁰ См.: Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 203—204; Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 2, с. 677; Некрасов Н. А. Последние песни. М., 1974, с. 285—286.

²¹ Литературное наследство, т. 53—54, с. 175.

²² Некрасов Н. А. Стихотворения. Посмертное издание. Т. IV. СПб., 1879, с. XCIII.

²³ См.: Литературное наследство, т. 53—54, с. 173; Некрасовский сборник, вып. III. М.—Л., 1960, с. 265.

²⁴ Литературное наследство, т. 49—50, с. XXIII. См. также: Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений в 3-х т., т. 3, с. 480.

Одна, в саду? Не зная ни о чем...

Но тут же поэт зачеркнул добавленное и написал: «Не помню».²⁵

Как известно, стихи 90—93 печатаются по тексту, сообщенному Буткевич:

Одна, в саду? не зная ни о чем,
Я в нем тогда источник горя видел
Моей родной, — я сжечь его был рад,
И я теперь его возненавидел.

При этом в стих 93 вносится редакционная поправка — в тексте Буткевич было: «Но я теперь его возненавидел».²⁶

Таким образом, мы сталкиваемся с противоречивыми решениями. В одном случае помета Некрасова ставит под какое-то сомнение этот текст; в другом — он принимается как бесспорный, выражающий последнюю авторскую волю, за исключением стиха 93. Правомерно ли включение названных стихов в текст поэмы? Нам кажется — нет. О цензурности этих стихов не может быть и речи. Исключены они из текста поэмы не перед операцией. Их не было и в журнальной публикации (цензурное разрешение мартовской книжки «Отечественных записок» за 1877 г. датируется 24 марта). Стих 93 по тексту Буткевич не согласуется с предыдущим. Вся вставка диссонирует с лирическими пейзажными мотивами в других строфах поэмы. Ср. стихи 99—101:

Луна взошла и сад осеребрила,
Под сводом лип недвижно я стоял,
Которых сень родная так любила;

стихи 167—169:

Природа чутким сном была еще объята!
Луна глядела в пруд; на стебле роковом
Стояли лопухи недвижно над прудом.

Напрашивается вывод, что стихи 90—93 явно недоработаны, противоречивы по смыслу; в экземпляре Крамского они отброшены не случайно. Это как раз тот случай, о котором Некрасов писал тому же Крамскому: «...в иных же местах точки поставлены за недостатком связи в отрывках».

Никаких сомнений не вызывают восстановленные в поэме по письму Буткевич стихи 240—243:

Несчастлива ты, о родина! Я знаю
и т. д.

Этих стихов нет в экземпляре «Последних песен», подаренном Крамскому. В дарственные экземпляры Некрасов, конечно, не стремился, да по своему физическому состоянию и не мог, вписывать все, пропущенное по цензурным соображениям. Он ограничился общим указанием: «Некоторые из замененных здесь точками мест можно восстановить только по корректурам». Корректуры книги «Последние песни» не сохранились. Названные стихи (с разночтением в стихе 243) подтверждаются, однако, правленной Некрасовым корректурой «Затворицы».²⁷

Другие нам известные авторские дополнения и пометы в книге «Последние песни» связаны со стихотворением «Баюшки-баю». Они сделаны в экземпляре Крамского. Некрасов переделал стих 18: вместо «Усни,

²⁵ Ср. запись Некрасова 14 июня 1877 г.: «Вообще из страха и нерешительности и за потерю памяти я перед операцией испортил в поэме „Мать“ много мест, заменил точками иные строки» (Литературное наследство, т. 49—50, с. 168).

²⁶ Литературное наследство, т. 53—54, с. 173.

²⁷ См.: ИРЛИ, 2408.ХС.

усни, касатик мой!» читается «Баю-баю, касатик мой!». Стихи 30—33 поэт поместил перед последней строфой, а на их место, перед стихами 30—33 («Не бойся горького забвенья...»), вставил новую строфу:

Усни — увидишь земледельца,
Благословляющим владельца,
Царя — и подданных радельцев
Увидишь — честного судью,
Баю-баю, баю-баю...²⁸

Как оценить эти изменения? Влияют ли они на выбор основного текста стихотворения? Все внесенные поправки взаимосвязаны. Замена «Усни, усни...» в стихе 18 вызвана, по всей вероятности, тем, что новая строфа начинается той же формой. Эта неизвестная ранее в печатном тексте строфа не конкретизирует идеал лирического героя, «матери родной», созвучный эстетическому идеалу поэта. Нормативный тип нарисованной картины, шаблонность поэтических формулировок несомненны. Стихи такого же звучания возникали у Некрасова и раньше («Тишина», «Пир на весь мир»). Они носят цензурный характер и справедливо рассматриваются в текстологии Некрасова как неавторитетные.

К тому же перестановка стихов 30—33 разрывает связь двух последних строф, которая подчеркнута семантическим, синтаксическим строем произведения:

Я схороню тебя весной.
Не бойся стужи нестерпямой:

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья...

Композиционная перестройка стихотворения, включение в его текст новой строфы резко ослабляет идейно-художественный смысл произведения.

Подведем некоторые итоги. «Авторизованные» экземпляры «Последних песен» Некрасова — явление уникальное в истории литературы, ее текстологии; они требуют самого пристального внимания, изучения, разысканий. Не исключена возможность находок книг, принадлежавших Буткевич, Ефремову, самому Некрасову, возможно другим лицам. В одних случаях мы видим последовательность, идентичность авторских помет, дополнений (в стихотворениях «Молебен», «Пророк», в отрывках из поэмы «Мать»), которые существенно влияют на выбор основного текста и иногда уже учитываются в изданиях Некрасова. В других случаях (в стихотворениях «Уныние», «Баюшки-баю») авторские пометы и дополнения нуждаются еще в новых критических оценках, в более точных выводах. Так или иначе некрасовские комментарии к книге «Последние песни» составляют особую главу в изучении творческого пути поэта, в истории издания его сочинений.

²⁸ См.: Некрасов Н. А. Последние песни, с. 212. Фотокопию страницы с авторскими пометами и этой строфой см. в этом же издании на с. 213.

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. С. Царькова

НЕКРАСОВСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В АРХИВЕ В. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА

(Из фондов Музея-квартиры Н. А. Некрасова)

Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (1883—1955) отдал делу изучения литературного наследия Некрасова более пятидесяти лет жизни. В круге научных интересов исследователя — творчество и биография поэта, история его журналов. Монографические труды В. Е. Евгеньева-Максимова во многом определили путь становления советского некрасоведения. Отсюда закономерный интерес к архиву ученого, к тем многочисленным материалам, которые отражают этапы его формирования.

Собрание Евгеньева-Максимова разнообразно по характеру. Кроме собственно личного архива (рукописи, документы, письма), в него входят большая коллекция автографов Некрасова и многих его современников, коллекция гравированных и литографированных портретов деятелей некрасовского времени, книги с автографами, а также работы коллег-литературоведов и учеников с дарственными надписями, подборки журнальных и газетных вырезок.

Большая часть автографов была передана самим ученым в рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1940—1950-е годы, где значительно пополнила фонды Некрасова, журнала «Современник» и многие другие. Позднее сюда же поступили и некоторые материалы личного фонда Евгеньева-Максимова.¹

Отдельные документы остались в семье ученого, а большая часть архива сразу же после смерти Евгеньева-Максимова была принята в дар от вдовы исследователя, Алисы Михайловны Максимовой, хранителем ленинградского Музея-квартиры Н. А. Некрасова Ольгой Владимировной Ломан. Тогда же из полученного собрания в основной фонд Музея были выделены изобразительные материалы и книги.

В настоящее время находящийся в Музее рукописный архив ученого, о котором и пойдет речь в данной работе, насчитывает 1841 единицу хранения, что составляет около 28 тысяч листов. Хронологические рамки архива — 1902—1955 гг.

Центральное место занимают в фонде рукописи книг и статей В. Е. Евгеньева-Максимова по истории русской демократической литературы, журналистики и критики. Как уже отмечалось, некрасовская тема была ведущей в творчестве ученого. Ей посвящено более трехсот работ. Большинство из них находится в архиве в виде черновиков, правленной машинописи или корректуры (папки 11, 13—16, 18—25, 30, ча-

¹ В настоящее время этот фонд находится в обработке.

стично 31). Самая ранняя из сохранившихся статей — «Н. А. Некрасов и А. И. Герцен»² — относится к 1913 г., последние страницы — к неоконченной тетралогии «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова», над которой ученый работал до конца своих дней.

Не перечисляя известных, вошедших в библиографии научных работ Евгеньева-Максимова, остановимся на двух неопубликованных книгах — «Записки некрасововеда» (1940)³ и «Некрасов и украинская культура» (1942).

«Записки некрасововеда» — книга мемуаров, сохранившаяся в виде машинописи, правленной автором (209 листов). Мы выделяем ее, так как она является своеобразным «путеводителем» по архиву. Наряду с этапами жизни и работы Евгеньева-Максимова с 1902 по 1921 г. в книге раскрыта история документов, писем, определены пути их странствий, закончившиеся архивом исследователя. Эту особенность своих мемуаров подчеркивал и сам ученый: «Я пытаюсь соединить два элемента — повествовательно-мемуарный с документальным».⁴

Так, например, из воспоминаний мы узнаем, как в 1915 г. машинистка архива Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел перепечатала для Евгеньева-Максимова сотни страниц тогда еще секретных цензурных документов. Без этого объяснения было бы непонятно появление в личном архиве машинописных копий материалов, доступ к которым был предельно затруднен и снятие копий с которых было строжайше запрещено.

Сообщаются интересные подробности и о работе в архиве Анатолия Федоровича Кони. Евгеньев-Максимов вспоминает, как его, начинающего литературоведа, «политически неблагонадежного», в то время не имеющего работы, пригласил в свой дом сенатор, член Государственного совета, человек, стоявший в самом центре общественной жизни того времени, — А. Ф. Кони. Пригласил для знакомства с «петербургским архивом» Некрасова. Этот архив Кони получил непосредственно от сестры поэта А. А. Буткевич. Копии, снятые с материалов Кони, — неизданные стихотворения Некрасова на политические темы, письма к Федору Алексеевичу Кони, письма к Некрасову от отца, Алексея Сергеевича, — легли в основу многочисленных статей и публикаций Евгеньева-Максимова 1913—1915 гг. в журналах «Заветы», «Русское богатство» и «Голос минувшего». Даже по прошествии тридцати лет Евгеньев-Максимов будет находить среди копий, снятых тогда с документов, принадлежавших Кони, сведения первостепенной важности и с благодарностью напишет: «Если мне и удалось кое-что сделать для русского некрасововедения, — то этим я прежде всего обязан Кони».⁵

В 1910-е годы в литературоведении вокруг наследия Некрасова велась ожесточенная идейная борьба. В архиве Евгеньева-Максимова сохранился документ, позволяющий говорить о позиции молодого литературоведа в этой борьбе, — заметки, сделанные им на лекции Д. С. Мережковского «Тайна Некрасова», прочитанной 15 октября 1913 г. в Тенишевском училище. Запись представляет собой не полный конспект лекции, а лишь фрагменты, те тезисы Мережковского, которые вызвали наибольшее несогласие Евгеньева-Максимова. Комментарий к ним и

² Опубликована в журнале: Заветы, 1913, № 12, с. 30—50.

³ Отрывки из этой книги под названием «Из прошлых лет» были напечатаны в журнале «Звезда» (1941, № 4, с. 161—170). Необходимо отметить научную значимость неопубликованной части.

⁴ Музей-квартира Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 11, ед. хр. 2, л. 2 (далее: Евгеньев-Максимов, папка, единица хранения, лист).

⁵ Там же, л. 62.

категорическую оценку основных положений Мережковского («не только не убедительно, но явным образом фальшиво») находим в «Записках некрасоведа».⁶

Некоторые главы воспоминаний посвящены переписке ученого, и только из этого, дополнительного источника мы узнаем, какую роль играла переписка в его некрасоведческом поиске, какие порой далекие родственные или дружеские связи, установленные и прослеженные Евгеньевым-Максимовым, приводили исследователя к находкам, обогатившим собрания некрасовских материалов и наши знания о поэте и его эпохе.

Переписка, как это обычно и бывает в личных фондах, в основном односторонняя. Мемуары содержат подробные сведения о корреспондентах, и благодаря им мы получаем возможность хотя бы приблизительно, лишь в самом общем виде представить эту связь двусторонне — реконструировать содержание ответных писем ученого или писем с его вопросами.

Кроме личных писем, на которых мы здесь не останавливаемся, обращает на себя внимание подборка, озаглавленная исследователем: «Ответы на анкету о Некрасове, проводимую журналом „Жизнь для всех“ в 1913 году». Это письма рабочих и крестьян о поэзии Некрасова и своем отношении к ней. Материалы самой анкеты известны. Евгеньев-Максимов обобщил их в своих статьях того времени, в которых одним из первых в некрасоведении применил метод своеобразного «социологического исследования».⁷

В воспоминаниях говорится о мотивах, заставивших тогда еще молодого ученого обратиться к этой широкой, демократической форме разговора с читателем Некрасова, о личном итоге этого разговора: «Анкета раз навсегда устранила колебания и сомнения, ибо благодаря ей я впервые услышал уже не единичные, часто противоречивые голоса критиков-интеллигентов, а мощный голос масс».⁸ Кроме того, в «Записках» впервые названы имена корреспондентов, приславших смелые для того времени ответы на анкету: это крестьяне Василий Тарасов, Иван Молдцов, Иван Кирычок, фабричные рабочие Аркадий Богатырев, П. Калачов, кооператор В. Егоров, казак, участник русско-японской войны П. Жвалов и др. «В 1914 году, т. е. в годы старого режима, — пишет Евгеньев-Максимов, — я никоим образом не мог на это решиться, ибо опубликование имен авторов неминуемо повлекло бы репрессии, если не против всех них, то во всяком случае против многих».⁹

Таким образом, книга мемуаров содержит неоценимые авторские признания, фактические сведения, которые делают для современного исследователя эпоху рождения литературоведческой науки о Некрасове ближе и понятнее, а для многих материалов архива некрасоведа становятся дешифрующим контекстом.

Вторая большая неопубликованная работа Евгеньева-Максимова — «Некрасов и украинская культура» (1942 г., 101 л.). Она представляет в наши дни исторический интерес как одна из первых попыток раскрыть процесс взаимосвязей русской и украинской классической литературы XIX в., в частности поставить вопрос об отношении Некрасова к таким писателям, как Г. Ф. Квитко-Основьяненко и Т. Г. Шевченко, и к укра-

⁶ Там же, л. 142.

⁷ Евгеньев-Максимов В. Е. 1) Некрасов и читатели из народа. — Жизнь для всех, 1914, № 3, с. 410—422; 2) Некрасов. Сборник статей и материалов. М., 1914, с. 266—296.

⁸ Евгеньев-Максимов, папка 11, ед. хр. 2, л. 92.

⁹ Там же, л. 93.

инскому фольклору, — тема, в наши дни получившая всестороннее освещение в работах Ф. Я. Приймы, Д. В. Чалого и других исследователей.

Рукопись сохранилась в двух вариантах, сокращенный носит название «Некрасов и украинская литература» (1942 г., 67 листов).

Большой раздел фонда составляют архивные разыскания ученого. Здесь копии документов и писем Некрасова и его современников, адресованных поэту, цензурных дел журналов, записи бесед с людьми, знавшими Некрасова, планы-конспекты книг и лекций, вырезки из газет и журналов (папки 1, 3—8, 17). Материал этот, сохранившийся, вероятно, далеко не в полном объеме, огромен: тысячи листов большого формата, зачастую исписанных с обеих сторон. Все это свидетельствует о гигантской и кропотливой работе Евгеньева-Максимова, которая предшествовала созданию его книг и статей.

Широко представлена научно-организаторская деятельность ученого, связанная с пропагандой некрасовского наследства. В 1921 г. он возглавил комиссию Политпросвета по подготовке празднования 100-летней годовщины со дня рождения Некрасова. В архиве хранится ряд документов «некрасовских дней»: планы проведения юбилейных заседаний, списки тем специальных семинарских занятий для пропагандистов-общественников, макеты «Некрасовского альбома», тексты речей и докладов, рекомендации по устройству книжных и школьных выставок, рецензии на некрасовские издания и спектакли. Во все последующие годы Евгеньев-Максимов с той же энергией принимал участие в юбилейных торжествах. Одна из папок выразительно озаглавлена: «Борьба за проведение Некрасовской годовщины». Эта часть архива, по нашему мнению, может представлять несомненный интерес не только для истории советского некрасоведения, но и для истории создания новой культуры в первые годы Советской власти.

После юбилейной выставки 1921 г., богатой автографами, реликвиями, прижизненными изданиями и иллюстрациями, стала очевидной настоятельная потребность не рассеивать эти ценные экспонаты, а создать на их основе постоянно действующий некрасовский музей. По инициативе Евгеньева-Максимова и при деятельном его участии такой музей был открыт в Петрограде, на углу Ростанной и Тамбовской улиц. В архиве хранятся письма и документы 1921—1936 гг., адресованные Евгеньеву-Максимову как заведующему музеем. Позднее на основе этого музея выросли два мемориальных: в Ленинграде, на Литейном проспекте, в доме 36, где была последняя квартира поэта и помещалась редакция его журналов, и в Карабихе, близ Ярославля, в усадьбе Некрасова. В день открытия ленинградского музея 5 декабря 1946 г. Евгеньев-Максимов произнес речь, которая начиналась словами: «Мы возвращаем поэту его дом...». В настоящее время набросок этого выступления вместе с портретом ученого и вещами из его рабочего кабинета находится в экспозиции музея.

Отражена в архиве и деятельность Евгеньева-Максимова как научного редактора. Сотни листов насчитывает деловая переписка по изданию «Полного собрания сочинений» Н. А. Некрасова (1948—1953), «Некрасовских сборников» (1918—1956) и «Литературного наследства» (1946—1949) (папки 5—8). Здесь же рецензии на отдельные тома и статьи этих изданий и договоры Евгеньева-Максимова с издательствами.

Особо выделены материалы, характеризующие педагогическую работу ученого. В 1916 г. в качестве консультанта он посещает первый некрасовский семинар, организованный на Бестужевских женских курсах Н. К. Пиксановым. О том, как работа в семинаре захватила Ев-

геньева-Максимова, можно судить по его переписке с Пиксановым и по письмам слушательниц курсов, в которых они обращаются к нему как наставнику с просьбой разрешить те или иные творческие проблемы и сомнения. В результате этого содружества был подготовлен первый «Некрасовский сборник», который вышел под редакцией Евгеньева-Максимова и Пиксанова в 1918 г.; материалы этого сборника тоже находятся в архиве.

Хранящиеся в фонде Евгеньева-Максимова автографы и документы некрасовской эпохи выделены в отдельную папку (№ 2). Некоторые из них были введены в научный оборот, другие остались неопубликованными.

Лишь частично известны читателю воспоминания сводной сестры поэта — Е. А. Некрасовой-Рюмлинг.¹⁰ Только один из имеющихся в архиве трех вариантов этих воспоминаний датирован: «Берлин. 10 января 1928 г.». Время, освещенное мемуаристкой, — начало 1860-х — конец 1870-х годов, основная тема — личные привязанности поэта, отношения его с ближайшими родственниками и сотрудниками журналов. Воспоминания эти несомненно представляют интерес для исследователей биографии Некрасова, хотя необходимо отметить фрагментарность изложения и субъективность оценок автора.

В архиве находится также письмо с записью воспоминаний о поэте Н. А. Бутылина, который являлся крепостным отца Некрасова и до последних дней жизни поэта находился при нем в качестве доверенного слуги. Запись сделана внуком Бутылина, крестьянином ярославского края И. Г. Макарычевым.¹¹ Среди автографов адрес, преподнесенный в 1877 г. смертельно больному Некрасову студентами Харьковского университета и Ветеринарного института.¹²

Остальные документы «некрасовской части» архива — бумаги конторы «Современника» и «Отечественных записок». Часть из них попала к Евгеньеву-Максимову, вероятно, из архива Ипполита Александровича Панаева, обнаруженного в 1913 г. студентом И. А. Макаровым на чердаке царскосельского дома дочери И. А. Панаева — О. И. Гильдебрант. На гонорарной ведомости «Отечественных записок» — надпись неизвестной рукой: «Материалы относительно издания „Отечественных записок“ 1868—1887 получены от М. Н. Михайловского. 26 февр. 1904 г.». Это — черновые записи расходов по журналу, счета сотрудникам «Современника» за разные годы. Не приводим полного их списка, так как многие из счетов продублированы в конторских книгах журнала, хранящихся в ИРЛИ. Отметим только, что в архиве Евгеньева-Максимова есть черновые записи расходов по «Современнику» за 1863 год, за который других финансовых документов журнала не сохранилось. Среди них: счета А. Н. Пыпина (1863, 3 февраля — 6 декабря), М. А. Антоновича (1863, 25 февраля — 29 ноября), Г. З. Елисеева (1863, январь — 24 декабря),

¹⁰ Воспоминания сестры поэта Е. А. Некрасовой-Рюмлинг. — Книга и революция, 1921, № 2 (14), с. 57—60 (публикация В. Е. Евгеньева-Максимова).

¹¹ Письмо это опубликовано в статье: Евгеньев-Максимов В. Е. Крестьянские рассказы о Н. А. Некрасове. — Ревен, № 1, 1939, с. 20—22. Из других ценных рукописей, хранящихся в архиве исследователя и имеющих в настоящее время значение первоисточников, отметим копию отрывка из воспоминаний Н. В. Шелгунова «Первоначальные наброски», сделанную для Н. К. Михайловского, и автограф воспоминаний Г. З. Елисеева (папка 2, ед. хр. 47, 53). Заслуживает внимания также нотариальная копия договора об основании первой грузинской ежедневной политической и литературной газеты «Обзор» (папка 2, ед. хр. 24).

¹² Подробнее об этом см.: Ломан О. В. Адрес харьковских студентов Некрасову 1877 года. — В кн.: О Некрасове. Статьи и материалы, вып. IV. Ярославль, 1975, с. 314—318.

счет корректуры (1863, январь—1864, январь), список «Новые книги», (1863, № 1—9; с пометами Евгеньева-Максимова — указания имен авторов рецензий).

В счете корректуры за 1863 г. — названия статей, прочитанных в корректуре, но не вошедших по цензурным соображениям в журнал, с обозначением их объема в листах и долях листов:¹³

К 1-й и 2-й кн. «Сердце не камень», прочитана первая корректура и сводка		11 ³ / ₈ листа 5 лист.
Все по- следую- щие про- читаны в 1-й кор- ректуре	} «Бюрократический пресс» «Глухов и глуховцы» «Транспорт» «Несчастье в Порхове»	17 ⁷ / ₈
		3 ³ / ₄
		15 ⁵ / ₈
		1 ¹ / ₈
К 3-й кн.	«Братья Бандьера» «Один из нерешенных вопросов» «Несколько выдержек из „Свистка“» «Глутое перо»	3 ¹ / ₄ 3 ³ / ₄ 17 ⁷ / ₈ 3 ³ / ₈
К 4-й «кн.»	«Из бурсацкого быта»	5 ⁵ / ₈
К 5-й «кн.»	«Современные призраки» «Заметки для хроникера О. З.» «Поджигатель»	13 ³ / ₄ 3 ³ / ₄ 3 ¹ / ₂
К 6-й «кн.»	«Разум и наука в России» «Внутреннее обозрение»	17 ⁷ / ₈ 13 ³ / ₄
К 7-й «кн.»	«Литературная рента» «Библиография» «Выдержки из мемуаров дилетанта» «Внутреннее обозрение»	1 ¹ / ₂ 1 ¹ / ₈ 2 ¹ / ₈ 15 ⁵ / ₈
К 8-й «кн.»	«Выборы во Франции» «Графы Никит(а) и Петр Панины» «Правда и кривда» «История всеобщей литературы 18 в.»	1 1 ¹ / ₈ 1 ¹ / ₄ 3 ¹ / ₂
К 9-й «кн.»	«Защитники духовенства» «Попытка физиологических объяснений психической деятельности» «Заметки о художественной выставке»	2 ³ / ₄ 5 ³ / ₄ 3 ³ / ₈
К 10-й «кн.»	«Разбор пьесы „Доходное место“»	7 ⁷ / ₈
К 11-й «кн.»	«Пройди — свет» (?) «Земские учреждения» «Биржевое недоразумение» «Стихотворения»	2 ³ / ₄ 1 ¹ / ₂ 1 ¹ / ₂ 1 ¹ / ₄
К 12-й «кн.»	«Пища и ее значение»	13 ³ / ₄

В архиве также находится черновой вариант договора Некрасова с Г. И. Богровым на издание романа последнего «Записки еврея» отдельной книгой.¹⁴ Он представляет собой датированную февралем 1873 г. карандашную запись рукой неизвестного лица. Согласно этому договору, Некрасов брал на себя «все распоряжения по изданию и продаже книг, а также все расходы и издержки».¹⁵

И, наконец, наибольшую историко-литературную ценность имеют автографы писем, присланных в контору «Современника» Некрасову и

¹³ Этот список лишь частично совпадает со списком произведений «Современника», запрещенных цензурой в 1863 г., приведенным в кн.: Евгеньев-Максимов В. Е. Последние годы «Современника». Л., 1939, с. 67—68.

¹⁴ «Записки еврея» печатались в «Отечественных записках» в 1871—1873 гг., а в 1874 г. вышли отдельным изданием (в типографии В. Тушнова).

¹⁵ Евгеньев-Максимов, папка 2, ед. хр. 23, л. 1.

И. А. Панаеву, а также письма самого Некрасова к И. А. Панаеву. В основном они касаются финансовых вопросов и могут внести дополнительные штрихи в непростую подчас историю отношений редактора и сотрудников.

Ниже мы публикуем некоторые из этих писем.

Н. А. Некрасов — И. А. Панаеву

1

«11 декабря 1861. Петербург».

Прошу Ипполита Александровича немедленно отправить г-же Маркович остальные деньги за ее новый рассказ по 200 р. «серебром» за лист. Адрес на прилагаемом письме.¹ У Вас есть ко мне письмо от Базунова² — зачем вы его держите у себя?

Некрасов.

11 Дек<абра>.

Пришлите мне тот № Современ<ника>, где первая часть Под<водного> Кам<ня>.³

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 25.

Год написания устанавливается по единственной публикации в «Современнике» (1861, № 9, 11) повести украинской писательницы М. А. Маркович (псевд. — Марко Вовчок) «Жили да были три сестры», о которой, вероятно, идет речь в письме, и по записи от 15 декабря в конторской книге «Современника» за 1861 г.: «Посланы Г-же Маркович, в Париж, 2000 фр.» (ИРЛИ, ф. 628, № 5, л. 41).

¹ Вероятно, письмо М. А. Маркович от 8 декабря (н. ст.) 1861 г., см. письмо 4.

² Это письмо И. В. Базунова неизвестно.

³ Роман М. В. Авдеева «Подводный камень» был опубликован в № 10—11 «Современника» за 1860 г.

2

«19 февраля 1864. Петербург».

Я уговорился с Воейковым¹ так: он выдаст два векселя на твое имя, один через два месяца, другой — через четыре. Поэтому приезжай ко мне завтра (т. е. сегодня, в среду) часа в три с половиной — Воейков будет в четыре — и привези расписку Воейкова. Да привези две тысячи, мне они нужны, а векселя их обеспечат. Помни <?>, взыскание строго.

Твой Н. Некрасов.

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 26.

Слова «(т. е. сегодня, в среду)» и «Воейков будет в четыре» приписаны на полях.

Письмо датируется по сохранившимся векселям В. А. Воейкова на имя И. А. Панаева (там же, ед. хр. 19—21) и расписке И. А. Панаева в получении этих векселей (ИРЛИ, 5142.XXVI16.24), датированных 19 февраля 1864 г.

¹ Воейков Валериан Александрович (р. 1820) — чиновник особых поручений при канцелярии Кавказского и Сибирского комитетов Государственного совета. С Некрасовым Воейкова связывали денежные отношения (см.: Некрасов, X, 455—456; Архив села Карабихи. М., 1916, с. 89).

3

<1865, после 15 февраля. Петербург>.

Любезнейший Ипполит.

Кроме денег по векселям, мне следует еще с Воейкова 2180 р. Вот тебе записка на получение их.¹ Если Воейков будет просить отсрочки этих 2180 р., то отсрочь, только тогда векселя не рви, а оставь на нем эту сумму как бы недополученную и условься о сроке.

Твой Н. Некрасов.

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 27.

Датируется по позднейшей приписке на счете (от 15 февраля 1865 г.) долга Воейкова (там же, ед. хр. 32).

¹ Эта записка неизвестна.

М. А. Маркович — Н. А. Некрасову (?)

4

26 ноября/8 декабря 1861. Париж

Милостивый Государь!

Прошу Вас уведомить меня, получена ли в редакции «Современника» вторая и третья часть повести «Жили-были три сестры». Вторая часть послана давно, а третья — две недели. Деньги прошу выслать в Париж 107 rue de Chaillot, chez Mme SSachi на мое имя.

Извините, что, не зная Вас, пишу к Вам. Мне сказали, что Чернышевского нет в Петербурге и Добролюбов уехал тоже.¹ Другие говорят, что Добролюбов очень болен. Он мне не отвечал на письма. Прошу Вас, еще скажите, где Чернышевский и Добролюбов, и если Добролюбов болен, не опасна ли его болезнь.

М. Маркович.

8 Декабря 1861.²
Париж.

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 35.

¹ Известие о смерти Добролюбова дошло до Маркович позднее. Чернышевский в это время был в Петербурге. 8 декабря 1861 г. (ст. ст.) он получил письмо от М. А. Маркович, содержащее также просьбу о высылке денег, см.: Красный архив, 1926, т. 1 (14), с. 100; Вовчок Марко. Твори, т. 7, ч. 2. Киев, 1967, с. 96.

² Датировка по новому стилю.

М. В. Авдеев — Н. А. Некрасову

5

9 марта <1863—1866>. Плуа.

Если Вы при деньгах, любезнейший Николай Алексеевич, то, пожалуйста, пришлите руб. 300 или 400: мне очень нужно, и чем скорее, тем лучше — я или Вам их заработаю, либо возвращу; много обяжете,

а здесь занимать не хочется. Вообразите, что «Современник» еще никому сюда не выслан!

Вам душевно преданный М. Авдеев.

Как идет игра?

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 42.

Датируется по времени пребывания М. В. Авдеева за границей.

На письме две приписки Некрасова: сверху — «Прошу Ипполита Александровича Панаева послать г-ну Авдееву триста руб. сер. Некрасов»; на полях (пояснение И. А. Панаеву) — «Михаилу Васильевичу Авдееву».

Михаил Васильевич Авдеев (1821—1876) — писатель-беллетрист, сотрудник «Современника» и «Отечественных записок».

М. А. Маркович — И. А. Панаеву

6

<20 декабря 1861/2 января 1862. Париж>.

Милостивый Государь!

Благодарю Вас за деньги — 2000 франков, которые я получила. Вы спрашиваете, сколько я прежде получила — я получила прежде 1500 франков, высланные мне г. Чернышевским в Италию. Я была должна Добролюбову только,¹ но отдала ему из тех денег, что мне переслал он от Кожанчикова.² Об этом счете у меня есть письмо от Николая Александровича.

Еще раз благодарю Вас.

Готовая к услугам М. Маркович.

Р. С. Прошу Вас выслать мне остальные деньги по тому же адресу.

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 37.

Письмо датируется по почтовому штампею на конверте.

¹ В подлиннике «толіко».

² Д. Е. Кожанчиковым в 1861 г. были изданы «Новые повести и рассказы» Марко Вовчка (см. об этом издании в письмах Н. Г. Чернышевского от 25 мая и 15/27 июня 1861 г.: Собр. соч., т. XIV. М., 1949, с. 430, 432—433).

7

<14 января 1862. Париж>.

Милостивый Государь!

Извините, что беспокою Вас еще — прошу Вас очень, потрудитесь выслать остальные следующие мне деньги за мою работу. Я получила от Вас 2000 франков в Париже и прежде еще получила из Редакции 1500 франков в Италии. Что остается еще мне получить, прошу Вас выслать на мое имя в Париж, rue de Chaillot, 107, — я собираюсь ехать в Петербург,¹ и мне теперь очень нужны деньги. Если Вы их выплете поскорее, Вы очень обяжете меня.

Готовая к услугам М. Маркович.

26/14 Генваря 1862 года.

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 36.

¹ Маркович вернулась в Россию лишь в 1867 г.

М. А. Антонович — И. А. Панаеву

8

<26 декабря 1863. Петербург>.

Милостивый Государь Ипполит Александрович!

По условию моему с Николаем Алексеевичем мне следовало за истекший год получить 5000⁰ р. По моим счетам оказывается, что я забрал до настоящего времени 2900 р. Должно быть так и по вашим счетам, а если есть разница, скажите мне. Остальные 2100 р. я желал бы получить теперь; если не можете дать в настоящее время всей суммы, то пришлите мне только 1000 и никак не меньше, мне очень нужны деньги. Сделайте одолжение, пришлите деньги ко мне на квартиру, завтра (в пятницу), я, вероятно, не буду в редакции.

Ваш М. Антонович.

Декабр. 26-го.

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 33.

Год написания устанавливается по связи со следующим письмом (9) и по обозначению дня недели — пятница 27 декабря приходилась на 1863 г.

Антонович Максим Алексеевич (1835—1918) — критик-публицист, после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского играл ведущую роль в литературно-критическом отделе «Современника».

9

<29 января 1864. Петербург>.

Милостивый Государь Ипполит Александрович!

Пожалуйста, пришлите мне деньги за прошлый год — я нашел у себя записки всех денег, полученных от Вас в прошлом году, и из них видно, что у Вас остается 1100 руб. По вашему счету оказывается меньше.¹ Поэтому для разрешения разницы прикажите сделать для меня выписку из книг ваших с указанием, в какие числа и по сколько я получал денег.

Вам [Пред]

М. Антонович.

Генваря 29 числа 1864 года.

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 34.

¹ Финансовые документы конторы «Современника» за 1863 г. сохранились лишь в незначительной своей части.

А. Я. Панаева — И. А. Панаеву

10

19 февраля <1864. Петербург>.

Милый Поличка,

Николай Алексеевич просит Вас приехать к нему в 4 часа сегодня и привезти ему документы Воейкова, который явился и желает дать новые векселя.

Целую Вас всех; все ли здоровы? Вы нужны, потому что эти векселя будут на Ваше имя.

А:П:

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 28.

Датируется по векселям Воейкова па пмя П. А. Панаева (см. комментарий к письму 2).

Письмо атрибутируется Авдотье Яковлевне Панаевой по почерку, характеру обращения к адресату и подписи (см. письма А. Я. Панаевой к И. А. Панаеву: Литературное наследство, т. 53—54. М., 1949, с. 120—129).

И. А. Панаев — В. А. Воейкову

11

«3 октября 1864. Петербург».

Милостивый Государь, Валершан Александрович,

Сентябрь месяц уже прошел, но я до сих пор не получил от Вас никакого известия, равно как и не получил ответа на письмо мое к Вашему Превосходительству, отосланное с месяц тому назад. Поэтому по делам «Современника» я нахожусь в весьма затруднительном положении. Некоторым лицам обещаны были уплаты в конце сентября, и я не мог исполнить обещание.

Вследствие этого я вынужден беспокоить Вас снова и покорнейше просить не замедлить уплатой должных Вам денег¹ и сколь возможно поспешнее почтить меня уведомлением, какого именно числа текущего месяца я могу получить их: иначе я буду поставлен в весьма неприятное положение, так как «Современник» в настоящее время крайне нуждается в деньгах.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего Превосходительства почтеннейшим слугою

Ипполит Панаев.

3-го октября 1864 г.
С. Петербург.

Адрес мой: У Обухова моста, в Институт инженеров путей сообщения, Ипполиту Александровичу Панаеву.

Печатается по автографу музея Н. А. Некрасова, фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 43.

Отрывок из письма без имени адресата и указания точной даты процитирован в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Практичность Н. А. Некрасова в освещении цифровых и документальных данных» (Вестник Европы, 1915, № 4, с. 160).

¹ Долг Воейкова был уплачен в 1864—1865 гг. Деньги по указанию Некрасова были переданы заведующему конторой «Современника», издателю С. В. Звонареву (фонд В. Е. Евгеньева-Максимова, папка 2, ед. хр. 32; см. также конторские книги редакции «Современника»: ИРЛИ, ф. 628, № 7, л. 283; № 8, л. 178).

Н. Н. Мостовская

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О Н. А. НЕКРАСОВЕ
1970—1974

Публикуемая библиография является продолжением библиографического свода литературы о Некрасове за 1959—1969 гг., составленного К. П. Дульневой.¹ В данном библиографическом указателе хронологически зарегистрирована литература о писателе, изданная на русском языке; материал расположен по годам, в пределах года — в алфавитном порядке.

1970

1. Власов М. Ф. Изучение языка и стиля Н. А. Некрасова в советскую эпоху. — Учен. зап. Пермск. ун-та, 1970, № 214, с. 170—230.
 2. Власов М. Ф. Народная речь в поэзии Н. А. Некрасова. — Рус. речь, 1970, № 1, с. 24—30.
 3. Власов М. Ф. Н. А. Некрасов о языке и стиле. — Учен. зап. Пермск. ун-та, 1970, № 214, с. 231—244.
 4. Власов М. Ф. О языке и стиле Н. А. Некрасова. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1970, 216 с. (Пермск. ун-т).
 5. Вопросы русского языка, вып. VI. Язык Н. А. Некрасова. Ярославль, 1970, 317 с. (Ярославск. пед. ин-т).
- Мельниченко Г. Г. Об изучении языка Н. А. Некрасова. — Андрусенко В. И. Приемы гиперболизации и стилистические функции гиперболы в языке поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Дубровина Е. П. Из наблюдений над эволюцией стиля поэзии Н. А. Некрасова. — Кандалин Н. И. Некрасовские традиции в языке и стиле советской поэзии (Н. А. Некрасов и А. Сурков). — Кондратьева Т. Н. Стилистические повторы в поэтических произведениях Н. А. Некрасова. — Копейкина Н. А. Язык Некрасова-повествователя в поэме «Кому на Руси жить хорошо». — Любченко Б. Ф. Экспрессивные функции имен существительных в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Рудяков Н. А. Опыт лингвистического анализа стихотворения Н. А. Некрасова «Железная дорога». — Рыньков Л. Н. Метафорические словосочетания в поэтическом языке Н. А. Некрасова. — Червяковский С. А. Из наблюдений над языком героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Голованевский А. Л. Общественно-политическая лексика в поэзии Н. А. Некрасова. — Кожин А. Н. Военная лексика в стихотворном языке Н. А. Некрасова. — Кожин А. Н. Составные наименования в стихотворном анализе Н. А. Некрасова. — Мелерович А. М. Из наблюдений над синонимией фразеологизмов в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Мелерович А. М. Глагольные фразеологизмы в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Николаева З. В. Нарипательные слова из имен собственных и собственные имена из нарицательных в поэтических произведениях Н. А. Некрасова. — Николаева З. В. Отчества персонажей в поэтических произведениях Н. А. Некрасова, их стилистика, словообразование и произношение. — Огольцев В. М. Об одной особенности применения уменьшительных образований в поэзии Н. А. Некрасова. (На материале поэмы «Кому на Руси жить хорошо»). — Тимофеев В. П. Антонимия в поэзии Н. А. Некрасова. — Музыченко А. С. Перенос ударения с су-

¹ Н. А. Некрасов и русская литература. 1821—1974. М., «Наука», 1974, с. 477—504 (Ин-т мировой лит.).

ществительных на предлоги в поэтическом языке Н. А. Некрасова. — Ерастова Н. Ф. Лексико-грамматическая характеристика субстантивированных прилагательных и причастий в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Арват Н. Н. Стилистическое употребление номинативных предложений в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины». — Арват Н. Н. Семантико-стилистические функции безличных отрицательных экзистенциальных предложений в поэзии Н. А. Некрасова. — Зорина Г. В. Семантика придаточных предложений с сравнительным союзом «как» в поэзии Н. А. Некрасова. — Орлова Н. В. Бессоюзные сложные предложения неоднородного состава. (На материале поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины»). — Орлова Н. В. Бессоюзные сложные предложения однородного состава. (На материале поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины»). — Стрельская А. М. Сложные предложения с придаточными причинами в произведениях Н. А. Некрасова. — Стрельская А. М. Конструкции с союзом «как будто» в творчестве Н. А. Некрасова. — Паршина В. А. Статистика предлогов на материале произведений Н. А. Некрасова.

6. Воробьев В. Ф. В. И. Ленин о литературе. Семинарий. Киев, 1970, с. 163—165.

Ленин о Некрасове.

7. Гаркави А. М. Становление реалистических жанров в поэзии Н. А. Некрасова (1840-е годы). — Учен. зап. Калнингр. ун-та, 1970, вып. 5, с. 32—78.

8. Жданов В. Изучение Некрасова продолжается. — Вопр. лит., 1970, № 5, с. 224—227.

О книгах: О Некрасове. Статьи и материалы, вып. II. Ярославль, 1968; Анкинин В. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1969.

9. Жданов В. Стихи и музыка. — Вопр. лит., 1970, № 9, с. 237—239.

Рецензия на книгу: Иванов Г. К. Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.). Справочник, вып. 1—2. М., «Музыка», 1966, «Сов. композитор», 1969.

10. Зубков М. Н. Русская поэма 40—60-х годов XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1970, 32 с. (Моск. ун-т).

11. Кирпотин В. Вершины. Пушкин. Лермонтов. Некрасов. М., «Худож. лит.», 1970, с. 297—374.

Поэт-предтеча русской революции. — Некрасов — поэт революционной крестьянской демократии. — Некрасов и Пушкин.

12. Лебедев Ю. В. Проблема героя в творчестве Н. А. Некрасова конца 1850-х—начала 1860-х годов. — Учен. зап. Костромск. и Ярославск. пед. ин-тов, 1970, вып. 20, с. 90—110.

13. Мионов А. Минуты поэтических вдохновений. Ярославль, Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1970, с. 72—79.

О Некрасове как одном из прототипов Аркадия Долгорукого в «Подростке» Достоевского.

14. Некрасов Н. К. По следам некрасовских героев. М., «Сов. Россия», 1970, 175 с.

Рец.: Григорьев В. — Молод. гвардия, 1971, № 8, с. 315—316; Елищеров В. — Нов. мир, 1971, № 6, с. 283—284; Уманская М. Родная сторона. — Моск. комсомолец, 1971, 2 июня.

15. Опришко Е. Н. М. Л. Михайлов и Н. А. Некрасов. Днепропетровск, 1970, 33 с.

16. Охомуш Е. А. К вопросу о стилистическом использовании словообразовательных средств в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Исследования по русскому языку. Днепропетровск, 1970, с. 149—151.

17. Пиотровская А. Г. Некрасов и Конопщцкая. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970, с. 312—332.

18. Письякува Е. В. Народно-разговорная лексика в стихотворениях и стихотворных фельетонах Н. А. Некрасова. — Науч. труды Краснодарск. пед. ин-та, 1970 [обл. 1969], вып. 130. Сб. работ аспирантов, вып. 5, с. 96—113.

19. Письякува Е. В. Некоторые особенности использования лексики русского литературного языка в стихотворениях и стихотворных фельетонах Н. А. Некрасова. — Науч. труды Краснодарск. пед. ин-та, 1970 [обл. 1969], вып. 130. Сб. работ аспирантов, вып. 5, с. 65—95.

20. Раков В. П. Вопросы творческой индивидуальности и стиля писателя в работах П. Н. Сакулина. — Учен. зап. Моск. пед. ин-та, 1970, № 389, с. 26—31.

21. Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., «Просвещение», 1970, с. 190—191.

О заглавии поэмы «Русские женщины».

22. Розанова Л. А. Об образе автора и авторской позиции в «Кому на Руси жить хорошо» и некоторых подражательных произведениях. — Учен. зап. Ивановск. пед. ин-та, 1970, т. 73, с. 14—56.

23. Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарий. Л., «Просвещение», 1970, 320 с.

Рец.: Зубков М. Книги о Некрасове. — Учит. газ., 1970, 24 дек.; Лужановский А. Новый комментарий к поэме Некрасова. — Лит. в школе, 1970, № 6, с. 74—75; Павлов К. Комментарий к великой поэме. — Волга, Саратов, 1971, № 12, с. 156—157; Прокшин В. В помощь учителю. — Вопр. лит., 1971, № 7, с. 196—199.

24. Рукавицын М. Н. А. Некрасов. Вступит. статья. — В кн.: Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы. М., «Моск. рабочий», 1970, с. 5—26.

25. Скатов Н. Н. К теме «страшного мира» у Некрасова и Блока. (Об одном «блоковском» стихотворении Некрасова). — В кн.: Метод и мастерство. Сб. статей, вып. 1. Вологда, 1970, с. 194—206.

26. Скатов Н. Н. Некрасов и русская лирика второй половины XIX—начала XX в. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Л., 1970, 31 с. (Ленингр. пед. ин-т).

27. Скатов Н. Н. Россия у Александра Блока и поэтическая традиция Некрасова. — Рус. лит., 1970, № 3, с. 37—56.

28. Соколов В. Б. От крестьянской утопии к образу пореформенной России (Алексей Потанин и Ермил Гирин). — Учен. зап. Калнингр. ун-та, каф. рус. и зарубежн. лит., 1970, вып. 5, с. 92—107.

29. Станкеева З. В. О некрасовских традициях в поэтике Блока. — Учен. зап. Пермск. ун-та, 1970, № 241, с. 215—229.

30. Степанов Н. Л. Заветная книга. — В кн.: Некрасов Н. А. Стихотворения. М., «Худож. лит.», 1970, с. 3—12; то же: М., 1971, с. 3—12.

31. Степанов Н. Л. Н. А. Некрасов. — В кн.: История русской литературы XIX века, т. II, ч. 1. Изд. 2-е. Под ред. С. М. Петрова. М., «Просвещение», 1970, с. 111—145.

32. Тарновская Л. А. О жанровом своеобразии пьесы Н. А. Некрасова «Осенняя скука». — Учен. зап. Калнингр. ун-та. Каф. рус. и зарубежн. лит., 1970, вып. V, с. 79—91.

33. Филатова А. Поэты-демократы. — Нева, 1970, № 3, с. 193.

Рецензия на книгу: Скатов Н. Н. Поэты некрасовской школы. Л., «Просвещение», 1968.

34. Фролова Т. Д. Некрасов в творчестве М. Горького. — Учен. зап. Казанск. пед. ин-та, 1970, вып. 85, с. 74—97.

35. Челышев Б. Д. В поисках редких книг. М., «Просвещение», 1970, с. 68—76. «Ненайденная повесть. (По поводу книги Н. А. Н. Как я велик (Повесть из жизни литературного гения). Пермь, 1882. Литография Золотникова). — «Первая книга о Некрасове. (Сборник «На память о Некрасове». СПб., 1878)».

36. Червяковский С. А. Проблема жанров в драматургии Некрасова. — В кн.: Проблемы русской и зарубежной литературы, вып. 4. Ярославль, 1970, с. 182—191.

37. Чуковский К. И. Н. А. Некрасов. Вступит. статья. — В кн.: Некрасов Н. А. Стихотворения. Кому на Руси жить хорошо. М., «Дет. лит.», 1970, с. 3—32; то же: М., 1971, с. 3—32; Уфа, 1970, с. 5—35; Киев, «Веселка», 1974, с. 5—32; М., «Дет. лит.», 1974, с. 3—32; Ставрополь, 1975, с. 3—28.

38. Шантаренков Н. От составителя. — В кн.: Русский водевиль. М., «Искусство», 1970, с. 8, 17.

Некрасов-водевильист.

39. Пешуков С. И. Заслуживает прочтения. — Лит. в школе, 1970, № 4, с. 83—84.

Рецензия на книгу: Журко Ф. М. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., «Просвещение», 1968.

1971

40. Амирбекян А., Экекян А. Всесоюзная некрасовская конференция. — Вестн. Ереван. ун-та. Обществ. науки, 1971, № 3, с. 248—254.

О конференции «Некрасов и литература народов СССР» в Ереване в ноябре 1971 г.

41. Андриенко О. Верность традициям. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Неман, Минск, 1971, № 12, с. 170—176.

О влиянии поэзии Некрасова на творчество белорусских поэтов.

42. Аникин В. П. Народность Некрасова. — Лит. в школе, 1971, № 6, с. 2—9.

43. Архипов В. Поэзия борьбы и труда. — Октябрь, 1971, № 12, с. 169—189.

44. Архипов В. А. Поэт истинный. — Рус. речь, 1971, № 4, с. 12—23.

45. Басина М. Литейный 36. Л., «Дет. лит.», 1971, 256 с.

Документальная повесть о Некрасове.

46. Берзер А. «Души прекрасные порывы». — Наука и религия, 1971, № 12, с. 60—67.

К 150-летию со дня рождения Некрасова.

47. Бикбулатова К. Ф. Поэзия Некрасова. Л., «Знание», 1971, 32 с.

48. Благово В. А. Русский национальный характер в поэзии Н. А. Некрасова и Ю. В. Жадовской. — В кн.: XXIV герценовские чтения. Краткое содержание докладов. Л., 1971, с. 75—77.

49. Благоволина Ю. П. Письма Н. А. Некрасова к В. П. Боткину (1855—1856). Публ. и коммент. — Зап. Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина, 1971, вып. 32, с. 201—207.

50. Блишневская М. «Написано во время гощения у Герцена...». (О стихотворении Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...»). — Вопр. лит., 1971, № 8, с. 253—256.

51. Блишневская М. «Одного таланта недостаточно...». — Дружба народов, 1971, № 12, с. 279.

Н. П. Шаликова и Некрасов. Письмо Н. П. Шаликовой к Некрасову.

52. Блок А. А. Ответ на анкету о Некрасове. — В кн. Б.: Собр. соч., т. 5. М., 1971, с. 492—493.

53. Бобков С. К юбилею Н. А. Некрасова. — Вопр. лит., 1971, № 6, с. 247.

К 150-летию со дня рождения Некрасова в Московском государственном университете.

54. Бухштаб Б. Я. Проблемы изучения поэмы Некрасова «Саша». — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, № 5, с. 440—452.

55. Васильковский А. Т. О жанровых типах поэм Н. А. Некрасова. — Вопр. рус. лит., Львов, 1971, вып. 3, с. 3—14.

56. Власов М. Ф. Значение творчества Н. А. Некрасова в развитии русской поэтической речи. — Учен. зап. Пермск. ун-та, 1971, № 244, с. 113—144.

57. Власов М. Ф. Из наблюдений над стилем поэзии Н. А. Некрасова. — Рус. яз. в школе, 1971, № 6, с. 3—9.

58. Волжские разливы. Литературно-художественный сборник. Ярославль, Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1971, с. 57—63, 103—109, 124—132.

День поэзии прописан в Карабихе. — Ханаев И. Некрасов в моей жизни. — Ширяев В. Судьба книг и вещей поэта.

59. Гин М. М. Диккенсовский сюжет у Некрасова. — В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 136—139.

Использование сюжета романа «Жизнь и приключения Николаса Никльби» в «Ростовщике» и «Трех странах света».

60. Гин М. Достоевский и Некрасов. Два мировоззрения. — Север, Петрозаводск, 1971, № 11, с. 103—123; № 12, с. 106—124.

61. Гин М. М. О периодизации творчества Некрасова. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, № 5, с. 432—439.

62. Гин М. М. От факта к образу и сюжету. М., «Сов. писатель», 1971, 304 с.

Рец.: Андиферов М. — Нов. мир, 1971, № 11, с. 283—284; Лебедев Ю. В. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, № 5, с. 478—479; Малкин В. А. Экскурсы в творческую лабораторию Н. А. Некрасова. — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972, с. 216—220; Степанов Н. В творческой лаборатории Некрасова. — Вопр. лит., 1972, № 1, с. 205—209.

63. Гладышева Л. А. Крылатые слова Некрасова на страницах газеты. — Рус. яз. в школе, 1971, № 6, с. 13—17.

К характеристике публицистического стиля современного русского литературного языка.

64. Гончаров В. Карабиха. — В кн.: Чаевская К., сост. Н. А. Некрасов. «Я лиру посвятил народу своему». Сборник. М., «Молод. гвардия», 1971, с. 334—339.

65. Государственный литературный музей Н. А. Некрасова. — Лит. в школе, 1971, № 5, с. 73.

66. Григорьев В. П. Словарь Н. А. Некрасова в контексте проблем поэтической лексикографии. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, № 5, с. 465—472.

67. Григорьев Н. Наш поэт (Н. К. Крупская о Н. А. Некрасове). — Нар. образование, 1971, № 11, с. 79—80.

68. Гришунин А. Н. А. Некрасов. — В кн.: Некрасов Н. А. Избранное. М., «Современник», 1971, с. 5—10. (Классич. б-ка «Современника»).

69. Гришунин А. Последний завет Некрасова. — В кн.: Некрасов Н. А. Избранное. М., «Современник», 1971, с. 220—229. (Классич. б-ка «Современника»).

Стихотворения Некрасова в серии «Русская библиотека», VII (СПб., 1877).

70. Грудцова О. Корней Иванович Чуковский. — Вопр. лит., 1971, № 10, с. 151—163.

71. Груздев А. И. Некрасов Николай Алексеевич. — В кн.: Русские писатели. Библиографический словарь. М., «Просвещение», 1971, с. 461—469.

72. Груздев А. И. О месте «Пира на весь мир» в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 149—158.

По поводу заметки М. Теплинского «К истории публикации „Пира на весь мир“» (Рус. лит., 1967, № 1, с. 202—203).

73. Груздев А. И. Поэмы Н. А. Некрасова 1860—1870-х годов. (Природа жанра). Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Л., 1971, 30 с. (Ленингр. пед. ин-т им. Герцена).

74. Гуральник У. Поэт истинно народный. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Лит. Грузия, 1971, № 11, с. 49—54.

75. Гусян А. И., Пышкина Т. А. Имени поэта. — Библиотекарь, 1971, № 10, с. 24—25.

О подготовке Московской центральной публичной библиотеки к юбилею Некрасова.

76. Гучик И. Всему начало здесь. — Культура и жизнь, 1971, № 10, с. 40—42. Музей Некрасова в Карабихе.

77. Гюбиева Г. «Я лиру посвятил народу своему...». К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Дальний Восток, Хабаровск, 1971, № 12, с. 139—142.

78. Деметьев А. Некрасов и «обязательное соглашение». К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Вопр. лит., 1971, № 6, с. 136—163.

79. Джамиль А. Поэт-гражданин. К 150-летию Н. А. Некрасова. — Лит. Азербайджан, 1971, № 12, с. 74—76.

80. Дмитриева Н. М. Поэт и гражданин. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Веч. сред. школа, 1971, № 6, с. 5—9.

81. Достоевская А. Г. Воспоминания. М., «Худ. лит.», 1971, с. 60, 259—261, 279—280, 316—318. (Серия лит. мемуаров).

Некрасов и Достоевский.

82. Достоевский — Некрасов. — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1971, т. 30, № 5, с. 385—387.

83. Евнин Ф. И. Достоевский и Некрасов. — Рус. лит., 1971, № 3, с. 24—48.

84. Евстигнеева Л. Воплощение замысла. (О некоторых особенностях композиционной структуры поэмы «Кому на Руси жить хорошо»). К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Вопр. лит., 1971, № 4, с. 135—152.

85. «Его слава будет бессмертна...». — Вопр. лит., 1971, № 11, с. 85—155.

О традициях Некрасова в современной поэзии. На вопросы анкеты редакции журнала «Вопросы литературы» отвечают поэты: Атаджанов В., Бабаджан Р., Боков В., Браун Н., Ванаг Ю., Ваншенкин К., Васильев С., Вертинский А., Воронько П., Гамзатов Р., Данилов С., Зульфья, Исаковский М., Казаков М., Комиссарова М., Коротич В., Корсакас К., Кугультинов Д., Кузнецов С., Кушнер А., Матвеева Н., Нагибеда М., Наровчатов С., Павлычко Д., Передрев А., Прокофьев А., Рза Р., Рождественский В., Ручьев Б., Слуцкий Б., Смеляков Я., Смердов А., Сурков А., Тарба И., Тихонов Н., Ухсай Я., Ушаков Н., Хазри Н., Хаким С., Шестинский О., Щипачев С., Эляй С., Эркай Н.

86. Еречнева Т. Певец свободы. (К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова). — Байкал, Улан-Удэ, 1971, № 6, с. 153—156.

87. Жданов В. Заметки о Некрасове. — Нов. мир., 1971, № 9, с. 234—246.

88. Жданов В. В. Некрасов. М., «Молод. гвардия», 1971, 494 с. (Жизнь замечат. людей).

Рец.: Берзер А. Масштаб личности поэта. — Дружба народов, 1972, № 11, с. 273—275; Чистова И. — Звезда, 1973, № 3, с. 221—223; Антонова Г., Самосюк Г. — В кн.: Освободительное движение в России, вып. V. Саратов, Изд-во Саратовск. ун-та, 1975, с. 144—147.

89. Жданов В. Некрасов и зарубежная литература. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Иностр. лит., 1971, № 12, с. 194—200.

90. Жданов В. Поэт и время. — К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Дружба народов, 1971, № 12, с. 243—256.

91. Жигулина И. «Надрывается сердце от муки». К 150-летию со дня рождения Некрасова. — Библиотекарь, 1971, № 10, с. 18—22.

92. Жовтис А. Л. К характеристике «некрасовского голоса». — Рус. лит., 1971, № 4, с. 83—90.

93. Журко Ф. Некрасов о детях и для детей. К 150-летию со дня рождения. — Дошкольное воспитание, 1971, № 3, с. 41—46.

94. Журко Ф. Он лиру посвятил народу своему. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Сов. профсоюз, 1971, № 22, с. 34—35.

95. Запатов А. В. Книга как средство характеристики в творчестве Н. А. Некрасова. К 150-летию со дня рождения. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика, 1971, № 6, с. 21—32.

96. Зинин С. И. Из истории изучения языка Н. А. Некрасова. — Рус. яз. в школе, 1971, № 6, с. 99—102.
97. Золотницкая Т. Некрасов и театр. К 150-летию со дня рождения писателя. — Театр., 1971, № 12, с. 90—94.
98. Зубков М. В. Огонь за честь Отчизны. (К 150-летию со дня рождения Некрасова). — В мире книг, 1971, № 10, с. 28—30.
99. Иезуитов А. Н. Н. А. Некрасов в жизни и трудах В. И. Ленина. — Рус. лит., 1971, № 4, с. 24—39.
100. Илюшин А. А. Из истории русско-польских литературных отношений. (К 150-летию со дня рождения Достоевского и Некрасова). — Сов. славяноведение, 1971, № 6, с. 3—12.
101. Илюшин А. А. Лингвокомпозиция некрасовских «Размышлений у парадного подъезда». — Рус. яз. в школе, 1971, № 6, с. 9—13.
102. Илюшин А. А. Сборник статей о Некрасове. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология, 1971, № 1, с. 79—80.
- Ред. на книгу: О Некрасове, вып. II. Ярославль, 1968.
103. Инфантьев Б., Лосев А. Таким открылся им Некрасов. — Лит. в школе, 1971, № 6, с. 62—65.
- Из опыта внеклассной работы по литературе.
104. Ионов Г. Великий поэт о человеке труда. — Сов. профсоюзы, 1971, № 23, с. 47.
105. Ишкова С. Н. А. Некрасов-издатель. — Кн. торговля, 1971, № 11, с. 58—59.
106. Качурин М. Г. Н. А. Некрасов. — В кн.: Изучение русской литературы в 9 классе. Методическое пособие. М., «Просвещение», 1971, с. 205—241.
107. Качурин М. Г., Шнеерсон М. А. Изучение личности писателя в работе над художественным текстом. (Лирика Н. А. Некрасова). — В кн.: Искусство анализа художественного произведения. М., 1971, с. 139—165.
108. Киткович Е. «В тех книгах жив мятежный дух...». О редких изданиях Некрасова. — Звезда Востока, Ташкент, 1971, № 12, с. 155—158.
109. Кишкин Л. С. Некрасов в восприятии словацкого поэта. — Рус. лит., 1971, № 4, с. 79—82.
- Пометы П. Орсак-Гвездослава на изданиях сочинений Некрасова.
110. Ключников В. Некрасов в семье Ульяновых. — Нар. образование, 1971, № 12, с. 76—83.
111. Коган А. Некрасов в музыке. — Лит. Азербайджан, 1971, № 12, с. 153.
112. Колесницкая И. М. Анализ психологии крестьян в литературе конца 1850-х—первой половины 1860-х годов. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1971, № 355. Сер. филол. наук, вып. 76, с. 39—60.
113. Костомарова И. А. К вопросу о датировке записки Н. А. Некрасова к Н. Г. Чернышевскому. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6, с. 28—30.
114. Кочетков В. Некрасовская традиция. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Молод. гвардия, 1971, № 9, с. 292—305.
115. Кравцов Н. И. Некрасов и поэты нового типа в славянских литературах. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, вып. 6, с. 481—494.
116. Краснов Г. В. «По словечку...». — Рус. речь, 1971, № 5, с. 26—32.
- О народности языка поэзии Некрасова.
117. Краснов П. Из библиотеки поэта. — В мире книг, 1971, № 10, с. 46.
- Интерес Некрасова к «Горю от ума» Грибоедова.
118. Крупышев А. М. Юбилейная некрасовская конференция в Костромском пединституте. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6, с. 102—104.
119. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Аврора, 1971, № 11, с. 70—75.
- Боков В. «Я лиру посвятил народу своему...». — Алмазов Б. Народный поэт. — Батист Г. Другу народа и свободы. — Яковлев М. Обещание. Об одном стихотворении Некрасова. — Будашевская Л. Мир удивительный.
120. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Волга, Саратов, 1971, № 12, с. 149—159.
- Никитина Е. «Я лиру посвятил народу своему». (Некрасов и советская поэзия). — Павлов К. Комментарий к великой поэме. — Воробьев Е. Судьба одной книги. — Блюм А. Некрасовская библиотека без Некрасова.
121. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Знамя, 1971, № 12, с. 207—221.
- Бровка П. Певец жизни народной. — Винокуров Е. Два поэтических мира. — Кулиев К. Народный поэт России. — Куняев С. Поэт и гражданин. — Долматовский Е. Поэзия, опережающая время. — Цыбин В. Истоки вдохновения.

122. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Молод. гвардия, 1971, № 12, с. 249—269.
- Куняев С. Поэт и мы. — Семанов С. Ясный идеал. — Осетров Е. Лицом к лицу с Родиной.
123. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Нар. образование, 1971, № 12, с. 76—83.
- Клюшников В. Некрасов в семье Ульяновых. — Подорольский Н. Некрасов, школа, учитель. — Михайлов А. В Доме-музее великого поэта.
124. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Нева, 1971, № 12, с. 178—188.
- Тамарченко Г. Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский. — Дейч Г. Поэта пламенное слово.
125. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Огонек, 1971, № 49, с. 8—19.
- Архипов В. Слава Некрасова. — Лупий О. Вовек не угаснет. — Кузьмин Б. Был воскресный день. — Полторацкий В., Ларин С. Поездка в Мстеру. — Шишкин Ф. Врачующая земля. — Куликовская Г. «Иных времен, иных картин провижу я начала...». — Ерохин А. «Какое беспокойство об интересах литературы». — Блиничевская М. «Научите меня... я хочу работать».
126. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Рус. речь, 1971, № 4, с. 12—48.
- Архипов В. «Поэт истинный». — Власов М. В. «Я лиру посвятил народу своему...». — Розанова Л. А. Точное слово. — Новожилов И. А. Пословицы и поговорки в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».
127. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Сиб. огни, 1971, № 12, с. 157—161.
- Смердов А. Некрасов в Сибири. — Фояков И. Наш Некрасов.
128. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Урал, Свердловск, 1971, № 12, с. 141—157.
- Очеретин В. Некрасов — любовь моя. — Лазарев А. Глубокое созвучие. Полемиические заметки о некрасовских традициях. — Прийма Ф. Огонь любви, негодованья, мщенья.
129. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Юность, 1971, № 12, с. 54—62.
- Сурков А. Великий демократический поэт России. — Карп П. Дух гнева и печали.
130. Кузина Л. Н. Юбилейная некрасовская конференция. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, вып. 6, с. 569—570.
131. Кузьмин А. И. К изучению героической темы в русской литературе XIX в. (Н. А. Некрасов о войне и восстании). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, вып. 6, с. 542—550.
132. Кулешов В. И. Н. А. Некрасов (заметки о тематике и проблематике изучения). К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология, 1971, № 6, с. 3—6.
133. Кульбас Д. Г. М. Горький о Некрасове. (Статьи первая и вторая). — В кн.: Вопросы истории и теории литературы, вып. 7, 8. Челябинск, 1971, с. 3—37.
134. Курилов А. Некрасовская научная конференция. — Вопр. лит., 1971, № 10, с. 242—243.
135. Л. Г. Н. А. Некрасов и русская литература. — Вопр. лит., 1971, № 5, с. 240—241.
- Межвузовская конференция в Костроме в феврале 1971 г.
136. Лавров А. М. О рисунках А. М. Лаптева к поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М., «Дет. лит.», 1971, с. 353—364.
137. Лагунов А. Н. А. Некрасов и А. А. Фет. — Ставрополье, 1971, № 3, с. 57—60.
138. Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов и русская поэма 1840—1850-х годов. Ярославль, Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1971, 135 с.
- Рец.: Скатов Н. Н. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1974, т. 33, № 4, с. 373.
139. Лебедев Ю. В., Сапогов В. А. Юбилейная Некрасовская конференция в Костроме. — Рус. лит., 1971, № 3, с. 243—246.
- Межвузовская конференция в феврале 1971 г.
140. Левин М. Текст и сюжет. (Анализ стихотворения Н. А. Некрасова «Утро»). — В кн.: Русская филология. Сб. 3. Тарту, 1971, с. 36—47.
141. Литвинов В. В. Николай Алексеевич Некрасов. К 150-летию со дня рождения. — Нач. школа, 1971, № 11, с. 77—82.

142. Ломан О. В. Музей-квартира Н. А. Некрасова. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., Лениздат, 1971, 70 с.

143. Ломан О. Некрасовская школа. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Дет. лит., 1971, № 10, с. 54—56.

144. Лощинин Н. Литературные музеи к юбилею Некрасова. — Вопр. лит., 1971, № 10, с. 244.

145. Лощинин Н. П. Об эпиграмме Н. А. Некрасова «Автору „Анны Карениной“». К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология, 1971, № 6, с. 14—16.

146. Мазилова В. Ф. Материалы для школьного вечера, посвященного Н. А. Некрасову. — Рус. яз. в школе, 1971, № 6, с. 62—64.

147. Маков В. Муза мести и печали. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Коммунист Узбекистана, 1971, № 12, с. 85—89.

148. Маков В. Преемственность традиций. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Звезда Востока, Ташкент, 1971, № 12, с. 148—154.

149. Маков В. И. Труд и капитал в поэзии Н. А. Некрасова, Ташкент, «Фан», 1971, 180 с.

Рец.: Стрижков Н. Певец обездоленных. — Правда Востока, Ташкент, 1971, 18 авг.; Теплинский М. О пользе чтения. — Вопр. лит., 1973, № 2, с. 216—218.

150. Малкин В. А. Н. А. Некрасов. (К 150-летию со дня рождения). М., «Знание», 1971, 48 с.

151. Малкин В. Некрасовские традиции. — Подъем, Воронеж, 1971, № 6, с. 108—114.

Некрасов и советская поэзия.

152. Марков Г. М. Наш современник. — В кн. М.: Жизнь. Литература. Писатель. Статьи, очерки, выступления. М., «Сов. писатель», 1971, с. 286—288; то же в кн. М.: Собр. соч., т. 5. М., «Худож. лит.», 1974, с. 347—349.

153. Машинский С. Эстетика революционной мысли. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Вопр. лит., 1971, № 11, с. 56—84.

154. Мелерович А. М. Перифрастические фразеологизмы в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Рус. яз. в школе, 1971, № 6, с. 17—20.

155. Метева Е. Н. А. Некрасов и болгарская литература. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6, с. 31—38.

156. Мотышов И. Традиции Н. А. Некрасова и современная детская поэзия. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Дет. лит., 1971, № 42, с. 3—6.

157. Мочалкина Ю. И. Кружок литературного краеведения. — Лит. в школе, 1971, № 4, с. 67—70.

Экскурсии по некрасовским местам.

158. Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова. Краткое содержание докладов (декабрь, 1971). Новгород, 1971, с. 27—32.

Тамарченко Г. Е. Жанровая природа стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин». (К истории вопроса). — Тюрин В. В. Некрасов и демократическая беллетристика 60-х годов. — Тюрин В. В. Некрасов и народническая беллетристика. — Герасимова Н. И. Роль лирики Некрасова в школьном изучении его биографии. (На материале работы учителей средних школ г. Новгорода).

159. Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. Вступит. статья Г. В. Краснова. Подгот. текста и примеч. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М., «Худ. лит.», 1971, 598 с. (Серия лит. мемуаров).

Горшков М. Н. Гимназические годы. — Панаев В. А. Встреча с Некрасовым. — Алексеев А. А. Знакомство с Н. А. Некрасовым. — Лорис-Меликов М. Т. Житейские невзгоды. — Григорович Д. В. Из «Литературных воспоминаний». — Панаев И. И. 1. Из «Литературных воспоминаний». 2. Из воспоминаний о Белинском. — Достоевский Ф. М. Из «Дневника писателя». — Панаева (Головачева) А. Я. Из «Воспоминаний». — Пыпин А. Н. Несколько воспоминаний. — Чернышевский Н. Г. 1. Воспоминания о Некрасове. 2. Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым. — Антонович М. А. Из воспоминаний о Н. А. Некрасове. — Потанин Г. Н. Воспоминания о Н. А. Некрасове. — Панаев И. А. О нравственных качествах поэта. — Лейкин Н. А. Из «Мои воспоминаний». — Терпигорев С. Н. (Атава С.). Из «Воспоминаний». — Елисеев Г. З. Из воспоминаний. — Михайловский Н. К. Из книги «Литературные воспоминания и современная смута». — Боборыкин П. Д. Н. А. Некрасов. — Сильчевский Д. П. Н. А. Некрасов. — Мачтет Г. А. Из рассказа «Первый гонимый». — Степанова-Бородина А. Г. Воспоминания о Некрасове. — Никитин В. Н. Воспоминания о Н. А. Некрасове. — Немирович-Дан-

ченко Вас. И. Мои встречи с Некрасовым. — Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания о домашней жизни Н. А. Некрасова. — Чернышевский Н. Г. Заметки при чтении «Биографических сведений» о Некрасове, помещенных в I томе «Посмертного издания» его «Стихотворений». СПб., 1879. — Суворин А. С. Из «Недельных очерков и картинок». — Скабичевский А. М. Кое-что из моих личных воспоминаний. — Волконский М. С. Предисловие к «Запискам княгини М. Н. Волконской». — Кони А. Ф. Н. А. Некрасов. — Успенский Г. И. Кому жить на Руси хорошо. — Плещеев А. А. 1. Мои встречи с Некрасовым. 2. Из записной книжки. — Буткевич А. А. Из воспоминаний. — Горбунов И. Ф. Дьявольское наваждение. — Некрасова Н. П. Мои воспоминания о поэте Н. А. Некрасове. — Некрасов А. Ф. Из «Моих воспоминаний о Н. А. Некрасове и его близких». — Воспоминания крестьян (Солнышкова К. Е., Захарова И. Г., Бутылина Н. А., Сергея Макаровича, Петрова С. П., Мирнова И. В.). — Белоголовый Н. А. Болезнь Н. А. Некрасова. — Буткевич А. А. 1. Дневниковые записи. 2. Заметка. — Пыпин А. Н. У Некрасова. — Штанге А. Г. Студенческая депутация у Некрасова. — Некрасова З. Н. Из воспоминаний. — Тургенев И. С. Последнее свидание. — Вейнберг П. И. Последние дни Некрасова. — Гайдебуров П. А. Комнаты Н. А. Некрасова. — Засодимский П. В. Погребение Н. А. Некрасова. — Достоевский Ф. М. Смерть Некрасова. О том, как сказано было на его могиле. — Короленко В. Г. Из «Истории моего современника». — Плеханов Г. В. Похороны Н. А. Некрасова.

Рец.: Блинчевская М. В воспоминаниях современников. — Знамя, 1971, № 12, с. 245—248; Каплан И. Современники о Некрасове. — Лит. в школе, 1971, № 6, с. 73—76.

160. Н. А. Некрасов и русская литература. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Кострома, 4—7 февраля 1971 г. Кострома, 1971, 145 с. (Костромск. пед. ин-т).

Фридендер Г. М. Некрасов и проблемы реализма в русской поэзии XIX века. — Гин М. М. О периодизации творчества Н. А. Некрасова. — Черняева П. В. О жанрах лирики Н. А. Некрасова. — Фридман Л. Г. Элегия Некрасова. — Лобкова Н. А. О жанре притчи в поэзии А. К. Толстого и Н. А. Некрасова 1850—1870-х годов. — Лотман Л. М. «Поэт и гражданин» Некрасова (к вопросу о литературных традициях этого стихотворения в 50-е годы XIX в.). — Битюгова И. А. Преемственные и оригинальные черты поэтического строя стихотворения Н. А. Некрасова «Надрывается сердце от муки...». — Бухштаб Б. Я. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Сапса». — Прокшин В. Г. Из творческой истории поэмы «Коробейники». — Морозов Н. Г. О традициях жанра баллады в поэме Н. А. Некрасова «Коробейники». — Лебедев Ю. В. Функции внесюжетных «сцеплений» в композиции поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». — Розанова Л. А. Есть ли образ автора в «Кому на Руси жить хорошо»? — Соколов В. Б. К проблеме композиции поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Нольман М. Л. Легенда «О двух великих грешниках» (генезис и функция). — Кумпан К. К проблеме «Жуковский и Некрасов» (к истории одной пародии). — Касаткина В. Н. Поэзия Ф. И. Тютчева в некрасовском «Современнике». — Скатов Н. Н. Некрасов и Тютчев. (Два цикла интимной лирики). — Гидони А. Г. Некрасов и Полонский. — Благово В. М. Лермонтовские и некрасовские традиции в творчестве Ю. В. Жадовской (тема судьбы поколения и Родины). — Тихомиров В. В. Н. А. Некрасов в спорах о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе 1850-х годов. — Смирнов В. Б. Н. А. Некрасов и журнальная поэзия «Отечественных записок». — Кошелев В. А. Некрасовская натуральная школа и молодой Достоевский (к проблеме авторской позиции). — Панин В. С. Образы «народных заступников» в творчестве Н. А. Некрасова и проблема личности в идеологии революционного народничества. — Пьяных М. Ф. О традициях Н. А. Некрасова в поэме А. Блока «Двенадцать». — Крупышев А. М. Некрасовские традиции в поэме С. Есенина «Анна Снегина». — Куприяновский П. В. Фурманов и Некрасов. — Монастырский А. Р. Некрасовские традиции в поэзии Д. Бедного. — Лейбсон В. И. Традиции Н. А. Некрасова в советской литературе. — Ломан О. В. Народные рассказы о Н. А. Некрасове. — Хоперия И. Ш. Поэты Грузии о Некрасове. — Баевский В. С. Некрасов о стихе. — Жовтис А. Л. К характеристике «некрасовского голоса». — Гаспаров М. Л. Ритмика трехсложных размеров в русской поэзии. — Маллер Л. М. Семантика трехсложных размеров в поэзии Некрасова. — Орлова О. А. Особенности трехсложных размеров в поэзии Некрасова и Полонского. — Гиршман М. М. Стих

Н. А. Некрасова и проблема ритмической эволюции двусложных размеров в русской поэзии. — Сапогов В. А. К проблеме типологии полиметрических композиций. (О полиметрии у Н. А. Некрасова и К. К. Павловой). — Вишневский К. Д. Об истоках стиха поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Пейсахович М. А. Двустышные формы и их место в поэзии Некрасова. — Баевский В. С. О соотношении метрических мест в русской поэтической речи. — Левин Ю. И. К проблеме семантического анализа поэтического текста. — Гиндин С. И. Семантический анализ композиционной структуры лирических текстов Некрасова. — Левин М. Текст и сюжет. (Анализ одного стихотворения Н. А. Некрасова). — Тарлинская М. Г. Акцентная дифференциация односложных слов и их структурная функция в русском ямбе. — Григорьев В. П. Слово—образ—денотат. К проблеме перифразы. — Некрасова Е. А. Экспрессивные центры и иррадиация экспрессии в контексте художественной речи. — Гиндин С. И. Брюсов в поэтике Некрасова. — Гончаров Б. П. Некрасов и Маяковский (к проблеме традиций и новаторства в стихе). — Вразовская Л. В. Место народного стиха в поэмах Н. А. Некрасова и современной русской поэме. — Байбурин А. К., Левинтон Г. А., Руднев П. А. Некоторые аспекты описания и анализа поэтического текста. — Мучник Г. М. Ключевая интонация «Последних песен».

161. Н. А. Некрасов и русская литература. 1821—1971. [Ред. коллегия: К. И. Ломунов, П. А. Николаев, Н. В. Осьмаков]. М., «Наука», 1971, 509 с. (Ин-т мировой лит.).

Осьмаков Н. В. Реализм Некрасова и поэзия второй половины XIX века. — Николаев П. А. Теоретико-литературные принципы Некрасова. — Корман Б. О. Лирическая система Некрасова. — Горячкина М. С. Карающая лира. — Кулешов В. И. Некрасов в русской критической мысли. — Нольман М. Л. Некрасов и Пушкин. Эволюция лирического жанра воспоминания-исповеди. — Скатов Н. Н. Некрасов и Тютчев. — Ермилова Е. В. Некрасов и Фет. — Старикова Е. В. Достоевский о Некрасове. — Краснов Г. В. Диалектика творческих связей. (Некрасов и Лев Толстой). — Швецова Л. К. Некрасов и советская поэзия (20—40-е годы). — Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Шамориков И. В. Об установлении канонического текста поэмы Некрасова «Русские женщины». — Гришунин А. Л. Поэма Некрасова «В. Г. Белинский» (к истории текста). — Дульнева К. П. Библиография литературы о Некрасове за 1959—1969 годы.

162. Некрасов Н. К. Некрасовские места в России. Грешнево. Абакумцево. Ярославль, Кострома, Карабиха. Петербург, Чудовская Лука. Гравюры А. Мищенко. Ярославль, Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1971, 175 с.

163. Некрасов Н. К. Судьба Зины Некрасовой. — Наука и религия, 1971, № 12, с. 70—72.

164. Ипкитян В. М. Стилистика личных имен в поэзии Н. А. Некрасова. — В кн.: Материалы 11 Поволжской конференции по ономастике. Горький, 1971, с. 319—321.

165. Нольман М. Л. Легенда и жизнь в некрасовском сказе «О двух великих грешниках». — Рус. лит., 1971, № 2, с. 134—140.

166. Овакимян Б. М. М. А. Гамазов — друг Н. А. Некрасова. — Вестн. Ереванск. ун-та. Обществ. науки, 1971, № 3, с. 154—160.

167. Овиан Г. Некрасов и армянская литература. — Лит. Армения, 1971, № 12, с. 84—91.

168. Овчаренко Ф. Если ты гражданин... — Огонек, 1971, № 21, с. 22—24. Некрасовские традиции в советской поэзии.

169. Овчаренко Ф. Подвиг, пронзивший время. — В кн.: Поэзия, вып. 5, М., 1971, с. 202—219.

Традиции Некрасова в советской поэзии.

170. О Некрасове. Статьи и материалы, вып. III. Ярославль, Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1971, 336 с.

Гин М. М. Социалистические мотивы в наследии Некрасова. — Уманская М. М. Поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины». (Вопросы метода и стили). — Груздев А. И. Поэма Некрасова «Дедушка». — Гаркави А. М. Поэма об исторических судьбах России («Горе старого Наума»). — Маслов В. С. Некрасов и Тургенев. К вопросу о литературных взаимоотношениях («Саша» и «Рудин»). — Прокшин В. Г. Из творческой истории эпопеи «Кому на Руси жить хорошо». (По материалам рукописей). — Теплинский М. В. О предполагаемом финале поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Бухштаб Б. Я. К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Признание труженика». — Верховский Г. П. Стихи Н. А. Некрасова

- о свободе (1860—1861). — Краснов Г. В. Некрасов и литературные чтения. — Геплинский М. В. Н. А. Некрасов и литературный сборник «Складчина». — Ломан О. В. Народные рассказы о Некрасове. — Гаркави А. М. Из разысканий о Некрасове. 1. «По следам Пушкина». 2. Кому подражал Некрасов в пьесе «За стеной»? 3. К спорам о жанровой природе «Железной дороги». — Демченко А. А. Один из эпизодов борьбы Н. А. Некрасова за издание «Современника» в 1862 году. — Краснов Г. В. В. М. Лазаревский и Н. А. Некрасов. (К истории взаимоотношений). — Верховский Г. П. Н. А. Некрасов и Жюль Мишле (к вопросу о литературных связях «Кому на Руси жить хорошо»). — Груздев А. И. О заметке А. М. Гаркави «К тексту поэмы „Кому на Руси жить хорошо“».
171. Оника Н. С., Ольшевская С. Поэт-гражданин. (Методич. советы в помощь работе с детьми. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова). Кишинев, 1971, 50 с.
172. Осьмаков Н. В. Некрасов — сегодня. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6, с. 3—4.
173. Осьмаков Н. Поэт революционной демократии. (К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова). — Агитатор, 1971, № 21, с. 44—46.
174. Пейсахович М. А. Двустипные формы в поэзии Некрасова. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6, с. 13—27.
175. Перцов В. «Со мной опять Некрасов...». К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Москва, 1971, № 12, с. 192—200.
176. Пнотровская Е. К. Пометы Н. А. Некрасова на книге «Игорь, князь Севрский». — Труды Отд. древнерус. лит. Ин-т рус. лит. АН СССР, 1971, т. 26, с. 151—154.
177. Пищулин Ю. П. Поэзия Н. А. Некрасова в революционно-народническом движении 1870-х годов. — Рус. лит., 1971, № 4, с. 69—78.
178. Подорольский Н. Некрасов, школа, учитель. — Нар. образование, 1971, № 12, с. 76—83.
179. Прийма Ф. Он лиру посвятил народу своему. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Наш современник, 1971, № 12, с. 105—112.
180. Прийма Ф. Я. Поэзия любви и гнева. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Рус. лит., 1971, № 4, с. 3—23.
181. Прокшин В. Г. Из творческой истории поэмы «Коробейники». — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 6, с. 5—12.
182. Прокшин В. Г. Новая разновидность жанра эпопеи. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология, 1971, № 6, с. 7—16.
- «Кому на Руси жить хорошо».
183. Прокшин В. Г. Работа Некрасова над сюжетом эпопеи «Кому на Руси жить хорошо». — Лит. в школе, 1971, № 6, с. 18—22.
184. Пустовойт П. Г. Глашатай народных дум. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Рус. яз. в нац. школе, 1971, № 6, с. 21—24.
185. Ровенский Н. Бесстрашие. Слушая музу мести и печали. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Простор, Алма-Ата, 1971, № 12, с. 108—114; то же в кн. Р.: Назначить себе высоту. Литературные портреты, статьи, размышления. Алма-Ата, 1973, с. 38—115.
186. Розенфельд Б. Альманах «Первое апреля». — Нева, 1971, № 10, с. 220.
187. Рувинская Е. Я. Н. А. Некрасов и Ярославский край. Указатель литературы. Ярославль, 1971, 41 с.
188. Рымашевский В. Друзья по тяжкому труду. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Волга, Саратов, 1971, № 9, с. 113—124.
189. Сажин В. Братство писателей. Некрасов в Литфонде. — Звезда, 1971, № 10, с. 187—191.
190. Северикова Н. М. Н. А. Некрасов. (К 150-летию со дня рождения). — Сред. спец. образование, 1971, № 9, с. 44—47.
191. Сивцева Н. С. Н. А. Некрасов. (1821—1878). Методические и библиографические материалы для библиотек к 150-летию со дня рождения великого русского поэта. М., 1971, 47 с. (Б-ка им. Ленина).
192. Сивцева Н. Образ автора «Последних песен». К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Полярная звезда, 1971, № 3, с. 106—110.
193. Сивцева Н. С. «Последние песни» Некрасова и русская лирика 1870-х годов. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Якутск, 1971, 29 с. (Якутск. ун-т).
194. Сидельников В. М. Лирика Н. А. Некрасова. — В кн.: Некрасов Н. А. Лирика. М., «Сов. Россия», 1971, с. 219—226.
195. Скатов Н. Н. Н. А. Некрасов и Андрей Белый («Пепел»). — Учен. зап. Лeningr. пед. ин-та, 1971, т. 414, с. 305—350.
196. Скатов Н. Н. Н. А. Некрасов и И. С. Тургенев. (К истории создания стихотворения Некрасова «Тургеневу»). — В кн.: Страницы истории русской ли-

тературы. К 80-летию чл.-корр. АН СССР Н. Ф. Бельчикова. М., «Наука», 1971, с. 376—383.

197. Скатов Н. Некрасов и советская поэзия. К 150-летию со дня рождения. — Звезда, 1971, № 12, с. 169—181.

198. Скатов Н. Н. Некрасов и Тютчев. — Рус. лит., 1971, № 2, с. 20—35.

199. Скатов Н. Н. Об одной некрасовской цитате у В. И. Ленина. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1971, т. 442, с. 180—186.

В статье Ленина «Главная задача наших дней».

200. Соловьев Б. Великий народный поэт. — Коммунист, 1971, № 17, с. 93—105.

201. Степанов Н. Л. Н. А. Некрасов. Жизнь и творчество. Изд. 2-е. М., «Худож. лит.», 1974, 391 с.

Рец.: Старикова Е. Последняя книга Н. Л. Степанова. — Вопр. лит., 1972, № 11, с. 225—227.

202. Степанов Н. Поэма Н. А. Некрасова «Русские женщины». — В кн.: Некрасов Н. А. Русские женщины. М., «Дет. лит.», 1971, с. 81—95; то же: М., 1972, с. 81—95; М., 1973, с. 81—95.

203. Степанов Н. Поэт крестьянского детства. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Дет. лит., 1971, № 11, с. 35—37.

204. Тамарченко Г. Е. Стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин». — Лит. в школе, 1971, № 6, с. 9—18.

205. Твердохлебов И. Ю. Некрасов и его народная эпопея. — В кн.: Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М., «Дет. лит.», 1971, с. 5—30; то же: Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972, с. 3—17.

206. Толстяков А. Об адресате стихотворения «Еще скончался честный человек». — Вопр. лит., 1971, № 11, с. 249—252.

Предполагаемый адресат — Н. Г. Фролов.

207. Трофимов И. Т. Два письма Н. А. Некрасова. — Сов. архивы, 1971, № 6, с. 96—97.

Письма Некрасова к П. В. Долгорукову (1858—1859).

208. Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов. — В кн.: Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. Л., «Наука», 1971, с. 33—66. (Ин-т рус. лит.).

209. Турбин В. Гражданин и поэт. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Нов. мир, 1971, № 12, с. 228—238.

210. Урулина Т. На родине Некрасова. — Библиотекарь, 1971, № 10, с. 23—24.

211. Фризман Л. «Глашатай истин вековых...». К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Вопр. лит., 1971, № 8, с. 69—79.

212. Фризман Л. Г. Элегии Некрасова. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, вып. 5, с. 453—464.

213. Фролова Т. Великий поэт-гражданин. — Коммунист Татарии, 1971, № 12, с. 28—32.

214. Хачатрян Р. Г. Н. А. Некрасов. Библиография переводов на армянский язык (1870—1969). Ереван, Изд-во Ереванск. ун-та, 1971, 51 с.

215. Хоперия И. Ш. Н. А. Некрасов и грузинская общественность. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Тбилиси, 1971, 25 с. (Тбилисс. ун-т).

216. Цицишвили Г. Некрасов и грузинская общественность. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Лит. Грузия, 1971, № 12, с. 84—90.

217. Чаевская К., сост. Н. А. Некрасов. «Я лиру посвятил народу своему». Сборник произведений Некрасова и документов о нем. (К 150-летию со дня рождения). М., «Молод. гвардия», 1971, 351 с.

Отрывки из воспоминаний современников, высказывания исследователей и советских критиков о Некрасове.

218. Чалый Д. В. Некрасов и украинская дооктябрьская поэзия. Опыт сравнительного изучения. Киев, «Наук. думка», 1971, 295 с. (АН УССР. Ин-т лит.).

Рец.: Гин М. М. Серьезное исследование. — Радуга, Киев, 1972, № 8, с. 182—185; Быкова О. Е. Узы братства. — Вопр. рус. лит., Львов, 1972, вып. 2, с. 105—107; Михельсон В. Н. Н. А. Некрасов и украинская поэзия. — Кубань, Краснодар, 1973, № 2, с. 111—112.

219. Челышев В. В. В вечном поиске. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Кодры, Кишинев, 1971, № 12, с. 119—122.

220. Челышев В. Ленин читает о Некрасове. — В мире книг, 1971, № 10, с. 47.

221. Чирковская Т. В. Стихотворение Некрасова «На Волге» в V классе. — Лит. в школе, 1971, № 6, с. 36—39.

222. Чистов К. Удачный опыт. — Вопр. лит., 1971, № 3, с. 233—234.

Рецензия на книгу: Гин М. М. Литература и время. Петрозаводск, 1969.

223. Чуковский К. Н. А. Некрасов. — В кн.: Некрасов Н. А. Избранные произведения. М., «Дет. лит.», 1971, с. 5—22.

224. Чуковский К. Мастерство Некрасова. М., «Худож. лит.», 1971, 711 с.
225. Чуковский К. Н. А. Некрасов. — В кн.: Некрасов Н. А. Стихи для детей. М., «Дет. лит.», 1971, с. 3—10. (Школьн. б-ка); то же: М., «Дет лит.», 1973, с. 3—10.
226. Чуковский К. И. Н. А. Некрасов. — В кн.: Некрасов Н. Стихотворения. Поэмы. М., «Худож. лит.», 1971, с. 5—49. (Б-ка всемирной лит., т. 98. Серия вторая. Лит. XIX в.).
227. Чуковский К. И., Гаркави А. М. [Примечания]. — В кн.: Некрасов Н. А. Собр. соч., т. I—III. М., «Худож. лит.», 1971.
Т. I, с. 313—386; т. II, с. 375—423; т. III, с. 373—424.
228. Чуковский К. И., Гаркави А. М. [Примечания]. — В кн.: Некрасов. Стихотворения. Поэмы. М., «Худож. лит.», 1971, с. 637—694. (Б-ка всемирной лит., т. 98. Серия вторая. Лит. XIX в.).
229. Шаблиовский Е. С. Подвиг поэта. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Радуга, Киев, 1971, № 12, с. 162—168.
230. Шейна Л. На родине поэта. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Лит. Киргизстан, 1971, № 6, с. 116—120.
231. Юсуфов Р. Великий русский поэт. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Сов. Дагестан, 1971, № 6, с. 66—69.
232. Яшин А. Народный заступник. — В кн.: Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. М., «Худож. лит.», 1971, с. 3—18. (Народная б-ка); то же: М., «Худож. лит.», 1975, с. 3—18.

1972

233. Айвазян К. В. Всесоюзная конференция «Некрасов и литературы народов СССР». — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1972, № 6, с. 122—125.
234. Аникст А. А. История учений о драме. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М., 1972, с. 181—183.
Некрасов — театральный критик.
235. Аскаров Т. Наш современник. — Лит. Киргизстан, 1972, № 1, с. 91—99.
236. Бикбулатова К. Ф. Некрасов и советская поэзия 20—30-х годов. — В кн.: Русская советская поэзия. Традиции и новаторство. 1917—1945. Л., 1972, с. 156—211.
237. Билинкис Я. Шедевр великого поэта. — Нева, 1972, № 2, с. 194—196.
«Мороз, Красный нос».
238. Битюгова И. А. Об одном стихотворении Н. А. Некрасова. — Рус. речь, 1972, № 3, с. 17—20.
«На родине».
239. Битюгова И. А. Юбилейная Некрасовская конференция. — Рус. лит., 1972, № 2, с. 246—250.
Конференция в ИРЛИ, посвященная 150-летию со дня рождения Некрасова, в декабре 1971 г.
240. Блинчевская М. Брюсов и Белый о Некрасове. — Дружба народов, 1972, № 6, с. 286.
Ответы на анкету о Некрасове 1919, 1922 гг.
241. Блинчевская М. Я. Из переписки Некрасова-редактора. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. XXIII. М., «Книга», 1972, с. 187—192.
Письма Некрасова к М. Л. Михайлову (1852), Л. И. Мечникову (1869).
Письма П. И. Якушкина (1865—1871), М. Е. Селенкиной (1873), В. Н. Никитина (1874) к Некрасову.
242. Блинчевская М. Я. Некрасов и молодой Чернышевский. (По страницам «Заметок о журналах» 1855 г.). — Рус. лит., 1972, № 3, с. 101—112.
243. Вахриченко И. Посвящается Н. А. Некрасову. — Лит. Киргизстан, 1972, № 1, с. 121—122.
Научная конференция в Киргизском университете в 1971 г.
244. Велчев В. Н. А. Некрасов и русско-турецкая война 1877—1878 гг. — В кн.: Национальная конференция преподавателей русского языка и литературы, I. Варна, 1972, с. 116—127.
245. Вильчинский В. П. Записка Н. А. Некрасова М. В. Островской [1869—1870]. — Рус. лит., 1972, № 2, с. 128—129.
246. Виноградов И. А. Вопросы марксистской поэтики. Избранные работы. М., 1972, с. 371—381.
О стихе Некрасова.
247. Вишневский К. Д. Метрика Некрасова и ее жанрово-экспрессивная характеристика. — В кн.: Проблемы жанрового развития в русской литературе XIX века. Рязань, 1972 [вып. дан 1973], с. 242—254.

248. Владимирова Е. Попытка декабристов переселиться в село Шушенское. — Запрещенные стихи Н. А. Некрасова в Шушенском. — Енисей, Красноярск, 1972, № 6, с. 75—76.

249. Войтушенко В. Д. Н. А. Некрасов — редактор Л. Н. Толстого. — В кн.: Методика преподавания русского языка и литературы, вып. 7. Киев, 1972, с. 88—95.

250. Выразитель народных дум. — Лит. Азербайджан, 1972, № 1, с. 139—140.

251. Гин М. М. О так называемой «газетности» Н. А. Некрасова. — В кн.: Журналистика и литература. М., 1972, с. 126—137.

252. Громов В. А. Н. А. Некрасов и писатели-орловцы. Орел, 1972, 29 с. (Орл. обл. организация о-ва «Знание»).

253. Демин Л. Некрасов в Лисине. — Нева, 1972, № 7, с. 219—220.

254. Дзюбинская О. Гимн актеру. К 150-летию Н. А. Некрасова. — Театр, 1972, № 5, с. 169—170.

255. Журавлева А. И. Некрасов и Лермонтов. (Сравнительный анализ ритмов и рифм). — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология, 1972, № 1, с. 12—21.

256. Заверин М. Приметы: закономерности развития художественной формы. Тбилиси, «Мерани», 1972, с. 91—97.

Об издании «Стихотворений» 1856.

257. Ильин Л. А. Забытое обращение Н. А. Некрасова к читателям. (По следам автографа С. Д. Дрожжина). — Рус. лит., 1972, № 1, с. 104—106.

Письмо Некрасова в «СПб. ведомости» (1871) по поводу переиздания его сказки «Баба-Яга, Костяная нога».

258. Качурин М. Г., Шнейерсон М. А. Поэма Некрасова «Мороз, Красный нос» в VI классе. — Лит. в школе, 1972, № 5, с. 35.

259. Кичикова Б. А. Некрасовские чтения. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Филология, 1972, № 3, с. 92—93.

В Московском гос. университете в декабре 1971 г.

260. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. Для студентов-заочников III—IV курсов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. М., «Просвещение», 1972, с. 77—86.

Лирика Некрасова.

261. Краткие тезисы к всесоюзной некрасовской конференции 6—10 декабря 1972. Л., 1972, 26 с. (Музей А. С. Пушкина. Музей-квартира Н. А. Некрасова).

Шабловский Е. С. Традиции Н. А. Некрасова и украинская литература. — Андриенко О. К. Н. А. Некрасов и белорусская литература. — Ляпина Л. Е. Принципы циклизации в поэзии Некрасова и их отражение в украинской и белорусской литературах. — Хоperia И. Ш. Н. А. Некрасов и советская Грузия. — Царькова Т. С. Фельетоны Некрасова 40-х годов и истоки фельетонного жанра в армянской и грузинской литературах. — Лукьянова С. Л. Творческое наследие Н. А. Некрасова и азербайджанская литература. — Кавказлы Н. Г. Некрасов в азербайджанском литературоведении. — Эфендиева Т. Е. О некоторых традициях Н. А. Некрасова в творчестве Кайсыпа Кулешева. — Камилова М. Г. Н. А. Некрасов и узбекская поэзия. — Гудонепе В. В. Отзвуки поэзии Н. А. Некрасова в Литве. — Гин М. М., Лайне Н. Г. Н. А. Некрасов в культуре советской Карелии. — Смирнов В. Б. Н. А. Некрасов и Мажит Гафури. К истории русско-башкирских литературных связей. — Фатхуллина Н. Г., Руднев П. А. Изучение поэзии Некрасова в башкирской школе. — Владимирова Е. В. Некрасовские традиции в чувашской литературе. — Прошин Г. Г. Проблемы и перспективы музея Н. А. Некрасова.

262. Кулешов В. И. История русской критики XVIII—XIX веков. М., «Просвещение», 1972, с. 180—183.

Некрасов-критик.

263. Кулиш Ж. В. Об одном забытом некрасове. — Рус. лит., 1972, № 4, с. 143—147.

Статья М. К. Цебриковой о Н. А. Некрасове, опубликованная под псевдонимом «М. Артемьева» в журнале «Воспитание и обучение» (1878, № 2).

264. Кульбас А. Г. Н. А. Некрасов в эпопею М. Горького «Жизнь Клима Самгина». — В кн.: Вопросы истории и теории литературы, вып. 9—10. Челябинск, 1972, с. 86—105.

265. Лазутин С. Г. К истории создания романа «Тонкий человек» и поэмы «Саша» Н. А. Некрасова. — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972, с. 19—31.

266. Лебедев Е. Н. Творчество Некрасова и современность. — Вестн. АН СССР, 1972, № 4, с. 125—127.

- Юбилейная сессия, организованная Институтом русской литературы и Институтом мировой литературы в Москве в декабре 1971 г.
267. Лебедев Е. Н., Ломан О. В. Юбилейные некрасовские конференции. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 4, с. 390—393.
268. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Пособие для студентов. Л., «Просвещение», 1972, с. 204—214.
«Последние элегии».
269. Маков В. И. Элементы фольклора в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Учен. зап. Ташкентск. пед. ин-та, 1972, т. 86, с. 5—25.
270. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова (30 ноября 1971 г.). Ташкент, «Фан», 1972, 63 с. (АН УзССР).
- Муминов И. М. Вступительное слово. — Нурмухамедов М. К. Н. А. Некрасов — гордость русской литературы. — Якубов Х. И. В. И. Ленин о Н. А. Некрасове. — Юнусов М. Ю. Традиции Н. А. Некрасова в узбекской советской поэзии. — Мамаджанов С. М. Н. А. Некрасов и фольклор. — Шарипов Д. О переводах произведений Н. А. Некрасова на узбекский язык. — Расули М. М. Роль Н. А. Некрасова в создании переводного литературного журнала.
271. Муратов А. Б. К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1972, № 8. История яз. и лит., вып. 2, с. 151—153.
272. Наровчатов С. Слово о Некрасове. — В кн. Н.: Три слова. О Некрасове, Блоке, Тумаяне. М., «Правда», 1972, с. 3—16. (Б-ка «Огонек»); то же в кн.: Критический ежегодник «Современника». М., «Современник», 1973, с. 318—333; также в кн. Н.: Живая река. Литературоведение и критика. М., «Сов. Россия», 1974, с. 79—94.
273. Некрасов в музыке. Нотно-библиогр. справочник. Сост. Г. К. Иванов. Предисл. М. Бойко. М., «Сов. композитор», 1972, 52 с.
274. Некрасов и литература народов Советского Союза. Сб. статей. Ред. коллегия: К. В. Айвазян, К. Н. Ломунов и др. Ереван, Изд-во Ереванск. ун-та, 1972, 604 с. (Ереванск. ун-т. Ин-т мировой лит.).
- Храпченко М. Б. Современность Некрасова. — Благой Д. Д. Две эпохи русской поэзии. — Ломунов К. Н. Первооткрыватель и воспитатель талантов. — Осмаков Н. В. Некрасов и русская революционная поэзия. — Арутюнов Л. Н. Наследие Некрасова и проблемы реализма. — Юсуфов Р. В. Традиции Некрасова и развитие младописменных литератур. — Мкрян М. М. Художественный опыт Некрасова и проблема взаимодействия литератур. — Чалый Д. В. Некрасов и украинская поэзия. — Коваленко В. А. Традиции Некрасова в белорусской дореволюционной литературе. — Даронян С. К. Некрасов и армянская общественность. — Цицишвили Г. Ш. Некрасов и Грузия. — Лукьянова С. Л. Некрасов и азербайджанская литература. — Вавере В. А. Некрасов и развитие латышской реалистической поэзии. — Исаков С. Г. Рецепция творчества Некрасова в Эстонии. — Залаторюс А. П. К вопросу о влиянии творчества Некрасова на литовскую поэзию. — Бажан Н. Н. Некрасовские традиции в публицистике М. М. Коцюбинского. — Пирадов Б. А. Запрещенный Некрасов. — Давитян А. М. Итоги и перспективы изучения традиций Некрасова в армянской поэзии. — Тиханчева Е. П. Поэзия Некрасова в оценке русских символистов. — Овчаренко А. И. Традиции и новаторство. — Перцов В. О. Некрасов и советская поэзия. — Вайнберг И. И. Некрасов в творчестве Горького. — Гин М. М. Традиции Некрасова и структурные изменения поэтического эпоса. — Теплинский М. В. Наследие Некрасова и вопросы развития советской поэмы. — Скатов Н. Н. Некрасов и Твардовский. — Ларченко М. Г. Некрасовские мотивы в творчестве Янки Купалы и Якуба Коласа. — Геворкян А. Б. Некрасов и узбекская литература. — Анаян Г. Г. Некрасов и Чаренц. — Гайнуллин М. Х. Некрасов и татарская литература. — Сайфунов С. Г. О влиянии Некрасова на башкирскую поэзию. — Мусаханова Г. В. Абакарова Ф. Н. Некрасов и дагестанская литература. — Богомолова Э. Г. Некрасов и Удмуртия. — Ким И. А. Некрасов и бурятская советская поэзия. — Трущенко Е. Ф. Некрасов в современном литературоведении. — Коптилов В. В. Произведения Некрасова в украинских переводах дооктябрьской поры. — Богомолов И. С. Некрасов в грузинских переводах. — Пароникян Э. М. Дореволюционные переводы Некрасова на армянский язык. — Армян А. А. А. Цатурян — переводчик Некрасова.
- Рец.: Папаян Р. — Историко-филол. журн., 1973, № 3, с. 221—223; Шаталов С. Современность поэта. — Лит. Армения, 1973, № 3, с. 92—94.

275. Некрасовский сборник. Ред. А. М. Гаркави. Калининград, 1972, 176 с. (Калининград. ун-т).

Соколов В. Б. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» («Последыш» и «Крестьянка») и «хождение в народ» революционеров 70-х годов. — Колесникова Л. И. О народности поэмы Н. А. Некрасова «Несчастные». — Гаркави А. М. Концепция художественного времени в поэзии Н. А. Некрасова. — Дарьялова Л. Н. Образ времени и художественное время в исторической поэме Некрасова «Русские женщины». — Корман Б. О. Лирика Некрасова и некоторые вопросы теории. — Гаркави А. М. К теме «Некрасов и Белинский». — Теплинский М. В. Н. А. Некрасов и литературная школа «Отечественных записок». — Смирнов В. Б. О типологической общности реализма Некрасова и журнальной поэзии «Отечественных записок». — Тамарченко Г. Е. Некрасов и Фет. (Сравнительный анализ двух стихотворений — «Горящих писем» Некрасова со «Старыми письмами» Фета). — Фортунатов Н. М. «Последнее свидание» И. С. Тургенева и последняя встреча Некрасова с Тургеневым. — Прозоров В. В. Русские читатели 1890-х годов о Н. А. Некрасове. — Станкеева З. В. Некрасов и Есенин. — Лурье А. Н. Некрасовские традиции в советской эпической поэме. — Грибушкин И. И. К изучению темы «Некрасов и народное творчество». — Баевский В. С. Типы строфической организации стихотворений Некрасова. — Гаспаров М. Л., Тарлинская М. Г. Ритмика трехсложных размеров Некрасова. — Баевский В. С. Песенные структуры в некрасовском стихе. — Журавлев А. П., Филиппова Т. С. Содержательность звуковой формы лирических стихотворений Н. А. Некрасова. — Червяковский С. А. Поэма Н. А. Некрасова «Недавнее время». — Химик И. А. Своеобразие драматизма поэмы Н. А. Некрасова «Современники». — Нольман М. Л. Стихотворение Н. А. Некрасова «Княгиня». — Альми А. Л. О своеобразии лирического сюжета и жанровой формы стихотворения Некрасова «Похороны». — Тамбовкина Т. И. Творческий путь Н. А. Некрасова. (Применение методов проблемного обучения на уроках литературы). — Брызгалова С. И. Пути проблемного изучения в школе поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Максидонова Л. Г. Тема народа в лирике Н. А. Некрасова. (К изучению в школе). — Гаркави А. М. Памяти выдающегося литературоведа. (Письма К. И. Чуковского о Некрасове).

276. Орловский Я. Поэзия Н. А. Некрасова в Польше. — Рус. лит., 1972, № 3, с. 219—223.

277. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. Вступит. статья К. Чуковского. Примеч. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М., 1972, 486 с. (Серия лит. мемуаров).

278. Пигарев К. В. Русская литература и изобразительное искусство. М., 1972, с. 32—37.

Пейзаж Некрасова.

279. Письяукова Е. В. Лексика и словоупотребление в стихотворениях и стихотворных фельетонах Н. А. Некрасова. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1972, 20 с. (Ленингр. ун-т).

280. Подорольский Н. А. «Как хороший капельмейстер...». Редакторские уроки Некрасова. — Журналист, 1972, № 12, с. 58—60.

281. Портнова Н. А. Пародии Н. А. Некрасова. — Науч. труды Барнаульск. пед. ин-та, 1972, т. 20, с. 39—56.

282. Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах в свете решений XXIV съезда КПСС. Тезисы. М., 1972, с. 129—134.

Юрьев В. Л. Некрасов и романтизм. — Журко Ф. М. Анализ финала поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Шахов В. В. Н. А. Некрасов в творческой судьбе писателей-демократов (А. И. Левитов, М. А. Воронов). — Червяковский С. А. Из истории поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».

283. Прокшин В. Г. «Форме дай щедрую дань...». (Статьи о творчестве Н. А. Некрасова). Уфа, 1972, 104 с.

284. Розанова Л. А. Поэзия Некрасова и народников. Учебное пособие. Иваново, 1972, 412 с. (М-во просвещения РСФСР. Ивановск. гос. пед. ин-т).

Рец.: Баскевич И. Некрасов и поэзия революционной России. — Волга, Саратов, 1975, № 2, с. 183—185; Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов в русской народнической и рабочей поэзии. — Рус. лит., 1974, № 3, с. 231—234.

285. Скатов Н. Н. Муза печали и гнева. — В кн.: Некрасов Н. А. Избранные произведения. Л., Лениздат, 1972, с. 3—20. (Юнош. б-ка).

286. Смирнов В. Б. Н. А. Некрасов и журнальная поэзия «Отечественных записок». Учебное пособие по спецкурсу для студентов филол. фак. пед. вузов. Уфа, 1972 [вып. дан 1973], 120 с. (Пермск. гос. пед. ин-т. Башк. пед. ин-т).

287. Спивак И. А. Из поэтической некрасовианы. (Библиография). — Вопр. рус. лит., Львов, 1972, вып. 1 (19), с. 126—128.

Стихотворения, посвященные Некрасову.

288. Спивак И. Т. Об идейно-композиционной роли вступления в стихотворении Некрасова «Железная дорога». — В кн.: Вопросы журналистики и литературы. Владивосток, 1972, с. 150—167.

289. Степанов Н. Шедевр Некрасова. Поэма «Мороз, Красный нос». — Лит. в школе, 1972, № 5, с. 71—75.

290. Тамахин В. М., Шурыгина Л. В. Темы курсовых работ по русской литературе XIX века, XX века (дооктябрьский период) и советской литературе. М., «Просвещение», 1972, с. 43—48 (Моск. заочн. пед. ин-т).

«Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо», «Саша» и др.

291. Тарасов А. Ф. «Карабиха», музей-усадьба Н. А. Некрасова (Ярославская область). Путеводитель. Ярославль, Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1972, 80 с.

292. Твардовский А. Т. Заветная книга. (Страничка воспоминаний). — В кн. Т.: Статьи и заметки о литературе. Изд. 3-е, доп. М., «Сов. писатель», 1972, с. 11—13; то же: О литературе. М., «Современник», 1973, с. 17—19.

О первом томе «Полного собрания стихотворений» Некрасова 1914 г.

293. Теплинский М. В. Н. А. Некрасов в апреле 1866. — Рус. лит., 1972, № 1, с. 102—104.

Отрывки из писем Б. Маркевича к М. Н. Каткову (1866).

294. Толстяков А. П. Издатель К. Т. Солдатенков и русские писатели. — В кн.: Книга, сб. 25. М., 1972, с. 80—83.

История издания Солдатенковым «Стихотворений» Некрасова (1856).

295. Трущенко Е. Ф. Этапы мирового признания Некрасова. — Рус. лит., 1972, № 3, с. 210—219.

296. Уманская М. Встреча с Н. А. Некрасовым. — В кн.: Литературные вечера в школе. Ярославль, 1972, с. 24—37.

Литературная композиция, посвященная Некрасову.

297. Федоров В. Закон поэтической преемственности. — В кн.: Поэзия. Альманах, вып. 8. М., «Молод. гвардия», 1972, с. 142—153; то же под заглавием «Некрасов и преемственность» в кн. Ф.: Наше время такое... М., 1973, с. 118—131.

Традиции Некрасова в советской поэзии.

298. Фролова Т. Д. Некрасов в восприятии Бунина. — В кн.: Русская литература и освободительное движение, сб. 3. Казань, 1972, с. 3—16. (Учен. зап. Казанск. пед. ин-та, вып. 107).

299. Хоperia И. Об одном забытом стихотворении. — Вопр. лит., 1972, № 2, с. 254—255.

Стихотворение П. А. Опочинина на смерть Некрасова.

300. Чарквани Е. Д. Н. Николадзе о деятелях русской литературы (Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов). — В кн.: Литературные взаимосвязи, сб. 3. Тбилиси, 1972, с. 200—217. (Ин-т истории груз. лит. им. Руставели).

301. Челышев Б. Интересные находки. — Волга, Саратов, 1972, № 1, с. 187—189.

Неоконченное стихотворение Л. Н. Трефолева, посвященное Некрасову.

Скульптура «У мертвого озера» — предполагаемое изображение А. Я. Панаевой.

302. Червяковский С. А. Из наблюдений над полемической лирикой Н. А. Некрасова 1868—1877 гг. — Учен. зап. Горьковск. пед. ин-та, 1972, вып. 129, с. 101—109.

303. Чуковский К. И. Н. А. Некрасов. — В кн.: Некрасов Н. А. Стихи для детей. М., «Дет. лит.», 1972, с. 3—10 (Шк. б-ка); то же: Свердловск, 1972, с. 3—10; то же: М., «Дет. лит.», 1973, с. 3—10. (Шк. б-ка).

304. Шанский Н. М. «Небось» и «навверное». — Рус. яз. в школе, 1972, № 2, с. 11—12.

«Кому на Руси жить хорошо».

305. Шученко В. А. Новые переводы Э. Ло Гатто. («Кому на Руси жить хорошо» и «Мороз, Красный нос» на итальянском языке). — Рус. лит., 1972, № 3, с. 224—232.

306. Элик М. Новая кантата Свиридова. — Сов. музыка, 1972, № 11, с. 37—41.

«Весенняя кантата» для хора и оркестра на слова Н. А. Некрасова.

1973

307. Аникин В. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Худож. лит.», 1973, 104 с. (Массовая ист.-лит. б-ка).

308. Архипов В. А. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н. А. Некрасова. [Изд. 2-е]. М., «Сов. Россия», 1973, 399 с.
309. Базанов В. Г. Эпопея крестьянской жизни. — В кн. Б.: От фольклора к народной книге. Л., «Худож. лит.», 1973, с. 206—296.
«Кому на Руси жить хорошо».
310. Банкалюк Л. Новаторское решение Н. А. Некрасовым проблемы народного сознания в годы революционной ситуации. — В кн.: Традиции и новаторство. Из истории фольклора и литературы. Кишинев, 1973, с. 36—49.
311. Битюгова И. А. Н. Некрасов. «Надрывается сердце от муки...». — В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., «Наука», 1973, с. 160—173. (Ин-т рус. лит.).
312. Богомолова Е. И. Н. А. Некрасов. — В кн.: Богомолова Е. И., Жаров Т., Ключихина М. М. Методическое пособие для преподавателей литературы подготовительных отделений вузов. М., «Высшая школа», 1973, с. 194—207.
313. Бушканец Е. Г. У истоков мемуарной литературы о Н. А. Некрасове. — В кн.: Вопросы источниковедения русской литературы. Казань, 1973, с. 3—19. (Казанск. ун-т).
314. Выходцев П. С. Новаторство. Традиции. Мастерство. Л., «Сов. писатель», 1973, с. 141—200.
Некрасов и советская поэзия.
315. Гафурова Г. Воспроизведение стиля автора в художественном переводе. — В кн.: Развитие перевода в Узбекистане. Ташкент, «Фан», 1973, с. 109—119.
О переводах на узбекский язык произведений Некрасова («Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины», «Железная дорога» и др.).
316. Гершкович А. Л. Петефи в кругу шестидесятников. К 150-летию со дня рождения Шандора Петефи. — Вопр. лит., 1973, № 1, с. 183—194.
Ш. Петефи и Некрасов.
317. Груздев А. И. Из истории некрасовского текста (текстологические заметки). — Рус. лит., 1973, № 4, с. 119—124.
«Пир на весь мир» и «Поэт и гражданин».
318. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Из рукописи. Публ. Г. С. Померанца. — Лит. наследство, 1973, т. 86, с. 91—96.
О Некрасове.
319. Евстигнеева А. А. Проблема воспроизведения текста, подвергшегося автоцензуре. (К изданию академического собрания сочинений Н. А. Некрасова). — В кн.: Текстология славянских литератур. Доклады конференции. Ленинград, 25—30 мая 1971 г. Л., «Наука», 1973, с. 91—101. (Ин-т рус. лит. Ин-т мировой лит.).
320. Ермилова Л. Я. Последний период творчества Н. А. Некрасова. — В кн.: Проблемы русской литературы. Сб. трудов. М., 1973, с. 47—57. (Моск. пед. ин-т).
321. Ермолаева Н. Л. К вопросу об эволюции лироэпической поэмы (60—70-е годы XIX века). — Учен. зап. Ивановск. пед. ин-та, 1973, т. 115, с. 3—22.
322. Жданов В. В лаптях или в туфельках? По поводу некоторых иллюстраций к стихам Н. А. Некрасова. — Юность, 1973, № 4, с. 60—61.
Об иллюстрациях К. Андрианова к поэме «Мороз, Красный нос».
323. Жигулев А. Народные пословицы в творчестве Некрасова. — *Proverbium*, Helsinki, 1973, t. 24, s. 788—795.
324. Заборова Р. Б. Из архивных разысканий о Н. А. Некрасове. — Рус. лит., 1973, № 4, с. 124—134.
Автографы («Петербургские углы», «Я посетил твоё кладбище», «Мороз, Красный нос»); деятельность Некрасова в «Литературном фонде»; отзывы Некрасова о стихотворениях Н. А. Арбузова и Д. Е. Мина; стихотворения Н. А. Павова и А. А. Лугового о Некрасове.
325. Зубков М. Н. Идеино-художественная проблематика стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин». — В кн.: Проблемы художественного метода в русской литературе. М., 1973, с. 90—106.
326. Исаковский М. Учитель. — В кн.: Критический ежегодник «Современника». 1971. М., «Современник», 1973, с. 334—336.
М. Исаковский о поэзии Некрасова.
327. История русской журналистики XVIII—XIX веков. Под ред. А. В. Западова. Изд. 3-е, испр. М., «Просвещение», 1973, с. 374—376.
Некрасов-редактор.
328. Карпов Н. В. Нелегальная поэма «Недовольные» — памятник политической сатиры 60-х годов. (Из архивных разысканий). — В кн.: Проблемы истории русской литературы. Тула, 1973, с. 119—149. (Тульск. пед. ин-т).
«Кому на Руси жить хорошо» и «Недовольные».
329. Ковач А. Время и перспектива в лирике Некрасова. — В кн.: Искусство слова. М., 1973, с. 117—183.

330. Корман Б. О. Чужое сознание в лирике и проблема субъективной организации реалистического произведения. — Изв. АН СССР. Сер. лит., 1973, т. 32, вып. 3, с. 218—219.

Анализ стихотворения «Поэт и гражданин».

331. Кравцов Н. И. Некрасов и поэты нового типа в славянских литературах. — В кн. К.: Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973, с. 274—292.

332. Краснов Г. В. Статья А. Н. Пыпина о расколе редакции «Современника». — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, т. 32, вып. 2, с. 154—162.

333. Куликовская Г. В. Однолюб. Очерки. М., «Правда», 1973, с. 21—29. (Б-ка «Огонек»).

Некрасовские места (Карабиха, Грешнево) сегодня.

334. Лакшин В. Островский и Некрасов. — Наука и жизнь, 1973, № 4, с. 141—143.

335. Линдсман И. М. Н. А. Некрасов о русском языке. — Труды Самарканд. ун-та, 1973, вып. 248, с. 41—47.

336. Максименко Н. И. Праздники и будни поэта Николая Некрасова. Рассказы. М., «Дет. лит.», 1973, 158 с.

Беллетризованная биография Некрасова.

337. Манн Ю. В. Некрасов в борьбе за Пушкина. — В кн.: Искусство слова. М., 1973, с. 184—191.

338. Мартынов В. И. И. А. Куратов и Н. А. Некрасов. — В кн.: Куратовские чтения, т. I. Сыктывкар, 1973, с. 86—90.

339. Мартынов В. И. Русская классика и коми литература. Сыктывкар, 1973, с. 73—91.

Некрасов и коми литература. Переводы и влияния.

340. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. [Ред. коллегия: Г. Г. Мельниченко, М. Н. Бородина, Е. М. Секретова, М. М. Уманская]. Ярославль, 1973, 215 с. (Ярославск. пед. ин-т. Сб. науч. трудов, вып. III).

Волкова Е. С. Прилагательное «великий» в стихотворных произведениях Н. А. Некрасова. — Рыньков Л. Н. Состав и функции метафорических словосочетаний в прозе Н. А. Некрасова. — Огольцев В. М. Загадка как образная основа сравнений в поэме «Кому на Руси жить хорошо». — Качаева Л. А. Лексика цвета в поэзии Н. А. Некрасова. — Зеленов Н. Г. Лексика «Железной дороги» Н. А. Некрасова. — Огольцев В. М. Фольклорные модели стилизованных сравнений в «Кому на Руси жить хорошо». — Николаева-Фатова З. Н. Личные собственные имена в поэтических произведениях Н. А. Некрасова. — Дубровина Е. П. Из наблюдений над выразительными средствами синтаксиса в лирике Н. А. Некрасова. — Шаройко О. И. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях Н. А. Некрасова. — Арват Н. Н., Павлина Л. Д. Лексическое наполнение безличных структур наречного типа (на материале произведений Н. А. Некрасова). — Дяговец И. И. Дифференциация сложноподчиненных предложений с придаточными цели на экстралингвистической основе в языке поэзии Н. А. Некрасова. — Гиндин С. И. Анализ структуры текста стихотворения Н. А. Некрасова «Смокли честные, доблестно павшие...» с помощью семантического словаря. — Паршина В. А. Принципы построения словаря предложно-падежных синонимических сочетаний и описание словарных статей в нем (на материале произведений и писем Н. А. Некрасова). — Тараненко И. И. Произведения Н. А. Некрасова на украинском языке. — Верховский Г. П. Ленин и поэзия Некрасова. — Крошкин А. Ф. Идиллия и сатира. — Крайнева И. Н. Н. А. Некрасов с позиций субъективизма. — Зеленов Н. Г. Художественный метод и приемы изображения в «Железной дороге» Н. А. Некрасова.

341. Накорякова К. М. Редакторское мастерство в России XVI—XIX вв. Опыт и проблемы. Под ред. проф. А. В. Западова. М., Изд-во Моск. ун-та, 1973, с. 140—154.

Некрасов и Салтыков-Щедрин — редакторы.

342. Н. А. Некрасов. Вопросы творчества. К 150-летию со дня рождения. Сборник статей. Ред. коллегия: Г. П. Верховский, М. М. Уманская и др. Ярославль, 1973, 109 с. (Ярославск. пед. ин-т. Сб. науч. трудов, вып. 101).

Уманская М. М. Проблема долга и счастья в творчестве Некрасова и его современников. — Верховский Г. П. О поэме Н. А. Некрасова «Крестьянские дети». — Зеленов Н. Г. «Железная дорога» Н. А. Некрасова. (К спорам о жанре). — Сурпин М. Л. М. Горький и Н. А. Некрасов.

343. Некрасовский сборник, вып. V. Поэзия любви и гнева. Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л., «Наука», 1973, 332 с. (Ин-т рус. лит.).

- Осьмаков Н. В. Некрасов и наша современность. — Зубков М. Н. Некрасов в оценке Ленина. — Соколов Н. И. Некрасов и революционно-народническое движение 1870-х годов. — Прийма Ф. Я. Поэзия Некрасова в общественно-литературном движении конца XIX—начала XX в. — Григорьян К. Н. Наследие Лермонтова в становлении поэтического мироощущения Некрасова. — Розанова Л. А. О роли поэзии Некрасова в формировании пролетарской культуры (по архивным материалам Ивановской области). — Выходцев П. С. Некрасов и ранняя советская поэзия (к постановке проблемы). — Григорьев А. Л. Некрасов и зарубежная поэзия (поэзия Некрасова в ее соотношении с литературным процессом за рубежом). — Хоперия И. Ш. Некрасов и грузинские писатели. — Теплинский М. В. Редакторско-издательская деятельность Некрасова. — Гаркави А. М. Состояние и задачи некрасовской текстологии. — Червяковский С. А. Социально-жанровая проблематика поэзии Некрасова 1870-х годов. — Илюшин А. А. Из наблюдений над стихом Некрасова. — Пейсахович М. А. Строфика Некрасова. — Беседина Т. А. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» в русской графике. — Пинаев М. Т. Поэзия Некрасова в следственных делах революционных народников 70-х годов XIX в. — Громов В. А. Стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин» и царская цензура (по воспоминаниям Н. А. Островской). — Заборова Р. В. Запрещенный Некрасов. — Вацуро В. Э. К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение». — Полячков М. С. П. В. Засодимский и Некрасов. — Пищулин Ю. П. Поэзия Некрасова и «Народная воля». — Письма к Некрасову (26) 1855—1877 [Н. И. Арефы, Л. В. Бекетова, Н. И. Глушицкого, Н. М. Головщикова, М. В. Готовицкого, Е. М., С. П. Колошина, В. С. Курочкина, А. А. Ольхина, И. И. Панаева, Л. А. Панаева, И. А. Пиотровского, Н. Платова, П. А. Плетнева, Л. И. Розанова, Д. П. Сильевского, А. А. Слепцова, К. К. Случевского, Н. А. Степанова, А. С. Суворина]. Публ. и коммент. В. П. Вильчинского.
344. Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века. (50—60-е гг.). Калинин, 1973, с. 171—214.
— М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. А. Некрасов.
345. Нольман М. Л. От «Демона» Пушкина к «Демону» Некрасова. — В кн.: К истории русского романтизма. М., 1973, с. 386—418.
346. Осьмаков Н. Социологическое течение. (Н. А. Некрасов и реалистическая поэзия второй половины XIX в.). — В кн.: Развитие реализма в русской литературе, т. II, кн. 1. М., «Наука», 1973, с. 191—268.
- Сокращенный вариант этого раздела опубликован в кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., «Наука», 1971.
347. Пентре Н. В. Н. А. Некрасов. — В кн.: Пентре Н., Сахарова Н., Тубиншлак Р. Методические материалы по литературному чтению в X классе. (К учебнику-хрестоматии «Русская литература»). Таллин, «Валгус», 1973, с. 148—196.
348. Рейфман П. С. Один из отзывов на стихотворение Н. А. Некрасова «Железная дорога». — Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1973, вып. 306. Труды по рус. и славянск. филологии, № 21, с. 389—391.
- Письмо А. С. З. «Мечты и действительность», напечатанные в газете «Весть» (№ 54 за 1867).
349. Розанова Л. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1973, 224 с.
Рец. см. № 284.
350. Розанова Л. А. Образ сеятеля в революционной и демократической поэзии. — Рус. речь, 1973, № 5, с. 3—8.
351. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Под ред. Б. С. Мейлаха. Л., «Наука», 1973, 565 с. (Ин-т рус. лит.).
См. указатель имен.
352. Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. М., 1973, с. 148—166.
Рифма в стихе Некрасова.
353. Сельвинский И. Л. Великий поэт-демократ. (К 125-летию со дня рождения Н. А. Некрасова). — В кн. С.: Я буду говорить о стихах. Статьи. Воспоминания. Студия стиха. М., «Сов. писатель», 1973, с. 99—104.
354. Сергеев В. Н. «По грушу...». — Рус. речь, 1973, № 1, с. 52—57.
Об этимологии сочетания в стихотворении Н. А. Некрасова «Дядюшка Яков».
355. Скатов Н. Некрасов. Современники и продолжатели. Очерки. Л., «Сов. писатель», 1973, 360 с.
Рец.: Филиппов Г. — Звезда, 1973, № 11, с. 221.
356. Смирнов В. Б. Проблема деятеля в поэзии «Отечественных записок» 1870-х годов. — Учен. зап. Казанск. пед. ин-та, 1973, вып. 112, с. 35—44.

357. Соколов В. Б. Н. А. Некрасов и передовая демократическая мысль 1870-х годов. (Принципы изображения народа в поэме «Кому на Руси жить хорошо»). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Петрозаводск, 1973, 24 с.

358. Соловьев Б. И. Великий народный поэт. — В кн. С.: От истории к современности. Литературно-критические статьи, очерки, полемика. М., «Сов. писатель», 1973, с. 7—72.

359. Соркин Ю. Э. Болезнь Н. А. Некрасова и хирург Е. И. Богдановский. — Вестн. хирургии, 1973, т. III, № 7, с. 135—138.

360. Тиханчева Е. П. Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван, «Айтастан», 1973, с. 127—159.

Поэзия Некрасова в оценке Брюсова и других символистов.

361. Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., «Наука», 1973, с. 134—155. (Из истории мировой культуры). Элегии Некрасова.

362. Чуковский К. Некрасов и декабристы. (По вновь найденным материалам. Очерк). — В кн.: Литературный «Огонек». М., «Правда», 1973, с. 61—65.

363. Шахалова Н. Н. А. Некрасов. — В кн.: Русские писатели в Москве. М., «Моск. рабочий», 1973, с. 473—477.

364. Шпеер Г. А. Русское земство и земские деятели в изображении и оценке «Отечественных записок» Н. А. Некрасова. — В кн.: Традиции и новаторство в русской литературе. Сборник трудов. М., 1973, с. 193—216.

365. Этов В. И. Нравственное богатство русской классической литературы современникам. М., «Знание», 1973, с. 30—42.

Поэзия Некрасова.

1974

366. Астафьев А. В., Астафьева Н. А. Писатели Ярославского края (до 1917 г.). Ярославль, 1974, с. 116—126 (о Некрасове).

367. Беленький Г. А. Поэзия печали и гнева. (Произведения Некрасова в VII классе). — Лит. в школе, 1974, № 6, с. 37—47.

368. Беседина Т. А. Изучение поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школе. Вологда, 1974, 207 с. (Вологодск. пед. ин-т).

369. Благово В. Два стихотворения Некрасова — «Огородник» и «Извозчик». — В кн.: Страницы русской литературы середины XIX века. Л., 1974, с. 136—144.

370. Блинчевская М. Я. «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» и Некрасов (к истории первой публикации хроники). — В кн.: Наследие А. Н. Островского и советская культура. М., «Наука», 1974, с. 160—172.

371. Будникова Л. И. Традиции Н. А. Некрасова в поэзии А. А. Блока. — В кн.: Проблемы советской поэзии, вып. 2. Челябинск, 1974, с. 54—71.

372. Бушканец Е. Г. Воспоминания Суворина о Некрасове как историко-литературный источник. — В кн.: Филологические этюды. Ростов н/Дону, 1974, с. 110—118.

373. Бушканец И. Н. Джордж Элиот в оценке журналов Н. А. Некрасова «Современник» и «Отечественные записки». — В кн.: Русская литература и освободительное движение, Казань, 1974, с. 72—97. (Казанск. пед. ин-т).

374. Власов М. Ф. Корней Чуковский о языке и стиле Некрасова. — В кн.: Исследование по стилистике, вып. 4. Пермь, 1974, с. 166—175.

375. Гаркави А. М. Поправки. — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник, вып. 1. Калининград, 1974, с. 155 (Калинингр. ун-т).

О водевиле Некрасова «Петербургский ростовщик», первоначально предназначенном для альманаха «Физиология Петербурга».

376. Гаркави А. М. Структура повествования в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». — В кн.: Вопросы сюжетосложения, вып. 3. Сюжет и жанр. Рига, 1974, с. 72—81.

377. Григорьян К. Н. Некрасов и армянская поэзия. — В кн. Г.: Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений. Ереван, Изд-во АН Армянск. ССР, 1974, с. 208—210, 215.

378. Гришунин А. Л. Грибоедовское у Некрасова. — В кн.: Современные проблемы литературоведения и языкознания. К 70-летию акад. М. Б. Храпченко. М., «Наука», 1974, с. 280—289. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз.).

379. Дементьев А. Г. «Огаревское дело». — Рус. лит., 1974, № 4, с. 127—143.

380. Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов. (Сборник научных трудов). Ред. Н. Н. Скатов и др. Л., 1974, с. 103—216, 249—266. (Ленингр. пед. ин-т).

Пьяных М. Ф. «Двенадцать» А. Блока в свете традиций Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова. — Скатов Н. Н. Некрасов и Пушкин. — Лебедев Ю. В. О некоторых этических истоках поэзии Н. А. Некрасова. —

Штейнгольд А. М. Н. А. Некрасов-рецензент и фельетонные обозрения в «Современнике» начала 50-х годов. — Белорусцева И. А. Некрасов и Щепкин. — Благово В. А. Некрасов и Ю. Жадовская. — Груздев А. И. На путях эпоса. (О поэме Некрасова «Мороз, Красный нос»). — Воробьева З. А. Н. Н. Златовратский и Н. А. Некрасов. (Некоторые стороны их личных и творческих взаимоотношений). — Никитина А. И. О нравственном идеале в лирике Некрасова семидесятых годов. — Качурин М. Г. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школьном изучении.

381. Живые страницы. Н. А. Некрасов в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах. Комментар. Б. В. Лунина. Науч. ред. и предисл. С. И. Машинского. М., «Дет. лит.», 1974, 448 с.

382. Журбина Е. И. Некрасов, Достоевский, Герцен — фельетонисты. — В кн. Ж.: Повесть с двумя сюжетами. О публицистической прозе. М., «Сов. писатель», 1974, с. 78—96.

383. Ильинский В. М. Наблюдения учащихся над языком поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Повышение научности преподавания литературы в школе. Сб. трудов. М., 1974, с. 115—137.

384. Ильинский В. М. Наблюдения учащихся над языком стихотворений Н. А. Некрасова. — В кн.: Повышение научности преподавания литературы в школе. Сб. трудов. М., 1974, с. 138—158.

385. Качурин М. Г. Н. А. Некрасов. — В кн.: Русская литература. Под ред. Б. И. Бурсова. Учебное пособие для 9 кл. средн. школы. Изд. 7-е. М., «Просвещение», 1974, с. 157—192.

386. Климентовский В. А. Н. А. Некрасов. — В кн.: Русские писатели в Татарии. Изд. 3-е. Казань, Тат. кн. изд-во, 1974, с. 62—66.

387. Комте М. Некрасовские мотивы в рассказе В. Г. Короленко «В облачный день». (Об отношении русских писателей-народников к наследию Н. А. Некрасова.) — В кн.: Русская литература и освободительное движение. Казань, 1974, с. 187—189. (Казанск. пед. ин-т); то же: *Studia slavica*, Budapest, 1975, t. XXI, fasc. 1—2, s. 187—189.

388. Конкин С. С. Некрасов и Писарев. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1974, № 5, с. 99—103.

389. Краснов Г. В. Последняя книга поэта. — В кн.: Некрасов Н. А. Последние песни. Изд. подгот. Г. В. Краснов. М., «Наука», 1974, с. 217—268. (Лит. памятники).

390. Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. М., «Просвещение», 1974, с. 246—257.

391. Ларин Б. А. Заметки о поэтическом языке Некрасова. — В кн. Л.: Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Л., «Худож. лит.», 1974, с. 105—124.

392. Малкин В. А. Фигура умолчания в произведениях Н. А. Некрасова. — В кн.: Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1974, с. 91—100.

393. Марков П. А. Некрасов и театр. — В кн. М.: О театре, т. I. М., «Искусство», 1974, с. 115—131.

394. Нагорная Н. М. Н. А. Некрасов на страницах нелегальной прессы 70—80-х годов XIX века. — *Вопр. рус. лит.*, Львов, 1974, вып. 1 (23), с. 35—41.

395. Н. А. Некрасов и русская литература, вып. 38. [Ред. коллегия: М. М. Гин, А. И. Груздев, Ю. В. Лебедев и др.]. Кострома, 1974, 162 с. (Ярославск. пед. ин-т. Костромск. пед. ин-т).

Скатов Н. Н. Некрасов и Костромской край. — Гаркави А. М. Мастерство психологического анализа в поэме «Мороз, Красный нос». — Лебедев Ю. В. Человек и природа в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». — Гиндин С. И. Брюсов о Некрасове. — Пьяных М. Ф. Стихотворения К. Симонова «Родина» и «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» в свете поэтических традиций Н. А. Некрасова. — Рейсер С. А. Трехстопный ямб поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Нольман М. Л. Некрасов и Пушкин: ответ анониму. — Гин М. М. Последняя страница «золотого» детства поэта. — Груздев А. И. Из текстологических наблюдений. — Егоров Б. Ф. Запрещенное цензурой введение к «Обозрению русской литературы за 1849 год» для «Современника».

396. Никитина Е. П. О традиционном и новом в теоретическом развитии русской поэзии. — В кн.: Спецкурсы кафедры русской литературы, вып. 1. Под ред. Е. П. Никитиной. Саратов, Изд-во Саратовск. ун-та, 1974, с. 93—96.

Некрасов и Пушкин. Некрасов и Тютчев. Споры о классической поэзии в предреволюционные годы.

397. Николаев М. П. Н. Г. Чернышевский и его современники. Тула, 1974, с. 46—65. (Тульск. пед. ин-т).

Друзья и вдохновители Н. А. Некрасова. — Поэзия Н. А. Некрасова в трудах Н. Г. Чернышевского.

398. Осетров Е. И. Сеятель. — В кн. О.: Познание России. М., «Моск. рабочий», 1974, с. 153—168.

Поэзия Некрасова.

399. Осьмаков Н. В. Некрасов и Островский. — В кн.: Наследие А. Н. Островского и советская культура. М., «Наука», 1974, с. 93—109.

400. Палкин М. А. К характеристике поэтического стиля Н. А. Некрасова. — В кн.: Вопросы общественных и гуманитарных наук. Материалы II научной конференции, вып. 1. Гомель, 1974, с. 263—266.

401. Перцов В. О. Поэты и прозаики великих лет. Статьи и воспоминания. М., 1974, с. 164—184.

«Некрасов—Маяковский—Твардовский».

402. Порудоминский В. И. Н. Крамской. М., «Искусство», 1974, с. 156—161.

Работа Крамского над портретом «Некрасов в период „Последних песен“».

403. Рез З. Я. Связь школьного анализа лирики Некрасова с особенностями ее восприятия учащимися. — В кн.: Восприятие учащимися литературного произведения и методика школьного анализа. М., 1974, с. 148—165.

404. Ровнякова Л. И. Журнал «Viepas» (1869—1903) и распространение русской литературы в Хорватии. Приложение. Русская литература в журнале «Viepas» 1869—1903. — В кн.: Восприятие русской культуры на Западе. Л., «Наука», 1974, с. 179, 181.

Перевод на хорватский язык стихотворений «Влас» (1875), «Крестьянский сын. По Некрасову» (1874), «Дед Мазай и зайцы» (1887).

405. Розанова Л. А. Поэтические традиции Н. А. Некрасова в рабочей печати. (По страницам журналов «Дым» и «Наше слово»). — В кн.: Русская литература XX века (дооктябрьский период), вып. 5. Тула, 1974, с. 3—21. (Тульский пед. ин-т).

406. Седова В. Г. Изучение лирики Н. А. Некрасова в 9 классе средней школы в свете проблемы автора. (Метод. пособие). Воронеж, 1974, 71 с. (Воронежск. пед. ин-т).

407. Седова В. Г. Учебная методическая литература об изучении лирики Некрасова в IX классе средней школы в свете проблемы автора. (Критические заметки). — В кн.: Проблема автора в художественной литературе, вып. IV. Воронеж, 1974, с. 102—113. (Иzv. Воронеж. пед. ин-та, т. 148).

408. Сидельников В. М. Лирическая новелла Н. А. Некрасова «Огородник» и народная поэзия. — Вопр. рус. лит., Львов, 1974, вып. 1 (23), с. 32—34.

409. Соколов В. Б. У истоков жанрового своеобразия народнической беллетристики. — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник, вып. 1. Калининград, 1974, с. 71—80. (Калинингр. ун-т).

Традиции Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

410. Степанов В. П. Восемнадцатая некрасовская конференция. — Рус. лит., 1974, № 4, с. 225—228.

Конференция в Институте русской литературы в январе 1974 г.

411. Степанов Н. Л., Захаркин А. Ф. Н. А. Некрасов. — В кн.: История русской литературы XIX века (вторая половина). Под ред. С. М. Петрова. Изд. 3-е. М., «Просвещение», 1974, с. 111—150.

412. Тамарченко Г. Время ставит вопросы. (Обзор литературы о Некрасове). — Вопр. лит., 1974, № 7, с. 237—271.

413. Тарасов А. Ф. Карабиха — Музей-усадьба Н. А. Некрасова. М., «Сов. Россия», 1974, 37 с.

414. Теплинский М. В. Авторский замысел Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — Вопр. рус. лит., Львов, 1974, вып. 1 (23), с. 27—32.

415. Фролова Т. Д. Из истории борьбы за Некрасова (анкета газеты «Новости дня». 1902). — В кн.: Русская литература и освободительное движение. Казань, 1974, с. 22—42. (Казанск. пед. ин-т).

416. Чуковский К. Несобранные статьи о Некрасове. Предисл., подгот. текста и примеч. А. М. Гаркави. Калининград, 1974, 102 с. (Калинингр. ун-т).

Лекция о Некрасове, прочитанная в Оксфордском университете в мае

1962. — О некрасовской текстологии. — Здесь и теперь. — О комментариях к сатире «Современники». — О восстановлении доцензурного текста сатиры «Современники». — Моя работа над некрасовскими текстами. — Материнское благословение. — О шестом томе Полного собрания сочинений Некрасова. — Девятый том Полного собрания сочинений Некрасова. — О десятом томе Полного собрания сочинений Некрасова. — Из лекции о Некрасове, прочитанной в Академии общественных наук при ЦК КПСС 13 марта 1956 г. — Из тетради «Что вспомнилось».

Рец.: Жданов В. Чуковский продолжается... — Лит. обзор., 1975, № 9, с. 66.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев М. В. 174—176
 Агния (монахиня) 75
 Аксаков К. С. 44
 Аксаков С. Т. 33, 34
 Аксакова В. С. 24
 Александр II 49, 50, 135—137, 141, 157
 Алисов П. Ф. 136
 Амадио А. 102
 Анапольский К. И. 84
 Анненков П. В. 25, 26, 31, 32
 Антонов Т. С. 68
 Антонович М. А. 46, 50, 60, 172, 177
 Архангельская А. Н. 80, 81
 Архангельский Н. М. 61, 65, 67, 79—84
 Архипов В. А. 6
 Азэрбах Б. 12
 Афанасьев А. Н. 43
 Ашукин Н. С. 58
- Базанов В. Г. 17, 161
 Базунов И. В. 56, 174
 Байрон Д. Г. 7, 37
 Бакунина Т. А. 23, 109
 Бакунины 23, 109
 Батюшков К. Н. 42
 Бауэр А. В. 82
 Баер А. А. 23
 Белинский В. Г. 4—12, 18, 19, 22, 23, 24, 27—29, 31, 32, 46, 64, 68, 92, 93, 95—102, 107, 109, 118, 155
 Белкина М. 98
 Белоголовый Н. А. 71, 75, 136
 Бельчиков Н. Ф. 7
 Беляев М. Д. 53
 Бенедиктов В. Г. 102
 Берг Н. В. 27
 Бергамаско К. И. 64
 Бернет Е. см. Жуковский А. К.
 Бессонов Б. Л. 36, 44, 111
 Бестужев А. А. (псевд. — Марлинский) 122
 Бибиков В. И. 65, 68
 Вильбасов В. А. 78
 Бильрот Т. 72, 74
 Бирар А. А. 76
 Блок А. А. 130
 Боборыкин П. Д. 48, 63
 Богатырев А. 170
 Боград В. Э. 33, 45, 97, 99, 101
 Богдаев Г. И. 173
 Боровиковский А. Л. 132
 Борх А. М. 140
 Боткин В. П. 33, 36, 37, 86, 129
 Боткин С. П. 69
 Боцяновский В. Ф. 66
 Брант Л. В. 102
- Булгарин Ф. В. 42, 43, 92, 97, 99, 100, 102
 Бурдин Ф. А. 56
 Буренин В. П. 50
 Буткевич А. А. 35, 36, 66, 67, 71, 72, 75—77, 81, 132, 136, 140, 145, 146, 150, 151, 162—167, 169
 Бутков П. Е. 99
 Бутылин Н. А. 72, 172
 Бухштаб Б. Я. 49, 85, 88, 89, 94, 98, 107, 109, 110
 Быков П. В. 26
- Ванюков М. И. 136
 Вейнберг Н. И. 49
 Вельтман А. Ф. 100
 Вердеревский Е. А. 94
 Верховский (протопоп) 74
 Викторов А. 62, 66
 Викторова Ф. А. см. Некрасова З. Н.
 Виленчик (владелец типографии) 139
 Вильчинский В. П. 2, 35—39, 52—59
 Виноградов В. В. 96, 97
 Витусов П. 99
 Вишневская Е. К. 66
 Воейков В. А. 174, 175, 177, 178
 Володимировы 75
 Вольтер М. Ф. 40
 Воробьев С. М. (Сократ) 125
 Воскобойников Н. Н. 48, 50, 51
 Выводцев Н. М. 93, 94
- Гаврило см. Захаров Г. Я.
 Гаевский В. П. 64
 Гайденков Н. М. 145
 Ган Е. А. (псевд. — Зинаида Р-ва) 102
 Гарибальди Д. 9
 Гаркави А. М. 85, 98, 99, 104, 132, 134, 135, 146, 148, 149, 152, 155, 156, 159, 163, 164
 Геннади Г. Н. 40, 42—45, 49, 51
 Гербель Н. В. 27
 Герцен А. И. 7, 28, 29, 35, 36, 102, 105, 124, 129, 141, 169
 Гершензон Д. Я. 26
 Гете И. В. 26
 Гильдебрант О. И. 172
 Гин М. М. 26, 49, 70, 92, 105, 140, 148, 149
 Гнедич П. П. 111
 Гоголь Н. В. 4, 5, 11, 20, 24, 31, 102
 Головачов А. А. 64
 Головачова А. Я. см. Панаева А. Я.
 Гончаров И. А. 29, 64, 80
 Горев-Тарасенков Д. А. 53
 Горленко В. П. 93, 96, 107

- Горохов В. 135
 Горький А. М. 130
 Горький В. 94
 Греч Н. И. 42
 Грибоедов А. С. 7
 Григорович Д. В. 12, 25, 54, 124
 Григорьев А. А. 25
 Григорьев П. И. 106
 Гришунин А. Я. 152, 155
 Громов В. А. 23
 Грот Я. К. 23
- Давыдов Д. В. 42
 Данилова Е. М. 64
 Данте А. 3
 Дементьев А. Г. 36
 Демерт Н. А. 149
 Державин Г. Р. 42, 102
 Дершау Ф. К. 96
 Дмитриев И. И. 42
 Добролюбов Н. А. 8—11, 18, 43—49, 53, 68, 176, 177
 Долгорукий И. М. 42
 Долгушин А. В. 161
 Достоевский Ф. М. 143, 155, 158, 162, 163
 Драгоманов М. П. 136
 Дружинин А. В. 36, 48, 86
 Дудышкин С. С. 25
 Дульнева К. П. 179
 Дункель-Веллинг Н. 94
 Дымов С. 159
- Евгенийев-Максимов В. Е. 27, 46, 47, 49, 51, 52, 62, 67, 68, 71, 74, 75, 78, 83, 84, 93, 107, 111, 112, 117, 130—135, 137, 141, 159, 160, 162, 168—178
 Евстафия (игуменья) 75
 Егоров В. 170
 Е. К. (корреспондент газ. «Новости и Биржевая газета») 67
 Екатерина II 122
 Елисеев Г. З. 57, 71, 77, 172
 Елисеева Е. П. 159, 160
 Ераков А. Н. 64, 72—74, 162
 Еремеева Е. Ф. 62, 82, 83
 Ефременко Э. Я. 101
 Ефремин А. В. 134
 Ефремов П. А. 40, 64, 73, 159—163, 167
- Жвалов П. 170
 Жемчужников А. М. 47
 Жилкин И. 68
 Жуковская Е. И. 61
 Жуковский А. К. (псевд. — Бернет) 102
 Жуковский В. А. 7, 42
 Жуковский Ю. Г. 60
- Заборова Р. Б. 159, 161
 Заборщикова М. М. 162
 Зайцев В. А. 136, 137
 Закревский И. П. 49
 Захаров Г. Я. (Гаврило) 140
 Звонарев С. В. 56, 57, 178
 Зельдович М. Г. 101
 Зобов Ф. 79
 Зотов В. Р. 53, 105, 106
- Иванов А. И. 101
 Измайлов В. В. 42
- Иоселиан П. 94
 Исидор (митрополит) 72, 73
- Калачов П. 170
 Калашников И. Т. 102
 Капнист В. В. 42
 Каракозов Д. В. 140—142
 Каратыгин П. А. 106
 Картавов П. А. 137—139
 Карташова С. В. 80
 Катков М. Н. 50
 Катя (племянница З. Н. Некрасовой) 75, 77, 78
 Квитко-Основьяненко Г. Ф. 170
 Кешпен П. И. 33
 Кетчер Н. Х. 33, 99, 100
 Кирячок И. 170
 Кистер К. К. 140
 Ковалевский М. М. 79
 Ковалевский П. М. 65, 80, 81
 Кожанчиков Д. Е. 56, 176
 Козьмин Б. П. 136
 Кологривова Е. С. (псевд. — Фан-Дим) 102
 Кольцов А. В. 8, 9, 12, 13, 21, 42, 102
 Кони А. Ф. 25, 61, 81, 131, 169
 Кони Ф. А. 93—96, 102, 105
 Коновалов В. И. 82, 84
 Корш Е. А. 74, 75
 Костров Е. И. 42
 Котляревский А. А. 44
 Кошкин П. Е. 61, 67
 Краевский А. А. 42, 48, 56, 77, 78, 95, 99—101
 Крамской И. Н. 64, 162—166
 Краснов Г. В. 70, 143—150, 162
 Кривенко С. Н. 24, 160, 161
 Крошкин А. Ф. 105, 106
 Крылов И. А. 4, 98, 99, 102
 Кузьмич А. П. 102
 Кулешов В. И. 7
 Кульчицкий А. Я. (псевд. — Говорилин) 98
 Купер Ф. 98
 Курочкин В. С. 44, 45
 Кутневич М. В. 73, 74
- Лазаревский А. М. 104
 Лазаревский В. М. 61—64, 104
 Лазаревский М. М. 104, 105
 Ланская Л. Р. 99
 Ларин Б. А. 18
 Лебедев Н. Е. 146
 Лебедев Ю. В. 152, 155, 158
 Ленин В. И. 5, 9, 13
 Ленский Н. 67
 Леонтьев А. В. 84
 Лермонтов М. Ю. 7—12, 18, 91, 102, 110, 130
 Лесков Н. С. 73, 74
 Лефрен С. 60
 Лившиц Л. Я. 101
 Литвинова Е. 11
 Лихачев Д. С. 93
 Ловягин А. М. 73
 Лонгинов М. Н. 44—46, 50, 51
 Ломан О. В. 60, 68, 69, 84, 168, 172
 Лотман Л. М. 54
 Луначарский А. В. 24

- Лурье А. Н. 101, 111, 112
 Львов Н. М. 98
 Лыткин 62
- Майков А. Н. 12, 23, 91, 102, 131
 Майков В. Н. 21, 22
 Макаров И. А. 172
 Макарычев И. Г. 172
 Макарычева Е. И. 72
 Максимов С. В. 56, 57
 Максимова А. М. 168
 Максимович А. Я. 40, 93, 94, 98, 152, 153
 Маленн А. И. 111
 Марков Е. Л. 19
 Маркович М. А. (псевд. — Марко Вовчок) 174—176
 Марлиньский А. А. см. Бестужев А. А.
 Масанов И. Ф. 49, 139
 Масанов Ю. И. 40
 Машков П. М. 102
 Медведева Н. Г. 82
 Мей Л. А. 12
 Мейшен П. Н. 60
 Мельгунов Б. В. 130
 Менгден Е. 25
 Мережковский Д. С. 169, 170
 Мерк И. Г. 26
 Мещанинова А. И. 62
 Мещеряков В. П. 136
 Мильтон Д. 3
 Минаев Д. Д. 8, 90
 Минаева У. В. 68
 Миронов И. В. 68
 Михайловский М. Н. 172
 Михайловский Н. К. 78, 172
 Молодцов И. 170
 Молчанов Н. 102
 Монин И. Ф. 83
 Мордовцев Д. Л. 26
 Морозов Н. А. 133, 136
 Мостовская Н. Н. 179
 Муравьев М. Н. 139—142
 Муратов А. Б. 163
 Муратова К. Д. 49
- Назарова Л. Н. 24
 Наксарий М. С. 66
 Нахимов А. Н. 42
 Некрасов А. С. 169
 Некрасов А. Ф. 65, 77
 Некрасов К. А. 71, 75—77
 Некрасов Ф. А. 60, 63, 65, 72, 77
 Некрасова Ал. А. 81, 83
 Некрасова В. Ф. 62
 Некрасова Н. П. 61, 63, 65, 71
 Некрасова С. И. 63
 Некрасова Е. А. 76
 Некрасова З. Н. (Викторова Ф. А., Некрасова Ф. А.) 60—84
 Некрасова Ф. А. см. Некрасова З. Н.
 Некрасова-Рюмлинг Е. А. 172
 Нельсон Г. 99
 Никитенко А. В. 51
 Никитин И. С. 12
 Новый поэт см. Панаев И. И.
 Норматский А. П. 122
- Огарев Н. П. 36, 102, 124, 129
 Огарева М. Л. 124, 125, 129
- Озолин 82
 Озолина А. В. 82
 Озолина А. Г. 62, 82, 84
 Орлова Т. И. 62
 Островский А. Н. 19, 28, 52—59
 Островский М. Н. 57
 Осьмаков Н. В. 7
- Панаев И. А. 55, 66—67, 172, 174—178
 Панаев И. И. (псевд. — Новый поэт) 6, 27—29, 45—49, 61, 88, 92, 95, 99, 100, 123
 Панаева (Головачева) А. Я. (псевд. — Н. Станицкий) 35—37, 60, 61, 65, 83, 111—129, 154, 177, 178
 Панов Н. А. 68
 Петр I 157
 Петров В. П. 42
 Пиксанов Н. К. 99, 137, 171, 172
 Писарев М. П. 65, 78
 Писемский А. Ф. 12
 Плетнев П. А. 23, 28
 Плеханов Г. В. 6, 7
 Плещеев А. А. 64
 Плещеев А. Н. 26, 64
 Подолinsky С. А. 136
 Пожалостин И. П. 64
 Покровский М. Н. 99
 Покровский П. (протоиерей) 73, 74
 Полевой Н. А. 94
 Полонский Я. П. 12, 91
 Полторацкий С. Д. 43, 44
 Поль де Кок 98
 Пономарев С. И. 40, 76, 93, 145, 162, 164, 165
 Попов А. В. 68
 Попов М. П. 161
 Портнова Н. А. 85
 Порудоминский В. И. 43
 Прийма Ф. Я. 2, 3, 100, 171
 Прокопенко Л. И. 81
 Прокшин В. Г. 145
 Протоклитов Б. А. 81, 84
 Прутков К. (псевд. Жемчужникова А. М.) 47, 50
 Пугачев Е. И. 11
 Пушкин А. С. 3, 4, 7—11, 18, 20, 25, 43, 91, 130, 138
 Пышин А. Н. 27, 93, 98, 172
- Равич Л. М. 40, 43
 Радищев А. Н. 25
 Рейсер С. А. 40, 104, 105, 132, 135, 163, 165
 Ридигер И. 138
 Розанов В. В. 15
 Розанов И. Н. 93
 Романовский Е. А. 72
 Ростопчина Е. П. 43
 Ростопчины 43
 Руднев П. А. 148
- Сабуров А. И. 140
 Саксонова М. И. 162
 Салов И. А. 26
 Салтыков-Щедрин М. Е. 26, 32, 46, 57, 58, 64, 71—74, 130, 136, 149
 Санд Жорж 12, 22
 Сафонова З. Ф. 82, 84

- Свириденко М. Я. 161
 Селиванов И. В. 44, 45
 Семенов Н. А. 114—115
 Сервантес М. 3
 Скабичевский А. М. 113—115, 123
 Скатов Н. Н. 40, 42, 132
 Смирдин А. Ф. 42
 Соболевский С. А. 40, 43
 Соколов И. А. 78
 Сократ 26
 Сократ см. Воробьев С. М.
 Солдатенков К. Т. 104
 Соллогуб В. А. 98, 101, 102
 Соловьев И. Г. 54, 56
 Сорокин В. Н. 114
 Спиридонов В. С. 99, 102
 Станицкий Н. Н. см. Панаева А. Я.
 Станько А. И. 95
 Стасюлевич М. М. 24, 26, 162
 Струминский В. Я. 33
 Ступин Н. Н. 102
 Суворин А. С. 64
 Суслова Н. С. 129
 Сухов М. П. 62
 Сухова М. М. 62
 Сю Э. 12

 Тарасов А. Ф. 62, 105
 Тарасов В. 170
 Тассо Т. 37
 Твердохлебов И. Ю. 26
 Теплинский М. В. 143, 145, 147, 148
 Теплов Н. 161
 Тизенгаузен Г. Ф. 141
 Толстая Т. Л. 80
 Толстой А. К. 91
 Толстой Г. М. 122
 Толстой Л. Н. 15, 35, 37, 38, 46, 54, 58,
 80, 136, 163
 Троицкий С. 82
 Тургенев И. С. 6, 7, 12, 23—34, 35, 36,
 38, 39, 45, 53, 54, 60, 74, 86, 89, 107—
 110, 157
 Туркус Н. 162
 Тушнов В. 174
 Тютчев Ф. И. 91, 93

 Уваров А. С. 33
 Уваров С. С. 4
 Угрюмов И. 102
 Ульянец В. И. 83, 84
 Унковский А. М. 72
 Успенский Г. И. 19, 20

 Успенский М. И. 71, 72, 76
 Ушинский К. Д. 33

 Фан-Дим см. Кологривова Е. С.
 Федор (кучер Некрасова) 65, 67, 78
 Федоров Б. М. 102
 Фет А. А. 14, 35, 85—91, 102, 110
 Филиппов М. М. 25
 Фон-Фохт Л. А. 142
 Фон-Фохт Н. А. 142

 Хвостов Д. И. 45
 Холодова В. 159
 Холщевников Е. В. 75
 Холщевников Н. В. 75
 Хомяков А. С. 44
 Христофоров А. 163
 Христофоров Н. Х. 136

 Царькова Т. С. 168

 Чалый Д. В. 171
 Чернышевский Н. М. 84
 Чернышевская О. С. 78
 Чернышевский М. Н. 163
 Чернышевский Н. Г. 8—10, 18, 27, 36,
 45—49, 53, 68, 92, 124, 129, 135, 142,
 159, 161, 163, 175—177
 Черняк Я. З. 36, 124, 125, 129
 Чепихин-Ветринский В. Е. 162, 163
 Чуковский К. И. 7, 24, 40, 42, 51, 62,
 81, 93, 105, 107, 109, 111, 114, 130,
 135, 140, 141, 144—149, 155, 159,
 163

 Шатобриан Ф. Р. 3
 Шевченко Т. Г. 136, 170
 Шекспир В. 3, 22, 40, 46, 98
 Шелгунов Н. В. 172
 Шиллер И. К. Ф. 22, 109

 Щепотьева Е. С. 163

 Эльзон М. Д. 40
 Энгель Г. 135

 Юрьев Н. А. 136

 Языков Н. М. 42
 Якубович П. Ф. 155

 SSachi 175

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕКРАСОВА

- «Актер» 6
- «Баюшки-баю» 21, 83, 166, 167
- «В. Г. Белинский» 104, 155
- «Блажен незлобивый поэт...» 11
- «В альбом» 104
- «Вам, мой дар ценившим и любившим...» 74
- «В дороге» 6, 19, 24, 25
- «Вместо предисловия, о шрифтах вообще и о мелком в особенности» 47
- «В неведомой глуши...» 11
- «Внимая ужасам войны...» 20
- «Вор» 120
- «В столицах шум...» 14
- «Вступление» («Последние песни») 70, 71
- «Газетная» 15
- «Герои времени» («Современники») 150
- «Гимн „Времени“» 47, 48
- «Говорун» 6, 106
- «Горящие письма» 162
- «Давно — отвергнутый тобою...» 155
- «Двадцать пять рублей» 120
- «Два мгновения» 95
- «Дедушка» 67, 77
- «Деловой разговор» 29
- «Деревенские новости» 14
- «Детство» 104
- «До сумерек» («О погоде») 11
- «Дума» 12
- «Душно! без счастья и воли...» 130—135
- «Еду ли ночью по улице темной...» 29, 142
- «Ершов» 161
- «Есть ли Руси чем гордиться» 159—161
- «Еще скончался честный человек...» 104
- «Железная дорога» 13
- «Женщина, каких много» 106—110
- «Жизнь Александры Ивановны» 117
- «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» 100, 101, 110, 115, 117, 120, 125, 126
- «Завещание» 61
- «Завейся, впрочем, шляпу...» 159—161
- «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» 19
- «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года» 34
- «Затворница» 83, 84, 166
- «Зачем насмешливо ревнуешь...» 104
- «Зине» («Двести уж дней...») 69, 83
- «Зине» («Пододвинь перо, бумагу, книги!») 70
- «Зине» («Ты еще на жизнь имеешь право...») 21, 69
- «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова» 139, 140
- «Из записной книжки» (цикл) 139
- «Из поэмы „Мать“» 9, 162, 165, 167
- «И скучно, и грустно» 110
- «Калистрат» 14
- «Клянусь звездой полуночной...» 110
- «Когда горит в твоей крови...» 104
- «Колыбельная песня» 24, 110
- «Кому на Руси жить хорошо» 12, 14, 16, 17, 18, 20—22, 25, 67, 70, 137, 143, 164
- «Крестьянка» 17, 67
- «Пир на весь мир» 17, 67, 136, 167
- «Последыш» 17, 67
- «Русь» 136
- «Коробейники» 15, 20
- «Крестьянка» см. «Кому на Руси жить хорошо»
- «Крестьянские дети» 12, 14
- «Лето» 85, 86, 88, 91, 110
- «Литературная травля» 40—51, 139
- «Медвежья охота» 19, 50
- «Мертвое озеро» 124, 129
- «Мечты и звуки» (сборник) 5
- «Мое желание» 50, 51, 141, 142
- «Молебен» 83, 161, 163, 167
- «Молодик на 1843 год» (рецензия) 19
- «Мороз, Красный нос» 12, 13, 15, 16, 58
- «Моя судьба» 95
- «Муза» («Нет, Музы ласково поющей...») 12
- «Муза» («О, муза! наша песня сета...») 14
- «Мы вышли вместе наобум...» 165
- «Мысли журналиста при чтении программы...» 47
- «Мы с тобой бестолковые люди» 65
- «На псарне» 14
- «Наследство» 104
- «На улице» 139
- «Необыкновенный завтрак» («Жизнь и похождения Тихона Тростникова») 101

- «Не рыдай так безумно над ним» 164
«Несжатая полоса» 142
«Несчастные» 39, 152—158 (см. также: «Песни преступников», «Петербургское утро», «Секрет», «Совет»)
«Но, любя, свое сердце готовь...» 70
«Нравственный человек» 6
- «Об издании „Современника“ в 1849 году» 22, 28—29
«Огородник» 6
«О погоде» 11, 13, 118, 139
«Отрывки из путевых заметок графа Гаранского» 8, 12
- «Первое апреля» (альманах) 106, 107
«Первый шаг в Европу» 139
«Перед дождем» 107
«Перед зеркалом» 50, 51, 139, 142
«Песни о свободном слове» 13
«Песни преступников» («Несчастные») 156—158
«Песня Еремущке» 14, 21
«Песня об „Аргусе“» («Песня об „Очерках“») 50, 51, 139
«Песня убогого странника» («Коробейники») 15, 20
«Петербургские дачи и окрестности» 118
«Петербургский сборник» 6, 24
«Петербургское утро» («Несчастные») 154
«Пир ведьмы» 5
«Пир на весь мир» см. «Кому на Руси жить хорошо»
«Плач детей» 13, 118
«Повесть о бедном Климе» 115, 116, 120, 126
«Пожарище» 14
«Последние песни» 21, 70, 71, 76, 83, 139, 144—146, 148—151, 162—167
«Последыш» см. «Кому на Руси жить хорошо»
«Поэт и гражданин» 8, 10
«Признания труженика» 139
«Притча» 135—139
«Притча о „Киселе“» 131, 139, 140
«Провинциальный подъячий в Петербурге» 6
«Прости, не помни дней паденья» 142
«Шсовая охота» 6
- «Родина» («Старые хоромы») 6, 11, 23, 24
«Размышления у парадного подъезда» 14, 153, 154, 161
- «Ростовщик» 115, 116, 126
«Рукоять» 95
«Русские женщины» 67
«Русские народные сказки» (рецензия) 21
«Русь» см. «Кому на Руси жить хорошо»
«Рыцарь на час» 9
- «Саша» 12
«Свобода» 14
«Секрет» 116, 154
«Секрет» («Несчастные») 154
«Сеятелям» 14, 83
«Сказка о том, как царь Елисей хотел женить сына на луне» 5
«Смолкли честные, доблестно павшие» 161
«Совет» («Несчастные») 153, 154
«Современная ода» 6
«Современники» 13, 67, 143—151, 162
«„Современник“. Литературный журнал на 1847 год» (объявление) 28
«Среди моих трудов досадных...» 104
«Старость» 134
«Старушке» 104
«Старые хоромы» см. «Родина»
«Стишки! стишки!..» 110
«Суд» 140
- «Так, служба!..» 11
«Тишина» 20, 156, 157, 167
«Три страны света» 111—129
«Тройка» 6, 12
«Труженик» 104—106
- «Умру я скоро...» 9, 14
«Уныние» 150, 162, 165, 167
«Утро» 83
- «Феоклист Онуфрч Боб» 6
«Филантроп» 8
«Финансовые соображения» 47
- «Хроника петербургского жителя» 120
- «Н. Г. Чернышевский. (Пророк)» 161, 163, 164, 167
- «Чиновник» 6, 110
- «Эй, Иван!» 14
«Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода...») 13
- «Явно родственный с землею» 139, 142

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции	2
-----------------------	---

I. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА И БИОГРАФИИ НЕКРАСОВА

Ф. Я. Прийма. Народность поэзии Некрасова	3
В. А. Громов. Некрасов и «Записки охотника» И. С. Тургенева (1846—1852)	23
<u>В. П. Вильчинский</u> . Некрасов в Италии	35
Л. М. Равич, М. Д. Эльзон. О стихотворении Некрасова «Литературная травля»	40
<u>В. П. Вильчинский</u> . Некрасов и А. Н. Островский в их переписке . . .	52
О. В. Ломан. Зинаида Николаевна Некрасова — жена и друг поэта . . .	60
Б. Я. Бухштаб. Пародия Некрасова на А. А. Фета	85

II. ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И АТРИБУЦИИ НЕКРАСОВСКИХ ТЕКСТОВ

М. М. Гин. Некоторые вопросы атрибуции литературно-критических текстов Некрасова	92
А. М. Гаркави. О двух приписываемых Некрасову стихотворениях . . .	104
Б. Л. Бессонов. Об авторской принадлежности романа «Три страны света»	111
Б. В. Мельгунов. Из комментария к стихотворениям Некрасова	130
М. В. Теплинский. О тексте поэмы Некрасова «Современники»	143
Ю. В. Лебедев. Текстологические заметки к поэме Некрасова «Несчастные»	152
Р. Б. Заборова. Стихотворение Некрасова «Есть и Руси чем гордиться...»	159
Г. В. Краснов. Авторские дополнения и пометы к «Последним песням» Некрасова	162

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И БИБЛИОГРАФИЯ

Т. С. Царькова. Некрасовские материалы в архиве В. Е. Евгеньева-Мак- симова	168
Н. Н. Мостовская. Библиография литературы о Некрасове 1970—1974 гг.	179
Указатель имен	202
Указатель произведений Некрасова	206

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК, VI

Утверждено к печати Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства Н. А. Храмова. Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Р. А. Кондратьева
Корректоры Р. Г. Гершинская, Ф. Я. Петрова и Т. Г. Эдельман

ИБ № 8386

Сдано в набор 27.03.78. Подписано к печати 27.10.78. М-31906. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 13 = 18.20 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 19.32. Тираж 10050. Изд. № 6703. Тип. зак. 271. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1
Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12